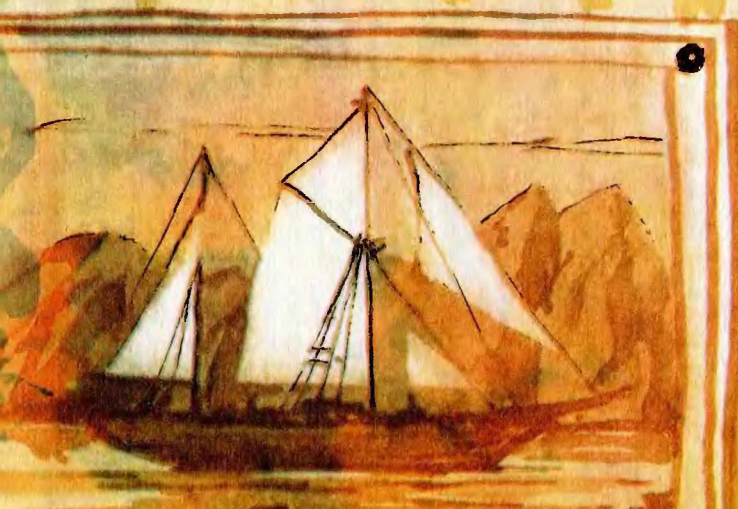

А. Конан-Дойль
МАРАКОТОВА БЕЗДНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

**БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И ФАНТАСТИКИ**

СЕРИЯ ИЗДАЁТСЯ С 1936 ГОДА

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И ФАНТАСТИКИ

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ

МАРАКОТОВА БЕЗДНА

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯС

КОГДА ЗЕМЛЯ ВСКРИКНУЛА

МАРАКОТОВА БЕЗДНА

РОМАНЫ И ПОВЕСТИ

НОВОСИБИРСК «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1993

Артур Конан Дойль

Д 62 Маракотова бездна. Научно-фантастические повести/
Перевод с английского. Переиздание.—
Новосибирск: «Детская литература». Сибирское
отделение. 1993. - 384 с.: ил.

ISBN 5-08-007579-1

Три первых повести, включенные в эту книгу, «Затерянный мир», «Отравленный пояс» и «Когда земля вскрикнула» объединены одним героем — профессором Челленджером, необычайные гипотезы которого при всей их невероятности подтверждаются самой жизнью. Повесть «Маракотова бездна» — еще один вариант легенды об Атлантиде.

Д $\frac{4804010100-109}{M101(03)-93}$ Без объявл.

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

Отчет
о недавних удиви-
тельных приключе-
ниях
профессора Э. Челленджера,
лорда Джона Рокстона, профес-
сора Саммерли и репортёра «Дей-
ли-газетт» мистера Э. Д. Мелуна.

Вот бесхитростный рассказ,
И пусть он позабавит вас —
Вас, юношей и ветеранов,
Кому стареть пока что рано.

Глава I

ЧЕЛОВЕК — САМ ТВОРЕЦ СВОЕЙ СЛАВЫ

Мистер Хангертон, отец моей Глэдис, отличался невероятной бестактностью и был похож на распушившего перья неопрятного какаду, правда, весьма добродушного, но занятого исключительно собственной особой. Если что-нибудь могло оттолкнуть меня от Глэдис, так только крайнее нежелание обзавестись глуповатым тестем. Я убежден, что мои визиты в «Каштаны» три раза на неделе мистер Хангертон приписывал исключительно ценности своего общества и в особенности рассуждений о биметаллизме — вопросе, в котором он мнил себя крупным знатоком.

В тот вечер я больше часу выслушивал его монотонное чириканье о снижении стоимости серебра, обесценивании денег, падении рупии и о необходимости установления правильной денежной системы.

— Представьте себе, что вдруг потребуются немедленная и одновременная уплата всех долгов в мире! — воскликнул он слабеньким, но преисполненным ужаса голосом. — Что тогда будет при существующем порядке вещей?

Я, как и следовало ожидать, сказал, что в таком случае мне грозит разорение, но мистер Хангертон, недовольный моим ответом, вскочил с кресла, отчитал меня за мое всегдашнее легкомыслие, лишаящее его возможности обсуждать со мной серьезные вопросы, и выбежал из комнаты переодеваться к масонскому собранию.

Наконец-то я остался наедине с Глэдис! Минута, от которой зависела моя дальнейшая судьба, наступила. Весь этот

вечер я чувствовал себя как солдат, ожидающий сигнала к атаке, когда надежда на победу сменяется в его душе страхом перед поражением.

Глэдис сидела у окна, и ее гордый тонкий профиль оттеняла малиновая штора. Как она была прекрасна! И в то же время как далека от меня! Мы с ней были друзьями, большими друзьями, но мне никак не удавалось увести ее за пределы тех отношений, какие я мог поддерживать с любым из моих коллег-репортеров «Дейли-газетт», — чисто товарищеских, добрых и не знающих разницы между полами. Мне претит, когда женщина держится со мной слишком свободно, слишком смело. Это не делает чести мужчине. Если возникает чувство, ему должна сопутствовать скромность — наследие тех суровых времен, когда любовь и жестокость часто шли рука об руку. Не дерзкий взгляд, а уклончивый, не бойкие ответы, а срывающийся голос, опущенная долу головка — вот истинные приметы страсти. Несмотря на свою молодость, я знал это, а может быть, такое знание досталось мне от моих далеких предков и стало тем, что мы называем инстинктом.

Глэдис была одарена всеми качествами, которые так привлекают нас в женщине. Некоторые считали ее холодной и черствой, но мне такие мысли казались предательством. Нежная кожа, смуглая, почти как у восточных женщин, волосы цвета воронова крыла, глаза с поволокой, полные, но прекрасно очерченные губы — все это говорило о страстной натуре. Однако я с грустью признавался себе, что до сих пор мне не удалось завоевать ее любовь. Но будь что будет — довольно неизвестности! Сегодня вечером я добьюсь от нее ответа. Может быть, она откажет мне, но лучше быть отвергнутым поклонником, чем довольствоваться ролью скромного брата!

Вот такие мысли бродили у меня в голове, и я уже хотел было прервать затянувшееся неловкое молчание, как вдруг почувствовал на себе критический взгляд темных глаз и увидел, что Глэдис улыбается, укоризненно качая своей гордой головкой.

— Чувствую, Нэд, что вы собираетесь сделать мне предложение. Не надо. Пусть все будет по-старому, так гораздо лучше.

Я придвинулся к ней поближе.

— Почему вы догадались? — Удивление мое было неподдельно.

— Как будто мы, женщины, не чувствуем этого заранее! Неужели вы думаете, что нас можно застигнуть врасплох? Ах, Нэд! Мне было так хорошо и приятно с вами! Зачем же портить нашу дружбу? Вы совсем не цените, что вот мы — молодой мужчина и молодая женщина — можем так непринужденно говорить друг с другом.

— Право, не знаю, Глэдис. Видите ли, в чем дело... столь же непринужденно я мог бы беседовать... ну, скажем, с начальником железнодорожной станции.— Сам не понимаю, откуда он взялся, этот начальник, но факт остается фактом: это должностное лицо вдруг выросло перед нами и рассмешило нас обоих.— Нет, Глэдис, я жду гораздо большего. Я хочу обнять вас, хочу, чтобы ваша головка прижалась к моей груди. Глэдис, я хочу...

Увидев, что я собираюсь осуществить свои слова на деле, Глэдис быстро поднялась с кресла.

— Нэд, вы все испортили!— сказала она.— Как бывает хорошо и просто до тех пор, пока не приходит *это*! Неужели вы не можете взять себя в руки?

— Но ведь я не первый *это* придумал!— взмолился я.— Такова человеческая природа. Такова любовь.

— Да, если любовь взаимна, тогда, вероятно, все бывает по-другому. Но я никогда не испытывала этого чувства.

— Вы с вашей красотой, с вашим сердцем! Глэдис, вы же созданы для любви! Вы должны полюбить!

— Тогда надо ждать, когда любовь придет сама.

— Но почему вы не любите меня, Глэдис? Что вам мешает — моя наружность или что-нибудь другое?

И тут Глэдис немного смягчилась. Она протянула руку — сколько грации и снисхождения было в этом жесте! — и отвела назад мою голову. Потом с грустной улыбкой посмотрела мне в лицо.

— Нет, дело не в этом,— сказала она.— Вы мальчик не тщеславный, и я смело могу признаться, что дело не в этом. Все гораздо серьезнее, чем вы думаете.

— Мой характер?

Она сурово наклонила голову.

— Я исправлюсь, скажите только, что вам нужно. Садитесь, и давайте все обсудим. Ну, не буду, не буду, только сядьте!

Глэдис взглянула на меня, словно сомневаясь в искренности моих слов, но мне ее сомнение было дороже полного до-

верия. Как примитивно и глупо выглядит все это на бумаге! Впрочем, может, мне только так кажется? Как бы там ни было, но Глэдис села в кресло.

— Теперь скажите, чем вы недовольны?

— Я люблю другого.

Настал мой черед вскочить с кресла.

— Не пугайтесь, я говорю о своем идеале, — пояснила Глэдис, со смехом глядя на мое изменившееся лицо. — В жизни мне такой человек еще не попадался.

— Расскажите же, какой он! Как он выглядит?

— Он, может быть, очень похож на вас.

— Какая вы добрая! Тогда чего же мне не хватает? Достаточно одного вашего слова! Что он — трезвенник, вегетарианец, аэронавт, теософ, сверхчеловек? Я согласен на все, Глэдис, только скажите мне, что вам нужно!

Такая податливость рассмешила ее.

— Прежде всего вряд ли мой идеал стал бы так говорить. Он натура гораздо более твердая, суровая и не захочет с такой готовностью приспособливаться к глупым женским капризам. Но что самое важное — он человек действия, человек, который безбоязненно взглянет смерти в глаза, человек великих дел, богатый опытом, и необычным опытом. Я полюблю не его самого, но его славу, потому что ответ ее падет и на меня. Вспомните Ричарда Бертона. Когда я прочла биографию этого человека, написанную его женой, мне стало понятно, за что она полюбила его. А леди Стенли? Вы вспомните замечательную последнюю главу из ее книги о муже? Вот перед какими мужчинами должна преклоняться женщина! Вот любовь, которая не умаляет, а возвеличивает, потому что весь мир будет чтить такую женщину как вдохновительницу великих деяний!

Глэдис была так прекрасна в эту минуту, что я чуть было не нарушил возвышенного тона нашей беседы, однако вовремя сдержал себя и продолжал спор.

— Не всем же быть Бертонами и Стенли, — сказал я. — Да и возможности такой не представляется. Мне, во всяком случае, не представилась, а я бы ею воспользовался!

— Нет, такие случаи представляются на каждом шагу. В том-то и сущность моего идеала, что он сам идет навстречу подвигу. Его не остановят никакие препятствия. Я еще не нашла такого героя, но вижу его как живого. Да, человек — сам творец своей славы. Мужчины должны совершать подвиги, а

женщины — награждать героев любовью. Вспомните того молодого француза, который несколько дней назад поднялся на воздушном шаре. В то утро бушевал ураган, но подъем был объявлен заранее, и он ни за что не захотел его откладывать. За сутки воздушный шар отнесло на полторы тысячи миль, куда-то в самый центр России, где этот смельчак и опустился. Вот о таком человеке я и говорю. Подумайте о женщине, которая его любит. Какую, наверно, она возбуждает зависть у других! Пусть же мне тоже завидуют, что у меня муж — герой!

— Ради вас я сделал бы то же самое!

— Только ради меня? Нет, это не годится! Вы должны пойти на подвиг потому, что иначе не можете, потому, что такова ваша природа, потому, что мужское начало требует своего выражения. Вот, например, вы писали о взрыве на угольной шахте в Вигане. А почему вам было не спуститься туда самому и не помочь людям, которые задыхались от удушливого газа?

— Я спускался.

— Вы ничего об этом не рассказывали.

— А что тут особенного?

— Я этого не знала. — Она с интересом посмотрела на меня. — Смелый поступок!

— Мне ничего другого не оставалось. Если хочешь написать хороший очерк, надо самому побывать на месте происшествия.

— Какой прозаический мотив! Это сводит на нет всю романтику. Но все равно, я очень рада, что вы спускались в шахту.

Я не мог не поцеловать протянутой мне руки — столько грации и достоинства было в этом движении.

— Вы, наверное, считаете меня сумасбродкой, не расставшейся с девическими мечтами. Но они так реальны для меня! Я не могу не следовать им — это вошло в мою плоть и кровь. Если я когда-нибудь выйду замуж, то только за знаменитого человека.

— Как же может быть иначе! — воскликнул я. — Кому и вдохновлять мужчин, как не таким женщинам! Пусть мне только представится подходящий случай, и тогда посмотрим, сумею ли я воспользоваться им. Вы говорите, что человек должен сам творить свою славу, а не ждать, когда она придет ему в руки. Да вот хотя бы Клайв! Скромный клерк, а поко-

рил Индию! Нет, клянусь вам, я еще покажу миру, на что я способен.

Глэдис рассмеялась над вспышкой моего ирландского темперамента.

— Что ж, действуйте. У вас есть для этого все — молодость, здоровье, силы, образование, энергия. Мне стало очень грустно, когда вы начали этот разговор. А теперь я рада, что он пробудил в вас такие мысли.

— А если я...

Ес рука, словно мягкий бархат, коснулась моих губ.

— Ни слова больше, сэр! Вы и так уже на полчаса опоздали в редакцию. У меня просто не хватало духу напомнить вам об этом. Но со временем, если вы завоюете себе место в мире, мы, может быть, возобновим наш сегодняшний разговор.

И вот почему я, такой счастливый, догонял в тот туманный ноябрьский вечер кемберуэллский трамвай, твердо решив не упускать ни одного дня в поисках великого деяния, которое будет достойно моей прекрасной дамы. Но кто мог предвидеть, какие невероятные формы примет это деяние и какими странными путями я приду к нему.

Читатель, пожалуй, скажет, что эта вводная глава не имеет никакой связи с моим повествованием, но без нее не было бы и самого повествования, ибо кто, как не человек, воодушевленный мыслью, что он сам творец своей славы, и готовый на любой подвиг, способен так решительно порвать с привычным образом жизни и пуститься наугад в окутанную таинственным сумраком страну, где его ждут великие приключения и великая награда за них!

Представьте же себе, как я, пятая спица в колеснице «Дейли-газетт», провел этот вечер в редакции, когда в голове моей созрело непоколебимое решение: если удастся, сегодня же найти возможность совершить подвиг, который будет достоин моей Глэдис. Что руководило этой девушкой, заставившей меня рисковать жизнью ради ее прославления, — бессердечие, эгоизм? Такие мысли могут смущать в зрелом возрасте, но никак не в двадцать три года, когда человек познает пыл первой любви.

Глава II

ПОПЫТАЙТЕ СЧАСТЬЯ У ПРОФЕССОРА ЧЕЛЛЕНДЖЕРА

Я всегда любил нашего редактора отдела «Последние новости», рыжего ворчуна Мак-Ардла, и полагаю, что он тоже неплохо ко мне относился. Нашим настоящим властелином был, разумеется, Бомонт, но он обычно обитал в разреженной атмосфере олимпийских высот, откуда взору его открывались только такие события, как международные кризисы или крах кабинета министров. Иногда мы видели, как он величественно шествует в свое святилище, устремив взгляд в пространство и витая мысленно где-нибудь на Балканах или в Персидском заливе. Для нас Бомонт оставался недостижимым, и мы обычно имели дело с Мак-Ардлом, который был его правой рукой.

Когда я вошел в редакцию, старик кивнул мне и сдвинул очки на лысину.

— Ну-с, мистер Мелоун, судя по всему, что мне приходится слышать, вы делаете успехи,— приветливо сказал он.

Я поблагодарил его.

— Ваш очерк о взрыве на шахте превосходен. То же самое могу сказать и про корреспонденцию о пожаре в Саут-уорке. У вас все данные хорошего журналиста. Вы пришли по какому-нибудь делу?

— Хочу попросить вас об одном одолжении.

Глаза у Мак-Ардла испуганно забегали по сторонам.

— Гм! Гм! А в чем дело?

— Не могли бы вы, сэр, послать меня с каким-нибудь поручением от нашей газеты? Я сделаю все, что в моих силах, и привезу вам интересный материал.

— А какое поручение вы имеете в виду, мистер Мелоун?

— Любое, сэр, лишь бы оно было сопряжено с приключениями и опасностями. Я не подведу, сэр. И чем труднее мне будет, тем лучше.

— Вы, кажется, не прочь распротиться с жизнью?

— Нет, я не хочу, чтобы она прошла впустую, сэр.

— Дорогой мой мистер Мелоун, вы уж слишком... слишком воспарили. Времена не те. Расходы на специальных корреспондентов перестали оправдывать себя. И, во всяком случае, такие поручения даются человеку с именем, который

уже завоевал доверие публики. Белые пятна на карте давно заполнены, а вы ни с того ни с сего размечтались о романтических приключениях! Впрочем, постойте,— добавил он и вдруг улыбнулся.— Кстати, о белых пятнах. А что, если мы развенчаем одного шарлатана, современного Мюнхаузена, и поднимем его на смех? Отчего бы нам не разоблачить его ложь? Это будет неплохо. Ну, как вы на это смотрите?

— Что угодно, куда угодно — я готов на все!

Мак-Арлл погрузился в размышления.

— Есть один человек,— сказал он наконец,— только не знаю, удастся ли вам завязать с ним знакомство или хотя бы добиться интервью. Впрочем, у вас, кажется, есть дар располагать к себе людей. Не пойму, в чем тут дело — то ли вы такой уж симпатичный юноша, то ли это животный магнетизм, то ли ваша жизнерадостность,— но я сам на себе это испытал.

— Вы очень добры ко мне, сэр.

— Так вот, почему бы вам не попытать счастья у профессора Челленджера? Он живет в Энмор-Парке.

Должен признаться, что я был несколько озадачен таким предложением.

— Челленджер? Знаменитый зоолог профессор Челленджер? Это не тот, который проломил череп Бланделлу из «Телеграфа»?

Редактор отдела «Последние новости» мрачно усмехнулся:

— Что, не нравится? Вы же были готовы на любое приключение.

— Нет, почему же? В нашем деле бывает всякое, сэр,— ответил я.

— Совершенно верно. Впрочем, не думаю, чтобы он всегда бывал в таком свирепом настроении. Бланделл, очевидно, не вовремя к нему попал или не так с ним обошелся. Надеюсь, вы будете удачливее. Полагаюсь на присущий вам такт. Это как раз по вашей части, а газета охотно поместит такой материал.

— Я ровным счетом ничего не знаю об этом Челленджере. Помню только его имя в связи с судебным процессом об избиении Бланделла, — сказал я.

— Кое-какие сведения у меня найдутся, мистер Мелоун. В свое время я интересовался этим субъектом. — Он вынул из ящика лист бумаги. — Вот вкратце, что о нем известно: «Челленджер Джордж Эдуард. Родился в Ларгсе в 1863 году. Обра-

зование: школа в Ларгсе, Эдинбургский университет. В 1892 году — ассистент Британского музея. В 1893 году — помощник хранителя отдела в Музее сравнительной антропологии. В том же году покинул это место, обменявшись ядовитыми письмами с директором музея. Удостоен медали за научные исследования в области зоологии. Член иностранных обществ...» Ну, тут следует длиннейшее перечисление, строк на десять петита: Бельгийское общество, Американская академия, Ла-Плата и так далее, экс-президент Палеонтологического общества, Британская ассоциация и тому подобное. *Печатные труды:* «К вопросу о строении черепа калмыков», «Очерки эволюции позвоночных» и множество статей, в том числе «Ложная теория Вейсмана», вызвавшая горячие споры на Венском зоологическом конгрессе. *Любимые развлечения:* пешеходные прогулки, альпинизм. Адрес: Энмор-Парк, Кенсингтон». Вот, возьмите это с собой. Сегодня я вам больше ничем не могу помочь.

Я спрятал листок в карман и, увидев, что вместо краснощекой физиономии Мак-Арда на меня смотрит его розовая лысина, сказал:

— Одну минутку, сэр. Мне не совсем ясно, по какому вопросу нужно взять интервью у этого джентльмена. Что он такое совершил?

Глазам моим снова предстала краснощекая физиономия.

— Что он совершил? Два года назад отправился один в экспедицию в Южную Америку. Вернулся оттуда в прошлом году. В Южной Америке побывал, несомненно, однако указать точно, где именно, отказывается. Начал весьма туманно излагать свои приключения, но после первой же придирки замолчал, как устрица. Произошли, по-видимому, какие-то чудеса, если только он не преподносит нам грандиозную ложь, что, кстати сказать, более чем вероятно. Ссылается на испорченные фотографии, как утверждают, фальсифицированные. До того его довели, что он стал буквально кидаться на всех, кто обращается к нему с вопросами, и уже не одного репортера спустил с лестницы. На мой взгляд, это просто-напросто профан, балующийся наукой и к тому же одержимый манисей человекоубийства. Вот с кем вам придется иметь дело, мистер Мелоун. А теперь марш отсюда и постарайтесь выжать из него все, что можно. Вы человек взрослый и сумеете постоять за себя. В конце концов риск не так уж велик, принимая во внимание закон об ответственности работодателей.

Ухмыляющаяся красная физиономия снова скрылась у меня из глаз, и я увидел розовый овал, окаймленный рыжеватым пушком. Наша беседа была закончена.

Я отправился в свой клуб «Дикарь», но по дороге остановился у парапета Адельфи-Террас и в раздумье долго смотрел вниз на темную, подернутую радужными масляными разводами реку. На свежем воздухе мне всегда приходят в голову здравые, ясные мысли. Я вынул лист бумаги с перечнем всех подвигов профессора Челленджера и пробежал его при свете уличного фонаря. Судя по всему, что я уже узнал об этом сварливом профессоре, было ясно: репортеру к нему не пробраться. Но скандалы, дважды упоминавшиеся в его краткой биографии, говорили о том, что он фанатик науки. Так вот, нельзя ли сыграть на этой его слабости? Попробуем!

Я вошел в клуб. Было начало двенадцатого, и в гостиной уже толпился народ, хотя до полного сбора было еще далеко. В кресле у камина сидел какой-то высокий, худой человек. Он повернулся ко мне лицом в ту минуту, когда я пододвинул кресло ближе к огню. О такой встрече я мог только мечтать! Это был сотрудник журнала «Природа» — тощий, весь высохший Тарп Генри, добрейшее существо в мире. Я немедленно приступил к делу.

— Что вы знаете о профессоре Челленджере?

— О Челленджере? — Тарп недовольно нахмурился. — Челленджер — это тот самый человек, который рассказывал всякие небылицы о своей поездке в Южную Америку.

— Какие небылицы?

— Да он будто бы открыл там каких-то диковинных животных. В общем, невероятная чушь. В дальнейшем его, кажется, заставили отречься от своих слов. Во всяком случае, он замолчал. Последняя его попытка — интервью, данное Рейтеру. Но оно вызвало такую бурю, что он сразу понял: дело плохо. Вся эта история носит скандальный характер. Кое-кто принял его рассказы всерьез, но вскоре он и этих немногочисленных защитников оттолкнул от себя.

— Каким образом?

— Своей невероятной грубостью и возмутительным поведением. Бедняга Уэдди из Зоологического института тоже нарвался на неприятность. Послал ему письмо такого содержания: «Президент Зоологического института выражает свое уважение профессору Челленджеру и сочтет за любезность с его стороны, если он окажет институту честь присутствовать

на его очередном заседании». Ответ был совершенно нецензурный.

— Да не может быть!

— В сильно смягченном виде он звучит так: «Профессор Челленджер выражает свое уважение президенту Зоологического института и сочтет за любезность с его стороны, если он провалится ко всем чертям».

— Господи боже!

— Да, то же самое, должно быть, сказал и старик Уэдди. Я помню его вопль на заседании: «За пятьдесят лет общения с деятелями науки...» Старик совершенно потерял почву под ногами.

— Ну, а что еще вы мне расскажете от этом Челленджере?

— Да ведь я, как вам известно, бактериолог. Живу в мире, который виден в микроскоп, дающий увеличение в девятьсот раз, а то, что открывается невооруженному глазу, меня мало интересует. Я стою на страже у самых пределов Познаваемого, и, когда мне приходится покидать свой кабинет и сталкиваться с людьми, существами неуклюжими и грубыми, это всегда выводит меня из равновесия. Я человек сторонний, мне не до сплетен, но тем не менее кое-что из пересудов о Челленджере дошло и до меня, ибо он не из тех людей, от которых можно просто-напросто отмахнуться. Челленджер — умница. Это сгусток человеческой силы и жизнеспособности, но в то же время он оголтелый фанатик и к тому же не стесняется в средствах для достижения своих целей. Этот человек дошел до того, что ссылается на какие-то фотографии, явно фальсифицированные, утверждая, будто они привезены из Южной Америки.

— Вы назвали его фанатиком. В чем же его фанатизм проявляется?

— Да в чем угодно! Последняя его выходка — нападки на теорию эволюции Вейсмана. Говорят, что в Вене он устроил грандиозный скандал по этому поводу.

— Вы не можете рассказать подробнее, в чем тут дело?

— Нет, сейчас не могу, но у нас в редакции есть переводы протоколов Венского конгресса. Если хотите ознакомиться, пойдемте, я покажу их вам.

— Это было бы очень кстати. Мне поручено взять интервью у этого субъекта, так вот надо подобрать к нему какой-то

ключ. Большое вам спасибо за помощь. Если еще не поздно, то пойдёмте.

Полчаса спустя я сидел в редакции журнала, а передо мной лежал объемистый том, открытый на статье «Вейсман против Дарвина» с подзаголовком «Бурные протесты в Вене. Оживлённые прения». Мои научные познания не отличаются фундаментальностью, поэтому я не мог вникнуть в самую суть спора, тем не менее мне сразу стало ясно, что английский профессор вел его в крайне резкой форме, чем сильно разгневал своих континентальных коллег. Я обратил внимание на первые же три пометки в скобках: «Протестующие возгласы с мест», «Шум в зале», «Общее возмущение». Остальная часть отчета была для меня настоящей китайской грамотой. Я до такой степени мало разбирался в вопросах зоологии, что ничего не понял.

— Вы хоть бы перевели мне это на человеческий язык! — жалобно взмолился я, обращаясь к своему коллеге.

— Да это и есть перевод!

— Тогда я лучше обращусь к оригиналу.

— Действительно, непосвященному трудно понять, в чем тут дело.

— Мне бы только извлечь из этой абракадабры одну-единственную осмысленную фразу, которая заключала бы в себе какое-то определенное содержание! Ага, вот эта, кажется, подойдет. Я даже почти понимаю ее. Сейчас перепишем. Пусть она послужит связующим звеном между мной и вашим грозным профессором.

— Больше от меня ничего не потребуется?

— Нет-нет, подождите! Я хочу обратиться к нему с письмом. Если вы разрешите написать его здесь и воспользоваться вашим адресом, это придаст более внушительный тон моему посланию.

— Тогда этот субъект немедленно нагрянет сюда и переломает нам всю мебель.

— Нет, что вы! Письмо я вам покажу. Уверю вас, там не будет ничего оскорбительного.

— Ну что ж, садитесь, за мой стол. Бумагу найдете вот здесь. И, прежде чем отсылать письмо, дайте его мне на цензуру.

Мне пришлось порядочно потрудиться, но в конце концов результаты получились неплохие. Гордый своим произведением, я прочел его вслух скептически настроенному бактериологу.

— «Глубокоуважаемый профессор Челленджер! Будучи скромным естествоиспытателем, я с глубочайшим интересом следил за теми предположениями, которые Вы высказывали по поводу противоречий между теориями Дарвина и Вейсмана. Недавно мне представилась возможность освежить в памяти Ваше... »

— Бессовестный лгун! — пробормотал Тарп Генри.

— «...Ваше блестящее выступление на Венском конгрессе. Этот предельно четкий по изложенным в нем мыслям доклад следует считать последним словом науки в области естествознания. Однако там есть одно место, а именно: «Я категорически возражаю против неприемлемого и сверхдогматического утверждения, будто каждый индивид есть микрокосм, обладающий исторически сложившимся строением организма, вырабатывавшимся постепенно в течение многих поколений». Не считаете ли Вы нужным в связи с последними изысканиями в этой области внести некоторые поправки в свою точку зрения? Нет ли в ней некоторой натяжки? Не откажите в любезности принять меня, так как мне крайне важно разрешить этот вопрос, а некоторые возникшие у меня мысли можно развить только в личной беседе. С Вашего позволения, я буду иметь честь посетить Вас послезавтра (в среду) в одиннадцать часов утра. Остаюсь, сэр, Вашим покорным слугой, уважающий Вас *Эдуард Д. Мелонн*».

— Ну как? — торжествующе спросил я.

— Что ж, если ваша совесть не протестует...

— Она никогда меня не подводила.

— Но что вы собираетесь делать дальше?

— Пойду к нему. Мне бы только пробраться в его кабинет, а там я соображу, как надо действовать. Может быть, даже придется чистосердечно во всем покаяться. Если в нем есть спортивная жилка, я ему только угрожу этим.

— Угодите? Берегитесь, как бы он сам в вас не угодил чем-нибудь тяжелым. Советую вам облачиться в кольчугу или в американский футбольный костюм. Ну, всего хорошего. Ответ будет ждать вас здесь в среду утром, если только он сообразоволит ответить. Это свирепый, опасный субъект, предмет всеобщей неприязни и посмешище для студентов, поскольку они не боятся дразнить его. Для вас, пожалуй, было бы лучше, если бы вы никогда не слыхали о нем.

Глава III

ЭТО СОВЕРШЕННО НЕВОЗМОЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Опасениям или надеждам моего друга не суждено было оправдаться. Когда я зашел к нему в среду, меня ждало письмо с кенсингтонским штемпелем. Адрес был нацарапан почерком, похожим на колючую проволоку. Содержание письма было следующее:

«Энмор-Парк, Кенсингтон.

Сэр!

Я получил Ваше письмо, в котором Вы заверяете меня, что поддерживаете мою точку зрения, каковая, впрочем, не нуждается ни в чьей поддержке. Говоря о моей теории по поводу дарвинизма, Вы взяли на себя смелость употребить слово «предположения». Считаю необходимым отметить, что в данном контексте оно является до некоторой степени оскорбительным.

Впрочем, содержание Вашего письма убеждает меня, что Вас можно обвинить скорее в невежестве и бестактности, чем в каких-либо дурных намерениях, а посему это пройдет Вам безнаказанным. Вы цитируете выхваченную из моего доклада фразу и, видимо, не совсем понимаете ее. Мне казалось, что смысл этой фразы может остаться неясным только для существа, стоящего на самой низшей ступени развития, но если она действительно требует дополнительного толкования, то я согласен принять Вас в указанное Вами время, хотя всякие посещения и всякие посетители мне крайне неприятны. Что же касается «некоторых поправок» к моей теории, то да будет Вам известно, что, высказав по зрелом рассуждении свои взгляды, я не имею привычки менять их. Когда Вы придете, будьте любезны показать конверт от этого письма моему лакею Остину, ибо ему вменяется в обязанность ограждать меня от навязчивых негодяев, именующих себя репортерами.

Уважающий Вас Джордж Эдуард Челленджер».

Таков был полученный мною ответ, и я прочитал его вслух Тарпу Генри, который нарочно пришел пораньше в редакцию, чтобы узнать результаты моей смелой попытки. Тарп ограничился лишь следующим замечанием:

— Говорят, есть какое-то кровоостанавливающее средство — кутикура или что-то в этом роде, действующее лучше арники.

Станным и непонятным чувством юмора наделены некоторые люди!

Я получил письмо в половине одиннадцатого, но кэб без опозданий доставил меня к месту моего назначения. Дом, у которого мы остановились, был весьма внушительного вида, с большим порталом и тяжелыми шторами на окнах, что свидетельствовало о благосостоянии этого грозного профессора. Дверь мне открыл смуглый, сухонький человек неопределенного возраста, в черной матросской куртке и коричневых кожаных гетрах. Впоследствии я узнал, что это был шофер, которому приходилось выполнять самые разнообразные обязанности, так как лакеи в этом доме не уживались. Его светло-голубые глаза испытующе оглядели меня с головы до ног.

— Вас ожидают? — спросил он.

— Да, мне назначено.

— Письмо при вас?

Я показал конверт.

— Правильно.

Этот человек явно не любил тратить время попусту. Я последовал за ним по коридору, как вдруг навстречу мне из дверей, ведущих, должно быть, в столовую, быстро вышла женщина. Живая, черноглазая, она походила скорее на француженку, чем на англичанку.

— Одну минуту, — сказала эта леди. — Подождите, Остин. Пройдите сюда, сэр. Разрешите вас спросить, вы встречались раньше с моим мужем?

— Нет, сударыня, не имел чести.

— Тогда я заранее приношу свои извинения. Должна вас предупредить, что это совершенно невозможный человек, в полном смысле слова невозможный! Зная это, вы будете снисходительнее к нему.

— Я ценю такое внимание, сударыня.

— Как только вы заметите, что он начинает выходить из себя, сейчас же бегите вон из комнаты. Не перечьте ему. За такую неосторожность уже многие поплатились. А потом дело получает огласку, и это очень плохо отражается и на мне, и на всех нас. О чем вы собираетесь говорить с ним — не о Южной Америке?

Я не могу лгать женщинам.

— Боже мой! — Это самая опасная тема. Вы не поверите ни единому его слову, и, по правде сказать, это вполне естественно. Только не выражайте своего недоверия вслух, а то он начнет буйствовать. Притворитесь, что верите ему, тогда, может быть, все сойдет благополучно. Не забывайте, он убежден в собственной правоте. В этом вы можете не сомневаться. Он сама честность. Теперь идите — как бы ему не показалась подозрительной такая задержка, — а когда увидите, что он становится опасен, по-настоящему опасен, позвоните в колокольчик и постарайтесь сдержать его до моего прихода. Я обычно справляюсь с ним даже в самые тяжелые минуты.

С этим ободряющим напутствием леди передала меня на попечение молчаливого Остина, который во время нашей краткой беседы стоял, словно вылитая из бронзы статуя, олицетворяющая величайшую скромность. Стук в дверь, ответный рев разъяренного быка изнутри, и я оказался лицом к лицу с профессором.

Он сидел на вращающемся стуле за широким столом, заваленным книгами, картами, чертежами. Как только я переступил порог, вращающийся стул круто повернулся. У меня перехватило дыхание при виде этого человека. Я был готов встретить не совсем обычную личность, но такое мне даже не мерещилось. Больше всего поражали его размеры. Размеры и величественная осанка. Такой огромной головы мне в жизни не приходилось видеть. Если б я осмелился примерить его цилиндр, то, наверно, ушел бы в него по самые плечи. Лицо и борода профессора невольно вызвали в уме представление об ассирийских быках. Лицо большое, мясистое, борода квадратная, иссиня-черная, волной спадающая на грудь. Необычное впечатление производили и волосы — длинная прядь, словно приклеенная, лежала на его высоком, крутом лбу. У него были ясные серо-голубые глаза под мохнатыми черными бровями, и он взглянул на меня критически и весьма властно. Я увидел широчайшие плечи, могучую грудь колесом и две огромные руки, густо заросшие длинными черными волосами. Если прибавить ко всему этому раскатисто-рыкающий, громоподобный голос, то вы поймете, каково было мое первое впечатление от встречи со знаменитым профессором Челленджером.

— Ну? — сказал он, с вызывающим видом уставившись на меня. — Что вам угодно?

Мне стало ясно, что если я сразу во всем признаюсь, то это интервью не состоится.

— Вы были настолько добры ко мне, сэр, что согласились принять меня,— смиренно начал я, протягивая ему конверт.

Он вынул из ящика стола мое письмо и положил его перед собой.

— Ах, вы тот самый молодой человек, который не понимает азбучных истин? Однако, насколько я могу судить, мои общие выводы удостоились вашей похва ?

— Безусловно, сэр, безусловно! — Я постарался вложить в эти слова всю силу убеждения.

— Скажите, пожалуйста! Как это подкрепляет мои позиции! Ваш возраст и ваша внешность делают такую поддержку вдвойне ценной. Ну что ж, лучше уж иметь дело с вами, чем со стадом свиней, которые набросились на меня в Венс, хотя их визг не более оскорбителен, чем хрюканье английского бора.— И он яростно сверкнул на меня глазами, сразу сделавшись похожим на представителя вышеупомянутого племени.

— Они, кажется, вели себя возмутительно,— сказал я.

— Ваше сочувствие неуместно! Смеем вас уверить, что я сам могу справиться со своими врагами. Приприте Джорджа Эдуарда Челленджера спиной к стене, сэр, и большей радости вы ему не доставите. Так вот, сэр, давайте сделаем все возможное, чтобы сократить ваш визит. Вас он вряд ли осчастливит, а меня и подавно. Насколько я понимаю, вы хотели высказать какие-то свои соображения по поводу тех тезисов, которые я выдвинул в докладе.

В его манере разговаривать была такая бесцеремонная прямолинейность, что хитрить с ним оказалось нелегко. Все-таки я решил затянуть эту игру в расчете на то, что мне представится возможность сделать лучший ход. На расстоянии все складывалось так просто! О, моя ирландская находчивость, неужели ты не поможешь мне сейчас, когда я больше всего в тебе нуждаюсь? Пронзительный взгляд стальных глаз лишил меня сил.

— Ну-с, не заставляйте себя ждать! — прогремел профессор.

— Я, разумеется, только начинаю приобщаться к науке,— сказал я с глупейшей улыбкой,— и не претендую на большее, чем звание скромного исследователя. Тем не менее мне кажется, что в этом вопросе вы проявили излишнюю

строгость к Вейсману. Разве полученные с тех пор доказательства не... не укрепляют его позиции?

— Какие доказательства? — Он проговорил это с угрожающим спокойствием.

— Мне, разумеется, известно, что прямых доказательств пока еще нет. Я ссылаюсь, если можно так выразится, на общий ход современной научной мысли.

Профессор наклонился над столом, устремив на меня сосредоточенный взгляд.

— Вам должно быть известно, — сказал он, загибая по очереди пальцы на левой руке, — что, во-первых, черепной указатель есть фактор постоянный.

— Безусловно! — ответил я.

— И что телегония пока еще *sub judice*¹?

— Несомненно!

— И что зародышевая плазма отличается от партеногенетического яйца?

— Ну еще бы! — воскликнул я, восхищаясь собственной наглостью.

— А что это доказывает? — спросил он мягким, вкрадчивым голосом.

— И в самом деле, — промямлил я, — что же это доказывает?

— Сказать вам? — все так же вкрадчиво проговорил профессор.

— Будьте так любезны.

— Это доказывает, — с неожиданной яростью взревел он, — что второго такого шарлатана не найдется во всем Лондоне! Вы гнусный, наглый репортеришка, который имеет столь же отдаленное понятие о науке, сколь и о минимальной человеческой порядочности!

Он вскочил со стула. Глаза его горели сумасшедшей злобой. И все же даже в эту напряженную минуту я не мог не изумиться, увидев, что профессор Челленджер маленького роста. Он был мне по плечо — эдакий приплюснутый Геркулес, вся огромная жизненная мощь которого словно ушла вширь, вглубь да еще в черепную коробку.

— Я молот чепуху, сэр! — возопил он, опершись руками о стол и вытянув вперед шею. — Я нес несусветный вздор! И

¹ Под сомнением (*лат.*).

вы вздумали тягаться со мной — вы, у которого весь мозг с лесной орешек! Эти проклятые писаки возомнили себя все-сильными! Они думают, будто одного их слова достаточно, чтобы возвеличить человека или смешать его с грязью. Мы все должны кланяться им в ножки, вымаливая похвалу. Вот этому надо оказать протекцию, а этого изничтожить... Я знаю вашу подлую натуру! Уж очень высоко вы стали забираться! Было время, ходили смиреннькие, а теперь зарвались, удержу вам нет. Пустомели несчастные! Я поставлю вас на место! Да, сэр, Джордж Эдуард Челленджер вам не пара. Этот человек не позволит собой командовать. Он предупреждал вас, но если вы все-таки лезете к нему, пеняйте потом на себя. Фант, любезнейший Мелоун! С вас причитается фант! Вы затеяли опасную игру и, на мой взгляд, остались в проигрыше.

— Послушайте, сэр, — сказал я, пятясь к двери и открывая ее, — вы можете браниться, сколько вашей душе угодно, но всему есть предел. Я не позволю налетать на меня с кулаками!

— Ах, не позволите? — он начал медленно, с угрожающим видом наступать на меня, потом вдруг остановился и сунул свои огромные ручки в карманы коротенькой курточки, приличествующей больше мальчику, чем взрослому мужчине. — Мне не впервой выкидывать из дома таких субъектов. Вы будете четвертым или пятым по счету. За каждого уплачен штраф в среднем по три фунта пятнадцать шиллингов. Дороговато, но ничего не поделаешь: необходимость! А теперь, сэр, я лично думаю, что это неизбежно. — Он снова начал свое крайне неприятное для меня наступление, выставляя носки в стороны, точно заправский учитель танцев.

Я мог бы стремглав броситься в холл, но счел такое бегство позорным. Кроме того, справедливый гнев уже начинал разгораться у меня в душе. До сих пор мое поведение было в высшей степени предосудительно, но угрозы этого человека сразу вернули мне чувство собственной правоты.

— Руки прочь, сэр! Я не потерплю этого!

— Скажите, пожалуйста! — Его черные усы вздернулись кверху, между раздвинувшимися в злобной усмешке губами сверкнули ослепительно белые клыки. — Так вы этого не потерпите?

— Не стройте из себя дурака, профессор! — крикнул я. — На что вы рассчитываете? Я крепок, как железо, и каждую

субботу играю в регби в ирландской сборной. Вам со мной не...

Но в эту минуту он ринулся на меня. К счастью, я уже успел открыть дверь, иначе от нее остались бы одни щепки. Мы колесом прокатились по всему коридору, каким-то образом прихватив по дороге стул. Профессорская борода забила мне весь рот, мы стискивали друг друга в объятиях, тела наши тесно переплелись, а ножки этого проклятого стула так и крутились над нами. Бдительный Остин распахнул настежь входную дверь. Мы кувырком скатились вниз по ступенькам. Я видел как братья Мэк исполняли нечто подобное в мюзикхолле, но, должно быть, этот аттракцион требует некоторой практики, иначе без членовредительства не обойтись. Ударившись о последнюю ступеньку, стул рассыпался на мелкие кусочки, а мы, уже порознь, очутились в водосточной канаве. Профессор вскочил на ноги, размахивая кулаками и хрипя, как астматик.

— Довольно с вас? — крикнул он, еле переводя дух.

— Хулиган! — ответил я и с трудом поднялся с земли.

Мы чуть не схватились снова, так как боевой дух еще не угас в профессоре, но судьба вывела меня из этого дурацкого положения. Рядом с нами вырос полисмен с записной книжкой в руках.

— Что это значит? Как вам не совестно! — сказал он. Это были самые здравые слова, которые мне пришлось услышать в Энмор-Парке. — Ну, — допытывался полисмен, обращаясь ко мне, — объясните, что это значит.

— Он сам на меня напал, — сказал я.

Профессор только засопел в ответ.

— И это не первый случай, — сказал полисмен, строго покачивая головой. — У вас в прошлом месяце были неприятности по точно такому же поводу. У молодого человека подбит глаз. Вы предъявляете ему обвинение, сэр?

Я вдруг сменил гнев на милость.

— Нет, не предъявляю.

— Это почему же? — спросил полисмен.

— Тут есть и моя доля вины. Я сам к нему напросился. Он честно предостерегал меня.

Полисмен захлопнул книжку.

— Чтобы эти безобразия больше не повторялись, — сказал он. — Ну, нечего! Расходитесь! Расходитесь!

Это относилось к мальчику из мясной лавки, к горничной и двум-трем зевакам, которые уже успели собраться вокруг нас. Полисмен тяжело зашагал по тротуару, гоня перед собой это маленькое стадо. Профессор взглянул на меня, и в глазах у него мелькнула маленькая искорка.

— Входите! — сказал он. — Наша беседа еще не кончилась.

Хотя эти слова прозвучали зловеще, но я последовал за ним в дом. Лакей Остин, похожий на деревянную статую, закрыл за нами дверь.

Глава IV

ЭТО ВЕЛИЧАЙШЕЕ В МИРЕ ОТКРЫТИЕ!

Не успела дверь за нами захлопнуться, как из столовой выбежала миссис Челленджер. Эта крошечная женщина была вне себя от гнева. Она стала перед своим супругом, точно расстроенная клушка, грудью встречающая бульдога. Очевидно, миссис Челленджер была свидетельницей моего изгнания, но не заметила, что я уже успел вернуться.

— Джордж! Какое зверство! — возопила она. — Ты искалечил этого милого юношу!

— Вот он сам, жив и невредим!

Миссис Челленджер смутилась, но быстро овладела собой.

— Простите, я вас не видела.

— Не беспокойтесь, сударыня, ничего страшного не случилось.

— Но он поставил вам синяк под глазом! Какое безобразие! У нас недели не проходит без скандала! Тебя все ненавидят, Джордж, над тобой все издеваются! Нет, моему терпению пришел конец! Это переполнило чашу!

— Перетряхиваешь грязное белье на людях! — загремел профессор.

— Это ни для кого не тайна! — крикнула она. — Неужели ты думаешь, что всей нашей улице, да если уж на то пошло — всему Лондону не известно... Остин, вы нам не нужны, можете идти. Тебе перемывают косточки все, кому не лень. Ты забываешь о чувстве собственного достоинства. Ты, которому следует быть профессором в большом университете,

пользоваться уважением студентов! Где твое достоинство, Джордж?

— А где твое, дорогая?

— Ты довел меня бог знает до чего! Хулиган, отъявленный хулиган! Вот во что ты превратился!

— Джесси, возьми себя в руки.

— Беспардонный скандалист!

— Довольно! К позорному столбу за такие слова! — сказал профессор.

И, к моему величайшему изумлению, он нагнулся, поднял жену и поставил ее на высокий постамент из черного мрамора, стоявший в углу холла. Постамент этот, вышиной по меньшей мере в семь футов, был такой узкий, что миссис Челленджер еле могла удержаться на нем. Трудно было представить себе более нелепое зрелище — боясь свалиться оттуда, она словно окаменела с искаженным от ярости лицом и только чуть переступала с ноги на ногу.

— Сними меня! — наконец взмолилась миссис Челленджер.

— Скажи «пожалуйста».

— Это безобразие, Джордж! Сними меня сию же минуту!

— Мистер Мелоун, пойдемте ко мне в кабинет.

— Но помилуйте, сэр!.. — сказал я, глядя на его жену.

— Слышишь, Джесси? Мистер Мелоун ходатайствует за тебя. Скажи «пожалуйста», тогда сниму.

— Безобразие! Ну, пожалуйста, пожалуйста!

Он снял ее с такой же легкостью, словно она весила не больше канарейки.

— Веди себя прилично, дорогая. Мистер Мелоун — представитель прессы. Завтра же он тиснет все это в своей ничтожной газетке и большую часть тиража распродаст среди наших соседей. «Странные причуды одной высокопоставленной особы». Высокопоставленная особа — это ты, Джесси, вспомни, куда я тебя посадил несколько минут назад. Потом подзаголовок: «Из быта одной оригинальной супружеской четы». Этот мистер Мелоун ничем не побрезгует, он питается падалью, подобно всем своим собратьям, — *porcus ex grege diaboli* — свинья из стада дьяволова. Правильно я говорю, мистер Мелоун?

— Вы и в самом деле невыносимы, — с горячностью сказал я.

Профессор захохотал.

— Вы двое, пожалуй, заключите против меня союз,— прогудел он, выпятив свою могучую грудь и поглядывая то в мою сторону, то на жену. Потом уже совсем другим тоном: — Простите нам эти семейные развлечения, мистер Мелоун. Я предложил вам вернуться совсем не для того, чтобы делать вас участником наших безобидных перепалок. Ну-с, сударыня, марш отсюда и не извольте гневаться.— Он положил свои огромные ручки ей на плечи.— Ты права, как всегда. Если б Джордж Эдуард Челленджер слушался твоих советов, он был бы гораздо более почтенным человеком, но только не самим собой. Почтенных людей много, моя дорогая, а Джордж Эдуард Челленджер один на свете. Так что постарайся как-нибудь поладить с ним.— Он влепил жене звучный поцелуй, что смутило меня куда больше, чем все его дикие выходки.— А теперь, мистер Мелоун,— продолжал профессор, снова принимая величественный вид,— будьте добры пожаловать сюда.

Мы вошли в ту же самую комнату, откуда десять минут назад вылетели с таким грохотом. Профессор тщательно прикрыл за собой дверь, усадил меня в кресло и сунул мне под нос ящик с сигарами.

— Настоящие «Сан-Хуан Колорадо»,— сказал он.— На таких легковозбудимых людей, как вы, наркотики хорошо действуют. Боже мой! Но кто же откусывает кончик! Отрежьте — надо иметь уважение к сигаре! А теперь откиньтесь на спинку кресла и слушайте внимательно все, что я соблаговолу сказать вам. Если будут какие-нибудь вопросы, потрудитесь отложить их до более подходящего времени. Прежде всего о вашем возвращении в мой дом после вполне справедливого изгнания.— Он выпятил вперед бороду и уставился на меня с таким видом, словно только и ждал, что я опять ввяжусь в спор.— Итак, повторяю: после вполне заслуженного вами изгнания. Почему я пригласил вас вернуться? Потому, что мне понравился ваш ответ полисмену. Я усмотрел в нем некоторые отблески добропорядочности, не свойственной представителям вашей профессии. Признав, что вина лежит на вас, вы проявили известную непредвзятость и широту взглядов, кои заслужили мое благосклонное внимание. Низшие представители человеческой расы, к которым, к несчастью, принадлежите и вы, всегда были вне моего умственного кругозора. Ваши слова сразу включили вас в поле моего зрения. Мне захотелось познакомиться с вами поближе, и я

предложил вам вернуться. Будьте любезны стряхивать пепел в маленькую японскую пепельницу вон на том бамбуковом столике, который стоит возле вас.

Все это профессор выпалил без единой задержки, словно читал лекцию студентам. Он сидел лицом ко мне, напыжившись, как огромная жаба, голова у него была откинута назад, глаза презрительно прищурены. Потом он вдруг повернулся боком, так что мне стал виден только клочок его волос над оттопыренным красным ухом, переворошил кучу бумаг на столе и вытащил оттуда какую-то весьма потрепанную книжку.

— Я хочу рассказать вам кое-что о Южной Америке,— начал он.— Свои замечания можете оставить при себе. Прежде всего будьте любезны запомнить: то, о чем вы сейчас услышите, я запрещаю предавать огласке в какой бы то ни было форме до тех пор, пока вы не получите на это соответствующего разрешения от меня. Разрешение это, по всей вероятности, никогда не будет дано. Понятно?

— К чему же такая чрезмерная строгость? — сказал я.— По-моему, беспристрастное изложение...

Он положил книжку на стол.

— Больше нам говорить не о чем. Желаю вам всего хорошего.

— Нет, нет! Я согласен на любые условия,— вскричал я.— Ведь выбирать мне не приходится.

— О выборе не может быть и речи,— подтвердил он.

— Тогда обещаю вам молчать.

— Честное слово?

— Честное слово.

Он смерил меня наглым и недоверчивым взглядом.

— А почему я знаю, каковы ваши понятия о чести?

— Ну, знаете ли, сэр,— сердито крикнул я,— вы слишком много себе позволяете! Мне еще не приходилось выслушивать такие оскорбления!

Моя вспышка не только вывела его из себя, но даже заинтересовала.

— Короткоголовый тип,— пробормотал он.— Брахицефал, серые глаза, темные волосы, некоторые черты негроида... Вы, вероятно, кельт?

— Я ирландец, сэр.

— Чистокровный?

— Да, сэр.

— Тогда все понятно. Так вот, вы дали мне слово держать в тайне те сведения, которые я вам сообщу. Сведения эти будут, конечно, весьма скудные. Но кое-какими интересными данными я с вами поделюсь. Вы, вероятно, знаете, что два года назад я совершил путешествие по Южной Америке — путешествие, которое войдет в золотой фонд мировой науки. Целью его было проверить некоторые выводы Уоллеса и Бейтса, а это можно было сделать только на месте, в тех же условиях, в каких они проводили свои наблюдения. Если бы результаты моего путешествия лишь этим и ограничились, все равно они были бы достойны всяческого внимания, но тут произошло одно непредвиденное обстоятельство, которое заставило меня направить свои исследования по совершенно иному пути.

Вам, вероятно, известно — впрочем, кто знает: в наш век невежества ничему не удивляешься, — что некоторые места, по которым протекает Амазонка, исследованы не полностью и что в нее впадает множество притоков, до сих пор не занесенных на карту. Вот я и поставил перед собой задачу посетить эти малоизвестные места и обследовать их фауну, и это дало мне в руки столько материала, что его хватит на несколько глав того огромного, монументального труда по зоологии, который послужит оправданием всей моей жизни. Закончив экспедицию, я возвращался домой, и на обратном пути мне пришлось заночевать в маленьком индейском поселке, недалек от того места, где в Амазонку впадает один из ее притоков — о названии и географическом положении этого притока я умолчу. В поселке жили индейцы племени кукама — мирный, но уже вырождающийся народ, умственный уровень которого вряд ли поднимается над уровнем среднего лондонца... Я вылечил несколько тамошних жителей еще в первый мой приезд, когда поднимался вверх по реке, и вообще произвел на индейцев сильное впечатление, поэтому неудивительно, что меня ждали там. Они сразу же стали объяснять мне знаками, что в поселке есть человек, который нуждается в моей помощи, и я последовал за их вождем в одну из хижин. Войдя туда, я убедился, что страждущий, которому требовалась помощь, только что испустил дух. К моему удивлению, он оказался не индейцем, а белым, блейшим из белых, если можно так выразиться, ибо у него были совсем светлые волосы и все характерные признаки альбиноса. От его одежды остались одни лохмотья, страшно исхудавшее те-

ло свидетельствовало о долгих лишениях. Насколько я мог понять индейцев, они никогда раньше не видели этого человека; он пришел в поселок из лесной чащи, один, без спутников, и еле держался на ногах от слабости. Вещевой мешок незнакомца лежал рядом с ним, и я обследовал его содержимое. Внутри был вшит ярлычок с именем и адресом владельца: «Мепл-Уайт, Лейк-Авеню, Детройт, штат Мичиган». Перед этим именем я всегда готов обнажить голову. Не будет преувеличением сказать, что, когда важность сделанного мною открытия получит общее признание, его имя будет стоять рядом с моим.

Содержимое мешка явно говорило о том, что Мепл-Уайт был художником и поэтом, отправившимся на поиски новых ярких впечатлений. Там были черновики стихов. Я не считаю себя знатоком в этой области, но мне кажется, что они оставляют желать лучшего. Кроме того, я нашел в мешке довольно посредственные речные пейзажи, ящик с красками, коробку пастельных карандашей, кисти, вот эту изогнутую кость, что лежит на чернильнице, том Бекстера «Мотыльки и бабочки», дешевенький револьвер и несколько патронов к нему. Предметы личного обихода он, по-видимому, растерял за время своих странствий, а может, их у него совсем не было. Никакого другого имущества у этого странного представителя американской богемы в наличии не оказалось.

Я уже собрался уходить, как вдруг заметил, что из кармана его рваной куртки что-то торчит. Это был альбом для этюдов — вот он, перед вами, и такой же потрепанный, как тогда. Можете быть уверены, что с тех пор, как эта реликвия попала мне в руки, я отношусь к ней с не меньшим благоговением, чем относился бы к первоизданию Шекспира. Теперь я вручаю этот альбом вам и прошу вас просмотреть его страницу за страницей и вникнуть в содержание рисунков.

Он закурил сигару, откинулся на спинку стула и, не сводя с моего лица свирепого и вместе с тем испытующего взгляда, стал следить, какое впечатление произведут на меня эти рисунки.

Я открыл альбом, ожидая найти там какие-то откровения — какие, мне и самому было не ясно. Однако первая страница разочаровала меня, ибо на ней был нарисован здоровенный детина в морской куртке, а под ним надпись: «Джимми Колвер на борту почтового парохода». Дальше последовало несколько мелких жанровых набросков из жизни индейцев.

Потом рисунок, на котором изображался благодушный толстяк духовного звания, в широкополой шляпе, сидевший за столом в обществе очень худого европейца.

Подпись поясняла: «Завтрак у фра Кристоферио в Розариу». Следующие страницы были заполнены женскими и детскими головками, а за ними шла подряд целая серия зарисовок животных с такими пояснениями: «Ламантин на песчаной отмели», «Черепашки и черепашины яйца», «Черный агутти под пальмой» — агутти оказался весьма похожим на свинью, — и, наконец, следующие две страницы занимали наброски каких-то весьма противных ящеров с длинными носами. Я не знал, что подумать обо всем этом, и обратился за разъяснениями к профессору:

— Это, вероятно, крокодилы?

— Аллигаторы! Аллигаторы! Настоящие крокодилы не водятся в Южной Америке. Различие между тем и другим видом заключается...

— Я только хочу сказать, что не вижу тут ничего особенного — ничего, что могло бы подтвердить ваши слова.

Он ответил мне с безмятежной улыбкой:

— Переверните еще одну страницу.

Но и следующая страница ни в чем не убедила меня. Это был пейзаж, чуть намеченный акварелью, один из тех незаконченных этюдов, которые служат художнику лишь наметкой к будущей, более тщательной разработке сюжета. Передний план сюжета занимали бледно-зеленые перистые растения, поднимавшиеся вверх по откосу, который переходил в линию темно-красных ребристых скал, напоминавших мне чем-то базальтовые формации. На заднем плане эти скалы стояли сплошной стеной. Правее поднимался пирамидальный утес, по-видимому, отделенный от основного кряжа глубокой расщелиной; вершина его была увенчана огромным деревом. Надо всем этим сияло синее тропическое небо. Узкая кромка зелени окаймляла вершины красных скал. На следующей странице я увидел один акварельный набросок того же пейзажа, сделанный с более близкого расстояния, так что детали его выступали яснее.

— Ну-с? — сказал профессор.

— Формация, действительно, очень любопытная, — ответил я, но мне трудно судить, насколько она исключительна, ведь я не геолог.

— Исключительна? — повторил он. — Да это единственный в своем роде ландшафт! Он кажется невероятным! Такое даже присниться не может! Переверните станицу.

Я перевернул и не мог сдержать возгласа удивления. Со следующей страницы альбома на меня глянуло нечто необычайное. Такое чудовище могло возникнуть только в видениях курильщика опиума или в бреде горячечного больного. Голова у него была птичья, тело как у непомерно раздувшейся ящерицы, волочащийся по земле хвост щетинился острыми иглами, а изогнутая спина была усажена высокими шипами, похожими на петушьи гребешки. Перед этим существом стоял маленький человечек, почти карлик.

— Ну-с, что вы на это скажете? — воскликнул профессор, с торжествующим видом потирая руки.

— Это что-то чудовищное, гротеск какой-то.

— А что заставило художника изобразить подобного зверя?

— Не иначе, как солидная порция джина.

— Лучшего объяснения вы не можете придумать?

— Хорошо, сэр, а как вы сами это объясняете?

— Очень просто: такое животное существует. Совершенно очевидно, что этот рисунок сделан с натуры.

Я не расхохотался только потому, что вовремя вспомнил, как мы колесом прокатились по всему коридору.

— Без сомнения, без сомнения, — сказал я с той угодливостью, на какую обычно не скупятся в разговоре со слабоумными. — Правда, меня несколько смущает эта крошечная человеческая фигурка. Если б здесь был нарисован индеец, можно было бы подумать, что в Америке существует какое-то племя пигмеев, но это европеец, на нем пробковый шлем.

Профессор фыркнул, словно разъяренный буйвол.

— Вы обогащаете меня опытом! — крикнул он. — Границы человеческой тупости гораздо шире, чем я думал. У вас умственный застой! Поразительно!

Эта вспышка была так нелепа, что она меня даже не рассердила. Да и стоило ли впустую тратить нервы? Если уж сердиться на этого человека, так каждую минуту, на каждое его слово. Я ограничился усталой улыбкой.

— Меня поразили размеры этого пигмея, — сказал я.

— Да вы посмотрите! — крикнул профессор, наклоняясь ко мне и тыча волосатым, толстым, как сосиска, пальцем в альбом. — Видите вот растение позади животного? Вы вероят-

но приняли его за одуванчик или брюссельскую капусту, ведь так? Нет, сударь, это южноамериканская пальма, а она достигает пятидесяти-шестидесяти футов в высоту. Неужели вы не соображаете, что человеческая фигура нарисована здесь не зря? Художник не смог бы остаться в живых, встретившись лицом к лицу с таким зверем, уж тут не до рисования. Он изобразил самого себя только для того, чтобы дать понятие о масштабах. Ростом он был... ну, скажет, пяти футов с небольшим. Дерево, как и следует ожидать, в десять раз выше.

— Господи боже! — воскликнул я. — Значит, вы думаете, что это существо было... Да ведь если подыскивать ему конуру, тогда и вокзал Чаринг-Кросс окажется маловат!

— Это, конечно, преувеличение, но экземпляр действительно крупный, — горделиво сказал профессор.

— Но нельзя же, — воскликнул я, — нельзя же отметать в сторону весь опыт человеческой расы на основании одного рисунка! — Я перелистал оставшиеся страницы и убедился, что в альбоме больше ничего нет. — Один-единственный рисунок какого-то бродяги-художника, который мог сделать его, накутившись гашиша, или в горячечном бреде, или просто в угоду своему больному воображению. Вы, как человек науки, не можете отстаивать такую точку зрения.

Вместо ответа профессор снял какую-то книгу с полки.

— Вот блестящая монография моего талантливого друга Рэя Ланкестера, — сказал он. — Здесь есть одна иллюстрация, которая покажется вам небезинтересной. Ага, вот она. Подпись внизу: «Предполагаемый внешний вид динозавра — стегозавра юрского периода. Задние конечности высотой в два человеческих роста». Ну, что вы теперь скажете?

Он протянул мне открытую книгу. Я взглянул на иллюстрацию и вздрогнул. Между наброском неизвестного художника и этим представителем давно умершего мира, воссозданным воображением ученого, было, несомненно, большое сходство.

— В самом деле поразительно! — сказал я.

— И все-таки вы продолжаете упорствовать?

— Но, может быть, это — простое совпадение или же ваш американец видел когда-нибудь такую картинку и в бреду вспомнил ее.

— Прекрасно,— терпеливо сказал профессор,— пусть будет так. Теперь не откажите в любезности взглянуть на это.

Он протянул мне кость, найденную по его словам, среди вещей умершего. Она была дюймов шести в длину, толще моего большого пальца, и на конце ее сохранились остатки совершенно высохшего хряща.

— Какому из известных нам животных может принадлежать такая кость? — спросил профессор.

Я тщательно осмотрел ее, призывая на помощь все знания, какие еще не выветрились у меня из головы.

— Это может быть ключица очень взрослого человека,— сказал я.

Мой собеседник презрительно замахал руками:

— Ключица человека имеет изогнутую форму, а эта кость совершенно прямая. На ее поверхности есть ложбинка, свидетельствующая о том, что здесь проходило крупное сухожилие. На ключице ничего подобного нет.

— Тогда затрудняюсь вам ответить.

— Не бойтесь выставлять напоказ свое невежество. Я думаю, среди зоологов Южного Кенсингтона не найдется ни одного, кто смог бы определить эту кость.— Он взял коробочку из-под пилюль и вынул оттуда маленькую косточку величиной с фасоль.— Насколько я могу судить, эта косточка соответствует в строении человеческого скелета той, которую вы держите в руке. Теперь вы имеете некоторое представление о размерах животного? Не забудьте и об остатках хряща — они свидетельствуют о том, что это был свежий экземпляр, а не ископаемый.

— Может быть, у слона...

Его так и передернуло, словно от боли.

— Довольно! Довольно! Слоны — в Южной Америке! Не смейте и заикаться об этом! Даже в нашей современной начальной школе...

— Ну, хорошо,— перебил я его.— Не слон, так какое-нибудь другое американское животное, например, тапир.

— Уж поверьте мне, молодой человек, что элементарными познаниями в этой отрасли науки я обладаю. Нельзя даже допустить мысль, что такая кость принадлежит тапиру или какому-нибудь другому животному, известному зоологам. Это кость очень сильного зверя, который существует где-то

на земном шаре, но до сих пор неведом науке. Вы все еще сомневаетесь?

— Во всяком случае, меня это очень заинтересовало.

— Значит, вы еще не безнадежны. Я чувствую, что у вас что-то брезжит в мозгу, так давайте же терпеливо раздувать эту искорку. Оставим теперь покойного американца и перейдем снова к моему рассказу. Вы, конечно, догадываетесь, что я не мог расстаться с Амазонкой, не доиславшись, в чем тут дело. Кос-какие сведения о том, откуда пришел этот художник, у меня были. Впрочем, я мог руководствоваться одними легендами индейцев, ибо мотив неизведанной страны проскальзывает во всех преданиях приречных племен. Вы, конечно, слышали о Курупуре?

— Нет, не слышал.

— Курупуре — это лесной дух, нечто злобное, грозное; встреча с ним ведет к гибели. Никто не может толком описать Курупуре, но имя это вселяет ужас в индейцев. Однако все племена, живущие на берегах Амазонки, сходятся в одном: они точно указывают, где обитает Курупуре. Из тех же самых мест пришел и американец. Там таится нечто непостижимо страшное. И я решил выяснить, в чем тут дело.

— Как же вы поступили?

От моего легкомыслия не осталось и следа. Этот гигант умел завоевать внимание и уважение к себе.

— Мне удалось преодолеть сопротивление индейцев — то внутреннее сопротивление, которое они оказывают, когда заводишь с ними разговор об этом. Пустив в ход всяческие увещания, подарки и, должен сознаться, угрозы, я нашел двоих проводников. После многих приключений — описывать их нет нужды, — после многих дней пути — о маршруте и его протяженности позволю себе умолчать — мы пришли, наконец, в те места, которые до сих пор никем не были описаны и где никто еще не бывал, если не считать моего злополучного предшественника. Теперь будьте любезны посмотреть вот это.

Он протянул мне небольшую фотографию.

— Ее плачевное состояние объясняется тем, что, когда мы спускались вниз по реке, нашу лодку перевернуло и футляр, в котором хранились непроявленные негативы, сломался. Почти все негативы погибли — потеря совершенно невознаграждаемая. Вот этот снимок — один из немногих более или менее уцелевших. Вам придется удовольствоваться таким

объяснением его несовершенства. Ходят слухи о какой-то фальсификации, но я не расположен спорить сейчас на эту тему.

Снимок был действительно совсем бледный. Недоброжелательный критик мог бы легко придаться к этому. Вглядываясь в тускло-серый ландшафт и постепенно разбираясь в его деталях, я увидел длинную, огромной высоты линию скал, напоминающую гигантский водопад, а на переднем плане — пологую равнину с разбросанными на ней деревьями.

— Если не ошибаюсь, этот пейзаж был и в альбоме, — сказал я.

— Совершенно верно, — ответил профессор. — Я нашел там следы стоянки. А теперь посмотрите еще одну фотографию.

Это был тот же самый ландшафт, только взятый более крупным планом. Снимок был совсем испорчен. Все же я разглядел одинокий, увенчанный деревом утес, который отделяла от края расщелина.

— Теперь у меня не осталось никаких сомнений, — признался я.

— Значит, мы не зря стараемся, — сказал профессор. — Смотрите, какие успехи! Теперь будьте добры взглянуть на вершину этого утеса. Вы что-нибудь видите там?

— Громадное дерево.

— А на дереве?

— Большую птицу.

Он подал мне лупу.

— Да, сказал я, глядя сквозь нее, — на дереве сидит большая птица. У нее довольно солидный клюв. Это, наверное, пеликан.

— Зрение у вас незавидное, — сказал профессор. — Это не пеликан и вообще не птица. Да будет вам известно, что мне удалось подгрелить вот это самое существо. И оно послужило неоспоримым доказательством, которое я вывез отсюда.

— Оно здесь, у вас? Наконец-то я увижу вещественное подтверждение этих рассказов!

— Оно было у меня. К несчастью, катастрофа на реке погубила не только негативы, но и эту мою добычу. Ее подхватило водоворотом, и, как я ни старался спасти свое сокровище, в руке у меня осталась только половина крыла. Я потерял

сознание и очнулся только, когда меня вынесло на берег, но этот жалкий остаток великолепного экземпляра был цел и невредим. Вот он, перед вами.

Профессор вынул из ящика стола нечто, напоминающее, на мой взгляд, верхнюю часть крыла огромной летучей мыши. Эта изогнутая кость с перепончатой пленкой была по меньшей мере двух или более футов длиной.

— Летучая мышь чудовищных размеров? — высказал я свое предположение.

— Ничего подобного! — сурово осадил меня профессор. — Живя в атмосфере высокого просвещения и науки, я и не подозревал, что основные принципы зоологии так мало известны в широких кругах общества. Неужели вы не знакомы с элементарнейшим положением сравнительной анатомии, которое гласит, что крыло птицы представляет собой, в сущности, предплечье, тогда как крыло летучей мыши состоит из трех удлинненных пальцев с перепонкой между ними? В данном случае кость не имеет ничего общего с костью предплечья, и вы можете убедиться собственными глазами в наличии всего лишь одной перепонки. Следовательно, о летучей мыши нечего и вспоминать. Но если это не птица и не летучая мышь, тогда с чем же мы имеем дело? Что же это может быть?

Мой скромный запас знаний был исчерпан до дна.

— Право, затрудняюсь вам ответить, — сказал я.

Профессор открыл монографию, на которую уже ссылался раньше.

— Вот, — продолжал он, показывая какое-то чудовище с крыльями, — вот великолепное изображение диморфодона, или птеродактиля, — крылатого ящера юрского периода, а на следующей странице схема механизма его крыла. Сравните ее с тем, что у вас в руках.

При первом же взгляде на схему я вздрогнул от изумления. Она окончательно убедила меня. Спорить было нечего. Совокупность всех данных сделала свое дело. Набросок, фотографии, рассказ профессора, а теперь и вещественное доказательство! Что же тут еще требовать? Как я и сказал профессору — сказал со всей горячностью, на какую был способен, ибо теперь мне стало ясно, что к этому человеку относились несправедливо. Он откинулся на спинку стула, прищурил глаза и снисходительно улыбнулся, купаясь в лучах неожиданно блеснувшего на него солнца признания.

— Это величайшее в мире открытие! — воскликнул я, хотя во мне заговорил темперамент не столько естествоиспытателя, сколько журналиста. — Это грандиозно! Вы Колумб науки! Вы открыли затерянный мир! Я искренне сожалею, что сомневался в истине ваших слов. Все это казалось мне невероятным. Но я не могу не признать очевидных фактов, и они должны быть столь же убедительны для всех.

Профессор замурлыкал от удовольствия.

— Что же вы предприняли дальше, сэр?

— Наступил сезон дождей, мистер Мелоун, а мои запасы продовольствия пришли к концу. Я обследовал часть этого огромного горного кряжа, но взобраться на него так и не смог. Пирамидальный утес, с которого я снял выстрелом птеродактиля, оказался более доступным. Вспомнив свои альпинистские навыки, я поднялся на него примерно до середины. Оттуда уже можно было разглядеть плато, венчающее горный кряж. Оно было просто необъятно! Куда ни посмотреть — на запад, на восток, — конца не видно этим покрытым зеленью скалам. У подножия кряжа расстилаются болота и непроходимые заросли, кишашие змеями и прочими гадами. Настоящий рассадник лихорадки. Вполне понятно, что такие препятствия служат естественной защитой для этой необыкновенной страны.

— А вы видели там еще какие-нибудь признаки жизни?

— Нет, сэр, не видел, но за ту неделю, что мы провели у подножия этих скал, нам не раз приходилось слышать какие-то странные звуки, доносившиеся откуда-то сверху.

— Но что же это за существо, которое нарисовал американец? Как он с ним встретился?

— Я могу только предположить, что он каким-то образом проник на самую вершину кряжа и увидел его там. Следовательно, туда есть какой-то путь. Путь, несомненно, тяжелый, иначе все эти чудовища спустились бы вниз и заполонили бы все вокруг. Уж в чем другом, а в этом не может быть сомнений.

— Но как они очутились там?

— На мой взгляд, ничего загадочного тут нет, — сказал профессор. — Объяснение напрашивается само собой. Как вам, вероятно, известно, Южная Америка представляет собой гранитный материк. В отдаленные века в этом месте, очевидно, произошло внезапное смещение пластов в результате извержения вулкана. Не забудьте, что скалы эти базальтовые,

следовательно, они вулканического происхождения. Площадь величиной примерно с наше графство Суссекс выперла вверх со всеми ее обитателями и отрезало от остального материка отвесными скалами такой твердой породы, которой не страшно никакое выветривание. Что же случилось? Законы природы потеряли свою силу в этом месте. Всевозможные препятствия, обуславливающие борьбу за существование во всем остальном мире, либо исчезли, либо сильно изменились. Животные, которые в обычных условиях вымерли бы, продолжали размножаться. Как вы знаете, и птеродактиль и стегозавр относятся к юрскому периоду, следовательно, оба они древнейшие животные в истории Земли, уцелевшие только благодаря совершенно необычным, случайно создавшимся условиям.

— Но добытые вами сведения не оставляют места для сомнений! Вам нужно только представить их соответствующим лицам.

— Я сам так думал в простоте душевной, — с горечью ответил профессор. — Могу сказать вам только одно: на деле все вышло по-другому — мне приходилось на каждом шагу сталкиваться с недоверием, в основе которого лежала людская тупость или зависть. Не в моем характере, сэр, пресмыкаться перед кем-нибудь и доказывать свою правоту, когда мои слова берут под сомнение. Я сразу же решил, что мне не подобает предъявлять вещественные доказательства, которые были в моем распоряжении. Самая тема стала мне ненавистной, я не хотел касаться ее ни единым словом. Когда мой покой нарушали люди, подобные вам, люди, угождающие праздному любопытству толпы, я был не в состоянии дать им отпор, не теряя при этом собственного достоинства. По характеру я, надо признаться, человек довольно горячий и, если меня выведут из терпения, могу наделать всяких бед. Боюсь, что вам пришлось испытать это на себе.

Я потрогал свой заплывший глаз, но смолчал.

— Миссис Челленджер постоянно сорится со мной из-за этого, но, по-моему, каждый порядочный человек поступал бы точно так же на моем месте. Впрочем, сегодня я намерен явить пример выдержки и показать, как воля может победить темперамент. Приглашаю вас полюбоваться этим зрелищем.

Он взял со стола карточку и протянул ее мне.

— Как видите, сегодня в восемь часов тридцать минут вечера в Зоологическом институте состоится лекция довольно

популярного естествоиспытателя мистера Персиваля Уолдрона на тему «Скрижали веков». Меня приглашают занять место в президиуме специально для того, чтобы я от имени всех присутствующих выразил благодарность лектору. Так я и сделаю. Но это не помешает мне — конечно, с величайшим тактом и осторожностью! — обронить несколько замечаний, которые заинтересуют аудиторию и вызовут кое у кого желание более обстоятельно ознакомиться с поднятыми мною вопросами. Спорные моменты, разумеется, не будут затронуты, но все поймут, какие глубокие проблемы таятся за моими словами. Я обещаю держать себя в руках. Кто знает, может быть, моя сдержанность приведет к лучшим результатам.

— А мне можно прийти туда? — поспешил спросить я.

— Разумеется... разумеется, можно, — радушно ответил профессор.

Его любезность была почти так же ошеломительна, как и грубость! Чего стоила одна его благодушная улыбка! Глаз почти не стало видно, а щеки вспухли, превратившись в два румяных яблочка, подпертые снизу черной бородой.

— Обязательно приходите. Мне будет приятно, что у меня есть по крайней мере один союзник в зале, хоть и весьма беспомощный и несведущий в вопросах науки. Уолдрон пользуется большой популярностью, несмотря на то, что он шарлатан чистой воды. Так вот, мистер Мелоун, я уделил вам гораздо больше времени, чем предполагал. Отдельная личность не может монополизировать то, что принадлежит всему человечеству. Буду рад увидеть вас сегодня вечером на лекции, а пока разрешите вам напомнить, что материал, с которым я вас ознакомил, ни в коей мере не подлежит огласке.

— Но мистер Мак-Ардл... это наш редактор... потребует от меня отчета о беседе с вами.

— Скажите ему первое, что придет вам в голову. Между прочим, можете намекнуть, что, если он придет ко мне кого-нибудь еще, я явлюсь к нему сам, вооружившись хорошей плеткой. Во всем остальном полагаюсь на вас: ни слова в печати! Так, прекрасно. Значит, в восемь тридцать — в Зоологическом институте.

Он помахал мне на прощание рукой. Я увидел в последний раз его румяные щеки, волнистую иссиня-черную бороду, дерзкие глаза и вышел из комнаты.

Глава V

ЭТО ЕЩЕ НЕ ФАКТ!

То ли на мне сказался физический шок, полученный в первый мой визит к профессору Челленджеру, то ли тут сыграло роль моральное потрясение — результат второго визита, но, очутившись снова на улице, я почувствовал, что как репортер я совершенно деморализован. Голова у меня разламывалась от боли, и все же в мозгу, не утихая ни на минуту, стучала мысль, что этот человек говорит правду, значение которой трудно переоценить, и что когда мне будет позволено использовать его рассказ для статьи, наша газета получит сенсационный материал. Увидев на углу кэб, я вскочил в него и поехал в редакцию. Мак-Арлл, как всегда, был на своем посту.

— Ну? — нетерпеливо крикнул он. — Говорите, сколько вам надо строк! У вас такой вид, молодой человек, точно вы явились сюда прямо с поля битвы. Неужели без драки не обошлось?

— Да, сначала мы немного не ладили.

— Вот человек! Ну, а потом?

— Потом он образумился, и беседа прошла мирно. Но мне ничего не удалось у него выудить, даже для маленькой заметки.

— Это как сказать! А подбитый глаз разве не материал для заметки? Довольно ему нас терроризировать, мистер Меллоун! Поставим его на место. Завтра же помещу заметку, от которой ему жарко станет. Дайте мне только материал, и я раз и навсегда заклею этого субъекта. «Профессор Мюнхаузен» — что вы скажете о такой шапке? «Воскресший Калиостро»! Вспомним всех мистификаторов и шарлатанов, которых знала история. Он у меня получит сполна за все свои мошенничества!

— Я бы не советовал, сэр.

— Почему?

— Потому что этот человек совсем не мошенник.

— Как! — взревел Мак-Арлл. — Вы что же, поверили его рассказам про мамонтов, мастодонтов и морского змея?

— По-моему, у него этого и в мыслях нет. Во всяком случае, я ничего такого не слышал. Но мне теперь совершенно ясно, что Челленджер может внести нечто новое в науку.

— Тогда о чем же вы думаете? Садитесь и пишите статью.

— Я бы рад написать, да он обязал меня хранить все в тайне и только при этом условии согласился говорить со мной.— Я изложил в двух-трех словах рассказ профессора.— Видите, как обстоит дело?

Физиономия Мак-Ардла выразила глубчайшее недоверие.

— Тогда займемся этим заседанием, мистер Мелоун,— сказал он, наконец,— Уж в нем-то, наверное, нет ничего секретного. Другие газеты вряд ли им заинтересуются, потому что о лекциях Уолдрона писалось уже сотни раз, а о том, что там собирается выступить Челленджер, никто и не подозревает. Если нам повезет, мы получим сенсационный материал. Во всяком случае, посзжайте туда и представьте мне подробный отчет.

Мне предстоял хлопотливый день, поэтому я решил победать в клубе пораньше и, пригласив за столик Тарпа Генри, рассказал ему вкратце о своих приключениях. С его худого смуглого лица не сходила скептическая улыбка, а когда я признался, что профессор убедил меня в своей правоте, Тарп не выдержал и громко захохотал.

— Дорогой мой друг, таких чудес в жизни не бывает! Где это видано, чтобы люди случайно натыкались на величайшие открытия, а потом теряли все вещественные доказательства? Предоставьте сочинять небылицы романистам. По части ловких проделок ваш профессор заткнет за пояс всех обезьян в зоологическом саду. Ведь это же невероятная чушь!

— А художник-американец?

— Вымышленная фигура.

— Я же сам видел его альбом!

— Это альбом Челленджера.

— Значит, вы думаете, что рисунок тоже его собственный?

— Ну, конечно! А чей же еще?

— А фотографические снимки?

— На них ведь ничего не видно. Вы же сами говорите, что разглядели только какую-то птицу.

— Птеродактиля.

— Да, если верить его словам. Вы поддались внушению и поверили.

— Ну, а кости?

— Первую он извлек из рагу, вторую смастерил собственными руками. Нужны только известная смекалка да знание дела, а тогда все что угодно сфальсифицируешь — и кость и фотографический снимок.

Мне стало как-то не по себе. Может быть, действительно, я слишком увлекся? И вдруг меня осенила счастливая мысль.

— Вы пойдете на эту лекцию?

Тарп Генри на минуту задумался.

— Ваш гениальный Челленджер не пользуется особой популярностью, — сказал он. — С ним многие не прочь свести счеты. Пожалуй, во всем Лондоне не найдется другого человека, который вызывал бы к себе такое неприязненное чувство. Если на лекцию прибегут студенты-медики, скандалов там не обрещешь. Нет, что-то мне не хочется идти в этот сумасшедший дом.

— По крайней мере отдайте ему должное — выслушайте его.

— Да, пожалуй, справедливость этого требует. Хорошо, буду вашим компаньоном на сегодняшний вечер.

Когда мы подъехали к Зоологическому институту, я увидел, что сверх моих ожиданий народу на лекцию собирается много. Электрические карсты одна за другой подвозили к подъезду седовласых профессоров, а более скромная публика потоком влилась в сводчатые двери, свидетельствуя о том, что в зале будут присутствовать не только ученые, но и представители широких масс. И в самом деле, стоило нам занять места, как мы сразу убедились, что галерея и задние ряды ведут себя более чем непринужденно. Там сидели, судя по всему, студенты-медики. Вероятно, все крупные больницы отрядили сюда своих практикантов. Публика была настроена добродушно, но за этим добродушием крылось озорство. То и дело раздавались обрывки популярных песенок, распеваемых хором и с большим подъемом, — весьма странная прелюдия к научной лекции! Склонность аудитории к бесцеремонным шуткам ясно давала себя чувствовать. Это сулило в дальнейшем массу развлечений для всех, кроме тех лиц, к кому эти сомнительные шутки должны были непосредственно относиться.

Например, как только на эстраде появился доктор Мелдрам в своем знаменитом цилиндре с изогнутыми полями, со всех сторон раздались дружные крики: «Вот так ведро! Где вы его раздобыли?» Старик сейчас же стащил цилиндр с головы

и украдкой сунул его под кресло. Когда страдающий подагрой профессор Уэдли заковылял к своему креслу, шутники, к его величайшему смущению, хором осведомились о том, не болит ли у профессора пальчик на ноге. Но самый горячий прием был оказан моему новому знакомцу, профессору Челленджеру. Чтобы добраться до своего места — крайнего в первом ряду, — ему пришлось пройти через всю эстраду. Как только его черная борода показалась в дверях, аудитория разразилась такими бурными приветственными криками, что я подумал: опасения Тарпа Генри подтвердились — публику привлекла сюда не столько сама лекция, сколько возможность посмотреть на знаменитого профессора, слухи о выступлении которого, по-видимому, успели разнестись повсюду.

При его появлении, в передних рядах, занятых хорошо одетой публикой, раздались смешки — на сей раз партер сочувственно относился к бесчинству студентов. Публика приветствовала Челленджера оглушительным ревом, словно хищники в клетке зоологического сада, слышавшие шаги служителя в час кормежки. В этом реве явно звучали неуважительные нотки, но, в общем, шумный прием, оказанный профессору, выражал скорее интерес к нему, чем неприязнь или презрение. Челленджер улыбнулся устало и снисходительно, как улыбается добродушный человек, когда на него налетает свора таявжающих щенков, потом медленно опустился в кресло, расправив плечи, любовно погладил бороду и, прищурившись, надменно глянул в переполненный зал. Рев еще не успел стихнуть, как на эстраде появились председатель, профессор Рональд Меррей, и лектор, мистер Уолдрон. Заседание началось. Надеюсь, профессор Меррей извинит меня в том, что он страдает недостатком, свойственным большинству англичан, а именно — невнятистью речи. По-моему, это одна из загадок нашего века. Почему люди, которым есть что сказать, не желают научиться говорить членораздельно? Это так же бессмысленно, как переливать драгоценную влагу через трубу с закрытым краном, отвернуть который можно до конца без всякого труда.

Профессор Меррей обратился с несколькими глубокосмысленными замечаниями к своему белому галстуку и графину с водой, затем шутливо подмигнул серебряному канделябру, стоявшему по правую его руку, и опустился в кресло, уступив место известному популярному лектору мистеру Уолдрону, которого публика встретила аплодисментами. Фи-

зиномия у мистера Уолдрона была мрачная, голос резкий, манеры заносчивые, но он обладал даром усваивать чужие мысли и преподносить их непосвященным в доступной и даже увлекательной форме, расцвечивая свои доклады множеством шуток на самые, казалось бы, неподходящие темы, так что в его изложении даже перемещение равноденствий или эволюция позвоночных приобретали юмористический характер.

В простой, а подчас и живописной форме, которой не мешала научность терминологии, лектор развернул перед нами картину возникновения мира, взятую как бы с высоты птичьего полета. Он говорил о земном шаре — огромной массе светящегося газа, плававшей в небесной сфере. Потом рассказал, как эта масса начала охлаждаться и застывать, как образовались складки земной коры, как пар превратился в воду. Все это было постепенной подготовкой сцены к той непостижимой драме жизни, которой предстояло разыгаться на нашей планете. Перейдя к возникновению всего живого на Земле, мистер Уолдрон ограничился несколькими туманными, ни к чему не обязывающими фразами. Можно почти с уверенностью сказать, что зародыши жизни не выдержали бы первоначальной высокой температуры земного шара. Следовательно, они возникли несколько позже. Откуда? Из остывающих неорганических элементов? Весьма вероятно. А может быть, они были занесены извне каким-нибудь метеором? Вряд ли. Короче говоря, даже мудрейшие из мудрых не могут сказать ничего определенного по этому вопросу. Пока что нам не удастся создать в лабораторных условиях органическое вещество из неорганического. Наша химия не в силах перебросить мост через ту пропасть, которая отделяет живую материю от мертвой. Но природа, оперирующая огромными силами на протяжении многих веков, сама является величайшим химиком, и ей может удастся то, что непосильно для нас.

Вслед за этим лектор перешел к великой шкале животной жизни и ступенька за ступенькой — от моллюсков и беспозвоночных морских тварей к пресмыкающимся и рыбам — добрался наконец до производящей на свет живых детенышей кенгуру, прямого предка всех млекопитающих, а следовательно, и тех, кто находится в этом зале (*«Ну, положим!» голос какого-то скептика из задних рядов*). Если юный джентльмен в красном галстуке, крикнувший «Ну, положим!» и, по-видимому, имеющий основание думать, что он вылупил

из яйца, соблаговолит задержаться после заседания, лектор будет очень рад ознакомиться с такой достопримечательностью. (Смех.) Подумать только, что процессы, происходившие в природе, завершились созданием юного джентльмена в красном галстуке! Но разве эти процессы действительно завершились? Следует ли считать этого джентльмена конечным продуктом эволюции, так сказать, венцом творения? Лектор не хочет оскорблять джентльмена в красном галстуке в его лучших чувствах, но ему кажется, какими бы добродетелями ни обладал сей джентльмен, все же грандиозные процессы, происходящие во вселенной, не оправдали бы себя, если бы конечным результатом их было создание вот такого экземпляра. Силы, обуславливающие эволюцию, не иссякли, они продолжают действовать и готовят нам еще большие сюрпризы.

Расправившись под общие смешки со своим противником, мистер Уолдрон вернулся к картинам прошлого и рассказал, как высыхали моря, обнажая песчаные отмели, как на этих отмелях появлялись живые существа, студенистые, вялые, рассказал о лагунах, кишаших всякой морской тварью, которую привлекало сюда тинистое дно и особенно изобилие пищи, что способствовало ее стремительному развитию.

— Вот, леди и джентльмены, откуда пошли те чудовищные ящеры, которые до сих пор вселяют в нас ужас, когда мы находим их скелеты в вельдских или золенгофенских сланцах. К счастью, все они исчезли с нашей планеты задолго до появления на ней первого человека.

— Это еще далеко не факт! — прогудел кто-то на эстраде.

Мистер Уолдрон был человек выдержанный, к тому же острый на язык, что особенно почувствовал на себе джентльмен в красном галстуке, и перебивать его было не безопасно. Но последняя реплика, очевидно, показалась ему настолько нелепой, что он даже несколько растерялся. Такой же растерянный вид бывает у шекспироведа, задетого яростным бэконнианцем, или у астронома, столкнувшегося с фанатиком, который утверждает, что Земля плоская. Мистер Уолдрон умолк на секунду, а затем, повысив голос, с расстановкой повторил свои последние слова:

— К счастью, все они исчезли с нашей планеты задолго до появления на ней первого человека.

— Это еще не факт! — снова прогудел тот же голос.

Уолдрон бросил удивленный взгляд на сидевших за столом профессоров и наконец остановился на Челленджере, который улыбался с закрытыми глазами, словно во сне, откинувшись на спинку стула.

— А, понимаю! — Уолдрон пожал плечами. — Это мой друг профессор Челленджер! — И под хохот всего зала он вернулся к прерванной лекции, как будто дальнейшие пояснения были совершенно излишни.

Но этим дело не кончилось. Какой бы путь ни избирал докладчик, блуждая в дебрях прошлого, все они неизменно приводили его к упоминанию об исчезнувших доисторических животных, что немедленно исторгало из груди профессора тот же зычный рев. В зале уже предвосхищали заранее каждую его реплику и встречали ее восторженным гулом. Студенты, сидевшие тесно, сомкнутыми рядами, не оставались в долгу, и, как только черная борода Челленджера приходила в движение, сотни голосов, не давая ему открыть рот, дружно вопили: «Это еще не факт!» — а из передних рядов неслись крики: «Тише! Безобразие!» Уолдрон, лектор опытный, закаленный в боях, окончательно растерялся. Он замолчал, потом начал что-то бормотать, запинаясь на каждом слове и повторяя уже сказанное, увяз в длиннейшей фразе и под конец набросился на виновника всего беспорядка.

— Это переходит всякие границы! — разразился он, яростно сверкая глазами. — Профессор Челленджер, я прошу вас прекратить эти возмутительные и неприличные выкрики!

Зал притих. Студенты замерли от восторга: высокие олимпийцы затеяли ссору у них на глазах! Челленджер не спеша высвободил свое грузное тело из объятий кресла.

— А я, в свою очередь, прошу вас, мистер Уолдрон, перестаньте утверждать то, что противоречит научным данным, — сказал он.

Эти слова вызвали настоящую бурю. В общем шуме и хохоте слышались только отдельные негодующие выкрики: «Безобразие!», «Пусть говорит!», «Выгнать отсюда!», «Долой с эстрады!», «Это нечестно — дайте ему высказаться!»... Председатель вскочил с кресла и, слабо размахивая руками, взволновано забормотал что-то. Из тумана этой невнятицы выбивались только отдельные отрывочные слова: «Профессор Челленджер... будьте добры... ваши соображения... после...» Нарушитель порядка отвесил ему поклон, улыбнулся, погладил бороду и снова ушел в кресло. Разгоряченный перепал-

кой и настроенный весьма воинственно, Уолдрон продолжал лекцию. Высказывая время от времени какое-нибудь положение, он бросал злобные взгляды на своего противника, который, казалось, дремал, развалившись в кресле, все с той блаженной широкой улыбкой на устах.

И вот лекция кончилась. Подозреваю, что несколько преждевременно, ибо заключительная часть ее была скомкана и как-то не вязалась с предыдущей. Грубая помеха нарушила ход мыслей лектора. Аудитория оказалась неудовлетворенной и ждала дальнейшего развертывания событий.

Уолдрон сел на место, председатель чирикнул что-то, и вслед за этим профессор Челленджер подошел к краю эстрады. Памятуя об интересах своей газеты, я записал его речь почти дословно.

— Леди и джентльмены, — начал он под сдержанный гул в задних рядах. — Прошу извинения, леди, джентльмены и дети... Сам того не желая, я упустил из виду значительную часть слушателей. *(Шум в зале. Переживая его, профессор благостно кивает своей огромной головой и высоко поднимает руку, словно осеняя толпу благословением.)* Мне было предложено выразить благодарность мистеру Уолдрону за его весьма картинную и занимательную лекцию, которую мы с вами только что прослушали. С некоторыми тезисами этой лекции я не согласен, о чем счел своим долгом заявить без всяких отлагательств. Тем не менее факт остается фактом: мистер Уолдрон справился со своей задачей, которая заключалась в том, чтобы изложить в общедоступной и занимательной форме историю нашей планеты, вернее то, что он понимает под историей нашей планеты. Популярные лекции очень легко воспринимаются, но... *(тут Челленджер блаженно улыбнулся и бросил взгляд на лектора)* мистер Уолдрон, конечно, извинит меня, если я скажу, что такие лекции в силу особенностей изложения всегда бывают поверхностны и недоброкачественны с точки зрения науки, ибо лектор так или иначе, а должен приспособливаться к невежественной аудитории. *(Иронические возгласы с мест.)* Лекторы-популяризаторы по сути своей паразиты. *(Протестующий жест со стороны возмущенного Уолдрона.)* Они используют в целях наживы или саморекламы работу своих безвестных, подавленных нуждой собратьев. Самый незначительный успех, достигнутый в лаборатории, один из тех кирпичиков, что идут на сооружение храма науки, — перевешивает все по-

лученное из вторых рук, перевешивает всякую популяризацию, которая может поразвлечь часок, но не принесет никаких ощутимых результатов. Я напоминаю об этой общеизвестной истине отнюдь не из желания умалить заслуги мистера Уолдрона, но для того, чтобы вы не теряли чувства пропорции, принимая прислужника за высшего жреца науки. *(Тут мистер Уолдрон шепнул что-то председателю, который привстал с места и обратил несколько суровых слов к стоявшему перед ним графину с водой.)* Но довольно об этом. *(Громкие одобрительные крики.)* Позвольте мне перейти к вопросу, представляющему более широкий интерес. В каком месте я, самостоятельный исследователь, был вынужден поставить под вопрос осведомленность нашего лектора? В том, где речь шла об исчезновении с поверхности Земли некоторых видов животной жизни. Я не дилетант и выступаю здесь не как популяризатор, а как человек, научная добросовестность которого заставляет его строго придерживаться фактов. И поэтому я настаиваю на том, что мистер Уолдрон глубоко ошибается, утверждая, будто так называемые доисторические животные исчезли с лица Земли. Ему не приходилось видеть их, но это еще ничего не доказывает. Они действительно являются, как он выразился, нашими предками, но не только предками, добавлю я, а и современниками, которых можно наблюдать во всем их своеобразии — отталкивающим, страшном своеобразии. Для того, чтобы пробраться в те места, где они обитают, нужны только выносливость и смелость. Животные, которых мы относили к юрскому периоду, чудовища, которым ничего не стоит растерзать на части и поглотить самых крупных и самых свирепых из наших млекопитающих, существуют до сих пор... *(Крики: «Чушь! Докажите! Откуда вы это знаете? Это еще не факт!»)* Вы меня спрашиваете, откуда я это знаю? Я знаю это, потому что побывал в этих местах, где они живут. Знаю, потому что видел таких животных... *(Аплодисменты, одобрительный шум и чей-то голос: «Лжец!»)* Я лжец? *(Единодушное: «Да, да!»)* Кажется, меня называли лжецом? Пусть этот человек встанет с места, чтобы я мог увидеть его. *(Голос: «Вот он, сэр!» и над головами студентов взлетает яростно отбивающийся маленький человечек в очках, совершенно безобидный на вид.)* Это вы осмелились назвать меня лжецом? *(«Нет, сэр!» — кричит тот и, словно петрушка, ныряет вниз.)* Если кто-либо из присутствующих сомневается в моей правдивости, я охотню

побеседую с ним после заседания. («Лжец!») Кто это сказал? (Опять безобидная жертва взмывает высоко в воздух, отчаянно отбиваясь от своих мучителей.) Вот я сейчас сойду с эстрады, и тогда... (Дружные крики: «Просим, дружок, просим!») Заседание на несколько минут прерывают. Председатель вскакивает с места и размахивает руками, словно дирижер. Профессор окончательно разъярен. Он стоит, выпятив вперед бороду, багровый, с раздувающимися ноздрями.) Все великие новаторы встречали недоверие толпы, а недоверие — это клеймо дураков! Когда к вашим ногам кладут великие открытия, у вас не хватает интуиции, не хватает соображения, чтобы осмыслить их. Вы способны только поливать грязью людей, которые рисковали жизнью, завоевывая новые просторы науки. Вы поносите пророков! Галилей, Дарвин и я... (Продолжительные крики и полный беспорядок в зале.)

Все это я извлек из своих торопливых записей, которые хоть и сделаны были на месте, но не могут дать должного представления о хаосе, воцарившемся к этому времени в аудитории. Началось такое столпотворение, что некоторые дамы уже спасались бегством. Общему настроению поддались не только студенты, но и более солидная публика. Я сам видел, как седобородые старцы вскакивали с мест и потрясали кулаками, гневаясь на закусившего удила профессора. Многолюдное собрание бурлило и кипело, точно вода в котле. Профессор шагнул вперед и воздел руки кверху. В этом человеке чувствовалась такая сила и мужественность, что крикуны постепенно смолкли, усмиренные его повелительным жестом и властным взглядом. И зал притих, приготовившись слушать.

— Я не стану вас задерживать,— продолжал Челленджер.— Стоит ли попусту тратить время? Истина окажется истиной, и ее не поколебать никакими бесчинствами глупых юнцов и, с сожалением должен добавить, не менее глупых пожилых джентльменов. Я утверждаю, что мною открыто новое поле для научных исследований. Вы это оспариваете. (Общие крики.) Так давайте же проведем испытание. Согласны ли вы избрать из вашей среды одного или нескольких представителей, которые проверят справедливость моих слов?

Профессор сравнительной анатомии мистер Саммерли, высокий желчный старик, в суховатом облике которого было

что-то придававшее ему сходство с богословом, поднялся с места. Он пожелал узнать, не являются ли заявления профессора Челленджера результатом его поездки в верховья реки Амазонки, предпринятой два года тому назад.

Профессор Челленджер ответил утвердительно.

Далее мистер Саммерли осведомился, каким это образом профессору Челленджеру удалось сделать новое открытие в местах, обследованных Уоллесом, Бейтсом и другими учеными, пользующимися вполне заслуженной известностью.

Профессор Челленджер ответил на это, что мистер Саммерли, по-видимому, спутал Амазонку с Темзой. Амазонка гораздо больше Темзы, и если мистеру Саммерли угодно знать, река Амазонка и соединяющаяся с ней притоком река Ориноко покрывают в общей сложности площадь в пятьдесят тысяч квадратных миль. Поэтому нет ничего удивительного, если на таком огромном пространстве один исследователь обнаружит то, чего не могли заметить его предшественники.

Мистер Саммерли возразил с кислой улыбкой, что ему хорошо известна разница между Темзой и Амазонкой, заключающаяся в том, что любое утверждение касательно первой легко можно проверить, чего нельзя сказать о второй. Он был бы премного обязан профессору Челленджеру, если бы тот указал, под какими градусами широты и долготы лежит та местность, где обретаются доисторические животные.

Профессор Челленджер ответил, что до сих пор он воздерживался от сообщения подобных сведений, имея на это веские основания, но сейчас — конечно, с некоторыми оговорками — он готов представить их комиссии, избранной аудиторией. Может быть, мистер Саммерли согласен войти в эту комиссию и лично проверить правильность утверждения профессора Челленджера?

М и с т е р С а м м е р л и. Да, согласен. (*Бурные аплодисменты.*)

П р о ф е с с о р Ч е л л е д ж е р. Тогда я обязуюсь представить все необходимые сведения, которые помогут вам добраться до места. Но, поскольку мистер Саммерли намерен проверять меня, я считаю справедливым, чтобы его тоже кто-нибудь проверял. Не скрою от вас, что путешествие будет сопряжено со многими трудностями и опасностями. Мистеру Саммерли необходим спутник помоложе. Может быть, желающие найдутся здесь в зале?

Вот так неожиданно-негаданно наступает перелом в жизни человека! Мог ли я подумать, входя в этот зал, что я стою на пороге самых невероятных приключений, таких, которые мне даже не мерещились! Но Глэдис! Разве не об этом она говорила? Глэдис благословила бы меня на такой подвиг. Я вскочил с места. Слова сами собой сорвались у меня с языка. Мой сосед Тарп Генри тянул меня за пиджак и шептал:

— Сядьте, Мелоун! Не стройте из себя дурака при всем честном народе!

В ту же минуту я увидел, как в одном из первых рядов поднялся какой-то высокий рыжеватый человек. Он сердито сверкнул на меня глазами, но я не сдался.

— Господин председатель, я хочу ехать! — повторил я.

— Имя, имя! — требовала публика.

— Меня зовут Эдуард Дан Мелоун. Я репортер «Дейли-газетт». Даю слово, что буду совершенно беспристрастным свидетелем.

— А ваше имя, сэр? — обратился председатель к моему сопернику.

— Лорд Джон Рокстон. Я побывал на Амазонке, хорошо знаю эти места и поэтому имею все основания предлагать свою кандидатуру.

— Лорд Джон Рокстон пользуется мировой известностью как путешественник и охотник, — сказал председатель. — Но участие в этой экспедиции представителя прессы было бы не менее желательно.

— В таком случае, — сказал профессор Челленджер, — я предлагаю, чтобы настоящее собрание уполномочило обоих этих джентльменов сопровождать профессора Саммерли в его путешествии, целью которого будет исследование правильности моих слов.

Под крики и аплодисменты всего зала наша судьба была решена, и я, ошеломленный огромными перспективами, которые вдруг открылись перед моим взором, смешался с людским потоком, хлынувшим к дверям. Выйдя на улицу, я смутно, как сквозь сон, увидел толпу, с хохотом несущуюся по тротуару, и в самом центре ее чью-то руку, вооруженную тяжелым зонтом, который так и ходил по головам студентов. Потом электрическая карета профессора Челленджера тронулась с места под веселые крики озорников и стоны пострадавших, и я зашагал дальше по Риджент-стрит, поглощенный мыслями о Глэдис и о том, что ждало меня впереди.

Вдруг кто-то дотронулся до моего локтя. Я оглянулся и увидел, что на меня насмешливо и властно смотрят глаза того высокого, худого человека, который вызвался вместе со мной отправиться в эту необычайную экспедицию.

— Мистер Мелоун, если не ошибаюсь? — сказал он. — Отныне мы с вами будем товарищами, не так ли? Я живу в двух шагах отсюда, в Олбени. Может быть, вы уделите мне полчаса? Я очень хочу с вами потолковать кое о чем.

Глава VI

МЕНЯ НАЗЫВАЛИ БИЧОМ БОЖИИМ

Лорд Джон Рокстон свернул на Виго-стрит, и, миновав один за другим несколько мрачных проходов, мы углубились в Олбени, в этот знаменитый аристократический муравейник. В конце длинного темного коридора мой новый знакомый толкнул дверь и повернул выключатель. Лампы с яркими абажурами залили огромную комнату рубиновым светом. Оглядевшись с порога, я сразу почувствовал здесь атмосферу утонченного комфорта, изящества и вместе с тем мужественности. Комната говорила о том, что в ней идет непрерывная борьба между изысканностью вкуса ее богатого хозяина и его же холостяцкой беспорядочностью. Пол был устлан пушистыми шкурами и причудливыми коврами всех цветов радуги, вывезенными, вероятно, с какого-нибудь восточного базара. На стенах висели картины и гравюры, ценность которых была видна даже мне, несмотря на мою неискушенность. Фотографии боксеров, балерин и скаковых лошадей мирно уживались с полотнами чувственного Фрагонара, батальными сценами Жирарде и мечтательным Тернером. Но среди этой роскоши были и другие вещи, живо напоминавшие мне о том, что лорд Джон Рокстон — один из знаменитейших охотников и спортсменов наших дней. Два скрещенных весла над камином — темно-синее и красное — говорили о былых увлечениях гребным спортом в Оксфорде, а рапиры и боксерские перчатки, висевшие тут же, свидетельствовали, что их хозяин пожинал лавры и в этих областях. Всю комнату, подобно архитектурному фризу, опоясывали головы крупных зверей, свезенные сюда со всех концов света, а жемчужиной этой ве-

ликолепной коллекции была голова редкостного белого носорога с надменно выпяченной губой.

Посреди комнаты на пушистом красном ковре стоял черный с золотыми инкрустациями стол эпохи Людовика XV — чудесная антикварная вещь, кощунственно испещренная следами от стаканов и ожогами от сигарных окурков. На столе я увидел серебряный поднос с курительными принадлежностями и полированный поставец с бутылками. Молчаливый хозяин сейчас же налил два высоких бокала и добавил в них содовой из сифона. Поведя рукой в сторону кресла, он поставил мой бокал на столик и протянул мне длинную глянцевитую сигару. Потом сел напротив и устремил на меня пристальный взгляд своих странных светло-голубых глаз, мерцающих, как ледяное горное озеро.

Сквозь тонкую пелену сигарного дыма я присматривался к его лицу, знакомому мне по многим фотографиям: нос с горбинкой, худые, запавшие щеки, темно-рыжие волосы, уже редеющие на макушке, закрученные шнурочком усы, маленькая, но задорная эспаньолка. В нем было нечто и от Наполеона III, и от Дон Кихота, и от типично английского джентльмена — любителя спорта, собак и лошадей, характерными чертами которого являются подтянутость и живость. Солнце и ветер закалили докрасна его кожу. Мохнатые, низко нависшие брови придавали и без того холодным глазам почти свирепое выражение, а изборожденный морщинами лоб только усугублял свирепость этого взгляда. Телом он был худощав, но крепок, а что касается неустойчивости и физической выдержки, то не раз было доказано, что в Англии соперников по этой части у него мало. Несмотря на свои шесть с лишним футов, он казался человеком среднего роста. Виною этому была легкая сутулость.

Таков был знаменитый Джон Рокстон, и сейчас, сидя напротив, он внимательно разглядывал меня, покусывая сигару, и ни единым словом не нарушал затянувшегося неловкого молчания.

— Ну-с,— сказал он наконец,— отступать нам теперь нельзя, милый юноша. Да, мы с вами прыгнули куда-то очертя голову. А ведь когда вы входили в зал, у вас, наверно, и в мыслях ничего подобного не было?

— Мне такое и не мерещилось.

— Вот именно. Мне тоже не мерещилось. А теперь мы с вами увязли в эту историю по уши. Господи боже, да ведь я

всего три недели, как вернулся из Уганды, успел снять коттедж в Шотландии, подписал контракт и все такое прочее. Ну и дела! Ваши планы, наверно, тоже пошли прахом?

— Да нет, такое уж у меня ремесло: ведь я журналист, работаю в «Дейли-газетт».

— Да, конечно. Вы же сказали об этом. Кстати, тут есть одно дело... Вы не откажетесь помочь?

— С удовольствием.

— Но дело рискованное... Как вы на это смотрите?

— А в чем риск?

— Я поведу вас к Биллингеру, вот в чем риск. Вы о нем слышали?

— Нет.

— Помилуйте, юноша, на каком вы свете обретаетесь? Сэр Джон Биллингер — наш лучший жокей. На ровной дорожке я еще могу с ним потягаться, но в скачке с препятствиями он меня сразу заткнет за пояс. Ну так вот, ни для кого не секрет, что как только у Биллингера кончается тренировка, он начинает пить горькую. Это у него называется «выводить среднее число». Во вторник он допился до белой горячки и с тех пор буйствует. Его комната как раз над моей. Врачи говорят, что если беднягу не покормить хотя бы насильно, то пиши пропало. Слуги сего джентельмена объявили забастовку, так как он лежит в кровати с заряженным револьвером и грозит всадить все шесть в первого, кто к нему сунется. Надо сказать, что Джон вообще человек непокладистый и к тому же стреляет без промаха, но ведь нельзя допустить, чтобы жокей, взявший Большой национальный приз, погибал такой бесславной смертью! Как вы на это смотрите?

— А что вы думаете предпринять? — спросил я.

— Лучше всего насесть на него вдвоем. Может быть, он сейчас спит. В худшем случае один из нас будет ранен, зато другой успеет с ним справиться. Если бы нам удалось связать ему руки чехлом с дивана, а потом быстро вызвать по телефону врача с желудочным зондом, он, голубчик, роскошно бы у нас поужинал.

Когда на человека вдруг ни с того ни с сего сваливается такая задача, радоваться тут не приходится. Я не считаю себя очень уж большим храбрецом. Все новое, неизведанное рисуется мне заранее гораздо более страшным, чем оно оказывается на деле. Таково уж свойство чисто ирландского пылкого воображения. С другой стороны, меня всегда пугала мысль,

как бы не навлечь на себя позорного обвинения в трусости, ибо мне с малых лет внушали ужас перед ней. Смею думать, что если б кто-нибудь усомнился в моей храбрости, я мог бы броситься в пропасть, но побудила бы меня к этому не храбрость, а гордость и боязнь прослыть трусом. Поэтому, хоть я и содрогался, мысленно представляя себе обезумевшее с перепоя существо в комнате наверху, все же у меня хватило самообладания, чтобы выразить свое согласие самым небрежным тоном, на какой я только был способен. Лорд Рокстон начал было расписывать опасность предстоящей нам задачи, но это только вывело меня из терпения.

— Словами делу не поможешь, — сказал я. — Пойдемте.

Я встал. Он поднялся следом за мной. Потом, коротко рассмеявшись, ткнул меня раза два кулаком в грудь и усадил обратно в кресло.

— Ладно, юноша... признать годным.

Я с удивлением воззрился на него.

— Сегодня утром я сам был у Джона Биллингера. Он прострелил мне всего лишь кимоно: слава богу, руки тряслись! Но мы все-таки надели на него смирительную рубашку, и через несколько дней старик будет в полном порядке. Вы на меня не сердитесь, голубчик? Строго между нами: эта экспедиция в Южную Америку — дело очень серьезное, и мне хочется иметь такого спутника, на которого можно положиться, как на каменную гору. Поэтому я устроил вам легкий экзамен и должен сказать, что вы с честью вышли из положения. Вы же понимаете, нам придется рассчитывать только на себя самих, потому что этому старикану Саммерли с первых же шагов протребуется нянька. Кстати, вы не тот Мелоун, который будет играть в ирландской команде на первенство по регби?

— Да, но, вероятно, запасным.

— То-то мне показалось, будто я вас где-то видел. Ваша встреча с ричмондцами — лучшая игра за весь сезон! Я стараюсь не пропускать ни одного состязания по регби: ведь это самый мужественный вид спорта. Однако я пригласил вас вовсе не для того, чтобы беседовать о регби. Займемся делами. Вот здесь, на первой странице «Таймса», расписание пароходных рейсов. Пароход до Пары отходит в следующую среду, и, если вы с профессором успеете собраться, мы этим пароходом и поедем. Ну, что вы на это скажете? Прекрасно, я с ним обо всем договорюсь. А как у вас обстоит со снаряжением?

— Об этом позаботится моя газета.
— Стрелять вы умеете?
— Примерно как средний стрелок территориальных войск.

— Только-то? Боже мой! У вас, молодежи, это считается последним делом. Все вы пчелы без жала. Таким своего улья не отстоять! Вот попомните мое слово: нагрянет кто-нибудь к вам за медом, хороши вы тогда будете! Нет, в Южной Америке с оружием надо обращаться умело, потому что, если наш друг профессор не обманщик и не сумасшедший, нас ждет там нечто весьма любопытное. Какое у вас ружье?

Лорд Рокстон подошел к дубовому шкафу, открыл дверцу, и я увидел за ней поблескивающие металлом ружейные стволы, выставленные в ряд, словно органные трубки.

— Сейчас посмотрим, что я могу пожертвовать вам из своего арсенала,— сказал лорд Рокстон.

Он стал вынимать одно за другим великолепные ружья, открывал их, щелкал затворами и, ласково поглаживая, как нежная мать своих младенцев, ставил на место.

— Вот «бленд». Из него я уложил вон того великана.— Он взглянул на голову белого насорога.— Будь я на десять шагов ближе, этот зверь пополнил бы мной *свою* коллекцию. Надеюсь, вы хорошо знаете Гордона?

Судьба моя зависит от пули,
А пуля — защита в неравном бою.

Это поэт, воспевающий коня, винтовку и тех, кто умеет обращаться и с тем и с другим. Вот еще одна полезная вещь — телескопический прицел, двойной эжектор, прекрасная наводка. Три года назад мне пришлось выступить с этой винтовкой против перуанских рабовладельцев. В тех местах меня называли бичом Божиим, хотя вы не найдете моего имени ни в одной Синей книге. Бывают времена, голубчик, когда каждый из нас обязан стать на защиту человеческих прав и справедливости, чтобы не потерять уважение к самому себе. Вот почему я вел там нечто вроде войны на свой страх и риск. Каждая зарубка — это убитый мной мерзавец. Смотрите, целая лестница! Самая большая отметина сделана после того, как я пристрелил в одной из заводей реки Путумайо Педро Лопеса — крупнейшего из рабовладельцев... А, вот это вам подойдет! — Он вынул из шкафа прекрасную винтовку, отделанную серебром.— Прицел абсолютно точный, магазин на

пять патронов. Можете смело вверить ей свою жизнь.— Лорд Рокстон протянул винтовку мне и закрыл шкаф.— Кстати,— продолжал он, садясь в кресло,— что вы знаете об этом профессоре Челленджере?

— Я его увидел сегодня впервые в жизни.

— Я тоже. Правда, странно, что мы с вами отправляемся в путешествие, полагаясь на слова совершенно неизвестного нам человека? Он, кажется, довольно неглупый субъект и не пользуется любовью у своих собратьев по науке. Почему вы им заинтересовались?

Я рассказал вкратце о событиях сегодняшнего утра. Лорд Рокстон внимательно меня выслушал, потом принес карту Южной Америки и разложил ее на столе.

— Челленджер говорит правду, чистейшую правду,— серьезно сказал он.— И я, заметьте, утверждаю это не наобум. Южная Америка — моя любимая страна, и если, скажем, проехать ее насквозь, от Дарьенского залива до Огненной Земли, то ничего более величественного и более пышного не найдешь на всем земном шаре. Эту страну мало знают, а какое ее ждет будущее, об этом никто не догадывается. Я извездил Южную Америку вдоль и поперек, в периоды засухи побывал в тех местах, где у меня завязалась война с работниками, о которой я вам уже рассказывал. Да, действительно, мне приходилось слышать там много разных легенд. Это всего лишь индейские предания, но за ними, безусловно, что-то кроется. Чем ближе узнаешь Южную Америку, друг мой, тем больше начинаешь верить, что в этой стране все возможно, решительно все! Люди передвигаются там по узким речным долинам, а за этими долинами начинается полная неизвестность. Вот здесь, на плоскогорье Мату-Гросу,— он показал сигарой место на карте,— или в этом углу, где сходятся границы трех государств, меня ничто не удивит. Как сказал сегодня Челленджер, Амазонка орошает площадь в пятьдесят тысяч квадратных миль, поросших тропическим лесом, площадь, почти равную всей Европе. Не покидая бразильских джунглей, мы с вами могли бы находиться друг от друга на расстоянии, отделяющем Шотландию от Константинополя. Человек только кое-где смог продраться сквозь эту чащу и протоптать в ней тропинки. А что бывает в периоды дождей?

Уровень воды в Амазонке поднимается по меньшей мере на сорок футов и превращает все кругом в непролазную топь. В такой стране только и следует ждать всяких чудес и тайн. И почему бы нам не разгадать их? А помимо всего прочего, — странное лицо лорда Рокстона озарилось довольной улыбкой, — там на каждом шагу придется рисковать жизнью, а мне, как спортсмену, ничего другого и не нужно. Я точно старый мяч для гольфа — белая краска с меня давно стерлась, так что теперь жизнь может распоряжаться мной как угодно: царапин не остается. А риск, милый юноша, придаст нашему существованию особенную остроту. Только тогда и стоит жить. Мы слишком уж изнежились, потускнели, привыкли к благоустроенности. Нет, дайте мне винтовку в руки, безграничный простор и необъятную ширь горизонта, и я пушусь на поиски того, что стоит искать. Чего только я не испытал в своей жизни: и воевал, и участвовал в скачках, и летал на аэроплане, — но охота на чудовищ, которые могут присниться только после тяжелого ужина, — это для меня совсем новое ощущение! — Он весело рассмеялся, предвкушая то, что его ждало впереди.

Может быть, я слишком увлекся описанием своего нового знакомого, но нам предстоит провести много дней вместе, и поэтому мне хочется передать свое первое впечатление об этом человеке со всеми особенностями его характера, речи и мышления. Только необходимость везти в редакцию отчет о заседании и заставила меня покинуть лорда Рокстона. Когда я уходил от него, он сидел в кресле, залитый красноватым светом лампы, смазывал затвор своей любимой винтовки и негромко посмеивался, раздумывая о тех приключениях, которые нам готовила судьба. И я проникся твердой уверенностью, что если нас ждут опасности, то более хладнокровного и более отважного спутника, чем лорд Рокстон, мне не найти во всей Англии.

Как не утомили меня необычайные происшествия этого дня, все же я долго сидел с редактором отдела «Последние новости» Мак-Ардлом, разъясняя ему все обстоятельства дела, которые он считал необходимым завтра же довести до сведения нашего патрона, сэра Джорджа Бомонта. Мы условились, что я буду присылать отчеты обо всех своих приключениях в форме писем к Мак-Ардлу и что они будут печататься в газете либо сразу же по мере их получения, либо потом — в зависимости от санкции профессора Челленджера, ибо мы еще не

знали, каковы будут условия, на которых он согласится дать нам сведения, необходимые для путешествия в Неведомую страну. В ответ на запрос по телефону мы не слышали от профессора ничего другого, кроме яростных нападок на прессу, но потом он все же сказал, что, если его известят о дне и часе нашего отъезда, он доставит на пароход те инструкции, которые сочтет нужным. Наш второй запрос остался совсем без ответа, если не считать жалобного лепета миссис Челленджер, умолявшей нас не приставать более к ее супругу, так как он и без того разгневан сверх всякой меры. Третья попытка, сделанная в тот же день, была пресечена оглушительным треском, и вскоре вслед за этим центральная станция уведомила нас, что у профессора Челленджера разбита телефонная трубка. После этого мы уже не пытались говорить с ним.

А теперь, мои терпеливые читатели, я прекращаю свою беседу с вами. Отныне (если только продолжение этого рассказа когда-нибудь дойдет до вас) вы будете узнавать о моих дальнейших приключениях только через газету. Я вручаю редактору отчет о событиях, послуживших толчком к одной из самых замечательных экспедиций, какие знает мир, и если мне не суждено будет вернуться в Англию, вы узнаете по крайнй мере, что ей предшествовало.

Я дописываю свой отчет в салоне парохода «Франциск». Лоцман заберет его с собой и передаст на хранение мистеру Мак-Ардлу. В заключение, пока я не захопнул записную книжку, позвольте мне набросать еще одну картину — картину, которая останется со мной как последнее воспоминание о родине.

Поздняя весна, промозглое, туманное утро; моросит холодный, мелкий дождь. По набережной шагают три фигуры в глянцевиых макинтошах. Они направляются к сходням большого парохода, на котором уже поднят синий флаг. Впереди них носильщик везет тележку, нагруженную чемоданами, портпледами и винтовками в чехлах.

Долговязый, унылый профессор Саммерли идет, волоча ноги и понутив голову, как человек, горько раскаивающийся в содеянном. Лорд Джон Рокстон в охотничьем кепи и кашне шагает бодро, и его живое, тонкое лицо сияет от счастья. Что касается меня, то я нисколько не сомневаюсь, что всем своим видом выражаю радость: ведь предотъездная суета и горечь прощания остались позади.

Мы уже совсем близко от парохода — и вдруг сзади раздается чей-то голос. Это профессор Челленджер, который обещал проводить нас. Он бежит за нами, тяжело отдуваясь, весь красный и страшно сердитый.

— Нет, благодарю вас, — говорит профессор. — Не имею не малейшего желания лезть на пароход. Мне надо сказать вам несколько слов, а это можно сделать и здесь. Не воображайте, пожалуйста, что вы так уж меня разодолжили своей поездкой. Мне это глубоко безразлично, и я ни в коей мере не считаю себя обязанным вам. Истина остается истиной, и все те расследования, которые вы собираетесь производить, никак на нее не повлияют и смогут лишь разжечь страсти разных невед. Необходимые вам сведения и мои инструкции находятся вот в этом запечатанном конверте. Вы вскрыете его лишь тогда, когда приедете в город Манаус на Амазонке, но не раньше того дня и часа, которые указаны на конверте. Вы меня поняли? Полагаюсь на вашу порядочность и надеюсь, что все мои условия будут соблюдены в точности. Мистер Меллун, я не намерен налагать запрет на ваши корреспонденции, поскольку целью вашего путешествия является освещение фактической стороны дела. Требую от вас только одного: не указывайте точно, куда вы едете, и не разрешайте опубликовывать отчет об экспедиции до вашего возвращения. Прощайте, сэр! Вам удалось несколько смягчить мое отношение к той презренной профессии, представителем которой к несчастью, являетесь и вы сами. Прощайте, лорд Джон! Насколько мне известно, наука для вас — книга за семью печатями. Но охотой вы останетесь довольны. Не сомневаюсь, что со временем в «Охотнике» появится ваша заметка о том, как вы подстрелили диморфодона. Прощайте и вы, профессор Саммерли. Если в вас еще не иссякли способности к самоусовершенствованию, в чем, откровенно говоря, я сомневаюсь, то вы вернетесь в Лондон значительно поумневшим.

Он круто повернулся, и минуту спустя я увидел с палубы его приземистую фигуру, пробирающуюся сквозь толпу к поезду.

Мы уже вышли в Ла-Манш. Раздается последний звонок, оповещающий о том, что пора сдавать письма. Сейчас мы распрощаемся с лоцманом.

А теперь «вперед, корабль, плыви вперед!». Да хранит Бог всех нас — и тех, кто остался на берегу, и тех, кто надеется на благополучное возвращение домой.

Глава VII

ЗАВТРА МЫ УХОДИМ В НЕВЕДОМОЕ

Я не стану утруждать тех, до кого дойдет этот рассказ, описанием нашего переезда на комфортабельном океанском пароходе, не буду говорить о неделе, проведенной в Парсе (ограничусь только благодарностью компании «Перейра-да-Пинта», оказавшей нам помощь при закупке снаряжения), и лишь коротко упомяну о нашем путешествии вверх по широкой, мутной, ленивой Амазонке — путешествии, продланном на судне, почти не уступавшем размерами тому, на котором мы пересекли Атлантический океан.

После многих дней пути наша группа высадилась в городе Манаус, за Обидосским проходом.

Там нам удалось избежать весьма сомнительных прелестей местной гостиницы благодаря любезности агента Британско-Бразильской торговой компании мистера Шортмена. Мы прожили в его гостеприимной асьенде до срока, указанного на конверте, который дал нам профессор Челленджер. Прежде чем приступить к описанию неожиданных событий этого дня, мне хотелось бы несколько подробнее обрисовать моих товарищей и тех людей, которых мы завербовали в Южной Америке для обслуживания нашей экспедиции. Я пишу с полной откровенностью и полагаюсь на присущий вам такт, мистер Мак-Арлл, ибо до опубликования этот материал пройдет через ваши руки.

Научные заслуги профессора Саммерли слишком хорошо известны — о них нет нужды распространяться. Он оказался гораздо более приспособленным к такой тяжелой экспедиции, чем можно было предположить с первого взгляда. Его худое, жилистое тело не знает усталости, а сухая, насмешливая и подчас просто недружелюбная манера остается неизменной при любых обстоятельствах. Несмотря на свои шестьдесят пять лет, он ни разу не пожаловался на трудности, с которыми нам часто приходилось сталкиваться. Вначале я боялся, что профессор Саммерли окажется тяжелой обузой для нас, но, как выяснилось из дальнейшего, его выносливость ничуть не уступает моей. Саммерли — человек желчный и большой скептик. Он не считает нужным скрывать свою твердую уверенность, что Челленджер — шарлатан чистой воды и что наша безумная, опасная затея не принесет нам ничего, кроме

разочарований в Южной Америке и насмешек в Англии. Профессор Саммерли не переставал твердить нам это всю дорогу от Саутгемптона до Манауса, корча презрительные гримасы и трясая своей жиденькой козлиной бородкой.

Когда мы высадились, его несколько утешило величие и богатство мира пернатых и насекомых Южной Америки, ибо он предан науке всей душой. Теперь профессор Саммерли с раннего утра носится по лесу с охотничьим ружьем и сачком для бабочек, а вечерами препарирует добытые экземпляры. Из присущих ему странностей отмечу всегдашнюю небрежность туалета, полное невнимание к своей внешности, крайнюю рассеянность и пристрастие к короткой пенковой трубке, которую он почти не вынимает изо рта. В молодости профессор участвовал в нескольких научных экспедициях (был, например, с Робертсоном в Папуа), и поэтому кочевая жизнь ему не в новинку.

У лорда Джона Рокстона есть кое-что общее с профессором Саммерли, но, по существу, они прямо противоположны друг другу. Хотя лорд Джон лет на двадцать моложе, тело у него такое же поджарое и костлявое. Я, помнится, подробно описал его внешность в той части моего повествования, которая осталась в Лондоне. Он очень опрятен, следит за собой, одет обычно в белое, носит высокие коричневые башмаки на шнуровке и бреется по меньшей мере раз в день. Как почти всякий человек действия, лорд Джон немногословен и часто задумывается, но на обращенные к нему вопросы отвечает тотчас же и охотно принимает участие в общей беседе, сдобривая ее отрывистыми, наполовину серьезными, наполовину шутливыми репликами. Его знание разных стран и в особенности Южной Америки просто поражает своей широтой, а что касается нашей экспедиции, то он всем сердцем верит в ее целесообразность, не смущаясь насмешками профессора Саммерли. Голос у лорда Рокстона мягкий, манеры спокойные, но в глубине его мерцающих голубых глаз таится нечто свидетельствующее о том, что обладатель этих глаз способен приходить в бешенство и принимать беспощадные решения, а его обычная сдержанность только подчеркивает, насколько опасен может быть этот человек в минуты гнева. Он не любит распространяться о своих поездках в Бразилию и Перу, и поэтому мне и в голову не приходило, что его появление так взволнует туземцев, населяющих берега Амазонки. Эти люди видят в нем поборника своих прав и надежного защитника.

Вокруг подвигов Рыжеволосого Вождя, как его здесь называют, уже сложились легенды, но с меня было достаточно фактов, которые я мало-помалу узнавал, — они были поразительны сами по себе.

Так, например, выяснилось, что несколько лет назад лорд Джон очутился на «ничьей земле», существование которой объясняется неточностью границ между Перу, Бразилией и Колумбией. На этом огромном пространстве в изобилии произрастает каучуковое дерево, принесшее туземцам, как и на Конго, не меньше зла, чем подневольный труд на дарьенских серебряных рудниках во времена владычества испанцев. Кучка негодяев метисов завладела всей этой областью, вооружила тех индейцев, которые оказывали им поддержку, а остальных обратило в рабство и, подвергая их нечеловеческим пыткам, вынуждала рубить каучуковые деревья и сплавлять их вниз по реке к Паре.

Лорд Джон Рокстон попробовал было вступить за несчастных, но, кроме угроз и оскорблений, ничего не добился. Тогда он по всем правилам объявил войну главарю рабовладельцев, некоему Педро Лопесу, собрал беглых рабов, вооружил их и начал военные действия, закончившиеся тем, что изверг метис погиб от его пули, а возглавляемая им система рабства была уничтожена.

Не удивительно, что этот рыжеволосый человек с бархатным голосом и непринужденными манерами приковал к себе всеобщее внимание на берегах великой южноамериканской реки. Впрочем, чувства, которые он возбуждал, были, как и следовало ожидать, разные, ибо туземцы испытывали к нему благодарность, а их бывшие порабитители — ненависть. Несколько месяцев, проведенных в Бразилии, не прошли для лорда Рокстона без пользы: он свободно овладел местным наречием, состоящим на одну треть из португальских слов и на две трети из индейских.

Я уже упоминал, что лорд Джон Рокстон буквально бредил Южной Америкой. Он увлекался, говоря о ней, и его увлечение было заразительно, ибо даже у такого невежды, как я, пробудился интерес к этой стране. Как бы мне хотелось передать прелесть его рассказов, в которых точное знание так тесно переплеталось с игрой пылкой фантазии, что даже профессор Саммерли внимательно слушал их и скептическая улыбка постепенно сбежала с его худой, длинной физиономии! Лорд Джон рассказывал нам историю этой величествен-

ной рски. Она была исследована еще первыми завоевателями, проплывшими по ней от одного конца материка до другого, и все же до сих пор скрывала много тайн за своей узкой и вечно меняющейся береговой линией.

— Что там, в той стороне? — восклицал он, показывая на север. — Топи и непроходимые джунгли. Кто знает, что в них таится? А там, южнее? Болотистые заросли, где еще не ступала нога белого человека. Неведомое окружает нас со всех сторон. Кто может знать наверное, чего следует ждать за этой узкой прибрежной линией? Можно ли поручиться, что старик Челленджер был неправ?

Профессор Саммерли расценивал такие слова как прямой вызов, — упрямая усмешка снова появлялась на его лице, он иронически покачивал головой, пускал клубы дыма из трубки и ни единым словом не нарушал враждебного молчания. Но довольно говорить о моих двух белых спутниках: их характер и недостатки, так же как и мои собственные, выявятся из дальнейшего. Расскажу лучше о людях, которые, возможно, будут играть немаловажную роль в грядущих событиях.

Начнем с великана-негра по имени Самбо. Это черный Геркулес, работающий, как лошадь, и наделенный примерно таким же интеллектом. Мы наняли его в Паре по рекомендации пароходной компании, на судах которой он научился кое-как объясняться по-английски.

Там же, в Паре, мы завербовали двух метисов, которые сплавливали в город красное дерево с верховьев Амазонки. Их звали Гомес и Мануэль. Оба они были смуглые, бородатые и свирепые на вид, а их ловкости и силе могла бы позавидовать и пантера. Гомес и Мануэль провели всю жизнь в верхней части бассейна Амазонки, которую мы должны были исследовать, и это обстоятельство и побудило лорда Джона взять их. У одного из метисов, Гомеса, было еще то достоинство, что он прекрасно говорил по-английски. Эти люди согласились прислуживать нам — стряпать, грести и вообще делать все, что от них потребуется, за жалованье в пятнадцать долларов в месяц. Кроме них, мы наняли троих боливийских индейцев племени можо, представители которого славятся среди других приречных племен как искусные рыболовы и гребцы. Старшего из них мы так и называли — Можо, а двое других получили имена Жозе и Фернандо. Итак, трое белых, двое метисов, один негр и трое индейцев — вот состав нашей ма-

ленькой экспедиции, которая ждала в Манаусе дальнейших инструкций, чтобы двинуться в путь и выполнить возложенную на нее столь необычную задачу.

Наконец прошла томительная неделя и настал долгожданный день и час. Представьте же себе полутемную гостиную асьенды Сант-Игнасио, расположенной в двух милях от города Манаус. За спущенными шторами ослепительно сияло отливающее медью солнце, тени от пальм чернели на свету так же четко, как и сами пальмы. Не было ни малейшего ветерка, в воздухе стояло несмолкаемое жужжание насекомых, и в этот тропический многооктавный хор входил и густой бас пчел и пронзительный фальцет москитов. Позади веранды начинался небольшой, обнесенный кактусовой изгородью сад с цветущими кустами, над которыми, искрясь на солнце, порхали большие голубые бабочки и крохотные колибри.

Мы сидели за камышовым столом, а на нем лежал запечатанный конверт. На конверте неровным почерком профессора Челленджера было нацарапано следующее:

*«Инструкция лорду Джону Рокстону и его спутникам.
Вскрыть в городе Манаус 15 июля ровно в 12 часов дня».*

Лорд Джон положил часы на стол рядом с собой.

— Еще семь минут, — сказал он. — Старикашка весьма пунктуален.

Профессор Саммерли криво усмехнулся и протянул к конверту свою худую руку.

— По-моему, безразлично, когда вскрыть, сейчас или через семь минут, — сказал он. — Это все то же шарлатанство и кривляние, которыми, к сожалению, славится автор письма.

— Нет, уж если играть, так по всем правилам, — возразил лорд Джон. — Парадом командует старик Челленджер, и нас занесло по его милости. С нашей стороны будет просто неприлично, если мы не выполним его распоряжений в точности.

— Бог знает что! — рассердился профессор. — Меня и в Лондоне это возмущало, а чем дальше, тем становится все хуже и хуже! Я не знаю, что заключается в этом конверте, но если в нем нет совершенно точного маршрута, я сяду на первый же пароход и постараюсь захватить «Боливию» в Паре. В конце концов у меня найдется работа поважнее, чем разоблачать бредни какого-то маньяка. Ну, Рокстон, теперь уже пора.

— Да, время истекло, — сказал лорд Джон. — Можете давать сигнал.

Он вскрыл конверт перочинным ножом, вынул оттуда сложенный пополам лист бумаги, осторожно расправил его и положил на стол. Бумага была совершенно чистая. Лорд Джон перевернул лист другой стороной. Там тоже ничего не было. Мы растерянно переглянулись и молчали, но наступившую тишину прервал презрительный смех профессора Саммерли.

— Это же чистосердечное признание! — воскликнул он. — Что вам еще нужно? Человек сам подтвердил собственное мошенничество. Нам остается только вернуться домой и назвать его во всеуслышание наглым обманщиком, кем он и является на самом деле.

— Симпатические чернила! — вырвалось у меня.

— Вряд ли, — ответил лорд Рокстон, поднимая бумагу на свет. — Нет, дорогой юноша, незачем себя обманывать. Ручаюсь чем угодно, что на этом листке ничего не было написано.

— Разрешите войти? — прогудел чей-то голос с веранды.

Приземистая фигура появилась в освещенном квадрате двери. Этот голос! Эта непомерная ширина плеч! Мы дружно вскрикнули и повскакали с мест, когда перед нами в нелспой детской соломенной шляпе с цветной ленточкой, в парусиновых башмаках, носки которых он при каждом шаге выворачивал в стороны, вырос сам Челленджер. Он остановился на ярком свете, засунул руки в карманы куртки, выпятил вперед свою роскошную ассирийскую бороду и устремил на нас дерзкий взгляд из-под полуопущенных век.

— Все-таки опоздал на несколько минут, — сказал он, вынимая из кармана часы. — Вручая вам этот конверт, я, признаться, не рассчитывал, что вы вскроете его, так как мною с самого начала было решено присоединиться к вам раньше указанного часа. Виновники этой досадной задержки — болван лоцман и в равной степени некстати подвернувшаяся мель. Боюсь, что я волей-неволей предоставил моему коллеге профессору Саммерли прекрасный повод поиздеваться надо мной.

— Должен вам заметить, сэр, — довольно строгим тоном сказал лорд Джон, — что ваш приезд несколько облегчает создавшееся неприятное положение, так как мы уже решили, что наша экспедиция подошла к преждевременному концу.

Тем не менее я отказываюсь понимать, что вас заставило пуститься на такие странные шутки.

Вместо ответа профессор Челленджер подошел к столу, поздоровался за руку со мной и с лордом Джоном, отвесил оскорбительно вежливый поклон профессору Саммерли и сел в плетеное кресло, которое скрипнуло и так и заходило ходунком под его тяжестью.

— У вас все готово, чтобы двинуться в путь? — спросил он.

— Можно выехать хоть завтра.

— Так и сделаем. Теперь вам не понадобится никаких карт, никаких указаний — я сам буду вашим проводником, цените это! Я с самого начала решил возглавить экспедицию, и вы убедитесь, что ни одна, даже самая подробная карта не заменит вам моего опыта, моего руководства. Что же касается этой невинной хитрости с конвертом, так если б я посвятил вас заранее в свои планы, мне пришлось бы отбиваться от ваших настоятельных просьб ехать сюда всем вместе.

— От меня бы этого не дождались, сэр! — с жаром воскликнул профессор Саммерли. — Разве лишь если б на всем Атлантическом океане не нашлось другого парохода!

Челленджер только махнул в его сторону волосатой ручищей.

— Здравый смысл подскажет вам, что я руководствовался правильными соображениями. Мне нужно было сохранить за собой свободу действий, с тем чтобы появиться здесь в тот момент, когда мое присутствие окажется необходимым. Этот момент наступил. Теперь ваша судьба в надежных руках. Вы доберетесь до места. Отныне руководить экспедицией буду я. Прошу вас закончить за сегодняшний день все приготовления, чтобы завтра ранним утром мы могли сняться с места. Мое время драгоценно, ваше тоже, хоть и в меньшей степени. Поэтому предлагаю как можно скорее проделать весь путь, а в конце его я покажу вам то, ради чего вы сюда приехали.

Лорд Джон Рокстон уже несколько дней назад зафрахтовал большой паровой катер «Эсмеральда», на котором мы должны были отправиться вверх по Амазонке. Время года не играло никакой роли при отправке нашей экспедиции, так как температура здесь держится в пределах двадцати пяти — тридцати градусов и зимой и летом. Другое дело — период дождей: он длится с декабря по май, и вода в реке постепенно поднимается больше, чем на двенадцать метров сверх обыч-

ного уровня. Амазонка выходит из берегов, заливает огромные пространства, превращая обширный район — местное название его Гапо — в сплошные топи, по которым если пойти пешком, то увязнешь, а на лодке не проедешь из-за мелководья. К июню вода начинает спадать, а в октябре или ноябре уровень ее достигает низшей точки. Отправка нашей экспедиции совпадала именно с тем периодом, когда величественная река со всеми ее притоками держится более или менее в берегах.

Течение в Амазонке довольно медленное, так как уклон ее русла не превышает восьми дюймов на милю. Вряд ли есть на свете река, более удобная для навигации. Преобладающие ветры здесь юго-восточные, и до границы Перу парусные суда добираются быстро, а обратно идут вниз по течению. Что касается нашей «Эсмеральды», то ход ее благодаря прекрасной машинной части не зависел от ленивой реки, и мы двигались с такой быстротой, точно это была не Амазонка, а стоячий пруд.

Первые три дня наш катер держал курс на северо-запад, вверх по течению. Хотя устье реки Амазонки находится от этих мест на расстоянии нескольких тысяч миль, она настолько широка здесь, что с середины реки оба берега кажутся еле заметной линией где-то у самого горизонта. На четвертый день после нашего отплытия из Манауса мы свернули в один из притоков, который в устье почти не уступал по ширине самой Амазонке, но вскоре начал быстро суживаться. Прошло еще два дня, и мы подошли к какому-то индейскому поселку, где профессор предложил нам высадиться, а «Эсмеральду» отправил обратно в Манаус. Скоро начнутся пороги, пояснил он, и катеру тут делать нечего. По секрету же добавил, что мы приблизились к преддверию Неведомой страны и, следовательно, чем меньше народу будет посвящено в нашу тайну, тем лучше. С этой же целью он взял с каждого из нас честное слово, что мы не опубликуем и не разгласим устно точных сведений о географическом положении того места, куда направляется экспедиция, а всех слуг заставил торжественно поклясться в соблюдении тайны. Все это вынуждает меня к известной сдержанности в изложении событий, и я предупреждаю читателей, что на тех картах или чертежах, которые, возможно, придется приложить к моему повествованию, будет правильно только взаимное расположение отдельных мест, но не координаты их, и, следовательно, пользоваться этими данными, для того чтобы проникнуть в Неведомую страну, не рекомендуется. Чем бы ни руководствовался

ся профессор Челленджер, столь ревностно сохраняя свою тайну, мы не могли не повиноваться ему, ибо он действительно был способен скорее сорвать экспедицию, чем хоть на йоту отступить от поставленных нам условий.

Второго августа мы простились с «Эсмеральдой», тем самым порвав последнее звено, связующее нас с миром. За четыре дня, которые прошли с тех пор, профессор нанял у индейцев два больших челна, настолько легких (они были сделаны из звериных шкур, натянутых на бамбуковый каркас), что в случае необходимости мы могли бы перетаскивать их на руках. В эти челны было погружено все наше снаряжение, а в качестве добавочных гребцов мы наняли еще двух индейцев по имени Ипету и Атака, кажется, тех самых, которые сопровождали профессора Челленджера в его первом путешествии. Оба они, по-видимому, были вне себя от ужаса, когда им предложили снова отправиться в те края, но в быту индейцев вождь до сих пор пользуется патриархальной властью, и, если какая-либо сделка кажется ему выгодной, его соплеменникам рассуждать не приходится.

Итак, завтра мы уходим в Неведомое. Первую свою корреспонденцию я отправлю с попутной лодкой, и, может быть, для тех, кто интересуется нашей судьбой, эта весточка о нас будет последней. Я посылаю ее на ваше имя, дорогой мистер Мак-Арлл, как мы и условились. Сокращайте, правьте мои письма, словом, делайте с ними все, что найдете нужным, — полагаюсь на присущий вам такт.

Судя по весьма уверенному виду нашего предводителя, он собирается доказать свою правоту на деле, и я вопреки упорному скептицизму профессора Саммерли не сомневаюсь, что мы действительно накануне величайших и поразительных событий.

Глава VIII

НА ПОДСТУПАХ К НОВОМУ МИРУ

Пусть наши друзья на родине порадуются вместе с нами — мы добрались до цели своего путешествия и теперь можем сказать, что утверждения профессора будут проверены. Правда, на плато наша экспедиция еще не поднималась, но оно тут, перед нами, и при виде его даже профессор Саммер-

ли несколько смирился духом. Он, конечно, не допускает и мысли, что его соперник прав, но спорить стал меньше и большей частью хранит настороженное молчание.

Однако вернусь назад и продолжу свой рассказ с того места, на котором он был прерван. Мы отсылаем обратно одного из индейцев, сильно поранившего руку, и я отправлю письмо с ним, но дойдет ли оно когда-нибудь по назначению, в этом я очень сомневаюсь.

Последняя моя запись была сделана в тот день, когда мы собрались покинуть индейский поселок, к которому нас доставила «Эсмеральда». На сей раз приходится начинать с неприятного, так как в тот вечер между двумя членами нашей группы произошла первая серьезная ссора, чуть было не закончившаяся трагически. Постоянные стычки между профессорами, конечно, в счет не идут. Я уже написал о нашем метисе Гомесе, который говорит по-английски. Он прекрасный работник, очень услужливый, но страдает болезненным любопытством — пороком, свойственным большинству людей. В последний вечер перед отъездом из поселка Гомес, по-видимому, спрятался где-то около хижины, в котором мы обсуждали наши планы, и стал подслушивать. Великан Самбо, преданный нам, как собака, и к тому же ненавидящий метисов, подобно всем представителям своей расы, схватил его и притащил в хижину. Гомес взмахнул ножом и заколол бы негра, если б тот, обладая поистине неимоверной силой, не ухитрился обезоружить его одной рукой. Мы отчитали их обоих, заставили обменяться рукопожатием и надеемся, что тем дело и кончится. Что же касается вражды между нашими двумя учеными мужами, то она не только не утихает, но разгорается все пуще и пуще. Челленджер, надо сознаться, ведет себя крайне вызывающе, а злой язык Саммерли ни в коей мере не способствует их примирению. Вчера, например, Челленджер заявил, что он не любит гулять по набережной Темзы — ему, видите ли, грустно смотреть на то последнее пристанище, которое его ожидает. У профессора нет ни малейших сомнений, что его прах будет покоится в Вестминстерском аббатстве. Саммерли кисло улыбнулся и сказал:

— Насколько мне известно, Милбенкскую тюрьму давно снесли.

Огромное самомнение Челленджера не позволяет ему обижаться на такие шпильки, и поэтому он только усмехнул-

ся и проговорил снисходительным тоном, словно обращаясь к ребенку:

— Ишь ты, какой!

По уму и знанию эти два человека могут занять место в первом ряду светил науки, но, приглядеться к ним — они настоящие дети, один сухонький, брюзгливый, другой тучный, властный. Ум, воля, душа — чем больше узнаешь жизнь, тем яснее видишь, как часто одно не соответствует другому!

На следующий день после описанного происшествия мы двинулись в путь, и эту дату можно считать началом нашей замечательной экспедиции. Все снаряжение прекрасно поместилось в двух челнах, а мы сами разбились на две группы, по шесть человек в каждой, причем в интересах общего спокойствия профессоров рассадили по разным челнокам. Я сел с Челленджером, который пребывал в состоянии безмолвного экстаза и всем своим видом излучал благодность. Но мне уже приходилось наблюдать его в другом настроении, и я готов был каждую минуту услышать гром среди ясного неба. С этим человеком никогда нельзя чувствовать себя спокойным, но зато в его обществе и не соскучишься, ибо он все время заставляет тебя трепетать в ожидании внезапной вспышки его бурного темперамента.

Два дня мы поднимались вверх по широкой реке, вода в которой была темная, но такая прозрачная, что сквозь нее виднелось дно. Такова половина всех притоков Амазонки, в других же вода мутно-белого цвета — все зависит от местности, по которой они протекают: там, где есть растительный перегной, вода в реках прозрачная, а в глинистой почве она замутнена. Пороги нам встретились дважды, и оба раза мы делали обход на полмили, перетаскивая все свое имущество на руках. Лес по обоим берегам был вековой давности, а через такой легче пробираться, чем сквозь густую поросль кустарников, поэтому наша поклажа не причиняла нам особых неудобств. Мне никогда не забыть ощущения торжественной тайны, которое я испытывал в этих лесах. Коренной горожанин не может даже представить себе таких могучих деревьев, почти на недостижимой для взора высоте сплетающих готические стрелы ветвей в сплошной зеленый шатер, сквозь который лишь кое-где, пронизывая на миг золотом эту торжественную тьму, пробивается солнечный луч. Густой мягкий ковер прошлогодней листвы приглушал наши шаги. Мы шли, охваченные таким благоговением, которое испытываешь раз-

ве только под сумрачными сводами Вестминстерского аббатства, и даже профессор Челленджер понизил свой зычный бас до шепота. Будь я здесь один, мне так бы никогда и не узнать названий этих гигантских деревьев, но наши ученые то и дело показывали нам кедры, огромные капоки, секвойи и множество других пород, благодаря обилию которых этот континент стал для человека главным поставщиком тех даров природы, что относятся к растительному миру, тогда как его животный мир крайне беден.

На темных стволах пламенели яркие орхидеи и поражающие своей окраской лишайники, а когда случайный луч солнца падал на золотую алламанду, пунцовые звезды жаксонии или густо-синие гроздья ипомеи, казалось, что так бывает только в сказке. Все живое в этих дремучих лесах тянется вверх, к свету, ибо без него — смерть. Каждый побег, даже самый слабенький, пробивается все выше и выше, заплетаясь вокруг своих более сильных и более рослых собратьев. Ползущие растения достигают здесь чудовищных размеров, а те, которым будто и не положено виться, волей-неволей постигают это искусство, лишь бы вырваться из густого мрака. Я видел, например, как обыкновенная крапива, жасмин и даже пальма яситара оплетали стволы кедров, пробираясь к самым их вершинам.

Внизу, под величественными сводами зелени, не было слышно ни шороха, ни писка, но где-то высоко у нас над головой шло непрерывное движение. Там в лучах солнца ютился целый мир змей, обезьян, птиц и ленивцев, которые, вероятно, с изумлением взирали на крохотные человеческие фигурки, пробирающиеся внизу, на самом дне этой наполненной таинственным сумраком бездны.

На рассвете и при заходе солнца лесная чаща оглашалась дружным воем обезьян-ревунов и пронзительным щебетом длиннохвостых попугаев, но в знойные часы мы слышали лишь жужжание насекомых, напоминающее отдаленный шум прибоя, и больше ничего... Ничто не нарушало торжественного величия этой колоннады стволов, уходящих вершинами во тьму, которая нависала над нами. Только раз в густой тени под деревьями неуклюже проковылял какой-то косяпаый зверь — не то муравьед, не то медведь. Это был единственный признак того, что в лесах Амазонки живое передвигается по земле.

А между тем некоторые другие признаки свидетельствовали и о присутствии человека в этих таинственных дебрях — человека, который держался не так далеко от нас. На третий день мы слышали какой-то странный ритмический гул, то затихавший, то снова сотрясавший воздух своими торжественными раскатами, и так все утро. Когда этот гул впервые донесся до нас, челны шли на расстоянии нескольких ярдов один от другого. Индейцы замерли, точно превратившись в бронзовые статуи, на их лицах был написан ужас.

— Что это? — спорил я.

— Барабаны, — небрежным тоном ответил лорд Джон. — Босвые барабаны. Мне уже приходилось слышать их.

— Да, сэр, это босвые барабаны, — подтвердил метис Гомес. — Индейцы — злой народ. Они следят за нами. Индейцы убьют нас, если смогут.

— Каким это образом они ухитрились нас выследить? — спросил я, глядя в темную, неподвижную чащу.

Метис пожал плечами.

— Индейцы, они все умеют. У них всегда так. Они следят. Барабаны переговариваются между собой. Индейцы убьют нас, если смогут.

К полудню — в мой записной книжке отмечено, что это было во вторник восемнадцатого августа, — гул по меньшей мере шести-семи барабанов окружал нас со всех сторон. Они то учащали ритм, то замедляли. Вот где-то на востоке послышалась четкая, отрывистая дробь... Пауза... Густой гул откуда-то с севера. Этот непрерывный рокот звучал почти как вопрос и ответ. В нем было что-то грозное, невероятно действующее на нервы. Он сливался в слова — те самые, которые не переставал твердить наш метис: «Если сможем, убьем. Если сможем, убьем». В безмолвном лесу не было ни малейшего движения. Темная завеса зелени дышала покоем и миром, присущим только природе, но из-за нее безостановочно неслась одна и та же весть, которую слал нам собрат-человек. «Если сможем, убьем», — говорили те, кто был на востоке. «Если сможем, убьем», — отвечали им с севера.

Барабаны рокотали и перешептывались весь день, и угроза, звучавшая в их голосах, отражалась ужасом на лицах наших цветных спутников. Даже смелый, хвастливый метис, видимо, трусил. Зато в тот же день у меня был случай убедиться, что Саммерли и Челленджер обладают высшим мужеством — мужеством просвещенного ума. С такой же отва-

гой держался Дарвин среди гаучосов Аргентины и Уоллес — среди малайских охотников за черепами. Так уж положено милостивой природе: человек не может думать о двух вещах сразу, и там, где говорит научная любознательность, соображениям личного порядка места не остается.

Оба профессора не пропускали ни одной пролетавшей птицы, ни одного кустика на берегу и то и дело принимались яростно спорить, не обращая внимания на таинственный гул. Саммерли по-прежнему огрызался на Челленджера, который по своему обыкновению гудел басом, и ни тот, ни другой не считали нужным хотя бы одним словом обмолвиться об индейских барабанах, будто все это происходило в курительной комнате клуба Королевского общества на Сент-Джеймс-стрит. Они только раз удостоили индейцев своим вниманием.

— Каннибалы племени миранью, а может быть, амажуака, — сказал Челленджер, ткнув большим пальцем в сторону леса, откуда неслись барабанные раскаты.

— Совершенно верно, сэр, — ответил Саммерли, — и, как все здешние племена, они принадлежат к монгольской расе, а язык у них полисинтетический.

— Разумеется, полисинтетический, — снисходительно согласился Челленджер. — Насколько мне известно, других языков на этом континенте не существует. У меня записано более сотни разных наречий. Но что касается монгольской расы, то в этом я сомневаюсь.

— А казалось бы, достаточно самого поверхностного знакомства со сравнительной анатомией, чтобы признать эту теорию правильной, — ядовито заметил Саммерли.

Челленджер с воинственным видом выпятил вперед подбородок. Поля соломенной шляпы и борода — вот все, что предстало нашим взорам.

— Вы правы, сэр, поверхностное знакомство ничего другого дать не может. Но исчерпывающие знания заставляют приходить к другим выводам.

Они злобно ели друг друга глазами, а в это время по лесу еле слышным шепотом проносилось эхо: «Убьем, убьем... Если сможем, убьем».

Вечером мы вывели челны на середину реки, приспособив вместо якорей тяжелые камни, и подготовились к возможному нападению. Однако ночь прошла спокойно, и с рассветом мы двинулись дальше под затихавшую вдали барабанную дробь. Около трех часов дня нам преградили путь высо-

кие пороги, тянувшиеся мили на полторы, те самые, на которых профессор Челленджер потерпел крушение в свою первую экспедицию.

Сознаюсь, что вид этих порогов подбодрил меня: это было первое, хоть и слабое подтверждение достоверности рассказов Челленджера.

Индейцы перенесли сквозь густой кустарник сначала челны, потом снаряжение, а мы, четверо белых, с винтовками в руках шли цепочкой, прикрывая их от той опасности, которая могла нагрянуть из лесу. К вечеру наша партия благополучно миновала пороги, поднялась миль на десять вверх по реке и остановилась на ночлег. По моим примерным расчетам, к этому времени Амазонка была уже по меньшей мере на сотни миль позади нас.

Рано утром на следующий день произошли важные события. Профессор Челленджер с самого рассвета вглядывался в оба берега, явно чем-то обеспокоенный. Но вот он радостно вскрикнул и показал на дерево, низко нависшее над водой.

— Как, по-вашему, что это? — спросил он.

— Пальма ассаи, конечно, — сказал Саммерли.

— Правильно. И эта самая пальма служила мне главной приметой. Еще с полмили вверх по тому берегу, и мы подойдем к скрытому в чаще протоку. Удивительнее всего, что деревья стоят там сплошной стеной. Вон видите: темный кустарник меняется светло-зеленым тростником. Там среди высоких тополей и есть потайная дверь в Неведомую страну. Сейчас вы сами во всем убедитесь. Ну, вперед!

И действительно, нам оставалось только поражаться. Подплыв к тому месту, где начались заросли светло-зеленого тростника, мы врезались в них, потом ярдов сто вели оба челна, отталкиваясь от берега шестами, и наконец вышли в тихую, неглубокую речку с песчаным дном, выднвшимся сквозь прозрачную воду. Ее узкие берега были одеты пышной зеленью.

Тот, кто не заметил бы, что вместо густого кустарника здесь растет тростник, никогда бы не догадался о существовании этой речки и открывающегося за ней волшебного царства.

Да, это было поистине волшебное царство! Такое величепие может нарисовать только самая пылкая фантазия. Густые ветви сплетались у нас над головой, образуя естественный зеленый свод, а сквозь этот живой туннель струилась

прозрачно-зеленая река. Прекрасная сама по себе, она казалась еще чудеснее от тех причудливых бликов, которые роняли на нее смягченные зеленью яркие лучи солнца. Чистая, как хрусталь, недвижимая, как зеркало, зеленеющая от берегов, как айсберг, водная гладь сверкала сквозь резную арку листвы, подергиваясь рябью под ударами наших весел. Это был путь, достойный страны чудес, в которую он вел.

Теперь индейцы никак не давали о себе знать, зато животные стали попадаться чаще, и их доверчивость свидетельствовала о том, что они еще не встречались с охотником. Пушистые бархатисто-черные обезьянки с ослепительно-белыми зубами и лукавыми глазками провожали нас пронзительной трескотней. Иногда с тяжелым всплеском срывался с берега в воду кайман. Раз как-то грузный тапир выглянул из кустов и, постояв минуту, побрел в чащу. Потом среди деревьев мелькнуло гибкое тело крупной пумы; она обернулась на ходу, и из-за рыжего плеча на нас сверкнули полные ненависти зеленые глаза. Птиц здесь было множество, особенно болотных. На каждом стволе, нависшем над водой, стайками сидели ибисы, цапли, аисты — голубые, ярко-красные, белые, а кристально чистая вода так и кишела рыбами всех цветов радуги.

Мы плыли по этому золотисто-зеленому тоннелю три дня. Глядя вдаль, трудно было отличить, где кончается зеленая вода и где начинается зеленый свод над ней. Ничто не нарушало глубокого покоя этой реки, следов человека здесь не было.

— Индейцев нет. Они боятся Курупери, — сказал как-то Гомес.

— Курупери — это лесной дух, — пояснил лорд Джон. — Здесь этим именем называют все, что несет в себе злое начало. Бедняги туземцы боятся даже заглянуть сюда: им кажется, будто в этих местах кроется нечто страшное.

На третий день нам стало ясно, что с челнами надо расстаться: так как река начинала быстро мелеть, они то и дело скребли днищем о песок. Под конец мы вытащили их из воды и расположились на ночь в прибрежном кустарнике. Утром лорд Джон и я прошли мили две лесом параллельно реке и, убедившись, что она мелеет все больше и больше, вернулись с этой вестью к профессору Челленджеру, тем самым подтвердив его предположение, что мы достигли крайней точки, дальше которой на челнах идти нельзя. Тогда мы вытащили их

еще выше на берег, спрятали в кустах и сделали на соседнем дереве зарубку, чтобы разыскать свой тайник на обратном пути. Потом, распределив между собой поклажу: винтовки, патроны, провизию, одеяла, палатку и прочий скарб, — взвалили тюки на плечи и снова двинулись в путь, последний этап которого сулил нам гораздо большие трудности, чем начало.

Это выступление, к несчастью, было ознаменовано стычкой между нашими двумя петухами. Присоединившись к нам, Челленджер сразу же взял экспедицию под свое начало, к явному неудовольствию Саммерли. И в этот день, как только Челленджер отдал распоряжение своему коллеге (нести anerоидный барометр всего-навсего!), последовал взрыв.

— Разрешите спросить, сэр, — с грозным спокойствием проговорил Саммерли, — по какому праву вы командуете нами?

Челленджер вдруг вспыхнул и весь так и ошетинился:

— По праву начальника экспедиции, профессор Саммерли!

— Вынужден заявить, сэр, что я вас таковым не признаю.

— Ах, вот как! — Челленджер с поистине слоновьей грацией отвесил ему насмешливый поклон. — Тогда, может быть, вы соблагovolите указать мне мое место среди вас?

— Пожалуйста, сэр. Вы человек, слова которого взяты под сомнение, а мы — члены комиссии, созданной для того, чтобы проверить вас. Вы идете со своими судьями, сэр!

— Боже милостивый! — воскликнул Челленджер, садясь на перевернутый челн. — В таком случае будьте добры следовать своей дорогой, а я не торопясь пойду за вами. Поскольку я не возглавляю эту экспедицию, мне незачем идти во главе ее.

Благодарение богу, в нашей партии нашлись два здравомыслящих человека — лорд Джон и я, — иначе сумасбродство и горячность наших ученых мужей привели бы к тому, что мы вернулись бы в Лондон с пустыми руками. Сколько понадобилось прерсканий, уговоров, объяснений, прежде чем мы утихомирили их! Наконец Саммерли двинулся вперед, попыхивая трубкой и презрительно усмехаясь, а Челленджер с ворчанием последовал за ним. К счастью, мы еще за несколько дней до того успели обнаружить, что оба наших мудреца ни во что не ставят доктора Иллингворта из Эдинбурга, и это

спасло нас. В дальнейшем нам стоило только упомянуть имя шотландского зоолога, как назревающие ссоры моментально стихали, оба профессора заключали временный союз и дружно накидывались на своего общего соперника.

Двигаясь гуськом вдоль берега, мы скоро обнаружили, что река постепенно превратилась в узкий ручей, а он, в свою очередь, затерялся в трясине, заросшей зеленым губчатым мхом, в который наши ноги уходили по колено. В этом месте вились густые тучи москитов и всякой другой мошкары, так что мы с чувством облегчения ступили наконец на твердую землю и, сделав большой крюк лесом, обошли эту злачную трясину, которая еще долго напоминала нам о себе органичным гулом насекомых.

На второй день после того, как мы бросили челны, характер местности сильно изменился. Нам приходилось все время идти в гору, лесная чаща заметно редела и утрачивала свою тропическую пышность. Огромные деревья, вскормленные илистой почвой долины Амазонки, уступили место кокосовым и финиковым пальмам, которые стояли группами среди густого кустарника. В сырых низинах росли пальмы с изящными ниспадающими листьями. Мы шли почти только по компасу, и раза два между Челленджером и двумя индейцами разгорался спор о выборе пути, причем оба раза вся наша партия предпочла, как выразился возмущенный профессор, «довериться обманчивому инстинкту первобытных дикарей, а не совершеннейшему продукту современной европейской культуры». На третий день выяснилось, что мы оба правы, отдав предпочтение индейцам. Челленджер сам опознал кое-какие приметы, запомнившиеся ему с первого путешествия, а в одном месте мы даже наткнулись на четыре обоженных камня — след его лагерной стоянки.

Подъем все еще продолжался; два дня ушло на то, чтобы преодолеть усеянный валунами холм. Растительность снова изменилась, и от прежней тропической роскоши здесь оставались только пальмы «слоновая кость» да множество чудесных орхидей, среди которых я научился распознавать редкостную *Nuttoma Vexillaria*, розовые и пунцовые цветы великолепной катлеи и одонтоглоссум. В расщелинах холма журчали по мелким камням ручейки, затенные зарослями папоротника. На ночь мы обычно располагались среди валунов на берегу какой-нибудь заводи, где стаями носились рыбки с синевато-

черными спинками вроде нашей английской форели, служившие нам прекрасным блюдом на ужин.

На девятый день нашего пути, когда мы проделали, по моим расчетам, около ста двадцати миль от того места, где были спрятаны челны, лес совсем измельчал и мало-помалу перешел в кустарник. Кусты, в свою очередь, сменились бескрайними бамбуковыми зарослями, настолько густыми, что нам приходилось прорубать в них дорогу ножами и индейскими томагавками. На это у нас ушел целый день, от семи утра до восьми вечера, всего с двумя короткими перерывами на отдых. Трудно представить себе занятие более однообразное и утомительное!

Даже в просеках мой горизонт ограничивался какими-нибудь десятью-двенадцатью ярдами; все остальное время я видел перед собой только спину лорда Джона в белой парусиновой рубашке да по сторонам почти вплотную желтую стену бамбука. Узкие, как лезвие, лучи солнца кое-где пронизывали ее; футах в пятнадцати у нас над головой на фоне ярко-синего неба покачивались бамбуковые метелки. Я не знаю, какие животные населяли эту чащу, но мы не раз слышали совсем близко от себя чью-то грузную поступь. Лорд Джон думал, что это были какие-то крупные копытные. Только к ночи выбрались мы из зарослей бамбука и, измученные за этот показавшийся нам бесконечный день, сейчас же разбили лагерь.

Следующее утро застало нас уже в пути. Характер местности опять начал меняться. Желтая стена бамбука четко, словно речное русло, виднелась позади. Перед нами же расстилалась открытая равнина, поросшая кое-где древовидными папоротниками и постепенно поднимавшаяся к длинному гребню, который напоминал очертаниями спину кита. Мы перевалили через него около полудня и увидели за ним долину, а дальше снова пологий откос, мягко округлившийся на горизонте. Здесь, у первой гряды холмов, и произошло некое событие, полное, может быть, серьезного значения, но так ли это — покажет дальнейшее.

Профессор Челленджер, шагавший впереди вместе с двумя индейцами, вдруг остановился и взволнованно замахал рукой, показывая куда-то вправо. Посмотрев в ту сторону, мы увидели примерно в миле от нас нечто похожее на огромную серую птицу, которая неторопливо взмахнула крыльями

ми, низко и плавно пронеслась над самой землей и скрылась среди деревьев.

— Вы видели? — ликующим голосом крикнул Челленджер. — Саммерли, вы видели?

Его коллега, не отрываясь, смотрел туда, где скрылась эта страшная птица.

— Что же это такое, по-вашему? — спросил он.

— Как что? Птеродактиль!

Саммерли презрительно расхохотался.

— Птерочушь! — сказал он. — Это аист, самый обыкновенный аист.

Челленджер лишился дара речи от бешенства. Вместо ответа он взвалил на плечи свой тюк и зашагал дальше. Но у лорда Джона, который вскоре поравнялся со мной, вид был куда серьезнее обычного. Он держал в руках цейссовский бинокль.

— Я все-таки успел ее разглядеть, — сказал он. — Не берусь судить, что это за штука, но таких птиц я еще в жизни не видывал, могу поручиться в этом всем своим опытом охотника.

Вот так и обстоят наши дела. Подошли ли мы действительно к Неведомой стране, стоим ли на подступах к Затерянному миру, о котором не перестает твердить наш руководитель? Все записано так, как было, и вы знаете столько же, сколько и я. Такие случаи больше не повторялись, никаких других важных событий не произошло.

Итак, мои дорогие читатели — если только когда-нибудь у меня будут таковые, — вы поднялись вместе со мной по широкой реке, проникли сквозь тростник в зеленый туннель, прошли по откосу среди пальм, преодолели заросли бамбука, спустились на равнину, поросшую древовидными папоротниками. И теперь цель нашего путешествия лежит прямо перед нами.

Перевалив через вторую гряду холмов, мы увидели узкую долину, густо заросшую пальмами, а за ней длинную линию красных скал, которая запомнилась мне по рисунку в альбоме. Сейчас я пишу, но стоит мне оторваться от письма, и вот она у меня перед глазами: ее тождество с рисунком несомненно. Кратчайшее расстояние между ней и нашей стоянкой не превышает семи миль, а потом она изгибается и уходит в необозримую даль.

Челленджер, как петух, с боевым видом рассказывает по лагерю; Саммерли хранит молчание, но настроен по-прежнему

му скептически. Еще один день — и многие из наших сомнений разрешатся. Пока же я отправлю это письмо с Жозе, который поранил себе руку в бамбуковых зарослях и требует, чтобы его отпустили. Надеюсь, что письмо все-таки попадет по назначению. При первой же возможности напишу еще. К письму прилагаю приблизительный план нашего путешествия в расчете на то, что он поможет вам уяснить все здесь изложенное.

Глава IX

КТО МОГ ПРЕДУГАДАТЬ ЭТО?

Нас постигло страшное несчастье. Кто мог предугадать это? Теперь я не вижу конца нашим бедам. Может быть, нам суждено остаться на всю жизнь в этом загадочном, неприступном месте. Я так потрясен случившимся, что до сих пор не могу хорошенько разобраться в настоящем, не могу заглянуть вперед, в будущее. Первое кажется моему смятенному мозгу ужасным, второе — беспросветным, как ночь.

Вряд ли кто-нибудь попадал в такое положение. Оно столь безвыходно, что я даже не считаю нужным открывать вам точные координаты этой горной цепи и вызывать к друзьям о высылке спасательной партии. Если такая партия и будет выслана, наша судьба, по всей вероятности, решится задолго до ее прибытия в Южную Америку.

Да, мы отрезаны от всякой помощи, все равно как если бы нас занесло на Луну. Если же мы выйдем с честью из этой беды, то будем обязаны спасением только самим себе. Мои три спутника — люди незаурядные, люди замечательного ума и непоколебимого мужества. В этом, и только в этом, вся наша надежда. Стоит мне взглянуть на спокойные лица товарищей, и мрак вокруг меня рассеивается. Смею думать, что внешне я держусь с таким же спокойствием. На самом же деле меня мучают тяжкие сомнения.

А теперь позвольте мне изложить со всеми подробностями ход событий, который привел нас к катастрофе.

В последнем своем отчете я писал, что мы находимся в семи милях от цепи красных скал, опоясывающих кольцом то самое плато, о котором говорил профессор Челленджер. Когда наша партия подошла к ним поближе, мне показалось, что

профессор даже преуменьшил их высоту, так как в некоторых местах они достигают по крайней мере тысячи футов. Бросается в глаза также слоистость этих скал, по-видимому, характерная для базальтовых образований. Нечто подобное можно наблюдать в Селисберийских утесах близ Эдинбурга. Вершина горной цепи покрыта пышной растительностью — по краям поднимаются кусты, а за ними высокие деревья. Живых существ здесь, очевидно, нет.

Той ночью мы разбили лагерь у самого подножия горной цепи, в пустынном и мрачном месте. Красные скалы, поднимающиеся над нами, не только совершенно отвесны, но и загигают по краям наружу, так что о подъеме с этой стороны нечего и думать. Невдалеке от нашего лагеря стоит высокий, суживающийся кверху, утес. Я, кажется, уже говорил о нем в свое время. Он напоминает утолщенный церковный шпиль. Вершина его, на котором растет высокое дерево, приходится вровень с плато, но их разделяет расщелина. Этот утес и ближайшие к нему отроги горной цепи не очень высоки — на мой взгляд, футов пятьсот-шестьсот, не больше.

— Вот на этом самом дереве, — сказал профессор, — сидел птеродактиль, которого я подстрелил. Мне пришлось вскарабкаться до половины утеса. Думаю, что хороший альпинист, вроде меня, сможет подняться и на вершину, хотя от туда на плато все равно не переберешься.

Пока Челленджер говорил о своем птеродактиле, я приглядывался к профессору Саммерли и впервые уловил в нем нечто новое: он явно начинал верить своему сопернику и даже проявлял некоторые признаки раскаяния. Язвительная усмешка исчезла с его губ, он стоял бледный и не старался скрыть своего изумления. Челленджер тоже не преминул заметить это и уже упивался победой.

— Профессор Саммерли, разумеется, думает, что, говоря о птеродактиле, я имею в виду обыкновенного аиста, — сказал он, неуклюже пытаясь сострить, — но этот аист лишен оперения, у него необычайно твердый покров, перепончатые крылья и усаженный зубами клюв.

Челленджер отвесил низкий поклон, ухмыльнулся, подмигнул своему коллеге, а тот не выдержал и отошел прочь.

Утром после скромного завтрака, состоявшего из кофе и маниока — провизию приходилось экономить, — мы созвали военный совет и стали обсуждать, каким образом подняться на плато.

Профессор Челленджер председательствовал с необычайной торжественностью — ни дать ни взять верховный судья.

Представьте себе такую картину: этот бородач в сдвинутой на затылок нелепой соломенной шляпе восседает на камнях, надменно поглядывая на нас из-под полуопущенных век, и медленно, с расстановкой говорит о нашем теперешнем положении и дальнейших планах действия. Перед ним разместились мы трое: ваш покорный слуга — загорелый, сильно окрепший на свежем воздухе; Саммерли, с важным и по-прежнему скептическим видом попыхивающий трубкой, и худощавый, острый, как лезвие бритвы, лорд Джон, который опирается на винтовку, устремив на Челленджера орлиный взор. Позади нас двое смуглых метисов и сбившиеся в кучку индейцы, а впереди красноватые ребристые скалы, закрывающие нам доступ к желанной цели.

— Вряд ли стоит говорить, — так начал наш руководитель, — что в свой первый приезд я испробовал все способы подняться на плато, и если уж это не удалось мне, опытному альпинисту, то другому и подавно не удастся. Правда, у меня не было никаких альпинистских приспособлений, но теперь я об этом позаботился и с их помощью во что бы то ни стало доберусь до вершины утеса. Впрочем, о подъеме на главный кряж с этой стороны пока что нечего и думать. В прошлый раз мне пришлось торопиться: приближался период дождей, кроме того, мои запасы подходили к концу. Все это крайне стеснило меня во времени, и я успел обогнуть хребет в восточном направлении миль на шесть и не нашел сколько-нибудь подходящего места для подъема. Что же мы предпримем теперь?

— По-моему, здравый смысл подсказывает нам только один выход, — заговорил профессор Саммерли. — Если вы обследовали хребет в восточном направлении, то теперь надо идти на запад и посмотреть, нельзя ли подняться с той стороны.

— Правильно, — поддержал его лорд Джон. — Есть основания предполагать, что этот кряж не так уж велик. Мы обойдем его вокруг или отыщем то, что нам нужно, либо вернемся к исходной точке.

— Я уже разъяснил нашему юному другу, — сказал Челленджер (он всегда говорил обо мне, как о десятилетнем школьнике), — что на легкий подъем рассчитывать не приходится, и по весьма простой причине: если б таковой существо-

вал, плато не было бы отрезано от остального мира и на нем не создались бы условия, которые нарушают все известные нам законы выживания видов. Тем не менее я вполне допускаю, что на склонах есть места, доступные опытному альпинисту, но непреодолимые для тяжелых, неповоротливых животных. В существовании по крайней мере одного такого места я просто уверен.

— Что же вам дало эту уверенность, сэр? — резко спросил его Саммерли.

— А то, что моему предшественнику, американцу Мепл-Уайту, каким-то образом удалось подняться на плато. Иначе как бы он увидел то чудовище, которое зарисовано в его альбоме?

— Следовательно, вы забегаете вперед, не дожидаясь, когда все это будет проверено, — упрямо возразил Саммерли. — Я признаю существование плато, потому что оно у меня перед глазами, но есть ли на нем жизнь, этого мне еще никто не доказал.

— Признаете ли вы что-нибудь или не признаете, — это, сэр, совершенно неважно. Впрочем, я рад, что наличие самого плато все же дошло до вашего сознания. — Челленджер поднял голову и вдруг, вскочив с места, схватил Саммерли за шиворот и задрал ему подбородок кверху. — Ну, сэр, — крикнул он хриплым от волнения голосом, — теперь вы убедились, что на плато есть живой мир?

Я уже говорил о густой бахrome зелени, окаймлявшей края каменной гряды. Так вот, из этих зарослей вдруг показалось какое-то черное блестящее существо. Оно медленно подползло к обрыву, свесилось над ним, и тут мы разглядели, что это огромная змея с плоской, похожей на лопату головой. С минуту она качалась над обрывом, играя на солнце своими гладкими, словно отполированными кольцами, потом медленно подалась назад и исчезла в кустах.

Это зрелище так увлекло Саммерли, что сначала он даже не попытался вырваться из лап Челленджера. Но потом опомнился и, оттолкнув от себя своего коллегу, снова принял достойный вид.

— Профессор Челленджер, — сказал он, — я был бы очень рад, если бы вы нашли какой-нибудь другой способ привлечь внимание к своим словам, вместо того чтобы задрать мне подбородок кверху. Такую вольность не оправдывает даже появление весьма обыкновенного питона.

— А все-таки на плато есть жизнь! — торжествующе воскликнул его коллега. — И теперь, когда этот мой тезис получил столь наглядное подтверждение, что оспаривать его не станут даже самые предубежденные и тупые умы, я предлагаю немедленно покинуть стоянку и двинуться в западном направлении на поиски того места, откуда можно будет совершить подъем.

Подножие хребта было каменистое, неровное, так что мы подвигались вперед медленно и с большим трудом. Но неожиданная находка подбодрила нас: мы наткнулись на следы чей-то давней стоянки. Среди камней валялись несколько жестянок из-под чикагских мясных консервов, сломанный нож к ним, бутылка с этикеткой «Коньяк» и много другой обычной в таких случаях мелочи. Скомканная рваная газета оказалась «Чикагским демократом», но от какого она была числа, обнаружить нам не удалось.

— Не мое, — сказал Челленджер. — Это, должно быть, Мепл-Уайт оставил.

Лорд Джон внимательно разглядывал ствол высокого древовидного папоротника, в тени которого была разбита стоянка.

— Посмотрите-ка, — сказал он. — По-моему, это нечто вроде указательного столба.

К дереву острым концом на запад была прибита щепка.

— Совершенно верно! — воскликнул Челленджер. — Ничего другого и быть не может. Наш предшественник понимал, что предстоящий ему путь сопряжен с опасностями, и оставил эту вежу на тот случай, если его будут разыскивать. Подождите, может быть, мы еще встретим какие-нибудь другие следы.

Он оказался прав, но как неожиданно и страшно было то, что мы увидели! У самого подножия хребта тянулись высокие заросли бамбука, такие же, как те, сквозь которые нам приходилось продираться в начале нашего путешествия. Стебли его достигали порой двадцати футов, а острые, крепкие верхушки торчали кверху, словно настоящие колья. Мы шли вдоль этих зарослей и вдруг заметили, что там блеснуло что-то белое. Я просунул голову между стеблями и увидел череп. В нескольких шагах от него, ближе к краю, лежал и весь скелет.

Индейцы быстро расчистили ножами это место, и разыгравшаяся трагедия предстала перед нами во всех подробно-

стях. От одежды погибшего остались одни лохмотья, но башмаки на голых костях сохранились в целости, и по ним можно было судить, что бывший их обладатель — европеец. Среди костей лежали золотые часы нью-йоркской фирмы «Гудзон» и стилографическое перо на цепочке. Тут же валялся серебряный портсигар с выгравированной на крышке надписью: «Дж. К. от А. Э. С.». Портсигар не успел потемнеть, следовательно, несчастный случай произошел не так давно.

— Кто же это? — спросил лорд Джон. — Вот бедняга! Ни одной целой косточки не осталось!

— И бамбук торчит сквозь ребра, — сказал Саммерли. — Правда, он растет необычайно быстро, но все же трудно предположить, что стебли могли вытянуться до двадцати футов за то время, пока скелет лежит здесь.

— Что касается личности погибшего, — сказал Челленджер, — то на этот счет у меня нет никаких сомнений. До того как присоединиться к вам в асьенде, я навел точные справки о Мепл-Уайте. В Паре о нем ничего не знали. К счастью, меня навел на след один рисунок из его альбома. Помните, завтрак в Розариу у какого-то священника. Так вот этого священника мне удалось разыскать, и хотя он оказался большим спорщиком и страшно разобиделся, когда я стал ему доказывать, что религиозные верования не устоят перед разлагающим действием современной науки, все же наша беседа не прошла даром. Мепл-Уайт приезжал в Розариу четыре года назад, то есть за два года до смерти. Он был не один, с ним путешествовал его друг, американец по имени Джеймс Колвер, который на берег не сходил и со священником не виделся. Поэтому мы можем не сомневаться, что перед нами останки этого самого Джеймса Колвера.

— Еще меньше сомнений вызывают у меня обстоятельства его гибели, — сказал лорд Джон. — Он упал со скалы или же был сброшен оттуда и напоролся на бамбук. Иначе никак не объяснишь переломанные кости. Да и бамбук не мог бы так быстро прорасти сквозь его тело.

Мы молча смотрели на лежавшие перед нами останки, вдумываясь в значение того, что сказал лорд Джон Рокстон. Выступ скалы тяжким молотом нависал над бамбуковой чащей. Американец свалился оттуда. Но сам ли он свалился? Действительно ли это был несчастный случай? А может быть... И чем-то зловещим повеяло на нас при мысли об этой неведомой стране.

Не прерывая молчания, мы двинулись дальше вдоль каменной стены, такой же отвесной и гладкой, как те бескрайние ледяные поля Антарктики, которые, если верить описаниям, простираются от горизонта до горизонта, высоко вздымаясь над мачтами затерявшихся среди них судов. На протяжении первых пяти миль мы не увидели ни единой расщелины, даже ни единой трещины в этой гряде скал. Но вдруг перед нами блеснул луч надежды. В небольшом углублении, куда не могли попасть струи дождя, была нарисована мелом стрела, указывающая по-прежнему на запад.

— Опять Мепл-Уайт, — сказал профессор Челленджер. — Он, очевидно, предчувствовал, что по его стопам пойдут люди, достойные всяческой заботы.

— Значит, у него был при себе мел?

— Ну как же! В его дорожном мешке был целый ящик с пастельными карандашами. Помню, я обратил внимание, что от белого карандаша остался один огрызок.

— Весьма убедительное доказательство, — сказал Саммерли. — Что ж, последуем его указаниям и пойдем дальше, на запад.

Мы прошли еще пять миль и снова увидели белую стрелу на скале. В этом месте в каменной стене появилась первая узкая расщелина. В расщелине снова была нарисована стрела, но на этот раз она указывала куда-то вверх.

Какой торжественностью дышало это место! Гигантские скалы, клочок голубого неба над ними и густая тьма, потому что свет почти не проникал сюда сквозь двойную бахрому зелени. Мы уже несколько часов ничего не ели, утомительный путь по камням изнурил нас, но разве можно было задерживаться здесь! Приказав индейцам разбить лагерь, мы четверо в сопровождении двух метисов двинулись дальше, в глубь тесного ущелья.

У входа оно было не больше сорока футов шириной, но потом быстро начало суживаться и наконец уперлось в откос, такой крутой и скользкий, что о подъеме здесь не приходилось и думать. Наш предшественник явно имел в виду нечто другое. Мы вернулись назад — ущелье было всего лишь в четверть мили глубиной, — и вдруг острый глаз лорда Джона нашел то, что нам требовалось. Высоко, над самой головой у нас, из общего мрака выступало еще более темное пятно. Это был, несомненно, вход в какую-то пещеру.

На дне ущелья лежали груды камней, и мы без труда взобрались по ним вверх. Все наши сомнения рассеялись. Вот он, вход в пещеру, а рядом с ним опять нарисованная мелом стрела! Значит, отсюда, с этого самого места, Мепл-Уайт и его злополучный спутник начали подъем на плато.

Мы были так взволнованы, что не могли и помышлять о возвращении в лагерь. Нам хотелось немедленно обследовать пещеру. Лорд Джон вынул из заплечного мешка электрический фонарик, который должен был служить нам единственным источником света, и двинулся вперед, поводя им по стононам. Мы шли за ним, не отставая.

Судя по гладким стенам и грудам круглых камней, это углубление в скалах было вымыто водой. Проникнуть в него нам удалось лишь поодиночке, да и то низко пригибаясь. На протяжении первых пятидесяти ярдов пещера углублялась прямо в толщу скал, а потом начала подниматься под углом в сорок пять градусов. Вскоре подъем стал еще круче, и нам пришлось карабкаться вверх на четвереньках по мелкой осыпающейся гальке. Прошло еще несколько минут, и вдруг лорд Джон крикнул:

— Дальше хода нет!

Столпившись позади него, мы увидели в желтом свете фонаря нагромождение базальтовых обломков, доходивших до самого потолка пещеры.

— Обвал!

Мы вытащили несколько камней, но это ничему не помогло и лишь расшатало более крупные глыбы, которые, того и гляди, могли рухнуть вниз и придавить нас. Преодолеть такое препятствие нам было явно не под силу. Путь, которым шел Мепл-Уайт, больше не существовал.

Мы были так подавлены этим, что, не обменявшись ни словом, повернули назад и побрели по темному ущелью. Но тут произошло одно событие, которое в ряду других оказалось весьма знаменательным.

Мы кучкой стояли на дне ущелья, футах в сорока ниже пещеры, как вдруг мимо нас пролетел огромный камень. Нам чудом удалось избежать смерти. С нашего места не было видно, откуда сорвалась эта глыба, но, по словам обоих метисов, задержавшихся у входа в пещеру, она пролетела и мимо них, следовательно, ей неоткуда было упасть, кроме как с самой вершины. Мы посмотрели туда, но в зеленых зарослях, окаймлявших края скал, не было заметно ни малейшего движе-

ния. И все же никто из нас не сомневался, что камень был предназначен нам. Значит, на плато есть люди — люди, от которых следует ждать всего самого худшего!

Мы поспешно вышли из ущелья, размышляя о том, как это неожиданное событие может повлиять на наши планы. Положение было и без того трудное, но если к препятствиям, которые чинит на нашем пути природа, прибавятся еще и злоумышления человека, тогда нам придется совсем плохо. И все же кто из нас отважился бы вернуться в Лондон, не узнав, что скрывается за этой пышной каймой зелени, раскинувшейся в какой-нибудь сотне футов над нами? Обсудив все это, мы решили продолжать обход плато и отыскивать другое место, откуда можно будет подняться на его вершину. Грядя скал, значительно снизившаяся, шла теперь уже не в западном, а в северном направлении, и если принять пройденную нами часть за сектор окружности, то вся окружность, видимо, была не особенно велика. В худшем случае мы могли через несколько дней вернуться к той точке, откуда начали обход.

Двадцать две мили, проделанные нами за этот день, не принесли ничего нового. Кстати сказать, anerоидный барометр показывает, что, считая с того места, где у нас были оставлены челны, мы постепенно поднялись по меньшей мере на три тысячи футов над уровнем моря. Этим объясняются и заметные изменения температуры и растительности. Мы почти отделались от насекомых, от этого проклятья, которое в тропиках отравляет жизнь путешественнику. Некоторые виды пальм еще попадают, древовидного папоротника по-прежнему много, а вот высокие деревья, которыми так богат бассейн Амазонки, исчезли без следа. Зато как приятно было встретить среди этих негостеприимных скал наш вьюнок, страстоцвет и бегонию — цветы, напоминающие о родных краях! Вот такая же точно красная бегония цветет в окне одной виллы в Стритеме... Впрочем, я, кажется, незаметно уклонился в сторону, в область личных воспоминаний!

В тот вечер — я все еще рассказываю о первом дне похода вокруг горного кряжа — с нами случилось то, после чего уже никто не сомневался, что в самом недалеком будущем нас ждут чудеса.

Дорогой мистер Мак-Арлл! Читая эти строки, вы, может быть, впервые почувствуете, что редакция послала меня сюда не зря и что этот материал, который можно будет напечатать с разрешения профессора, необычайно интересен. Да я сам

осмелюсь опубликовать его лишь в том случае, если вернусь в Англию с вещественными доказательствами, подтверждающими правоту моих слов, иначе меня ославят как нового Мюнхаузена.

Вы, наверное, тоже так думаете и не захотите рисковать репутацией «Дейли-газетт» до тех пор, пока мы не сможем достойным образом защититься против той волны критики и скептицизма, которую неизбежно вызовут мои статьи. Посему пусть отчет об этом поразительном случае — какую сенсационную шапку можно было бы дать в нашей старушке «Дейли»! — лежит у вас в столе и ждет своего часа.

А ведь все произошло в одно мгновение, и след от этого события остался только у нас в мозгу.

Вот как было дело. Лорд Джон подстрелил агути — небольшое животное вроде свиньи. Половину туши мы отдали индейцам, другую жарили для себя на костре. С наступлением темноты здесь становилось прохладно, и каждый из нас жался поближе к огню. Ночь была безлунная, но звезды немного разрежали темноту, нависшую над равниной. И вдруг из этой темноты, из этого ночного мрака со свистом, напоминающим свист аэроплана, к костру ринулось сверху какое-то существо. Перепончатые крылья на миг прикрыли нас, словно пологом, и я успел разглядеть длинную, как у змеи, шею, свирепые, блеснувшие красным огоньком глаза и огромный разверстый клюв, усаженный, к моему величайшему изумлению, мелкими, ослепительно белыми зубами. Секунда — и это существо унеслось прочь... вместе с нашим ужином. Огромная черная тень футов двадцати в поперечнике взмыла к небу, чудовищные крылья на миг погасили звезды и скрылись за скалами, возвышавшимися над нами. Пораженные, мы молча сидели у костра, словно те герои Вергилия, на которых напали гарпии. Саммерли первый нарушил молчание.

— Профессор Челленджер, — торжественным, дрожащим от волнения голосом проговорил он, — я должен извиниться перед вами. Я был не прав, сэр, но надеюсь, что вы предадите прошлое забвению.

Это было хорошо сказано, и оба наших ученых впервые обменялись рукопожатием. Вот что дало нам непосредственное знакомство с птеродактилем. Не жаль было поступиться ужином ради примирения двух таких людей.

Но если плато и населяют доисторические животные, то их, по-видимому, не так уж много, потому что в ближайшие

три дня нам ничего такого не попало. Все это время мы шли вдоль восточной и северной стен плато по голой, унетающе суровой местности. Сначала это была каменистая пустыня, потом унылые болота, изобилующие дикой птицей. Эти места совершенно неприступны, и если б не твердый выступ у самого подножия скал, то нам пришлось бы поворачивать обратно.

Сколько раз мы уходили по пояс в жидкий кисель полутропических болот! Но что было хуже всего — это яракаки, самые ядовитые и злые змеи Южной Америки, которыми полны эти болота. Они полчищами выползали из зловонной топи и кидались нам вслед. Нас спасали только винтовки, которые мы всегда держали наготове. Я, вероятно, во веки вечные не отделаюсь от кошмарного воспоминания об одной воронкообразной впадине в трясине, поросшей серо-зеленым лишайником. Там было настоящее гнездо этих гадов, откосы впадины кишели ими, и они тотчас же устремлялись в нашу сторону, ибо яракака тем и знаменита, что стоит ей только завидеть человека, как она немедленно кидается на него. Всех змей нельзя перестрелять, и мы бросились наутек и бежали до тех пор, пока не выбились из сил. Остановившись, я оглянулся назад и увидел, как наши страшные преследователи извивались среди камышей, не желая прекращать погоню, и этого зрелища мне никогда не забыть. На карте, которую мы чертим, это место так и будет названо: Змеиное болото.

С восточной стороны плато скалы были уже не красного, а темно-шоколадного цвета, растительность, окаймлявшая их вершины, заметно поредела, но, несмотря на то, что общий уровень горного кряжа снизился до трехсот-четырехсот футов, нам и здесь не удалось найти место для подъема. Скалы, пожалуй, стали даже еще отвеснее, чем там, где мы начинали свой обход. О совершенной неприступности их можно судить по прилагаемому снимку, который сделан со стороны каменистой пустыни.

— Но ведь дождевая вода должна как-то сбегать вниз, — сказал я, когда мы обсуждали, что нам предпринять дальше. — Значит, на склонах не может быть промоин.

— У нашего юного друга бывают иногда проблески здравого смысла, — ответил профессор Челленджер, хлопнув меня по плечу.

— Дождевая вода должна куда-то деваться, — повторил я.

— Нет, какая у него хватка! Какой трезвый ум! Беда лишь в том, что мы воочию убедились в отсутствии таких промоин.

— Тогда куда же она девается? — настаивал я.

— Очевидно, задерживается где-то внутри, поскольку стоков нет.

— Значит, в центре плато есть озеро?

— Полагаю, что так.

— И, по всей вероятности, оно образовалось на месте старого кратера, — сказал Саммерли. — Формация этого края явно вулканического происхождения. Во всяком случае, я склонен думать, что поверхность плато имеет уклон к центру, а там есть значительный резервуар, вода из которого стекает каким-нибудь подземным путем в Змеиное болото.

— Либо испаряется, что тоже способствует сохранению должного уровня, — заметил Челленджер, после чего оба ученых по своему обыкновению затеяли научный спор, который для нас, был поистине китайской грамотой.

На шестой день мы закончили обход горного края и вернулись к своей прежней стоянке у пирамидального утеса. Вернулись удрученные, так как обход окончательно убедил нас, что даже самые ловкие и самые сильные не смогут подняться на это плато. Ущелье, к которому вели указательные стрелки Мепл-Уайта и которым он, по-видимому, сам воспользовался, было теперь непроходимо.

Что же нам оставалось делать? Провизии и того, что мы добывали охотой, у нас было вполне достаточно, но ведь наступит день, когда запасы надо будет пополнить. Месяца через два начнутся дожди, и тогда в лагере не усидишь. Эти скалы тверже мрамора, у нас не хватит ни времени, ни сил, чтобы высечь тропинку на такую высоту. Поэтому нет ничего удивительного, что весь тот вечер мы мрачно поглядывали друг на друга и, наконец, не тратя лишних слов, забрались под одеяла. Перед тем как уснуть, я полюбовался на следующую картину: Челленджер, словно огромная жаба, сидел на корточках у костра, подперев руками свою массивную голову, и, по-видимому, был так погружен в размышления, что даже не отозвался на мое «спокойной ночи».

Но утром перед нами предстал совсем другой Челленджер. Этот Челленджер, видимо, был в восторге от собственной персоны и всем своим существом излучал самодовольство. За завтраком он то и дело поглядывал на нас с притвор-

ной скромностью, словно говоря: «Все ваши похвалы мною заслужены, я это знаю, но умоляю вас, не заставляйте меня краснеть от смущения!» Борода у него так и топорщилась, грудь была выпячена вперед, рука заложена за борт куртки. Таким он, вероятно, видел себя на одном из пьедесталов Трафальгар-сквера, еще не занятом очередным лондонским пугалом.

— Эврика!— крикнул наконец Челленджер, сверкнув зубами сквозь бороду.— Джентльмены, вы можете поздравить меня, а я могу поздравить всех вас. Задача решена!

— Вы нашли, откуда можно подняться на плато?

— Осмеливаюсь так думать.

— Откуда же?

Вместо ответа Челленджер показал на пирамидальный утес, возвышавшийся направо от нашей стоянки. Физиономии у нас вытянулись — по крайней мере за свою ручаюсь. Со слов Челленджера мы знали, что на этот утес можно подняться. Но ведь между ним и плато лежит страшная пропасть!

— Нам не перебраться через нее,— еле выговорил я.

— На вершину мы так или иначе поднимемся,— ответил он.— А там посмотрим, может быть, я сумею вам доказать, что моя изобретательность еще не исчерпана до конца.

После завтрака мы развязали тюк, в котором наш руководитель держал все свои альпинистские приспособления. Оттуда были извлечены железные кошки, скобы и необычайно крепкий и легкий канат длиной в полтораста футов. Лорд Джон был опытный альпинист, Саммерли тоже приходилось совершать трудные восхождения, следовательно, из всех нас новичком в этом деле был один я. Но сила и ретивость должны были возместить мне отсутствие опыта.

Задача оказалась не такой уж трудной, хотя бывали минуты, когда у меня волосы шевелились на голове. Первая половина подъема прошла совсем просто, но дальше утес становился все круче, и последние пятьдесят футов мы подвигались, цепляясь руками и ногами за каждый выступ, за каждую трещину в камнях. Ни я, ни профессор Саммерли не одолели бы всего подъема, если б не Челленджер. Он первый добрался до вершины (странно было видеть такую ловкость в этом грузном человеке) и привязал канат к стволу большого дерева, которое росло там. С его помощью мы скоро вскарабкались вверх по неровной каменной стене и очутились на не-

большой, заросшей травой площадке футов в двадцать пять в поперечнике. Это и была вершина утеса.

Отдышавшись немного, я глянул назад и был поражен открывшимся передо мной видом. Казалось, вся бразильская равнина лежала перед нами, уходя вдаль, к голубоватой дымке, застилавшей горизонт. У самых наших ног поднимался пологий каменистый склон, поросший кое-где древовидным папоротником, а дальше, за седловиной холмов, отчетливо выступали желто-зеленые заросли бамбука, через которые мы не так давно пробирались. Потом кусты и деревья стали гуще и, наконец, слились в сплошную стену джунглей, тянувшуюся покуда хватал глаз и, наверно, еще на добрых две тысячи миль в глубь страны.

Я все еще, как зачарованный, упивался этой волшебной панорамой, как вдруг тяжелая рука профессора опустилась на мое плечо.

— Смотрите сюда, мой юный друг,— сказал он.— *Vestigia nulla retrorsum!*¹ Стремитесь вперед, к нашей славной цели!

Я перевел взгляд на плато. Оно лежало на одном уровне с нами, и зеленая кайма кустарника с редкими деревьями была так близко от утеса, что я невольно усомнился: неужели она действительно недосягаема? На глаз эта пропасть была не больше сорока футов шириной, но не все ли равно — сорок футов или четыреста? Я ухватился за ствол дерева и заглянул вниз, в бездну. Там, на самом ее дне, чернели крохотные фигурки индейцев, смотревших на нас. Обе стены — и утеса и горного края — были совершенно отвесные.

— Любопытная вещь! — послышался сзади меня скрипучий голос профессора Саммерли.

Я оглянулся и увидел, что он с величайшим интересом разглядывает дерево, которое удерживало меня над бездной. В этой гладкой коре и маленьких ребристых листьях было что-то страшно знакомое.

— Да ведь это бук! — воскликнул я.

— Совершенно верно, — подтвердил Саммерли. — Наш земляк тоже попал на чужбину.

¹ Ни шагу назад! (*лат.*)

— Не только земляк, уважаемый сэръ, но и вечный союзник, если уж на то пошло, — сказал Челленджер. — Этот бук окажется нашим спасителем.

— Мост! — крикнул лорд Джон. — Боже милостливый, мост!

— Правильно, друзья мои, мост! Недаром я вчера целый час ломал себе голову, все старался найти какой-нибудь выход. Если наш юный друг помнит, ему уже было сказано однажды, что Джордж Эдуард Челленджер чувствует себя лучше всего, когда его припирают к стене. А вчера — вы, конечно, не станете этого отрицать — мы все были приперты к стене. Но там, где интеллект и воля действуют заодно, выход всегда найдется. Через эту пропасть надо перекинуть мост. Вот он, перед вами!

Действительно, блестящая мысль! Дерево было не меньше шестидесяти футов вышиной, и если оно ляжет так, как надо, пропасть будет перекрыта. Готовясь к подъему, Челленджер захватил с собой топор. Теперь он протянул его мне.

— У нашего юного друга завидная мускулатура. Он лучше всех справится с этой задачей. Тем не менее прошу вас, делайте только то, что вам будет сказано, и не старайтесь утруждать свои мозги.

Следуя его указаниям, я сделал несколько зарубок на дереве с таким расчетом, чтобы оно упало в нужном направлении. Задача оказалась нетрудной, так как ствол его сам по себе кренился к плато. Затем я принялся за работу всерьез, чередуясь с лордом Джоном. Примерно через час раздался громкий треск, дерево закачалось и рухнуло, утонув вершиной в кустах на противоположной стороне пропасти. Ствол откатился к самому краю площадки, и на одно страшное мгновение нам показалось, что дерево свалится вниз. Но оно дрогнуло в нескольких дюймах от края и остановилось. Мост в Неведомую страну был переброшен!

Все мы, не говоря ни слова, пожали руку профессору Челленджеру, а он снял свою соломенную шляпу и отвесил каждому из нас глубокий поклон.

— Мне принадлежит честь первым ступить на землю Неведомой страны, — сказал он. — Не сомневаюсь, что художники будущего запечатлеют этот исторический момент на своих полотнах.

Он уже подошел к краю пропасти, когда лорд Джон вдруг схватил его за куртку.

— Мой дорогой друг, — сказал он, — я ни в коем случае не допущу этого.

— То есть как, сэр! — Голова Челленджера откинулась назад, борода вздернулась кверху.

— Во всем, что касается науки, я признаю ваше первенство, потому что вы ученый. Но это по моей части, так что будьте добры слушаться меня.

— Как это «по вашей части», сэр?

— У каждого из нас есть свое ремесло, и мое ремесло солдатское. Насколько я понимаю, мы собираемся вторгнуться в неизведанную страну, быть может, битком набитую врагами. Немножко здравого смысла и выдержки. Я не привык действовать очертя голову.

Доводы лорда были настолько убедительны, что спорить с ним не приходилось. Челленджер вскинул голову и пожал плечами.

— Хорошо, сэр, что же вы предлагаете?

— Кто знает, может быть, в этих кустах притаилось целое племя канныбалов, которым сейчас самое время позавтракать? — сказал лорд Джон, глядя через мост на скалы. — Вот попадем в кипящий котел, тогда поздно будет раздумывать. Поэтому давайте надеяться, что ничего дурного нас не ожидает, но действовать будем на всякий случай с осмотрительностью. Мы с Мелуном спустимся вниз, возьмем все четыре винтовки и вернемся обратно с обоими метисами. Потом один из нас под прикрытием винтовок перейдет на ту сторону, и если все обойдется благополучно, тогда за ним последуют и остальные.

Челленджер сел на пенек срубленного дерева и застонал от нетерпения, но мы с Саммерли единодушно поддержали лорда Джона, считая, что в таких делах право руководства должно принадлежать ему. Вздвигаться по утесу теперь было гораздо легче, потому что в самом трудном месте нам помогал канат. Через час мы явились обратно с винтовками и дробовиком. Метисы по распоряжению лорда Джона перенесли наверх мешок со съестными припасами на тот случай, если наша первая вылазка в Неведомую страну затянется. Патроны были у каждого при себе.

— Ну-с, Челленджер, если вы непременно хотите быть первым... — сказал лорд Джон, когда все приготовления были закончены.

— Премного вам обязан за столь милостливое разрешение! — злобно ответил профессор, не признающий никаких авторитетов, кроме своего собственного. — Если вы ничего не имеете против, я воспользуюсь вашей любезностью и выступлю на сей раз в роли пионера.

Он перебросил топорик за спину, сел на дерево верхом и, отталкиваясь обеими руками, быстро перебрался по стволу на ту сторону. А там встал на землю и вскинул вверх руки.

— Наконец-то! — крикнул он. — Наконец-то!

Я со страхом следил за ним, ожидая, какую же судьбу готовит ему эта зеленая завеса. Но кругом было тихо, только какая-то странная пестрая птица вспорхнула у профессора из-под ног и скрылась среди деревьев.

Вторым через пропасть перебрался Саммерли. Просто поразительно, сколько силы в этом тщедушном теле! Он пожелал непременно захватить с собой две винтовки, так что теперь оба профессора были вооружены. Потом наступил мой черед. Я старался не смотреть в разверзшуюся подо мной страшную бездну. Саммерли протянул мне приклад винтовки, а секундой позже я уже ухватил его за руку. Что касается лорда Джона, то он просто перешел по мосту — перешел без всякой поддержки! Железные нервы у этого человека!

И вот мы четверо в волшебной стране, в Затерянном мире, куда до сих пор проник один Мепл-Уайт! Настала минута величайшего торжества. Но кто мог подумать, что эта минута будет для нас началом величайших бедствий? Позвольте мне рассказать в нескольких словах, как грянул над нами этот страшный удар.

Мы отошли от края пропасти и успели футов на пятьдесят пробраться сквозь густой кустарник, как вдруг позади раздался оглушительный грохот. Мы инстинктивно бросились назад. Нашего моста больше не существовало!

Заглянув вниз, я увидел на самом дне пропасти путаницу ветвей и щепок — все, что осталось от бука. Неужели край площадки не выдержал такой тяжести и осыпался под ней? Это была первая мысль, которая пришла нам в голову. А потом из-за выступа пирамидального утеса медленно показалась чья-то коричневая физиономия. Это был наш метис Гомес. Но куда девалась его сдержанная улыбка и непроницаемость сфинкса? Лицо, смотревшее на нас, искажала ненависть, утоленная месть зажгла сумасшедшим восторгом его глаза.

— Лорд Рокстон! — крикнул он. — Лорд Джон Рокстон!

— Что нужно? — отозвался наш спутник. — Я здесь!

До нас донесся взрыв хохота.

— Да, ты там, английская собака, и тебе оттуда не выбраться! Я ждал, долго ждал, когда настанет мой час. Вам трудно было взбираться наверх, а спускаться вниз будет еще труднее. Эх, дурачье! Попались в ловушку? Все до одного попались!

Пораженные, мы не находили слов и молча смотрела на метиса. Большой сломанный сук, лежавший на траве, объяснил нам, что послужило ему рычагом, когда он сбрасывал наш мост. Его лицо исчезло в кустах, но через секунду появилось снова, еще больше искаженное ненавистью.

— Мы чуть не убили вас камнем у пещеры, — крикнул он, — но так будет лучше! Медленная смерть страшнее. Победеют ваши косточки, и никто не узнает, где они покоятся, никто не придет прикрыть их землей. Когда будешь издыхать, вспомни Лопеса, которого ты убил пять лет тому назад у реки Путумайо! Я его брат, и какая бы смерть ни настигла меня, я умру спокойно, потому что он отомщен!

Метис яростно погрозил нам кулаком и скрылся. Наступила тишина.

Если б Гомес утолил свою месть и тем ограничился, все сошло бы ему с рук. Его погубила безрассудная страсть к драматическим эффектам, свойственная всем людям латинской расы, а Рокстон, прославивший «бичом Божиим» в трех странах Южной Америки, не позволял с собой шутить. Метис уже спускался по противоположному склону утеса, но ему так и не удалось ступить на землю. Лорд Джон побежал по краю плато чтобы не терять его из виду. Грянул выстрел, мы услышали пронзительный вопль и через секунду — глухой стук упавшего тела. Рокстон вернулся к нам; лицо у него было окаменевшее.

— Я слепец, простофиля! — с горечью сказал он. — Моя глупость погубила вас всех. Вольно же мне было забывать, что эти люди не прощают кровных обид, что с ними всегда надо быть начеку!

— Зачем же вы пощадили другого метиса? Ведь без его помощи Гомес не справился бы с деревом.

— Я бы мог покончить и с ним, да пожалел. Может, он тут ни при чем. Но, пожалуй, вы правы. Лучше было пристрелить и его: он, наверно, помогал Гомесу.

Теперь, когда истинная подоплека этого предательства разъяснилась, мы начали вспоминать, что поведение метиса во многом было подозрительно. Все стало понятно: и его упорное стремление проникнуть в планы экспедиции, и ссора у хижины, когда Самбо помешал ему подслушать разговор, и полные ненависти взгляды, которые нам частенько приходилось перехватывать. Мы продолжали толковать обо всем этом, в то же время стараясь освоиться с новым поворотом событий, как вдруг внимание наше привлекла любопытная сцена, разыгравшаяся внизу, у подножия каменной гряды. Человск, одетый в белое — очевидно, оставшийся в живых метис, — во все лопатки бежал по равнине, будто удирая от настигающей его смерти. За ним огромными прыжками неслись черный, как смоль, великан — наш преданный негр Самбо. У нас на глазах он нагнал беглеца, вскочил ему на спину и обхватил его руками за шею. Они покатались по земле. Минуту спустя Самбо поднялся на ноги, взглянул на распростертое перед ним тело и, радостно помахав нам руками, побежал к утесу. Неподвижная белая фигура так и осталась лежать посреди равнины.

Возмездие настигло обоих предателей, но содеянное ими было непоправимо. Мы не могли вернуться на утес. Когда-то нашим обиталищем был весь мир, теперь он сузился до размеров этого плато. То и другое существовало отдельно. Вот равнина, которая ведет к тому месту, где у нас спрятаны челны. А там, за лиловой дымкой горизонта, река, обратный путь к цивилизации. Исчезло лишь одно-единственное связующее звено. Никакой изобретательности не хватит на то, чтобы перекинуть мост через пропасть, зияющую между нашим настоящим и прошлым. Достаточно было одного мига — и как все изменилось!

И тут я понял, из какого теста слеплены мои три товарища. Правда, вид у них был очень серьезный и сосредоточенный, но ничто не могло нарушить невозмутимое спокойствие этих людей. Нам не оставалось ничего другого, как сидеть в кустах и терпеливо поджидать Самбо. И вскоре его добродушная черная физиономия выглянула из-за камней, и он стал на вершине утеса во весь свой могучий рост.

— Что я теперь сделать? — крикнул Самбо. — Вы мне говорить, и я все буду делать.

Задать такой вопрос ничего не стоило, а ответить на него было трудно. Мы знали лишь одно: Самбо — наша единствен-

ная надежная связь с внешним миром. Только бы он не оставил нас!

— Нет, нет! — крикнул Самбо. — Я вас не оставит. Я всегда здесь. Индейцы хотел уходить. Самбо не может удерживать индейцы. Они говорят, здесь живет Курупупури, пойдем домой. Вас нет, а Самбо один не может уговорить.

Действительно, за последнее время индейцы не скрывали, что им хочется бросить нас и вернуться восвояси. Самбо говорил правду: удержать их теперь не было никакой возможности.

— Самбо! Скажи им, пусть подождут до завтра! Тогда я пошлю с ними письмо! — крикнул я.

— Хорошо, сэр! Индейцы будут ждать завтра. Самбо дал слово.

Дел для нашего верного негра нашлось много, и он справился со всем как нельзя лучше. Прежде всего мы велели ему отвязать канат, обмотанный вокруг пня, и перебросить один его конец к нам. Канат был не толще бельевой веревки, но очень крепкий; хотя в качестве моста он не годился, все же в нашем положении такая вещь была необходима. Потом Самбо привязал к своему концу мешок со съестными припасами, уже поднятый на утес, и мы перетасили его к себе. Этого нам должно было хватить по крайней мере на неделю, даже если не пополнять запасов охотой. Наконец, Самбо принес наверх еще два мешка, в которых были патроны и много других вещей. Все это мы перетасили на канате к себе. Был уже вечер, когда наш негр в последний раз спустился вниз, твердо заверив нас, что индейцы останутся до утра.

Вот почему почти всю эту ночь — нашу первую ночь на плато — я просидел с фонарем, записывая то, что произошло с нами.

Мы расположились на ночлег у самого края обрыва и тут же поужинали, запивая еду аполлинарисом, две бутылки которого нашлись в одном из мешков с провизией. Отыскать воду — для нас вопрос жизни и смерти, но я думаю, что на сегодня приключений достаточно даже для лорда Джона, а другие и подавно не испытывают никакого желания отправиться на разведку в Неведомую страну. Костра мы решили не разжигать и вообще стараемся производить как можно меньше шума.

Завтра, вернее сегодня, потому что я досидел до рассвета, мы совершим первую вылазку в этот загадочный мир. Когда

мне удастся продолжить свои записи и удастся ли,— я не знаю. Пока что индейцы все еще здесь — мне видно их отсюда, и я уверен, что наш Самбо скоро явится за письмом. Очень надеюсь, что оно попадет по адресу.

P.S. Чем больше я раздумываю над нашим положением, тем безотраднее оно мне кажется. Надежды на возвращение у меня нет. Если бы у края плато росло высокое дерево, мы могли бы перебросить через пропасть новый мост, но ближе пятидесяти футов деревьев нет, а подтащить к обрыву такую тяжесть нам не удастся даже вчетвером. Канат же слишком короток, на нем не спустишься. Нет, наше положение безнадежно, безнадежно!

Глава X

ВОТ ОНИ, ЧУДЕСА!

С нами произошли и все еще происходят самые настоящие чудеса. Мои бумажные запасы состоят из пяти потрепанных блокнотов да кучи разрозненных листков, а стилографический карандаш у меня всего-навсего один. Но пока рука моя сохранит способность двигаться, я не перестану вести подробную запись всех наших приключений и, памятуя, что мы одни из всего рода человеческого свидетели этих чудес, поспешу описать их, пока они еще свежи у меня в памяти и пока нас не постигла злая участь, которой нам, по-видимому не избежать.

Сможет ли Самбо доставить мои письма к берегам Амазонки, привезу ли я их в Лондон, чудесным образом вырвавшись отсюда, попадут ли они в руки какого-нибудь смельчака, который, может быть, доберется до плато на усовершенствованном моноплане,— ничего этого я не знаю, но, как бы там ни было, меня не покидает твердая уверенность, что эти записи станут классической повестью об истинных приключениях и что им суждено бессмертие.

На другой же день, после того как негодяй Гомес устроил нам ловушку на плато, мы во многом пополнили свой жизненный опыт. Впрочем, первое испытание, выпавшее в то утро на мою долю, не внушило мне особых симпатий к месту, куда нас занесла судьба. Я заснул только с рассветом и, про-

снувшись, увидел у себя на икре что-то странное. Во время сна правая штанина у меня немного вздернулась, и теперь мужду ней и носком на ноге сидела большая багрово-красная виноградина. Удивленный этим, я только дотронулся до нее, и вдруг, к моему величайшему ужасу и отвращению, виноградина лопнула у меня между пальцами, брызнув во все стороны кровью. На мой крик прибежали оба профессора.

— Чрезвычайно любопытно! — сказал Саммерли, нагнувшись надо мной. — Громадный клещ и, насколько мне известно, не занесенный ни в один определитель.

— Мы пожинаем первые плоды наших трудов, — наизидательным тоном прогудел Челленджер. — Придется назвать его *Ioxodes Maloni*. Но, мой юный друг, что значит такой пустяк, как укус клеща, по сравнению с тем, что ваше имя будет напечатано в славных анналах зоологии! К несчастью, вы раздавили этот великолепный экземпляр в момент его насыщения.

— Какая мерзость! — воскликнул я.

В знак протеста Челленджер поднял свои мохнатые брови и успокоительно потрепал меня по плечу.

— Учитесь смотреть на вещи с научной точки зрения, развивайте в себе беспристрастного ученого, — сказал он. — Для человека с философическим складом мышления, вроде меня, например, этот клещ с его ланцевидным хоботком и растягивающимся желудком является таким же прекрасным творением природы, как, скажем, павлин или северное сияние. Мне больно слышать, что вы отзываетесь о нем столь неодобрительно. При известном старании мы сможем раздобыть второй такой же экземпляр, в этом я не сомневаюсь.

— Я тоже в этом не сомневаюсь, — мрачно проговорил Саммерли, — ибо этот второй экземпляр только залез вам за шиворот.

Челленджер так и подскочил на месте и, взревев, как бык, начал рвать на себе куртку и рубашку. Мы с Саммерли так развеселились, что даже не могли помочь ему. Наконец нам кое-как удалось обнажить могучий торс Челленджера (обхват груди пятьдесят четыре дюйма по мерке портного) и поймать клеща, который запутался в дебрях черных волос, покрывавших его грудь, и не успел причинить ему никакого вреда. Оказалось, что кругом все кусты кишат этой гадостью, и мы решили перенести стоянку на другое место.

Но сначала надо было еще договориться с нашим верным негром, который вскоре же появился на вершине утеса с банками какао и пачками сухарей. Все это было переправлено к нам, а из оставшейся внизу провизии мы велели ему отложить себе запас месяца на два, остальное же раздать индейцам в награду за службу и в виде залога за доставку наших писем на Амазонку. Спустя несколько часов мы увидели, как они гуськом, каждый с узлом на голове, потянулись по равнине той самой дорогой, которой мы пришли сюда. Самбо устроился в нашей маленькой палатке у подножия пирамидального утеса и остался единственным звеном, связующим нас с внешним миром.

Теперь нам предстояло выработать план действий на ближайшее время. Мы перенесли стоянку из полного клещей кустарника на небольшую поляну, окруженную со всех сторон деревьями. Посредине поляны лежало несколько гладких больших камней, тут же поблизости был прескрасный источник, и мы, довольные чистотой и комфортом, принялись разрабатывать планы вторжения в незнакомую страну. В густой листве перекликались птицы — громче всех раздавался протяжный свист какой-то совсем незнакомой нам певуньи. Никаких других признаков жизни мы здесь не заметили.

Первое, что нам надо было сделать, это составить подробный инвентарь нашего имущества, чтобы твердо знать, на сколько времени можно считать себя обеспеченными. Оказалось, что запасов у нас вполне достаточно. Мы учли все: и прнесенное с собой, и переправленное по канату негром. Но что было важнее всего — принимая во внимание те опасности, которых нам, вероятно, не миновать, у нас имелись все четыре винтовки, тысяча триста патронов к ним, дробовик и около полутора пули среднего калибра. Провизии нам должно было хватить на несколько недель, табака хоть отбавляй. Был и кое-какой научный инструмент, включая сильный телескоп и хороший полевой бинокль. Все это мы сложили на поляне, а в качестве первой меры предосторожности нарезали ножами колючих веток и соорудили из них изгородь ярдов пятнадцати в диаметре. На первое время эта площадка должна была служить нам штаб-квартирой, убежищем в случае какого-нибудь неожиданного нападения и складом всего имущества. Этот лагерь получил название Форт Челленджера.

Мы покончили с трудоустройством на новом месте только к полудню, но жара не очень нас мучила. Вообще темпера-

тура и характер растительности на плато ближе к умеренному поясу. Среди деревьев, кольцом окружавших поляну, были бук, дуб и даже береза. Огромный гингко, возвышавшийся над всеми своими соседями, затенял наш форт могучими ветвями с всеообразной листвой. Под его сенью мы и продолжали беседу, предоставив слово лорду Джону, который принял на себя командование экспедицией в эти решительные для нас часы.

— Пока нас не услышат и не увидят какие-нибудь живые существа — зверь или человек, безразлично, — мы в безопасности, — сказал он. — Но стоит только им проведать о нашем появлении на плато, и спокойной жизни конец. Пока что мы, кажется, не вызываем никаких подозрений. Поэтому на первое время надо затаиться и вести разведку очень осторожно. Не мешает исподволь присмотреться к соседям, прежде чем начинать обмен визитами.

— Но ведь нам надо продвигаться дальше, — неуверенно сказал я.

— Милый юноша, вы совершенно правы. Мы будем продвигаться в пределах, дозволенных здравым смыслом. Заходить слишком далеко я не советую, надо делать такие концы, чтобы в любую минуту можно было вернуться сюда, в наш форт. И, что самое важное, ни одного выстрела, разве лишь в том случае, если от него будет зависеть ваша жизнь.

— Однако вы вчера выстрелили, — сказал Саммерли.

— Ну, знаете ли, выбирать мне не приходилось. Да и вряд ли звук отнесло далеко вглубь: вчера был сильный ветер со стороны плато. Кстати, как мы его назовем? Ведь это наше дело — решать.

Было внесено несколько предложений, более или менее удачных, но последнее слово осталось за Челленджером.

Тут долго думать нечего, — сказал он. Плато будет названо в честь пионера, который его открыл: это Страна Мепл-Уайта.

Так мы и назвали плато, под этим именем оно занесено на карту, составление которой поручено мне; под этим именем, надеюсь, войдет и в будущие атласы.

Перед нами лежала неотложная задача — проникнуть мирным путем в Страну Мепл-Уайта. Мы успели убедиться собственными глазами, что в ней обитают какие-то странные существа, а зарисовки Мепл-Уайта сулили нам появление других, еще более страшных чудовищ. Наконец, у нас были

все основания думать, что на плато есть и люди, о свирепости которых говорил скелет, пропоротый бамбуком.

Не питая никаких надежд на спасение, мы знали, что опасности подстерегают нас на каждом шагу, и решили принять все меры предосторожности, которые подсказывал лорду Джону его опыт. Но разве мы могли долго задерживаться на пороге этого таинственного мира, если нас томило желание как можно скорее проникнуть в самое его сердце!

Итак, мы завалили кустами вход в лагерь и, оставив все наши запасы под защитой колючей изгороди, медленно и с величайшей осторожностью двинулись в Неведомое вдоль русла небольшого ручейка, который брал начало в источнике на поляне и должен был служить нам путеводной нитью по возвращении.

Не успев как следует отойти от лагеря, мы уже сразу наткнулись на первые признаки ожидающих нас чудес. В густом лесу было много деревьев, совершенно незнакомых мне, но наш ботаник Саммерли опознал тут цикадеи и несколько видов хвойных, давно исчезнувших с лица земли. Пройдя лесом несколько сот ядров, мы вышли к месту, где ручей разливался довольно широкой заводью. По краям ее рос густой высокий тростник, который профессор Саммерли отнес к разряду хвощей; тут же на ветру раскачивали верхушками и древовидные папоротники. Лорд Джон, шедший впереди, вдруг остановился и поднял руку.

— Смотрите! — сказал он. — Вот так след! Тут, наверно, ходил прародитель всех птиц!

На вязкой тине были четко видны огромные трехпалые следы. Они вели через болото к лесу. Мы остановились у этих чудовищных отпечатков. Если тут прошла действительно птица — а какое животное могло оставить такие следы? — то лапа у нее настолько больше, чем у страуса, что размеры этого гиганта даже трудно себе представить. Лорд Джон внимательно огляделся по сторонам и вложил два патрона в свою крупнокалиберную винтовку.

— Ручаюсь честью охотника, — сказал он, — что следы совсем свежие. Это существо прошло здесь каких-нибудь десять минут назад. Видите: вода еще не успела заполнить вон ту ямку, где лапа глубже погрузилась в тину. Господи боже! А вот и след детеныша.

И действительно, параллельно большим следам шли такие же, но маленькие.

— А что вы скажете об этом? — торжествующе воскликнул профессор Саммерли, показывая след, похожий на отпечаток пятипалой человеческой руки.

— Вельд! — крикнул Челленджер, не помня себя от восторга. — Я видел такие отпечатки в вельдских слоях. Это существо передвигается на задних, трехпалых, конечностях, выпрямившись во весь рост, а передними, пятипалыми, помогает себе при ходьбе. Нет, дорогой мой Рокстон, это отнюдь не птица!

— Зверь?

— Нет, пресмыкающийся — динозавр. Это он, и никто другой! Десятью лет назад такие следы сбили с толку одного весьма почтенного ученого из Суссекса. Но кто мог мечтать... кто мог мечтать... что нам придется увидеть...

Последние слова Челленджер договорил шепотом, а мы так и замерли от изумления. Следы увели нас от болота к густым зарослям кустарника. За ним, среди деревьев, была большая прогалина, и по этой прогалине разгуливало пять странных существ — таких мне еще никогда не приходилось видеть. Мы притаились за кустами и долго-долго разглядывали их.

Как я уже сказал, они гуляли впятером — двое взрослых и три детеныша. Размеры их поразили нас. Даже маленькие были ростом со слона, а о взрослых уж и говорить не приходится. Их чешуйчатая, как у ящериц, кожа поблескивала на солнце аспидно-черными переливами. Все пятеро стояли на задних лапах, опираясь на широкие, толстые хвосты, а передними, пятипалыми, притягивали к себе зеленые ветки и обгладывали с них листья. Чтобы у вас было полное представление об этих чудовищах, скажу, что они напоминали гигантских, футов в двадцать высотой, кенгуру, покрытых темной крокодиловой кожей.

Я не знаю, сколько времени мы простояли там как зачарованные, глядя на это необычайное зрелище. Сильный ветер дул в нашу сторону, кусты служили хорошим укрытием, следовательно, можно было не опасаться, что чудовища обнаружат нас. Время от времени детеныши принимались неуклюже резвиться, подпрыгивая и с глухим стуком шлепаясь на землю. Их родители, по-видимому, обладали неслыханной силой, ибо один из них, не дотянувшись до листьев на верхушке довольно высокого дерева, обхватил его передними лапами и переломил ствол пополам, как тоненькую ветку. Поступок

этот свидетельствовал одновременно о двух вещах: о сильно развитой мускулатуре и недоразвитом мозге, так как дерево рухнуло чудовищу прямо на голову, и оно разразилось громкими воплями. Огромные размеры явно не соответствовали степени выносливости, дарованной ему от природы. Происшествие с деревом, очевидно, заставило его насторожиться, потому что оно медленно побрело в лес в сопровождении своей пары и трех гигантских детенышей. Некоторое время мы видели, как их аспидно-черные спины поблескивали в чаще, а головы ныряли вверх и вниз над кустарником. Потом они исчезли среди деревьев.

Я посмотрел на своих товарищей. Лорд Джон стоял, держа палец на спусковом крючке, а глаза его так и горели охотничьим азартом. Чего бы он только не дал за то, чтобы повесить одну такую голову над камином у себя в комнате рядом с двумя скрещенными веслами! И все-таки благоразумие взяло в нем верх, ибо он знал, что мы только в том случае сможем проникнуть в тайны этой неведомой страны, если ее обитатели не будут и подозревать о нашем существовании.

Оба профессора словно онемели от радости. Забыв обо всем на свете, они бессознательно схватились за руки и так и замерли на месте, точно двое маленьких ребятшек, безмолвно глазающих на какое-нибудь чудо из чудес. На губах Челленджера играла ангельская улыбка, отчего щеки его вздулись яблочками; желчная гримаса исчезла с лица Саммерли, уступив место выражению благоговейного восторга.

— *Nunc dimittis!*¹ — воскликнул он наконец. — Что же скажут об этом в Англии?

— Дорогой мой Саммерли, по секрету могу вам сообщить, что именно будет сказано в Англии, — ответил Челленджер. — Там скажут, что вы отъявленный лжец и шарлатан, не имеющий никакого отношения к науке. То же самое, что вы и вам подобные говорили обо мне.

— А если мы предъявим фотографические снимки?

— Подделка, Саммерли! Грубая подделка!

— А если мы предъявим вещественные доказательства?

— А! Вот тогда они от нас не отвернутся! Мелоун и его банда с Флит-стрит еще будут петь нам хвалу. Запомните! Двадцать восьмого августа мы видели в Стране Мепл-Уайта

¹ Ныне отпускаешь! (лат.)

пять живых игуанодонов. Сделайте соответствующую запись в своей книжечке, мой юный друг, и сообщите об этом в ваш жалкий газетный листок.

— И приготовьтесь к тому, что редактор вас вышвырнет,— добавил лорд Джон.— На тех широтах, где стоит Лондон, все выглядит несколько по-иному, дорогой мой юноша. Мало ли есть людей, которые не рассказывают о своих приключениях из боязни, что им не поверят! Кто их осудит за это! Пройдет месяц-другой, и нам самим все будет казаться сном. Как вы их назвали, этих чудовищ?

— Игуанодоны,— сказал Саммерли.— Отпечатки их ног найдены в гастингских песчаниках, в Кенте, в Суссексе. Они водились во множестве в Южной Англии, пока там не было недостатка в зелени, которой они питаются. А потом условия изменились, и звери мало-помалу вымерли. Здесь, по-видимому, все осталось как было, потому что игуанодоны продолжают существовать до сих пор.

— Если мы когда-нибудь выберемся отсюда живыми, я без такой головы домой не вернусь,— сказал лорд Джон.— Подождите, африканские охотнички, вы еще у меня позеленеете от зависти! Однако, друзья, не знаю, как вам, а мне все время кажется, что мы того и гляди наткнемся на какую-нибудь серьезную неприятность.

То же самое ощущение грозной тайны было и у меня. В лесном сумраке таились ужасы, и сердце невольно сжималось от страха, когда мы вглядывались в эту густую зеленую чащу. Правда, исполинские игуанодоны были совершенно безобидные увальни, и они не могли причинить нам особого вреда, но почему знать, не сохранились ли в этом мире чудес другие исполины, которые таятся сейчас в своих логовищах среди скал и кустарника и только выжидают минуты, чтобы броситься на нас. Я имею весьма смутное представление о доисторической жизни, но, помнится, мне как-то попала в руки одна книга, где говорилось о зверях, для которых наши львы и тигры были такой же легкой добычей, как мышь для кошки. Что, если такие чудовища живут в лесных дебрях Страны Мепл-Уайта?

В то утро — наше первое утро в неизведанной стране — мы убедились, что опасности подстерегают нас здесь на каждом шагу. Приключение это было просто отвратительное, и мне даже неприятно говорить о нем. Если лорд Джон прав, и прогалину, где паслись игуанодоны, мы будем вспоминать,

как сон, то болото с птеродактилями останется у нас в памяти страшным кошмаром. Сейчас расскажу, как все это было.

Мы шли по лесу очень медленно, отчасти потому, что лорд Джон в качестве разведчика не позволял нам догонять себя, отчасти из-за обоих профессоров, которые то и дело приходили в восторг от какого-нибудь неизвестного им вида цветка или насекомого. Миля через три-четыре деревья вдоль правого берега ручья поредели, и перед нами открылась еще одна прогалина. За густой каймой кустарника громоздились каменные глыбы — они встречаются на плато повсюду. Мы медленно двинулись туда через кусты, доходившие нам до пояса, и вдруг услышали где-то совсем близко звуки — не то курлыканье, не то шипение, — сливавшиеся в невнятный гул, от которого дрожал воздух. Лорд Джон подал нам знак остановиться и, пригибаясь на бегу, бросился к камням. Он посмотрел поверх них, вздрогнул и, видимо, забыв о нашем существовании, долго стоял, поглощенный открывшимся перед ним зрелищем. Наконец, он поманил нас к себе, показывая знаками, что необходимо соблюдать осторожность. Я понял по его виду, что за каменными глыбами скрывается какое-то чудо, а может быть, и серьезная опасность.

Подкравшись к лорду Джону, мы заглянули вниз. Перед нами зияла глубокая котловина, вероятно, один из тех небольших кратеров, каких много на плато. На дне этой котловины, ярдах в ста от того места где мы лежали, за кромкой камыша, поблескивали подернутые зеленью стоячие лужи. Место было мрачное само по себе, но, глядя на его обитателей, мне невольно вспомнились сцены из седьмого круга Дантова «Ада». Здесь гнездились птеродактили — сотни и сотни птеродактилей! Котловина так и кишела ими — детеныши ползали у воды, а их отвратительные мамы высиживали на отмели яйца в твердой желтоватой пленке. Вся эта копошащаяся, бьющая крыльями масса ящеров сотрясала воздух криками и распространяла вокруг себя такое страшное зловоние, что у нас тошнота подступила к горлу. А повыше, каждый на своем камне, восседали огромные серые самцы, похожие на иссохшие чучела, восседали совершенно неподвижно, как мертвые, и только поводили налившимися кровью глазами да изредка щелкали клювами вслед пролетающим стрекозам. Их гигантские перепончатые крылья, согнутые в предплечьях, были прижаты к бокам, и от этого в облике их мне мерещилось что-то человеческое: они напоминали старух,

кутающихся в мерзкие, цвета паутины шали, из которых выглядывали только хищные птичьи головы. Считая и больших, и маленьких, в котловине было не меньше тысячи этих гнусных тварей.

Оба наших профессора так обрадовались возможности изучить вблизи жизнь доисторического мира, что охотно просидели бы здесь весь день. Они показывали нам дохлую рыбу и птиц, валявшихся среди камней и, очевидно, служивших пищей птеродактилям, и поздравляли друг друга с тем, что внесут наконец ясность в вопрос, почему кости этих летающих ящеров в таком количестве встречаются в ряде мест, например, в кембриджских песчаниках. Теперь уже не подлежит сомнению, говорили они, что птеродактили, подобно пингвинам, жили стаями.

В конце концов, желая доказать коллеге какой-то свой тезис, Челленджер высунул голову из-за камней и чуть не навлек гибель на всех нас. Ближайший к нам самец вдруг пронзительно зашипел, взмахнул перепончатыми двадцатифутовыми крыльями и поднялся в воздух. Самки с детенышами сбились в кучу поближе к воде, а часовые один за другим взмыли в небо. Удивительное зрелище представляли собой эти отвратительные твари, которые сотнями парили над нами, быстро, словно ласточки, разрезая воздух крыльями. Впрочем, мы вскоре поняли, что любование этим зрелищем к добру не приведет. Сначала птеродактили кружили высоко в небе, видимо, проверяя, насколько велика опасность. Потом, постепенно сжимая круг, стали опускаться все ниже и ниже, наконец, сухой шелест их аспидно-черных крыльев достиг такой силы, что мне невольно вспомнился Хендонский аэродром в дни состязаний.

— Берегитесь! — крикнул лорд Джон, хватая винтовку за дуло. — Бегите прямо к лесу, держитесь все вместе!

Но круг над нами уже сомкнулся. Птеродактили почти задевали нас крыльями по лицу. Мы били их прикладами, но удары приходились во что-то мягкое и не причиняли им никакого вреда. И вдруг из этого аспидно-черного блестящего круга высунулась длинная шея: свирепый клюв целился прямо в нас. За ним еще и еще один. Саммерли вскрикнул и закрыл руками окровавленное лицо. Я почувствовал сильный толчок в затылок и чуть не потерял сознание от боли. Челленджер упал, я нагнулся помочь ему и повалился на него, сраженный еще одним ударом сзади. В ту же минуту лорд

Джон выстрелил. Я поднял голову и увидел, что один из птеродактилей бьется на земле с перебитым крылом, брызжет слюной из разверстого клюва и яростно вращает выпученными, налитыми кровью глазами — ни дать ни взять дьявол с картины какого-нибудь средневекового художника. Его собратья, испуганные звуком выстрела, взмыли кверху и стали кружить у нас над головой.

— Теперь спасайтесь! — крикнул лорд Джон.

Мы побежали напролом сквозь кустарник, но у самой опушки гарпии снова настигли нас. Саммерли был сбит с ног, мы подняли его и бросились под деревья. В лесу опасность миновала, потому что птеродактилям с их огромными крыльями негде было развернуться между ветвей.

Мы возвращались в лагерь в довольно жалком состоянии, а они еще долго провожали нас, паря кругами в голубом небе на такой высоте, что снизу их можно было принять за самых обыкновенных голубей. И лишь тогда, когда нас скрыла лесная чаща, птеродактили прекратили погоню.

— Необычайно интересное и поучительное происшествие, — сказал Челленджер, обмывая в ручье распухшее колено. — Теперь, Саммерли, мы с вами прекрасно знаем, как ведут себя разъяренные птеродактили.

Саммерли в это время вытирал кровь, лившуюся из ссадины на лбу, а я перевязывал довольно глубокую рану на шее. Лорд Джон отделался легче нас — чудовище только оцарапало ему плечо и разорвало рубашку.

— Следует отметить, — продолжал Челленджер, — что наш юный друг получил колотую рану, а вырвать такой клоч из рубашки лорда Джона можно было только зубами. Меня же били крыльями по голове. Таким образом, мы познакомились с разнообразнейшими способами нападения птеродактилей.

— Еще немного, и нам пришел бы конец, — серьезным тоном проговорил лорд Джон. — Более гнусную смерть трудно себе представить — пасть жертвой этих мерзких тварей! Мне очень не хотелось стрелять, но выбора не было.

— Мы бы не сидели сейчас у ручейка, если б не ваш выстрел, — убежденно проговорил я.

— Будем надеяться, что моя пальба делу не повредит, — сказал лорд Джон. — В здешних лесах, наверно, часто раздаются звуки не менее громкие: то отломится ветка, то рухнет целое дерево. Однако на сегодня сильных ощущений хватит.

Пойдемте-ка лучше к лагерю, поищем в нашей аптечке карболки. Кто этих гадин знает — может быть, их укусы ядовиты.

Но с тех пор, как стоит мир, вряд ли на долю человека выпадало столько приключений за один день. Нас подстерегала новая неожиданность. Мы вышли по берегу ручья на поляну и, увидев колючую изгородь, окружавшую наш форт, решили, что на сей раз испытания наши кончились. Однако отдыхать нам не пришлось. Вход в Форт Челленджера был завален по-прежнему, изгородь была цела, а все же мы сразу поняли, что в наше отсутствие здесь кто-то побывал. Непрошенный гость не оставил на земле никаких следов, и только нависшая над лагерем огромная ветка дерева гингко выдавала его с головой. Что же касается его силы и дерзости, то об этом ясно говорило состояние нашего склада. Все вещи были раскиданы по поляне, одна жестянка с мясом раздавлена — очевидно, таким способом он пытался извлечь ее содержимое. От ящика с патронами остались одни щепки, а подле него валялась смятая в лепешку гильза. Смутный страх снова сжал нам сердце, и мы стали испуганно вглядываться в густые тени под деревьями, ожидая, что оттуда вот-вот появится нечто чудовищное.

Какое же облегчение мы испытали, когда услышали в эту минуту голос Самбо и, подойдя к краю плато, увидели на вершине утеса его ухмыляющуюся физиономию!

— Все хорошо, мистер Челленджер! Все хорошо! — крикнул он. — Самбо здесь. Не бойся. Когда позовешь Самбо, он всегда будет здесь.

Глядя на честного негра и на необъятную равнину, простиравшуюся чуть ли не до притоков Амазонки, мы вспомнили, что это все же двадцатый век, что мы живем на Земле, а не на какой-нибудь полной первобытного хаоса планете, куда нас перенесло волшебной силой. Но как трудно было представить себе, что от фиолетовой линии горизонта рукой подать до великой реки, по которой ходят большие пароходы, что люди там толкуют о своих маленьких житейских делишках, в то время как мы, заброшенные в первобытный мир, к первобытным существам, можем только смотреть в ту сторону и тосковать о мире, полном для нас стольких радостей.

У меня осталось еще одно воспоминание, связанное с этим необыкновенным днем, и на нем я закончу свое письмо. Полученные ранения явно действовали на нервы обоих

профессоров, и они затеяли горячий спор о том, к какому роду доисторических ящеров принадлежат наши враги — к птеродактилям или к диморфодонам. Дело дошло до обмена кол-костями. Чтобы не слышать их перепалки, я отошел в сторону и, сев на ствол упавшего дерева, машинально закурил трубку. Через несколько минут передо мной выросла фигура лорда Джона.

— Слушайте, Мелоун,— сказал он,— вы хорошо запомнили то место, где гнездятся эти твари?

— Конечно, запомнил.

— Нечто вроде вулканического кратера, правда?

— Совершенно верно,— сказал я.

— А какая там почва вы обратили внимание?

— Одни скалы, камни.

— Нет, возле самой травы, где растет тростник?

— Что-то синеватое, вроде глины.

— Вот именно... Вулканический кратер и синяя глина.

— А почему вас это интересует? — спросил я.

— Да нет, это я так,— ответил лорд Джон и неторопливо зашагал туда, где все еще раздавались голоса наших ученых спорщиков — напряженный, резкий тенор Саммерли и зычный бас Челленджера.

Я, вероятно, позабыл бы слова лорда Джона, но в ту ночь мне пришлось услышать их от него еще раз: «Синяя глина...синяя глина в вулканическом кратере...» Это было последнее, что донеслось до меня сквозь дремоту, после чего, измучившись за день, я погрузился в крепкий сон.

Глава XI

Я СТАНОВЛЮСЬ ГЕРОЕМ ДНЯ

Опасения лорда Джона Рокстона оправдались: укусы напавших на нас чудовищ были ядовитыми. На следующее утро после нашего первого приключения на плато у меня и у Саммерли начались сильные боли и озноб, а у Челленджера так распухло колено, что он едва мог ступить на больную ногу. Поэтому мы провели весь день в лагере, стараясь по мере сил помогать лорду Джону, который занимался укреплением колючей изгороди — нашей единственной защиты от врагов. Помню как сейчас, меня с самого утра преследовало тогда

странное ощущение: мне все казалось, что за нами внимательно следят, но кто и откуда, этого я не мог сказать.

Я не утерпел и поделился своими опасениями с Челленджером, который не замедлил приписать их умственному расстройству, будто бы вызванному моим лихорадочным состоянием. Как бы там ни было, но я то и дело продолжал озираться по сторонам, готовясь увидеть что-то и ничего не видя, кроме темной груды веток, из которых была сложена наша колючая изгородь, да сумрачных сводов зелени, венчавших стволы огромных деревьев. И все же уверенность, что какой-то недоброжелательный наблюдатель прячется в двух шагах от нас, не только не покидала меня, но становилась все сильнее и сильнее. Я вспомнил суеверный страх индейцев перед грозным Курупери, таящимся в лесной глуши, и уже был готов поверить, что этот злобный дух лишает покоя тех смельчаков, которые вторгаются в тайная тайных его священной обители.

В эту ночь — нашу третью ночь в Стране Мепл-Уайта — одно событие произвело на нас очень тяжелое впечатление и заставило лишний раз поблагодарить лорда Джона, не пожалевшего трудов, чтобы укрепить Форд Челленджера. Мы спали возле потухшего костра, как вдруг нас разбудил, вернее, буквально поднял на ноги, неистовый рев и визг. Я не знаю, с чем можно сравнить эти крики, раздававшиеся где-то совсем рядом с нашим лагерем, — мне не приходилось слышать ничего более страшного. Они раздирали воздух, словно паровозный свисток, не обладая ни чистотой, ни четкостью этого звука. Мы зажали уши, стараясь не слышать густых вибрирующих раскатов, полных беспредельного ужаса и муки. Нервы не выдерживали такого напряжения. Я весь покрылся холодным потом, сердце замерло у меня в груди. Казалось, все горести жизни, все ее неисчислимые страдания — все, в чем она может обвинить небеса, слилось воедино в этом страшном, мучительном крике. И, как бы аккомпанируя звенящим воплям, как бы оттеняя их, там же рокотал чей-то прерывистый, низкий смех, чье-то ликующее гортанное рычание. Этот кошмарный дуэт длился минуты три-четыре; он переполошил всех птиц, спавших на деревьях, и так же внезапно стих. Мы долго молчали, потрясенные слышанным. Потом лорд Джон подбросил хвороста в костер. Красноватые отблески огня осветили напряженные лица моих товарищей и заиграли в листве у нас над головой.

— Что это было? — шепотом спросил я.

— Утром узнаем, — сказал лорд Джон. — Это где-то совсем близко, не дальше той прогалины.

— Мы удостоились чести подслушать издали доисторическую трагедию, разыгравшуюся в тростниках у лагуны юрского периода, когда крупный ящер приканчивал в тине своего слабого собрата! — провозгласил Челленджер с необычной даже для него торжественностью. — Да, человек много выиграл, появившись на земле несколько позднее. На заре мироздания ему пришлось бы встретиться с такими чудовищами, которые не устрашили бы ни его могущества, ни его изобретательности. Разве помогли бы ему стрелы, праща и копье при столкновении с теми силами, которые разгулялись сегодня ночью? Даже современная винтовка не даст вам перевеса при встрече с таким сильным чудовищем.

— Тем не менее я ставлю на моего милого друга, — сказал лорд Джон, поглаживая дуло своего «Экспресса». — Но не спорю, у этого страшилища были бы немалые шансы на победу.

Саммерли поднял руку.

— Тсс! — прошептал он. — Мне что-то послышалось.

Мертвую тишину нарушил глухой, мерный топот. Какое-то животное пробиралось в чаще, осторожно ступая тяжелыми лапами. Оно медленно обошло наш форт и остановилось у входа. Мы слышали его свистящее дыхание. Только легкая изгородь отделяла нас от этого ночного чудища. Мы схватились за винтовки, а лорд Джон, вытащив куст из колючей изгороди, проделал в ней нечто вроде амбразуры.

— Бог мой! — шепнул он. — я, кажется, вижу его!

Я заглянул в амбразуру поверх плеча лорда Джона. Да! Верно! В густой тени под деревом виднелась тень, еще более густая. Дикая мощь и свирепость чувствовались в этом припавшем к земле первобытном звере. Ростом он был не выше лошади, но его грузные контуры говорили о необычайной силе. Только у сверхмощного организма могло быть такое дыхание — наполненное, ровное, как у парового котла. Чудовище шевельнулось, и я увидел его страшные, блеснувшие зеленым огнем глаза. И тут же послышался шорох — оно медленно двинулось вперед.

— Сейчас прыгнет! — сказал я и взвел курок.

— Не стреляйте! — шепнул лорд Джон. — Разве можно стрелять в такую тихую ночь? Звук отнесет на несколько миль. Приберегите это напоследок.

— Если оно перемахнет через изгородь, мы пропали, — сказал Саммерли с нервным смешком.

— Перемахнуть мы ему не дадим! — крикнул лорд Джон. — Но стреляйте только в самом крайнем случае. Может быть, я и так с ним справлюсь. Надо попробовать.

Трудно представить себе более смелый поступок, чем тот, который совершил лорд Джон. Он нагнулся на костром, выхватил из огня горящую ветку и в одно мгновение проскользнул сквозь узкое отверстие, сделанное в изгороди. Чудовище с грозным рычанием двинулось вперед. Не колеблясь ни минуты, лорд Джон быстро и легко подбежал к нему и ткнул горящей веткой в самую его морду. Передо мной всего лишь на секунду мелькнула отвратительная маска гигантской жабы — бородавчатая, словно изъеденная проказой кожа и огромная пасть, вся в свежей крови. И тут же следом в кустах послышался треск, и наш страшный гость исчез в лесной чаще.

— Я так и думал, что он испугается огня, — со смехом сказал лорд Джон, вернувшись за ограду и швырнув ветку в костер.

— Вы рисковали жизнью! — хором воскликнули мы.

— А что мне оставалось делать? Если б это чудовище очутилось среди нас, мы бы уложили друг друга в перестрелке. Стрелять через ограду тоже не имело смысла: тогда оно наверняка перемахнуло бы сюда, а такая пальба выдала бы нас с головой, и больше ничего. В общем, по-моему, мы легко отделались. Но что это за зверь?

Наши ученые мужи нерешительно переглянулись.

— Я не берусь сколько-нибудь точно определить это существо, — сказал Саммерли, раскуривая трубку у костра.

— Такая осторожность свойственна людям с истинно научным складом мышления. — Челленджер снизошел даже до комплиментов. — Я тоже ограничусь лишь общим утверждением, что сегодня ночью мы столкнулись с одним из видов плотоядного динозавра. О возможности их существования на плато вы уже от меня слышали.

— Ведь о многих доисторических видах до нас не дошло никаких сведений, — сказал Саммерли. — С нашей стороны

было бы опрометчиво думать, что мы сможем назвать каждое живое существо, которое нам встретится здесь.

— Вы совершенно правы. Наши возможности ограничиваются самой приблизительной классификацией. Подождем до завтра, там будет виднее, а пока что давайте-ка лучше вернемся к прерванному сну.

— Но при условии, что один из нас останется дежурить, — решительно сказал лорд Джон. — В такой стране шутки плохи, друзья. Впредь предлагаю, установить ночные дежурства, по два часа в смену.

— Тогда первым часовым буду я, мне как раз хочется докурить трубку, — сказал профессор Саммерли.

И с тех пор мы никогда не ложились спать без охраны.

Утром причина неистовых криков, разбудивших нас, разъяснилась. Прогалина, где мы видели игуанодонов, стала ареной настоящего побоища. Глядя на эти лужи крови и огромные куски мяса, разбросанные по зеленой траве, можно было предположить, что здесь полегло немало зверей, но при ближайшем рассмотрении все эти останки оказались частью туши одного игуанодона, буквально растерзанного на клочки другим зверем, если не более крупным, то более свирепым безусловно.

Оба профессора погрузились в научный спор, тщательно осматривая каждый кусок, носивший на себе отметины безжалостных клыков и огромных когтей.

— Делать сейчас какие-либо выводы преждевременно, — сказал профессор Челленджер, глядя на лежавший у него на коленях кусок беловатого мяса. — Судя по некоторым данным, нападающий был тигр с саблевидными клыками. Скелеты таких тигров находят среди конгломератов в пещерах, но зверь, которого мы видели собственными глазами, гораздо крупнее и похож скорее на пресмыкающееся. Я лично склонен думать, что это был аллозавр.

— Или мегалозавр, — сказал Саммерли.

— Может быть. Словом, любой из крупных плотоядных динозавров. Среди них попадаются самые страшные чудовища, которые когда-либо оскверняли наш земной шар или служили украшением музеев. — Челленджер захохотал над собственной остротой. Обладая весьма примитивным чувством юмора, он радовался каждой своей шутке, даже самой грубой.

— Чем меньше будем шуметь, тем лучше! — резко осадил его лорд Джон. — Почем знать, кто здесь бродит поблизо-

сти? Если этот молодчик вздумает вернуться сюда позавтракать и наткнется на нас, тогда будет не до смеха. Кстати, что это за пятно?

На чешуйчатой тускло-черной коже игуанодона чуть выше плеча ясно выступала темная нашлапка, похожая по цвету на асфальтовую. Никто из нас не мог определить это пятно, хотя Саммерли вспомнил, что два дня назад он видел точно такое же на одном из молодых игуанодонов. Челленджер сидел надутый и хранил многозначительное молчание, выражая всем своим видом: вот, знаю, да не скажу! Лорду Джону не оставалось ничего другого, как обратиться с тем же вопросом непосредственно к нему.

— Если ваша милость разрешит мне открыть рот, я буду счастлив высказать свое мнение, — ироническим тоном начал Челленджер. — Мне впервые в жизни приходится выслушивать такие нотации. Я не подозревал, что без вашего разрешения нельзя даже посмеяться невинной шутке.

И только после того, как лорд Джон принес свои извинения нашему обидчивому другу, тот соблаговолил сменить гнев на милость. Когда же возмущение его окончательно улеглось, он влез на ствол упавшего дерева и обратился к нам с длинной и, как всегда, чрезвычайно торжественной речью, точно перед ним была не наша маленькая группа из трех человек, а тысячная аудитория, ожидающая от профессора драгоценных сведений.

— Что касается вышеупомянутого пятна, — начал Челленджер, — то я склонен присоединиться к мнению моего друга и коллеги профессора Саммерли, который утверждает, что это асфальт. Страна Мепл-Уайта явно вулканического происхождения, асфальт же, как известно, принадлежит к глубинным образованиям и, несомненно, имеется здесь в жидком состоянии, следовательно, он мог оказаться на коже игуанодонов. Впрочем, сейчас перед нами стоит другой вопрос, гораздо более важный: каким образом здесь могут существовать плотоядные хищники, один из которых посетил эту прогалину и оставил на ней такие страшные следы? Мы знаем, что по своим размерам плато не больше среднего графства у нас в Англии. На этом замкнутом со всех сторон пространстве в течение многих веков живут некоторые виды, давно исчезнувшие с лица земли. Казалось бы — для меня это не подлежит сомнению, — что плотоядные животные, беспрепятственно размножаясь, должны были бы давно уничто-

жить предоставленные им природой запасы пищи и в силу этого либо умереть с голоду, либо перейти с мяса на какой-нибудь другой корм. Как видим, ни того, ни другого не случилось. Следовательно, остается предположить, что ограничение числа этих свирепых хищников, без чего немыслимо равновесие в природе, достигается здесь какими-то иными способами. Каковы эти способы и как они применяются — вот одна из многих интереснейших проблем, которые ждут своего разрешения. Я позволю себе выразить надежду, что нам еще предоставится случай наблюдать плотоядных динозавров с более короткой дистанции.

— А я позволю себе выразить надежду, что такого случая нам не представится, — сказал я.

В ответ на это профессор поднял брови, словно школьный учитель, услышавший неуместное замечание озорного ученика.

— Может быть, профессору Саммерли угодно выразить свои соображения по этому вопросу? — предположил он.

И оба они воспарили к горным высям науки, в разреженной атмосфере которых только и можно было обсуждать такие проблемы, как связь между борьбой за существование и понижением рождаемости при неуклонном уменьшении кормов.

В то утро мы отправились к востоку от ручья, чтобы не выходить опять к болоту с птеродактилями, и нанесли небольшую часть плато на карту. В этой стороне подлесок в чаще был такой густой, что нам приходилось буквально продираться сквозь него.

До сих пор я рассказывал только об ужасах Страны Мепл-Уайта, но это несправедливо по отношению к ней, ибо все то утро мы бродили среди чудесных цветов, главным образом двух оттенков — белого и желтого. По словам Челленджера и Саммерли, первобытная гамма этими двумя красками и ограничивается. Во многих местах земля была сплошь покрыта цветами, и наши ноги по щиколотку уходили в этот великолепный мягкий ковер, распространявший вокруг такое сильное и сладостное благоухание, что от него кружилась голова. Повсюду жужжали пчелы, совсем такие же, как у нас в Англии. Ветви деревьев низко сгибались под тяжестью плодов, отчасти известных нам, отчасти совсем незнакомых. Мы выбирали надклеванные птицами и, не боясь отравиться, вносили приятное разнообразие в свое меню. В этой части джунглей всюду бежали тропы, проложенные дикими зверя-

ми, а болотистые низины были испещрены множеством следов; среди них попадались и следы игуанодонов. На одной из лесных прогалин паслось большое стадо этих исполинов, и лорд Джон рассмотрел в бинокль, что у них тоже есть асфальтовые пятна на теле, хотя не в тех местах, что у растерзанного игуанодона. Как объяснить это странное явление, никто из нас не знал.

По пути нам то и дело попадались мелкие животные — дикобразы, чешуйчатый муравьед, пегий кабан с длинными, закрученными кверху клыками. Как-то раз в просвете между деревьями мы увидели вдали зеленый склон холма, по которому быстро взбегал какой-то крупный зверь серо-коричневой масти. Он промелькнул так стремительно, что мы не успели разглядеть его. Но если это был олень, как утверждал лорд Джон, то размерами он не уступал тем гигантским лосям, скелеты которых до сих пор еще находят в болотах моей родной Ирландии.

После загадочного посещения мы стали с опаской возвращаться к себе в лагерь. Однако больше ничего такого не случилось. В тот вечер у нас завязался горячий спор о планах на будущее. Изложу его подробно, ибо он повлиял на наш дальнейший образ действий и помог нам в несколько дней ознакомиться со Страной Мепл-Уайта гораздо лучше, чем это можно было сделать за долгие недели.

Прения открыл Саммерли. Он еще с утра был чем-то недоволен, и когда лорд Джон заговорил о планах на завтрашний день, профессор не выдержал и вскипел.

— И сегодня, и завтра, и послезавтра нам надо искать выход из этой мышеловки, — сказал он. — Вы все ломаете себе голову, как бы пробраться внутрь страны, а, по-моему, думать надо только о том, как бы выбраться отсюда.

— Я просто поражаюсь, сэр, что человек науки может пасть так низко! — загудел Челленджер, поглаживая свою пышную бороду. — Вы попали в страну, полную таких соблазнов для любознательного натуралиста, равных которым нет и не было с тех пор, как стоит мир! И вы предлагаете покинуть этот заповедник, предлагаете нам ограничиться лишь самым поверхностным знакомством с ним и его обитателями! Я не ожидал от вас этого, профессор Саммерли!

— Не забывайте, пожалуйста, — сердито заговорил тот, — что в Лондоне меня ждет большая группа студентов, которые оставлены на попечение моего весьма бестолкового

заместителя. У меня несколько иное положение, чем у вас, профессор Челленджер, ибо, насколько мне известно, вам никто и никогда не поручал такой ответственной работы, как обучение молодежи.

— Совершенно верно, — согласился Челленджер. — Зачем загружать пустяками ум, способный на творческие искания высшего порядка? По-моему, это кощунство! Вот почему я всегда самым решительным способом отказываюсь от подобных предложений.

— От каких же это? — с язвительной усмешкой осведомился Саммерли.

Но тут лорд Джон поспешил перевести разговор на другую тему.

— Должен вам сказать, — начал он, — что я считаю просто позором возвращаться в Лондон, не ознакомившись как следует с этой страной.

— А у меня не хватит духа перешагнуть порог редакции и показаться на глаза нашему старику Мак-Ардлу, — вставил я. — Вы не будете сердиться, сэр? Он мне не простит, если я пренебрегу таким материалом. Но, по-моему, эти споры излишни: ведь мы при всем желании не сможем спуститься вниз.

— Примитивный здравый смысл в какой-то степени возмещает нашему юному другу недостаток умственного развития, — сказал Челленджер. — Нам, разумеется, нет никакого дела до его презренных профессиональных интересов, но что правда, то правда: мы не можем спуститься вниз, следовательно, нечего зря тратить силы на бессмысленные споры.

— А по-моему, все, что вы задумали, будет тоже бессмысленной тратой сил, — пробурчал Саммерли, не вынимая трубки из рта. — Разрешите вам напомнить, что мы приехали сюда с совершенно определенной целью, поставленной перед нами научным собранием Лондонского зоологического института. Цель эта — проверить утверждения профессора Челленджера. Должен сказать, что мы уже вполне можем подтвердить их правильность. Следовательно, миссия наша выполнена. Что же касается детального изучения плато и его обитателей, то эта огромная задача будет под силу только большой, специально снаряженной экспедиции. Если мы возьмемся за это сами, тогда кто же доставит в Англию добытые нами сведения, которые послужат ценным вкладом в науку? Профессор Челленджер избрал способ подняться на это не-

приступное с виду плато. Давайте же попросим его еще раз пустить в ход присущую ему изобретательность и вернуть нас в тот мир, откуда мы пришли.

Доводы Саммерли показались мне в высшей степени разумными.

Челленджер, и тот призадумался, сообразив, что ему не удастся посрамить своих врагов, если подтверждение его правоты не дойдет до тех, кто сомневался в ней.

— Проблема спуска с плато на первый взгляд кажется неразрешимой, — сказал он, — но я не сомневаюсь, что человеческий интеллект найдет выход и из этого положения. Уважаемый коллега, по-видимому, прав: нам не следует затягивать свое пребывание в Стране Мепл-Уайта, пора подумать о том, как вернуться домой. Однако я наотрез отказываюсь покидать плато до тех пор, пока мы не обследуем его и не составим хоть какой-нибудь карты.

Профессор Саммерли нетерпеливо фыркнул.

— У нас ушло целых два дня на разведку, — сказал он, — и это почти ничего не дало. Мы по-прежнему не имеем никакого представления о топографии плато. Выяснилось только одно: Страна Мепл-Уайта покрыта густыми лесами. Но ведь на более подробное обследование потребуются месяцы! Другое дело, если б здесь была какая-то возвышенность. Однако плато имеет уклон к центру, значит, сколько бы мы ни забирались вглубь, его общий вид все равно перед нами не откроется.

И тут на меня нашло вдохновение. Я случайно остановился взглядом на огромном узловатом дереве гингко, простиравшем над нами свои могучие ветви. Судя по его мощному стволу, оно должно быть выше других деревьев. Если плато действительно поднимается по краям, то почему бы этому гиганту не послужить бы нам наблюдательной вышкой для обозрения всей Страны Мепл-Уайта? Я еще в мальчишеские годы славился своим искусством лазить по деревьям. Мои спутники лучше меня карабкаются по скалам, но тут им за мной не угнаться. Только бы поставить ногу на нижнюю ветку, а все остальное пустяки — доберусь и до вершины!

Моя идея была принята восторженно.

— Наш юный друг способен проделывать акробатические трюки, немыслимые для людей с более массивной и в то же время более представительной фигурой, — сказал Челленд-

жер, и его щеки надулись двумя румяными яблочками. — Я приветствую такое решение.

— Юноша, да вы просто гениальны! — воскликнул лорд Джон, хлопнув меня по спине. — Не понимаю, как это раньше не пришло нам в голову! До захода солнца остается какой-нибудь час, но вы еще успеете набросать план местности, хотя бы самый приблизительный. Лезьте туда прямо с блокнотом. Сейчас мы подставим под дерево три ящика, один на другой, и уж я как-нибудь подсажу вас.

Лорд Джон взобрался на ящики и стал осторожно помогать мне, но тут в дело вмешался Челленджер. Он подбежал к нам и буквально подбросил меня кверху одним движением своей мощной длани. Я ухватился за толстый сук и, перебирая ногами по стволу, сначала подтянулся до половины туловища, а потом встал на сук коленями. Три нижние ветки послужили мне настоящими ступеньками, другие, потоньше, тоже облегчили подъем, и я так быстро взобрался по ним кверху, что вскоре земля совсем скрылась у меня из глаз.

Время от времени случались задержки, один раз пришлось даже подниматься по лиане футов в десять длиной, но, в общем, все шло хорошо, и мне уже казалось, что густой бас Челленджера скоро совсем перестанет доноситься сюда. Но дерево было гигантской высоты; я вглядывался в зеленую листву у себя над головой и не замечал, чтобы она начинала хоть сколько-нибудь редеть.

Вскоре на моем пути встретилась ветка, на которой сидел плотный зеленый клубок — вероятно, какое-нибудь паразитическое растение. Я вытянул шею, стараясь заглянуть на него, и, потрясенный тем, что неожиданно предстало моим глазам, чуть не свалился с дерева.

На меня смотрело чье-то лицо — какие-нибудь два фута отделяли нас друг от друга. Существо, которому оно принадлежало, пряталось за зеленым клубком и высунуло из-за него голову одновременно со мной. Лицо было человеческое, во всяком случае, более человеческое, чем у любой обезьяны. Длинное, белесое, все в прыщах, приплюснутый нос, массивная нижняя челюсть, на подбородке и скулах жесткая щетина, совсем как бакенбарды. Чудовище ощерило пасть и зарычало, будто изрыгая проклятия по моему адресу, и я увидел острые, загнутые книзу собачьи клыки. Свирепые глаза под нависшими бровями метнули на меня взгляд, полный ненависти и угрозы, и мгновенно помертвели от беспредельного

страха. Чудовище камнем ринулось вниз. Раздался громкий треск ломающихся ветвей, рыжее, волосатое, как у свиньи, тело на секунду мелькнуло у меня перед глазами и исчезло в вихре взметенной листвы.

— В чем дело? — слышался снизу голос лорда Рокстона. — Что-нибудь случилось?

— Вы видели? — крикнул я, дрожа от волнения и крепко держась обеими руками за сук.

— Слышали какой-то шум, подумали, что вы оступились. А в чем дело?

Внезапное появление этой человекообразьяны так взволновало меня, что я уже хотел спуститься с дерева и рассказать о случившемся моим спутникам. Но до вершины оставалось совсем немного, и мне было стыдно возвращаться вниз, не выполнив взятой на себя задачи.

Поэтому я сделал долгую остановку, отдышался и полез дальше. Раз как-то нога моя ступила на подгнивший сук, и я удержался только на руках, но, в общем, подъем был не трудный. Мало-помалу листва стала редеть, в лицо мне пахнуло ветром, а это значило, что гингко уже поднялось над окружающими деревьями.

Но я лез все выше и выше, твердо решив не смотреть по сторонам до тех пор, пока не доберусь до самой вершины. Наконец ветки стали гнуться под моей тяжестью. Тогда я выбрал надежный развилок, уселся в нем поудобнее и глянул вниз на изумительную панораму этой таинственной страны, в которую нас занесла судьба.

Солнце уже садилось к самой линии горизонта, но вечер был такой ясный и тихий, что плато, раскинувшееся под мной, виднелось от края до края. Оно представляло собой овал длиной миль в тридцать, шириной в двадцать и имело форму неглубокой воронки, так как поверхность его шла под уклон к центру, где было довольно большое озеро, миль десять в окружности. По берегам этого прекрасного озера рос густой тростник, сквозь зеленоватую воду кое-где проступали желтые песчаные отмели, отливавшие золотом в мягких лучах солнца. На отмелях виднелось множество каких-то черных предметов. Для аллигаторов они были слишком велики, для челнов — слишком длинны. Я разглядел в бинокль, что это живые существа, но какие, так и не догадался.

С той стороны плато, где был наш лагерь, лесистые склоны, изрезанные кое-где прогалинами, тянулись миль на

шесть по направлению к центральному озеру. Почти у самых своих ног я различил прогалину игуанодонов, а дальше, среди редящих деревьев, виднелся проход к болоту птеродактилей. Зато по другую сторону озера облик плато резко менялся. Там поднимались точно такие же красноватые базальтовые скалы, какие мы видели снизу, с равнины. Эта гряда была футов двести вышиной, и у подножия ее рос лес. В нижней части красноватых скал, немного выше земли, я разглядел в бинокль ряд темных отверстий, служивших, по-видимому, входами в пещеры. У входа в одну из них что-то белело, но что именно, мне так и не удалось разобрать.

Я бросил свою работу только после захода солнца, когда уже ничего не было видно, и спустился к товарищам, с нетерпением ожидавшим меня под деревом. Вот когда я стал героем дня! Этот замысел принадлежал мне, и я сам привел его в исполнение. Вот она, карта, которая сэкономит нам месяц времени и избавит от необходимости блуждать вслепую по Неведомой стране. Последовал обмен торжественными рукопожатиями. Но прежде чем показать карту товарищам, надо было рассказать им и о моей встрече с человекообезьяной.

— Она была там все время, — сказал я.

— Откуда вы это знаете? — спросил лорд Джон.

— Меня не оставляло ощущение, что за нами следят чьи-то злобные глаза. Помните, профессор Челленджер? Я говорил вам об этом.

— Действительно, нечто подобное я слышал. Наш юный друг обладает той впечатлительностью, которая характерна для представителей кельтской расы.

— Теория телепатии... — начал было Саммерли, набивая трубку.

— Эта чересчур сложная проблема, не будем ее обсуждать сейчас, — решительно прервал его Челленджер. — Скажите лучше вот что, — обратился он ко мне с величественным видом, словно епископ, экзаменующий ученика воскресной школы, — вы не заметили, может это существо прижать большой палец к ладони?

— Вот уж чего не заметил, того не заметил.

— Хвост у него есть?

— Нет.

— Задние конечности хватательные?

— По всей вероятности, иначе он не смог бы так быстро скакать с ветки на ветку.

— Если память мне не изменяет, в Южной Америке насчитывается до тридцати шести видов обезьян... профессор Саммерли, прошу вас воздержаться от замечаний... Но человекообразных среди них нет. Теперь не подлежит сомнению, что здесь они водятся, но это какая-то другая разновидность, а не те волосатые гориллоподобные обезьяны, которые встречаются только в Африке и на Востоке. (У меня чуть было не сорвалось с языка, что двоюродного братца этих гориллоподобных я видел и в Кенсингтоне.) Для здешней разновидности характерны наличие растительности на лице и белый цвет кожи, последнее же объясняется тем, что эти обезьяны живут на деревьях, среди густой листвы. Перед нами стоит вопрос: к кому же больше приближается здешняя разновидность — к обезьяне или к человеку? В последнем случае она, видимо, представляет собой то, что зовется в просторечии «недостающим звеном». Наш долг — немедленно приступить к разрешению этой проблемы...

— Возражаю! — резко оборвал его Саммерли. — Теперь, когда у нас есть карта, а этим мы обязаны сообразительности и энергичному образу действий мистера Мелоуна (я вынужден привести его слова), наш единственный долг — принять все меры, чтобы немедленно же выбраться здоровыми и невредимыми из этого ужасного места.

— Блага цивилизации не дают вам спать! — простонал Челленджер.

— Да, сэр! И самым большим благом цивилизации я считаю чернила, сэр! Мы должны отчитаться во всем, что видели здесь, а дальнейшим исследованием пусть занимаются другие. Вы же сами с этим согласились до того, как мистер Мелоун показал нам карту.

— Хорошо, — сказал Челленджер. — Мне тоже сразу облегчает, когда я буду окончательно уверен, что результаты экспедиции дойдут до сведения наших друзей. Но пока что я понятия не имею, как нам отсюда выбраться. Впрочем, Джоржу Эдуарду Челленджеру еще не приходилось сталкиваться с задачами, которые были бы не под силу его изобретательному уму, и он обещает вам завтра же заняться этим вопросом вплотную.

На этом спор был закончен. А в тот же вечер при свете костра и единственной свечи мы вычертили по моему наброску первую карту Затерянного мира. Детали, только намеченные мною с вершины дерева, были нанесены на соответст-

вующие места. Карандаш Челленджера задержался над большим белым пятном, изображавшим озеро.

— Как же мы его назовем? — спросил он.

— Почему бы вам не воспользоваться случаем увековечить свое имя? — с обычной язвительностью сказал Саммерли.

— Я уверен, сэр, что у потомства найдутся более веские основания, чтобы запомнить Челленджера. И эти основания будут покоиться на его личных заслугах, — сурово ответил профессор. — Каждый невежда может навязать свое имя какой-нибудь реке или горной вершине. Мне таких монументов не нужно.

Саммерли криво улыбнулся, готовясь к новому выпадку, но лорд Джон поспешил прервать спорщиков.

— Милый юноша, окрестить озеро должны вы, — сказал он. — Вы первый его увидели, и, если вам захочется поставить на карте «озеро Мелоун», перечить вам никто не будет.

— Конечно, конечно! Пусть наш юный друг даст название озеру, — поддержал его Челленджер.

— В таком случае, — сказал я и сам почувствовал, что краснею, — пусть оно зовется озером Глэдис.

— А вам не кажется, что «Центральное» даст более ясное понятие о его местоположении? — спросил Саммерли.

— Нет, пусть будет озеро Глэдис.

Челленджер бросил на меня сочувственный взгляд и с шутилкой укоризной покачал головой.

— Ах, молодость, молодость! сказал он. — Ну что же, Глэдис так Глэдис!

Глава XII

КАК СТРАШНО БЫЛО В ЛЕСУ!

В предыдущем письме уже упоминалось... а может, и нет? — последнее время память играет со мной злые шутки, — что я был сам не свой от гордости, когда трое таких незаурядных людей, как мои спутники, с благодарностью пожали мне руку. По их словам, я спас или по крайней мере значительно облегчил положение. Будучи самым младшим членом экспедиции и уступая моим товарищам во всем, что касалось опыта и твердости характера, я с первых же дней нашего путеше-

ствия оставался в тени. Но теперь настал и мой час. Увы! Гордыня к добру не приводит. Чувство самодовольства и новая для меня уверенность в своих силах привели к тому, что в ту же ночь мне пришлось выдержать такое испытание, о котором я до сих пор не могу вспомнить без ужаса.

Вот как это случилось. Взбудораженный сверх всякой меры своим удачным подъемом на вершину дерева гингко, я никак не мог уснуть. В ту ночь первым дежурил Саммерли. В неярком свете костра виднелась его нелепая, угловатая фигура. Он сидел, сгорбившись, положив винтовку на колени, и так клевал носом, что его козлиная борода то и дело вздрагивала. Лорд Джон лежал, завернувшись в свое южноамериканское одеяло — пончо, и его совсем не было слышно. Зато густой и громкий храп Челленджера разносился по всему лесу.

Полная луна светила ярко; ночной воздух так и пробирал холодком. Какая ночь для прогулки! И вдруг меня осенило: а почему бы и в самом деле не прогуляться? Что, если я тихонько выйду из лагеря, найду дорогу к центральному озеру и утром вернусь с целым ворохом новостей? Ведь тогда акции мои поднимутся еще выше! И если Саммерли заставит нас найти какой-нибудь способ выбраться отсюда, мы вернемся в Лондон с самыми точными сведениями о центральной части Страны Мепл-Уайта, где, кроме меня, не побывал никто. Я вспомнил Глэдис... «Человек — сам творец своей славы», — прозвучало у меня в ушах. Вспомнил и Мак-Ардла. Какой материал для газеты — на целую полосу! Какая карьера ждет меня впереди! Начнется война, и, может быть, меня пошлют корреспондентом на театр военных действий. Я схватил первую попавшуюся винтовку — патроны были у меня в карманах — и, разобрав завал у входа в форт, проскользнул за его ограду. Оглянувшись напоследок, я увидел нашего горе-часового Саммерли, который по-прежнему дремал у затухающего костра, мерно, словно китайский болванчик, покачивая головой.

После первых же ста ярдов мне стало ясно, сколько безрассудства в моем поступке. Я, кажется, уже упоминал на страницах этой хроники, что пылкость воображения мешает мне стать по-настоящему смелым человеком, упоминал и о том, что больше всего на свете боюсь прослыть трусом. Вот эта боязнь и толкала меня вперед. Я просто не мог бы вернуться в лагерь с пустыми руками. Если б товарищи и не хва-

тились меня и не узнали бы о моем малодушии, все равно я не нашел бы себе места от жгучего стыда. А в то же время меня то и дело кидало в дрожь, и я готов был отдать все, лишь бы найти достойный выход из этого нелепого положения.

Как страшно было в лесу! Деревья стояли такой плотной стеной, листва у них была такая густая, что лунный свет почти не проникал сюда, и лишь самые верхние ветки филигранным узором сквозили на фоне звездного неба. Привыкнув мало-помалу к темноте, глаза мои начали кое-что различать в ней. Некоторые деревья все же виднелись в этом мраке, другие совсем тонули в угольно-черных провалах, от которых я в ужасе шараялся, так как порой они казались мне входами в какие-то пещеры. Я вспомнил отчаянный вопль обреченного на гибель игуанодона, разнесшийся по всему лесу. Вспомнил и бородавчатую, окровавленную морду, мелькнувшую передо мной при свете факела лорда Джона. Безымянное страшное чудовище охотится в этих самых местах. Оно может в любую минуту броситься на меня из лесной тьмы. Я остановился, вынул из кармана патрон и открыл затвор винтовки. И вдруг сердце замерло у меня в груди. Это была не винтовка, а дробовик.

И я снова подумал: «Уж не вернуться ли?» Повод вполне достаточный, никто не посмеет сомневаться в причинах моей неудачи. Но глупая гордость восстала даже против одного этого слова. Нет, я не хотел, я не мог допустить, чтобы меня постигла неудача. Если уж на то пошло, так перед лицом тех опасностей, которые мне здесь, по всей вероятности, угрожают, винтовка окажется столь же бесполезным оружием, сколь и охотничье ружье. Возвращаться в лагерь и исправлять ошибку не имеет смысла — второй раз мне не удастся уйти оттуда незамеченным. Придется объяснить свои намерения, и тогда инициатива уйдет у меня из рук. После недолгих колебаний я все же собрался с духом и двинулся дальше, держа бесполезное ружье под мышкой.

Лесная тьма пугала меня, но на прогалине игуанодонов, залитой ровным лунным светом, мне стало еще страшнее. Я внимательно оглядел ее, спрятавшись в кустах. Чудовищ не было видно. Трагедия, злополучным героем которой стал один из игуанодонов, вероятно, заставила остальных уйти с этого пастбища. Туманная, серебристая ночь была безмолвна — ни шороха, ни звука. Набравшись храбрости, я быстро перебежал прогалину и по ту сторону опять вышел к ручью,

служившему мне путеводной нитью. Этот веселый спутник бежал, болтая и журча, как тот дорогой моему сердцу ручей в родной стороне, где я еще мальчиком ловил по ночам форель. Если идти вниз по течению, он выведет меня к озеру; если подыматься вверх, — вернешься обратно в лагерь. Ручей то и дело терялся среди кустов, но его неумолчное журчание все время стояло у меня в ушах.

Чем ниже под уклон, тем больше и больше редел лес, постепенно уступая место зарослям кустарника, среди которых лишь кое-где поднимались высокие деревья. Идти становилось легче, и теперь я мог смотреть по сторонам, оставаясь незамеченным. Мой путь проходил мимо болота птеродактилей, и оттуда навстречу мне с сухим шелестом и свистом взмыл в воздух один из этих гигантов, размах крыльев которого был футов двадцать по меньшей мере. Вот его перепончатые крылья пронизало ослепительно-белым тропическим сиянием лунного диска, и словно скелет пролетел у меня над головой. Я кинулся в кусты, зная по опыту, что достаточно этому чудовищу подать голос, и на меня тучей налетят его омерзительные собратья. И только после того, как птеродактиль опустил в чашу кустов, я осторожно двинулся дальше.

Ночь была на редкость тихая, но вот тишину нарушил глухой, ровный рокот, с каждым моим шагом становившийся все громче и громче. Наконец я остановился совсем рядом с источником, из которого исходил этот звук, напоминавший клокотание кипятка в котле, и понял, в чем тут дело. Посередине небольшой лужайки виднелось озеро, вернее, большая лужа, ибо в диаметре она была не больше водоема в Трафальгар-сквере. Ее черная, как деготь, поверхность непрестанно вздувалась пузырями, которые лопались, выделяя газ. Воздух над лужей дрожал от жара, а земля вокруг была до того горячая, что, коснувшись ее ладонью, я тут же отдернул руку. По-видимому, мощный вулканический процесс, много веков назад вздыбивший плато над земной поверхностью, еще не закончился. Нам уже приходилось видеть здесь, среди пышной зелени, черные обломки скал и застывшую лаву, но этот резервуар с жидким асфальтом был первым неоспоримым доказательством того, что древний вулкан продолжает действовать и по сию пору. К сожалению, мне надо было спешить, чтобы вернуться в лагерь до рассвета, и я не стал задерживаться здесь.

До конца дней своих я не забуду этого страшного пути. Освещенные луной прогалины я обходил по самым краям, стараясь держаться в густой тени; в джунглях то и дело замирал от страха, слыша треск веток, сквозь которые пробирался какой-нибудь зверь. Огромные тени возникали передо мной и снова исчезали, бесшумно скользя на мягких лапах. Я часто останавливался с твердым намерением повернуть обратно, и всякий раз гордость побеждала страх и гнала меня вперед, к намеченной цели.

Наконец (на моих часах было начало второго) в просвете между деревьями блеснула вода, и минут через десять я уже стоял в камышах, на берегу центрального озера. Меня давно мучила жажда, и я лег ничком и припал к воде; она оказалась холодной и очень свежей на вкус. В этом месте к берегу вела широкая, испещренная множеством следов тропинка — очевидно, звери приходили сюда на водопой. У самой воды огромной глыбой поднималась застывшая лава. Я взобрался на нее, лег и осмотрелся по сторонам.

Первое, что предстало моему взору, поразило меня своей неожиданностью. Описывая вид, открывавшийся с вершины дерева гингко, я упоминал о темных пятнах на скалистой гряде, которые можно было принять за входы в пещеры. Взглянув теперь в ту сторону, я увидел множество круглых отверстий, светящихся ярким, красноватым огнем, словно иллюминаторы океанского парохода в ночной темноте. Сначала я подумал, что это отблеск лавы, бурлящей в непотухшем вулкане, но тут же отказался от такого предположения. Лава бурлила бы где-нибудь внизу, а не высоко среди скал. Тогда что же это значит? Невероятно, но, по-видимому, другого объяснения не подыщешь: эти красноватые пятна не что иное, как отблески костров, горящих в пещерах, костров, разжечь которые могла только человеческая рука. Следовательно, на плато есть люди. Какие блестящие результаты дала моя ночная прогулка! Уж с такими известиями нам не стыдно будет вернуться в Лондон.

Я долго смотрел на эти красные мерцающие отблески. Меня отделяло от них не меньше десяти миль, но даже на таком расстоянии можно было разглядеть, как они то затухали, то вспыхивали ярче, то совсем исчезали у меня из глаз, когда их заслоняли чьи-то тени. Чего бы я только не дал, чтобы добраться к этим пещерам, заглянуть в них и потом поведать моим спутникам о внешнем облике и образе жизни челове-

ской расы, населяющей этот таинственный уголок земного шара! Сейчас об этом нечего было и думать, но вряд ли кто-нибудь из нас захочет покинуть плато, не узнав толком, что скрывается в этих пещерах.

Озеро Глэдис — мое озеро! — сверкало передо мной, словно ртуть, а в самом центре его отражался светлый диск луны. Оно было неглубокое: из воды в нескольких местах проглядывали песчаные отмели. Гладкая поверхность озера жила своей жизнью — на ней появлялись то круги, то легкая рябь; вот рыба блеснула серебряной чешуей, вот показалась горбатая аспидно-черная спина какого-то чудовища. Странное существо, похожее на огромного лебедя с длинной гибкой шеей, прошло по краю отмели, потом грузно плюхнулось в озеро и поплыло. Его изогнутая шея и юркая голова долго виднелись над водой. Потом оно нырнуло и больше уже не показывалось.

Вскоре я устремил все свое внимание на то, что происходило почти у самых моих ног. На берегу появились два зверя, похожих на крупных армадиллов. Они припали к воде и быстро заработали длинными красными лентами языков. Вслед за ними на водопой явился огромный ветвисторогий олень с самкой и двумя оленятами. Такого царственного существа, наверно больше нигде не найдешь, кроме как в Стране Мепл-Уайта; и лось и американский олень были бы ему по плечо. Все семейство мирно пило воду, но вдруг самец предостерегающе фыркнул, и они мигом исчезли в камышах. Армадиллы тоже заковыляли прочь. На тропинке появилось какое-то новое существо — настоящее чудовище.

У меня пронеслось в голове: где же я видел этого уродца с круглой спиной, усаженной треугольными зубцами, с маленькой птичьей головкой, опущенной почти до самой земли? И вдруг я вспомнил. Это же стегозавр, которого Мепл-Уайт запечатлел на страницах своего альбома, то чудовище, которым прежде всего заинтересовался Челленджер. Вот он передо мной — может быть, тот самый зверь, что повстречался американскому художнику. Земля содрогалась под его страшной тяжестью, воду он лакал так громко, что эти звуки, казались, будили ночь. Минут пять стегозавр стоял совсем рядом со мной. Стоило мне протянуть руку, и я бы коснулся этих отвратительных зубцов, вздрагивавших при каждом его движении. Напившись, чудовище побрело прочь и скрылось среди камней.

Я вынул часы — было половина третьего, самое время возвращаться в лагерь. Обратный путь не вызывал у меня никаких сомнений, так как я шел сюда, держась левого берега ручья, а ручей вливался в центральное озеро в нескольких шагах от моего наблюдательного пункта. Итак, я в самом лучшем расположении духа зашагал к лагерю, гордясь результатами своей ночной прогулки и теми новостями, которые преподнесу товарищам. Конечно, самая важная новость — это освещенные изнутри пещеры, где, по всей вероятности, живет какое-то племя троглодитов. Но мои наблюдения над центральным озером тоже кое-чего стоят. Я могу удостоверить, что оно полно живых существ, и, кроме того, опишу несколько новых видов доисторических сухопутных животных, не встречавшихся нам до сих пор. Не много найдется людей на свете, думал я, которые за одну ночь — и какую необычайную ночь! — смогли бы внести столь ценный вклад в сокровищницу человеческих знаний.

Поглощенный своими мыслями, я медленно поднимался вверх по склону и уже был примерно на полпути к лагерю, когда послышавшиеся сзади странные звуки вернули меня к действительности. Это было нечто среднее между храпением и ревом — глухим, низким и грозным. По-видимому, вблизи появился какой-то зверь, но в темноте ничего нельзя было разглядеть. Я прибавил шагу и, пройдя еще с полмили, снова услышал те же звуки. На сей раз они были гораздо громче и страшнее. Сердце замерло у меня в груди при мысли, что за мной кто-то гонится. Я весь похолодел и почувствовал, как волосы встали дыбом у меня на голове. Пусть эти чудовища рвут друг друга на куски, такова борьба за существование, но чтобы они нападали на современного человека, охотились за владыкой мира — с этой страшной мыслью я не мог примириться. Передо мной снова возникло это страшное видение из Дантова «Ада» — залитая кровью морда, освещенная на миг горящей веткой лорда Джона. Я стоял, глядя во все глаза назад, на залитую луной тропинку, и колени у меня подгибались от страха. Такое может только присниться: тишина, серебристые лунные блики на прогалинах, черные пятна кустов. И вдруг эту грозную тишину снова прорезало то же низкое, гортанное рычание. Оно звучало еще громче, еще ближе. Сомнений быть не могло: меня кто-то выслеживал, и расстояние между мной и моим преследователем сокращалось с каждой минутой.

Я стоял, будто пригвожденный к месту, и не мог отвести глаз от тропинки. И вдруг оно показалось. В дальнем конце прогадины, которую я только что прошел, дрогнули кусты. Что-то большое, темное отделилось от них и одним прыжком вымахнуло на залитую луной прогадину. Я умышленно говорю о прыжке, ибо чудовище передвигалось, как кенгуру, вытянувшись во весь рост и отталкиваясь от земли сильно развитыми задними ногами; передние были прижаты у него к брюху. Размеры и мощь этого зверя поразили меня — настоящий слон, вставший на дыбы. И при всем том какая подвижность! В первую минуту у меня еще мелькнула надежда: может быть, это лишь безобидный игуанодон? Но, несмотря на все свое невежество, я понял, что ошибаюсь. У трехпалого травоядного игуанодона голова была маленькая, как у лани, а у этого страшилища широкая, плоская — словом, точная копия той жабьей морды, обладатель которой так напугал нас минувшей ночью. Свирепый рев и настойчивость, с какой он преследовал меня, свидетельствовали о том, что это плотоядный динозавр, один из самых страшных зверей, которые когда-либо водились на земле. Чудовище то и дело припадало на передние лапы и тыкалось носом в землю, вынюхивая мои следы. Иногда они терялись, но динозавр, находил их и снова огромными прыжками пускался по тропинке следом за мной.

Даже теперь, при одном лишь воспоминании об этом кошмаре, холодный пот проступает у меня на лбу. Что мне было делать? У меня в руках был дробовик, но какой от него толк сейчас? Я с отчаянием огляделся по сторонам, ища глазами какое-нибудь прикрытие — скалу или дерево, но здесь, в чаще кустарника, были только молодые деревца, а моему преследователю ничего не стоило бы переломить, как тростинку, и большое дерево. Меня могло спасти только бегство. Но как бежать по неровному каменистому откосу? К счастью, я заметил хорошо утоптанную тропинку, пересекавшую мой путь. Во время своих разведок мы видели немало таких троп, проложенных дикими зверями. Если броситься по ней, может быть, мне и удастся уйти от преследования, тем более что бегаю я хорошо и сейчас нахожусь в форме. И, отшвырнув в сторону бесполезное ружье, я показал такой класс спринта, какой не показывал ни до, ни после этой ночи. Ноги мои подкашивались, грудь разрывалась, дыхание спирало в горле, но я все бежал и бежал вперед, подгоняемый ужасом. Наконец, когда сил уже больше не стало, я остановился. На секунду

мне показалось, что преследование кончилось — на тропинке никого не было. И вдруг снова треск сучьев, топот исполинских лап, свистящее дыхание могучих легких... Зверь настигал меня. Он уже совсем близко! Спасения нет!

Безумец! Зачем я так долго раздумывал, прежде чем обратиться в бегство? Сначала динозавр полагался только на свой нюх, а это замедляло погоню. Но как только я побесжал, он заметил меня и с той минуты уже не терял из виду. Еще несколько прыжков — и чудовище показалось из-за поворота тропинки. В ярком свете луны блеснули огромные выпученные глаза, пасть с двумя рядами страшных зубов и острые когти на коротких передних лапах. Я дико вскрикнул и опрометью бросился вперед. Прерывистое, хриплое дыхание слышалось все ближе и ближе. Тяжелый топот настигал меня. Еще секунда — и динозавр вцепится мне в спину. И вдруг — оглушительный треск, я лечу в бездну, а дальше тьма и пустота забвения...

Когда я очнулся от обморока — думаю, что на это потребовалось всего несколько минут, — мне ударило в нос ужасающее, совершенно невыносимое зловоние. Я пошарил в темноте и одной рукой нащупал что-то вроде огромного куска мяса, другой — тяжелую кость. Высоко вверх в правильном овале светили звезды. Следовательно, я лежал на дне какой-то глубокой ямы. Все тело у меня ныло, но кости были целы, никаких повреждений не обнаруживалось. Когда в моем затуманенном мозгу всплыли обстоятельства, предшествовавшие этому падению в яму, я с ужасом взглянул вверх в полной уверенности, что темная голова динозавра вот-вот появится на фоне бледнеющего неба. Но все было тихо и спокойно. Тогда я медленно, ощупью обошел дно ямы, стараясь понять, куда же меня вверг счастливый случай. Яма была глубокая, с отвесными краями и ровным дном, футов двадцати в поперечнике. На дне валялись совершенно разложившиеся куски мяса, от которых шел удушающий смрад. Ступая по этой падали и то и дело спотыкаясь о нее, я вдруг наткнулся на что-то твердое — это был деревянный кол, вбитый в самой середине ямы. Я ощупал его, моя рука скользнула по чему-то липкому, но до верхушки кола так и не дотянулась.

Вдруг я вспомнил, что у меня в кармане есть восковые спички, и, чиркнув одну, сразу понял назначение этой ямы. Сомневаться не приходилось: это была западня, вырытая руками человека. Вбитый посредине заостренный кол высотой

футов в девять весь почернел от крови животных, которые напарывались на него. Валявшиеся на дне куски гнилого мяса были, по-видимому, срезаны с кола, чтобы очистить место для следующих жертв.

Я вспомнил Челленджера, утверждавшего, что человек с его слабыми средствами защиты не может существовать на плато, населенном такими чудовищами. Но теперь способы его борьбы с ними стали ясны мне. Пещеры с узкими входами служили надежным убежищем для их обитателей, кто бы они ни были. Умственное превосходство этих человеческих существ над огромными ящерами было, по-видимому, настолько велико, что позволяло им устраивать на звериных тропах прикрытые ветками ловушки, в которых их враги гибли, несмотря на всю свою мощь и ловкость. Человек и здесь властвовал над миром.

Чтобы выбраться по откосам ямы наверх, особенной ловкости не требовалось, но я долго не решался на это, боясь попасть в лапы врага, который едва не растерзал меня. Почему знать, может быть, динозавр подкарауливает свою жертву, притаившись в кустах? Но я вспомнил один разговор Челленджера с Саммерли о повадках этих исполинских пресмыкающихся и немного осмелел. Оба профессора сходились на том, что в крохотной черепной коробке динозавра нет места разуму и что, по сути дела, это совершенно безмозглые животные, исчезнувшие с лица земли именно из-за полного неумения приспосабливаться к меняющимся условиям существования.

Прежде чем подкарауливать меня, динозавр должен был понять, что со мной произошло, но для этого требовалось умение устанавливать связь между причиной и следствием. Гораздо более вероятно, что глупое животное, действующее лишь по велению хищнического инстинкта, сначала опешило в недоумении, а потом отправилось на поиски новой добычи.

Я долез до края ямы и огляделся по сторонам. Звезды гасли, небо начинало бледнеть и предутренний ветерок приятной прохладой пахнул мне в лицо. Мой враг никак не давал о себе знать. Я медленно выбрался из ямы и сел на землю, готовясь при малейшей тревоге спрыгнуть в свое убежище. Потом, несколько успокоенный полной тишиной, которая была вокруг, и наступлением утра, собрался с духом и, крадучись, пошел назад по той же тропинке. Через несколько минут я увидел свое ружье, подобрал его, вышел к ручью, служивше-

му мне путеводной нитью, и быстро зашагал к лагерю, то и дело оборачиваясь и бросая по сторонам испуганные взгляды.

И вдруг ветер принес мне напоминание о моих товарищах. Тишину спокойного утра нарушил далекий звук ружейного выстрела. Я остановился и прислушался — все было тихо. «Не случилось ли чего с ними?» — пронеслось у меня в голове. Но я тут же успокоился, найдя более простое и более естественное объяснение этому выстрелу. Уже совсем рассвело. Мое отсутствие, конечно, успели заметить. Товарищи, вероятно, решили, что я заблудился в лесу, и дали выстрел, чтобы помочь мне добраться до лагеря. Правда, стрельба была у нас запрещена, но если они думали, что мне грозит опасность, вряд ли это остановило бы их. Надо как можно скорее вернуться в лагерь и унять тревогу.

Я устал, измучился за ночь и при всем желании не мог идти быстро. Но вот наконец-то начались знакомые места. Слева болото птеродактилей, а скоро будет прогалина игуанодонов. Теперь только узкая полоса леса отделяла меня от Форта Челленджера. Я весело крикнул, торопясь успокоить товарищей. Ответа не было. Кругом стояла зловещая тишина. Сердце у меня сжалось. Я ускорил шаги, потом побежал. Вот и ограда — она цела, но завала у входа нет. Я бросился внутрь. Страшное зрелище предстало моим глазам в холодном свете раннего утра. Наши вещи в беспорядке валялись по всей поляне; моих спутников нигде не было, а возле потухшего костра краснела на траве большая лужа крови.

Я был так потрясен этой неожиданностью, что первое время вообще потерял способность соображать. Припоминаю только, как тяжелый кошмар, свои метания по лесу вокруг опустевшего лагеря, отчаянные призывы, обращения к товарищам. Но лесная чаща безмолвствовала. Меня сводили с ума страшные мысли. Что, если я больше не увижу их? Что, если я останусь один в этом ужасном месте и никогда не смогу вернуться в мир? Что, если судьба обречет меня жить и умереть здесь? Мне хотелось рвать на себе волосы и биться головой о землю в припадке отчаяния. Только теперь я понял, какой опорой были для меня товарищи — и Челленджер с его безмятежной самоуверенностью и властный, хладнокровный лорд Рокстон, никогда не теряющий чувства юмора. Без них я был, как слабый, беспомощный ребенок, оставшийся один в темноте. Куда мне податься, что делать, с чего начать?

Некоторое время я сидел совершенно подавленный, потом мало-помалу пришел в себя и стал раздумывать, какая же злая участь постигла моих спутников. Разгром, учиненный в лагере, свидетельствовал о том, что они подверглись нападению, очевидно, в ту самую минуту, когда я услышал выстрел. Но выстрел был только один, значит все кончилось мгновенно. Винтовки лежали тут же на земле, а в затворе одной из них, принадлежавшей лорду Джону, был стреляный патрон. Судя по брошенным у костра одеялам Челленджера и Саммерли, беда настигла их во время сна. Ящики с патронами и провизией валялись по всей поляне; тут же я увидел наши фотографические аппараты и коробки с пластинками. Все это было цело, зато съестные припасы, вынутые из ящиков, исчезли, а их, помнится, было изрядное количество. Следовательно, нападение на лагерь произвели не люди, а звери, ибо в противном случае тут, вероятно, ничего бы не осталось.

Но если это действительно звери или какое-нибудь одно чудовище, то что же случилось с моими спутниками? Хищники, конечно, растерзали бы их, но где же останки? Правда, лужа крови достаточно красноречиво говорила о случившемся, а динозавр, который преследовал меня ночью, мог бы унести свою жертву с такой же легкостью, с какой кошка уносит мышь. В таком случае оставшиеся двое, вероятно, бросились за ним вдогонку. Но почему же они не взяли с собой винтовок? Мой усталый, измученный мозг отказывался разгадать эту загадку. Поиски в лесу тоже ничего не дали. Я заплутался и только благодаря счастливой случайности снова вышел к лагерю, потратив на это не меньше часа.

И тут в голову мне пришла мысль, в которой было кое-какое утешение. Все-таки я не совсем один здесь. У подножия скал остался верный Самбо. Он услышит мой голос. Я подошел к обрыву и заглянув вниз. Ну, конечно, вон он сидит на одеяле у костра! Но там есть кто-то еще. Кто же это? Сердце екнуло у меня от радости. Может быть, один из моих товарищей как-то ухитрился спуститься вниз? Но стоило мне присмотреться повнимательнее, и надежда угасла. Кожа человека, сидевшего напротив Самбо, отливала красным в лучах восходящего солнца. Это был индеец. Я громко крикнул и замахал носовым платком. Самбо вскинул голову, махнул рукой мне в ответ и побежал к утесу. Прошло несколько минут, и он уже стоял на его вершине, совсем близко от меня, и в горестном молчании слушал мой рассказ.

— Их унес дьявол, мистер Мелоун,— сказал Самбо.— Вы пришли в страну дьявола, и он всех вас возьмет к себе. Слушайте, что говорит Самбо, сэр: поскорее спускайтесь вниз, а то и вам будет беда.

— Как же я спущусь, Самбо?

— Рубите лианы с деревьев, мистер Мелоун. Бросайте их сюда. Я привяжу лианы к пеньку, и будет мост.

— Мы сами об этом думали. Но лианы нас не выдержат.

— Пошлите за веревками, мистер Мелоун.

— Кого же я пошлю и куда?

— Пошлите в индейский поселок, сэр. В индейском поселке много веревок из кожи. Внизу есть индеец, пошлите его.

— Откуда он взялся?

— Это наш индеец. У него все отняли, а самого побили. Он вернулся. Теперь возьмет письмо, принесет веревки — все сделает.

Возьмет письмо... Что ж, это мысль! Может быть, кто-нибудь придет нам на помощь? А если нет, открытия, которыми мы обогатили науку, дойдут до наших друзей, и мир узнает, что мы погибли не зря. Два письма были у меня уже готовы. За сегодняшний напишу напишу третье, в котором ход событий будет доведен до последней минуты. Индеец доставит мои письма туда, в мир,

Я приказал Самбо подняться на утес еще раз, ближе к вечеру, и весь этот унылый день посвятил описанию того, что произошло со мной минувшей ночью. К письмам я присовокупил также коротенькую записку, которую индеец должен был вручить первому попавшемуся белому — торговцу или капитану какого-нибудь судна. В записке было сказано, что наша жизнь зависит от того, пришлют нам канаты или нет. Вечером я переправил Самбо все письма и свой кошелек с тремя фунтами стерлингов. Деньги предназначались индейцу, а за канаты ему была обещана вдвое большая сумма.

Теперь дорогой мистер Мак-Арлл, вы поймете, каким образом мои письма дошли до вас, и узнаете всю правду о своем неудачливом корреспонденте, в случае если он больше не напишет вам ни строчки. Сейчас я слишком измучен и слишком подавлен, чтобы строить какие-нибудь планы. Завтра подумая о дальнейшем и, не теряя связи с лагерем, начну поиски моих несчастных товарищей.

Глава XIII

ЭТОГО ЗРЕЛИЩА МНЕ НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ

В тот грустный день на закате солнца я увидел внизу уходящего индейца — нашу последнюю надежду на спасение — и до тех пор провожал глазами его одинокую крохотную фигурку, пока она не скрылась в розовом всереннем тумане, медленно встававшем между мной и далекой Амазонкой.

Было уже совсем темно, когда я побрел к нашему разгромленному лагерю, бросив напоследок еще один взгляд на костер Самбо — на этот единственный луч света, доходивший до меня из огромного мира и так же ласкавший мой взгляд, как присутствие верного негра ласкало мою омраченную душу. Но теперь, впервые после постигшей меня беды, я немного прибодрился, утешая себя мыслью, что мир узнает о наших делах и сохранит в памяти наши имена, связав их навеки с теми открытиями, которые, быть может, достанутся нам ценой жизни.

Мне было страшно устраиваться на ночь в этом злополучном лагере, а джунгли пугали меня еще больше. Однако приходилось выбирать между тем и другим. Благоразумие требовало, чтобы я был настороже, но истомленному телу трудно было бороться с дремотой. Забравшись на дерево гингко, я тщательно искал такого местечка на его нижних ветках, где можно было бы уснуть, не рискуя сломать себе шею при неминувшем падении.

Пришлось слезть и решать, как быть дальше. После долгих раздумий я завалил кустами вход в лагерь, разжег три костра, расположив их треугольником, сытно поужинал и уснул крепким сном, который был прерван на рассвете самым неожиданным и самым приятным образом.

Ранним утром чья-то рука легла мне на плечо. Я вскочил, весь дрожа, схватился за винтовку и вдруг радостно вскрикнул, узнав лорда Джона, склонившегося ко мне в сером рассветном сумраке.

Да, это был он, но какая перемена произошла в нем! Последний раз я видел лорда Джона спокойным, сдержанным, в чистом белом костюме. Сейчас он стоял передо мной бледный, глаза его дико блуждали по сторонам, грудь тяжело вздымалась, как после долгого и стремительного бега, голова

была не покрыта, худое лицо исцарапано и все в крови, костюм порван в клочья. Я смотрел на него, пораженный этим зрелищем, но он не дал мне даже открыть рта и принялся подбирать раскиданные по поляне вещи, бросая мне короткие, отрывистые фразы:

— Скорее, юноша, скорее! Дорога каждая минута. Возьмите винтовки — обе. Остальные у меня. Как можно больше патронов. Набейте ими карманы. Теперь — провизия. Шести банок хватит. Вот так. Ни о чем не спрашивайте, не рассуждайте. Ну, бежим, не то будет поздно.

Еще не проснувшись как следует, не соображая, что все это значит, я помчался по лесу за лордом Джоном с двумя винтовками под мышкой и с шестью консервными банками в руках. Он выбирал самые густые, с трудом проходимые заросли и, наконец, вывел меня к высоким кустам. Мы кинулись туда, не обращая внимания на колючки. Лорд Джон упал ничком на землю и потянул меня за собой.

— Ну вот! — еле выговорил он. — Теперь, кажется, мы в безопасности. Они нагрянут на лагерь, это как пить дать, и просчитаются.

— Что случилось? — спросил я отдышавшись. — Где оба профессора? И кто на них охотится?

— Человекообезьяны! — громким шепотом сказал лорд Джон. — Господи боже, что это за чудовища! Говорите тише. У них тонкий слух, зрение тоже, зато обоняние никуда не годится, насколько я мог заметить. По следам они до нас не доберутся. Где вы пропадали, юноша? Вам повезло, благодарите свою судьбу, что не попали в эту переделку.

Я шепотом поведал ему о своих приключениях.

— Да, плохи наши дела! — сказал лорд Джон, услышав о динозавре и западне. — Здесь вам не курорт. Но все же полное представление о прелестях здешних мест я получил в ту минуту, когда на нас напали эти дьяволы. Мне однажды пришлось побывать в лапах у людоедов-папуасов, но они конфетки по сравнению с этими монстрами.

— Расскажите, как все было, — попросил я.

— Это случилось на рассвете. Наши ученые друзья только продрали глаза и даже не успели сцепиться. И вдруг откуда ни возьмись — обезьяны. Просто посыпались на нас, как яблоки с яблони. Они, наверно, еще затемно облепили высокое дерево, на которое вы лазали. Одной я тут же посадил пулю в брюхо, однако тем дело и кончилось — нас мигом уло-

жили на обе лопатки. Я называю этих дьяволов обезьянами, но они размахивали палками, швыряли в нас камнями, тараторили между собой на своем языке и в довершение всего связали нам руки лианами. Это человекообезьяны, которых мне приходилось встречать во время своих странствий, а я, слава Богу, много шатался по белу свету. Как говорится, «недостающее звено». Ну, недостает, и черт с ним, обошлись бы и без него! А дальше дело было так. Они подхватили своего раненого сородича, из которого кровь хлестала, как из прирезанной свиньи, и унесли его куда-то, а потом уселись около нас кружком. Морды свирепые, того и гляди растерзают. Ростом они, пожалуй с человека, но немного шире, коренастее. Сидят и смотрят, смотрят на нас... Брови рыжие, нависшие, глаза какие-то странные, будто из мутного стекла. Уж на что Челленджер не трус, а ему тоже стало не по себе. Как вскочит да как закричит: «Приканчивайте нас, нечего тянуть!» У него, верно, от всего этого в голове помутилось — уж очень он буйствовал. Пожалуй, будь на месте обезьяны его заклятые враги репортеры, им и то меньше бы досталось.

— Ну, а обезьяны что?

Я с жадностью вслушивался в шепот лорда Джона, который рассказывал мне об этих поразительных происшествиях, а сам внимательно поглядывал по сторонам, не отнимая руки от винтовки со взведенным курком.

— Я уже думал: ну, конец нам! Но ничуть не бывало. Обезьяны тараторили, закричали. Потом одна подошла к Челленджеру и стала рядом с ним. Вы сейчас рассмеетесь, юноша, но до чего они были похожи — как близкие родственники! Я бы сам не поверил, да глаза не лгут. Эта старая человекообезьяна, по-видимому, вожак племени, оказалась точной копией Челленджера, только, что масть другая — рыжая. А все прочие очаровательные приметы нашего друга были налицо, правда, несколько утрированные. Квадратный торс, широкие плечи, грудь колесом, полное отсутствие шеи, длинная рыжая борода, мохнатые брови и такой же заносчивый вид — пойдите мол, вы все к черту! Словом, полное сходство. Когда эта обезьяна стала рядом с Челленджером и положила ему лапу на плечо, эффект получился потрясающий. Саммерли, настроенный несколько истерически, хохотал до слез, глядя на них. Обезьяны сначала тоже смеялись, если такое кудахтанье можно назвать смехом, а потом схватили нас и поволокли в лес. Винтовки и другие вещи они не тронули,

видно, побоялись, а вот провизию, вынутую из ящиков, всю забрали с собой. Дорогой нам с Саммерли здорово досталось — полюбуйтесь на мою физиономию и на эти лохмотья. Они тащили нас сквозь заросли, не разбирая пути, а им самим хоть бы что — у них шкура дубленая. Зато Челленджер ни-сколько не пострадал. Четыре обезьяны подняли его на плечи и понесли, как римского триумфатора! Тсс! Что это?

Откуда-то издали до нас донеслось странное потрескивание, напоминающее мелкую дробь кастаньет.

— Это они! — шепнул мой товарищ, закладывая патроны во вторую двухстволку «экспресс». — Заряжайте обе винтовки, юноша, живьем мы не сдадимся, об этом не мечтайте. Слышите, как верещат?... Значит, чем-то взбудоражены. А доберутся до нас — и еще не так взволнуются. Помните «Последнюю атаку»? «Сжимая винтовки в ослабевших руках, средь мертвых на поле боя...» Это детские игрушки по сравнению с тем, что предстоит нам.

— Они где-то очень далеко.

— Эта банда до нас не доберется, но у них, наверно, по всему лесу рыщут разведчики. Ну, ладно, вернемся к моему скорбному повествованию. Так вот, эти дьяволы притащили нас в большую рощу у самого обрыва. У них там настоящий город на деревьях — до тысячи хижин из ветвей и листьев. Это в трех-четырех милях отсюда. Мерзкие твари! Мне кажется, я после них никогда не отмоюсь. Они меня всего перещупали своими грязными лапами. В городе нас связали уже по рукам и ногам, и я попался такому ловкачу, которому только бы морские узлы вязать, — что твой боцман. Так вот, связали нас и положили под деревом, а на страже поставили здоровенную обезьяницу с дубинкой. Я все говорю «нас» да «нас», но это относится только ко мне и к Саммерли. Что же касается Челленджера, то он сидел на дереве, ел какие-то фрукты и наслаждался жизнью. Впрочем, нам от него тоже кое-что перепало. а главное — он ухитрился расслабить наши пути. Вы, наверно, не удержались бы от смеха, глядя, как профессор восседает на дереве чуть не в обнимку со своим близнецом и распевает густым басом: «О звонкий колокол!» Музыка, видите ли, настраивала обезьян на миролюбивый лад. Да, вы бы рассмеялись, а нам было не до смеху. Челленджеру разрешалось делать все что угодно, разумеется, в известных пределах, но для нас режим был установлен куда стро-

же. Единственное, чем мы все утешались, — это мыслью, что вы на свободе и сэкономите все наши записи и материалы.

А теперь, милый юноша, слушайте и удивляйтесь. Вы утверждаете, что, судя по некоторым признакам — костры, ловушки и тому подобное, — на плато существуют люди. А мы этих людей видели. И надо сказать, что бедняги являют собой весьма печальное зрелище. Жалкий, запуганный народец! Да это и не удивительно. По-видимому, людское племя занимает ту часть плато, где пещеры, а обезьяны — другую, и между обоими племенами идет борьба не на жизнь, а на смерть. Вот так здесь обстоят дела, если мне удалось правильно в них разобраться.

Вчера человекообезьяны захватили в плен двенадцать туземцев и приволокли их к себе в город. Это сопровождалось такими криками и верещанием, что я просто ушам своим не верил. Туземцы — краснокожие, совсем низкорослые. Дорогой это зверье так их отделало когтями и зубами, что они еле передвигали ноги. Двоих тут же прикончили, причем у одного чуть не оторвали руку. В общем, зрелище было омерзительное. Эти несчастные держались молодцами, даже не пикнули, а мы просто не могли смотреть на них. Саммерли упал в обморок. Челленджер, и тот еле выдержал... Ну, кажется, ушли.

Мы долго прислушивались к глубокой тишине леса, но ее ничто не нарушало, кроме щебетания птиц. Лорд Джон снова вернулся к своему рассказу:

— Вам здорово повезло, юноша! Обезьяны так увлеклись индейцами, что о нас перестали и думать. Но не будь этого, второе нападение на лагерь было бы неминуемо. Вы оказались совершенно правы: они все время наблюдали за нами с дерева и прекрасно поняли, что одного человека не хватает. Но потом им стало уже не до нас. Вот почему своим пробуждением вы обязаны мне, а не стае обезьян. Бог мой, что нам пришлось испытать потом! Это какой-то кошмар! Вы помните бамбуковые заросли, где мы нашли скелет американца? Так вот, они приходятся как раз под обезьяним городом, и обезьяны сбрасывают туда своих пленников. Я уверен, что там горы этих скелетов, надо только поискать как следует. Над обрывом у них расчищен настоящий плац для подобных церемоний. Несчастных пленников заставляют прыгать в пропасть поодиночке, и весь интерес заключается в том, разобьются ли они в лепешку или напорются на острый бамбук.

Все обезьянье племя выстроилось над обрывом, и нас тоже потащили полюбоваться на это зрелище. Первые четверо индейцев прыгнули вниз, и бамбук прошел сквозь их тела, как вязальные спицы сквозь масло. Я теперь не удивляюсь, вспоминая скелет бедного янки. Да, зрелище страшное... Но вместе с тем захватывающее. Мы, как зачарованные, смотрели на эти прыжки, хотя каждый из нас думал: «Сейчас настанет моя очередь».

Однако до этого не дошло. Шестерых индейцев прибрегли на сегодня, но бенефициантами в этом спектакле, вероятно, были бы мы — Саммерли и я. Челленджер, по-видимому, вывернется. Понять обезьян не так уж трудно, потому что они изъясняются главным образом знаками. И вот, следя за их переговорами, я решил: пора действовать. Кое-какие планы у меня были. Но приходилось полагаться только на свои силы — от Саммерли толку никакого. Челленджер немногим лучше. Им удалось сойтись вместе на каких-нибудь несколько минут, и они тут же затеяли яростный спор по поводу научной классификации этих рыжих дьяволов, которые держали нас в своей власти. Один утверждал, что это яванские дриопитеки, другой называл их питекантропами. Просто рехнулись оба! Но у меня было совсем иное на уме. Прежде всего я обратил внимание, что по ровной местности эти твари бегают хуже человека, так как ноги у них короткие, кривые, а туловище грузное. Челленджер, и тот дал бы фору самому лучшему их бегуну, а мы с вами настоящие чемпионы против них. Затем еще одно немаловажное наблюдение: они понятия не имеют об огнестрельном оружии. По-моему, им было даже невдомек, что случилось с той обезьяной, которую я ранил. Словом, только бы нам добраться до своих винтовок, а там мы им покажем.

И вот сегодня на рассвете я дал своему часовому здоровенного пинка в брюхо, примчался в лагерь, захватил вас, винтовки... А дальнейшее вам известно.

— Но как же будет с нашими профессорами? — в ужасе воскликнул я.

— Надо выручать их. Бежать со мной они не могли: Челленджер сидел на дереве, а у Саммерли не хватило бы сил, поэтому я решил, что прежде всего надо достать винтовки, а уж потом спасать остальных. Правда обезьяны могут укокошить их в отместку. Челленджера они вряд ли тронут, но за Саммерли не ручаюсь. Впрочем, ему так или иначе грозила

бы смерть. В этом я совершенно уверен. Так что мое бегство не могло ухудшить положение. Но теперь честь обязывает нас спасти товарищей, или разделить с ними их участь. А по-сему, дорогой мой, кайтесь в грехах, очищайте душу, ибо к вечеру ваша судьба будет решена.

Не знаю, удалось ли мне передать здесь характерную для лорда Рокстона манеру выражаться — отрывистость, энергичность его фраз, насмешливую бесшабашность тона. Этот человек был прирожденным вожаком. Чем ближе надвигалась на нас опасность, тем красочнее становилась его речь, тем ярче разгорались его холодные глаза, тем больше и больше топорщились длинные, как у Дон Кихота, усы. Он любил рисковать, наслаждаться драматичностью, присущей истинным приключениям, особенно когда это касалось его самого, считал, что во всякой опасности есть своего рода спортивный интерес — интерес жестокой игры человека с судьбой, где ставкой служит жизнь. Все это делало лорда Джона незаменимым помощником в трудные минуты жизни. Если бы не страх за товарищей, я бы не испытывал ничего, кроме радости, идя за таким человеком на опасное дело.

Мы уже хотели выбраться из своего убежища, как вдруг лорд Джон схватил меня за руку.

— Смотрите! — шепнул он. — Идут!

С нашего места открывался вид на узкую прогалину между деревьями, ветви которых сплетались вверх, образуя сплошной зеленый свод. На этой прогалине показался отряд человекообезьян. Сутулые, кривоногие, они бежали гуськом, озираясь по сторонам, и то и дело касались земли своими длинными руками. Сутулость уменьшала их рост, но, прикинув на взгляд, я определил его футов в пять, не меньше. Многие из них были вооружены дубинками, и на расстоянии эти широкогрудые существа сильно смахивали на обросших волосами, уродливых людей. С минуту я видел их совершенно отчетливо. Потом они скрылись за кустами.

— Нет, сейчас еще рано, — сказал лорд Джон, опуская винтовку. — Лучше затаиться, пока они не перестанут рыскать по лесу. А потом посмотрим, может быть проберемся к ним в город и застанем их врасплох. Дадим им еще час на поиски и тогда пойдем.

Воспользовавшись этой отсрочкой, мы вскрыли одну из захваченных с собой банок и принялись завтракать. Лорд Рокстон ничего не ел с утра, если не считать нескольких пло-

дов, и сейчас с жадностью накинулся на еду. Когда же завтрак был окончен, мы взяли в обе руки по винтовке и с полными карманами патронов двинулись на выручку товарищей. Прежде чем выйти из зарослей, лорд Джон сделал несколько зарубок на кустах, чтобы запомнить, в какой стороне находится Форт Челленджера, и в случае нужды сразу отыскать это место. Мы молча пробрались сквозь чащу и вышли на край обрыва, неподалеку от нашей первой стоянки. Здесь лорд Джон остановился и посвятил меня в свои планы.

— В густом лесу это зверье может сделать с нами все что угодно, — сказал он. — Они нас будут видеть, а мы их нет. Но на открытом месте дело другое, потому что бегаем мы гораздо быстрее. Следовательно, будем держаться открытых пространств, покуда это возможно. Вдоль края плато лес реже, оттуда мы и начнем наступление. Идите не спеша, смотрите в оба и держите винтовку наготове. И главное, помните: живьем в руки не даваться, отстреливайтесь до последнего патрона. Вот вам мой последний совет, юноша.

Когда мы вышли к обрыву, я заглянул вниз и увидел нашего доброго негра, который покурил трубку, сидя на камнях. Как мне хотелось окликнуть его и рассказать ему, что с нами случилось! Но это было рискованно: нас могли услышать. Лесная чаща, казалось, так и кишела человеко-обезьянами; их своеобразное пронзительное верещание то и дело долетало до нашего слуха. Мы бросались в кусты и отлеживались там до тех пор, пока эти звуки не затихали вдали. Это очень задерживало наше продвижение вперед, и нам понадобилось по меньшей мере два часа, чтобы добраться до обезьяньего города. Теперь он был близко — я понял это по той осторожности, с какой шел лорд Джон. Вот он махнул мне рукой, приказывая лечь, а сам пополз дальше, но вскоре повернул обратно. Лицо его подергивалось от волнения.

— Скорей! — шепнул он. — Скорей! Только бы не опоздать!

Дрожа всем телом, я подполз к нему и выглянул из-за кустов на открывающуюся впереди поляну.

Этого зрелища мне никогда не забыть. Оно было так фантастично, так невероятно, что я не знаю, как описать его, чтобы вы поверили мне. Может быть, нам все же удастся выбраться отсюда живыми; пройдет несколько лет... я буду по-прежнему сидеть в гостиной клуба «Дикарь» и смотреть в окно на скучную, не вызывающую сомнений в своей реальности

набережную Темзы... Так вот, поверю ли тогда я сам, что все это происходило у меня на глазах? Не покажется ли мне, что это был дикий кошмар, что я принимал горячечные видения за действительность? Вот почему я хочу записать все как можно скорее, пока события свежи у меня в памяти, пока хотя бы один человек — тот, что лежит рядом со мной в сырой траве, сможет подтвердить каждое написанное здесь слово.

Перед нами расстилалась поляна шириной ярдов в сто, покрытая вплоть до самого обрыва густой зеленой травой и невысоким папоротником. Эту поляну полукругом обступали деревья, посаженные в несколько ярусов странного вида домиками, свитыми из веток и листьев. Представьте себе грачевник, где вместо гнезд домики, и вы поймете, о чем я говорю. У входов в них и на ближайших ветках сидели обезьяны — судя по их небольшим размерам, самки и детеныши обезьяньего племени. Все они с любопытством следили за тем, что происходило внизу и от чего мы сами не могли отвести глаз.

На открытом месте, недалеко от края плато, столпилось несколько сотен этих лохматых рыжих существ. Среди них возвышались настоящие гиганты, и все они без исключения были омерзительны. Обезьяны держались все вместе, очевидно, соблюдая какой-то порядок. Перед ними стояло несколько низкорослых, но очень пропорционально сложенных индейцев, кожа которых отливала бронзой в ярких лучах солнца. В этой маленькой кучке выделялась высокая, худая фигура белого человека. Понурая голова, сложенные на груди руки — все выражало ужас и полное отчаяние. Мы сейчас же узнали в нем профессора Саммерли.

Вокруг несчастных пленников было расставлено несколько человекообезьян, которые зорко следили за ними, готовясь пресечь всякую попытку к бегству. Правее, у самого края плато, стояли особняком еще две фигуры, такие нелепые — при других обстоятельствах их можно было бы назвать даже комическими — что, увидев эту пару, я уже не мог оторвать от нее глаз. Один из них был наш товарищ, профессор Челленджер. Жалкие лохмотья, оставшиеся от его куртки, все еще держались на нем, но рубашка исчезла, будто ее и не было, и борода его сливалась с густой порослью на могучей груди; волосы, сильно отросшие за время наших странствий, черной гривой развевались по ветру. Достаточно было одного дня, чтобы превратить этот высший продукт современной цивилизации в последнего дикаря Южной Америки.

Рядом с Челленджером стоял его владыка — царек человекообезьяньего племени. Лорд Джон не преувеличивал: это была точная копия иашего профессора с поправкой лишь на рыжую масть. Та же приземистая фигура, те же массивные плечи и длинные руки, та же кудлатая борода, спускающаяся на волосатую грудь. Разница сказывалась лишь в следующем: низкий, приплюснутый лоб человекообезьяны представлял собой полный контраст великолепному черепу европейца. Что же касается всего остального, то обезьяний царек был настоящей карикатурой на профессора.

На бумаге это описание занимает очень много места, но тогда я охватил всю картину в один миг и тут же отвлекся от нее, поглощенный драмой, которая разыгрывалась у нас на глазах. Две человекообезьяны схватили одного индейца и поволокли его к обрыву. Царек взмахнул рукой — это был сигнал. Чудовища подняли человека за руки и за ноги и, раскачав, швырнули его в пропасть. Сила взмаха была так велика, что несчастный описал дугу в воздухе, прежде чем камнем полетел вниз. Вся обезьянья толпа, за исключением часовых, бросилась к обрыву, замерла там в напряженном молчании и вдруг разразилась ликующими криками. Обезьяны скакали, как одержимые, размахивали длинными волосатыми руками и выли от восторга. Потом они отхлынули от обрыва и построились прежним порядком в ожидании следующей жертвы.

На этот раз настала очередь Саммерли. Двое часовых схватили его за руки и грубо толкнули вперед. Он трепыхался и бился, как цыпленок, которого тащат из курятника. Челленджер отчаянно зажестичулировал, обращаясь к обезьяньему царьку. Он просил, умолял, заклинал пощадить его товарища. Но обезьяна бесцеремонно оттолкнула своего двойника и замотала головой. Это было ее последнее сознательное движение: шелкнул выстрел, и рыжий царек мешком повалился на землю.

— Стреляй в толпу! Не жалея пуль, сынок! — крикнул мне лорд Джон.

В душе каждого даже самого заурядного человека таятся неведомые ему бездны. Я всегда славился своим мягкосердечием; стоны раненого зайца не раз исторгали у меня горькие слезы. Но теперь меня обуяла жажда крови. Я вскочил на ноги, я выпускал пулю за пулей сначала из одной винтовки, потом из другой. Щелкал затворами, перезаряжая их, и все вре-

мя кричал, не помня себя от какого-то яростного восторга. Вдвоем, стреляя из четырех винтовок, мы произвели страшное опустошение в рядах обезьян. Оба часовых, приставленных к Саммерли, валялись мертвыми, а он шел, пошатываясь, как пьяный и, видимо, не сознавал, что его освободили. Наши враги растерянно метались по поляне, ничего не понимая, не зная, куда деваться от неожиданно налетевшего на них вихря смерти. Они размахивали руками, визжали, падали, спотыкались о трупы. Потом, повинувшись инстинкту, толпой ринулись под защиту деревьев, и поляна, усеянная трупами убитых обезьян, опустела. Посередине ее стояла только маленькая кучка пленников.

Быстрый ум Челленджера мигом оценил положение. Он схватил ошеломленного Саммерли за руку и, таща его за собой, побежал к нам. Двое часовых метнулись было за ними, но лорд Джон мигом уложил сначала одного, потом другого, не потратив лишней пули. Мы выбежали из кустов навстречу нашим друзьям и сунули каждому в руки по заряженной винтовке. Но тут Саммерли совершенно обессилел. Он едва передвигал ноги. Между тем человекообразные уже успели оправиться от страха. Они рассыпались среди кустов, видимо, собираясь отрезать нам путь. Мы с Челленджером подхватили Саммерли под руки, а лорд Джон прикрывал наше отступление, посылая пулю за пулей в страшные, оскаленные морды, то и дело выглядывавшие из кустарника. Примерно с милую, а то и больше эти твари с оглушительным визгом преследовали нас по пятам. Потом стали отставать, убедившись в нашем превосходстве и не желая больше попадать под меткие пули лорда Джона. Добравшись, наконец, до лагеря, мы оглянулись назад и убедились, что теперь нас оставили в покое. По крайней мере так нам казалось, но это была ошибка. Мы успели только завалить вход в лагерь, пожать друг другу руки и в изнеможении растянуться у источника посреди поляны, как вдруг за оградой послышались чьи-то быстрые шаги и сейчас же вслед за этим тихие, жалобные всхлипывания. Лорд Джон подбежал с винтовкой к завалу и выглянул наружу. За оградой, уткнувшись лицом в землю, лежали четыре медно-красные фигурки оставшихся в живых индейцев. Они дрожали от страха, но это не мешало им молить нас о защите. Один из них встал, выразительно повел руками, очевидно желая сказать, что лес вокруг нашего лагеря полон опасностей, потом упал лорду Джону в ноги и прижался лицом к его коленям.

— Это еще что такое? — воскликнул наш предводитель, в замешательстве теребя усы. — Нет, в самом деле, как же нам быть с этой публикой? Вставай, дружок, вставай, оставь мой сапог в покое.

— О них тоже надо позаботиться, — сказал Саммерли, набивая трубку. — Вы всех нас вырвали из когтей смерти. Как это было сделано! Я просто восхищаюсь вами.

— Изумительно! — воскликнул Челленджер. — Изумительно! Не только мы лично, но и весь ученый мир Европы останется у вас в неоплатном долгу. Скажу, не колеблясь, что гибель профессора Саммерли и профессора Челленджера пробила бы весьма заметную брешь в современной науке. Вы и наш юный друг заслуживаете всяческой похвалы.

Отеческая улыбка заиграла на губах Челленджера, но как бы удивился ученый мир Европы, если б он узрел в эту минуту свое любимое детище, свою надежду! Всклощенные волосы, голая грудь, лохмотья. Оплот науки сидел, зажав между коленями открытую консервную банку, и пальцами отправлял в рот большой кусок австралийской баранины. Индеец взглянул на него, вскрикнул и снова припал к ногам лорда Джона.

— Не бойся, малыш, — сказал наш предводитель, поглаживая черную голову, жавшуюся к его коленям. — Челленджер, ваш вид привел индейца в ужас. И я не нахожу в этом ничего удивительного. Успокойся дружок, это человек, такой же, как мы.

— Однако, сэр! — воскликнул Челленджер.

— Ничего, профессор, вы должны благодарить судьбу, что она наградила вас не совсем обычной внешностью. Если б не ваше большое сходство с обезьяньим царьком...

— Довольно, лорд Джон Рокстон! Вы слишком много себе позволяете!

— Факт остается фактом.

— Прошу вас, сэр, переменить тему разговора! Ваши замечания совершенно неуместны и к делу не относятся. Нам надо решить, что делать с этими индейцами. По-видимому, придется доставить их домой. Но где они живут? Вот вопрос.

— На этот счет можете не сомневаться, — сказал я. — Индейцы живут в пещерах, по ту сторону центрального озера.

— Ах, вот как! Нашему юному другу известно, где находится их жилье. Это, вероятно, не так близко отсюда?

— Миль двадцать, не меньше, — ответил я.

Саммерли застонал:

— Я-то, во всяком случае, туда не доберусь. Вы слышите? Эти твари все еще рыщут по нашим следам.

И действительно, из темной лесной чащи до нас донеслось далекое верещание человекообезьян. Индейцы снова начали подвывать от страха.

— Надо уходить отсюда, и как можно скорее, — сказал лорд Джон. — Юноша, вы поможете Саммерли. Индейцы понесут вещи. Ну, пошли, пока они нас не заметили.

Меньше чем за полчаса мы добежали до нашего убежища в кустах и спрятались там. Вздволнованные крики человекообезьян весь день доносились до нас со стороны нашего форта, но сюда никто из них не добрался, и усталые беглецы — и белые и краснокожие — наконец погрузились в долгий, крепкий сон.

Вечером я почувствовал сквозь дремоту, что кто-то тянет меня за рукав и, открыв глаза, увидел перед собой Челленджера.

— Мистер Мелоун, насколько мне известно, вы ведете дневник и рассчитываете со временем опубликовать его, — начал он весьма торжественным тоном.

— Меня послали сюда в качестве репортера, — ответил я.

— Вот именно. Вы, вероятно, слышали глупые намеки лорда Джона Рокстона, что... что будто бы... есть некоторое сходство между...

— Да, слышал.

— Мне незачем вам говорить, что опубликование подобного вздора... и вообще малейшая вольность в изложении событий будут для меня чрезвычайно оскорбительны.

— Я обещаю строго придерживаться фактов.

— Лорд Джон склонен предаваться всяким фантазиям, и ему ничего не стоит как-нибудь по-своему объяснить то уважение, которое даже самые некультурные расы питают к человеческому достоинству. Вам ясна моя мысль?

— Вполне.

— Так я полагаюсь на ваш такт, — сказал Челленджер и после долгой паузы добавил: — А этот обезьяний царек был весьма незаурядным существом... необычайно внушительная внешность и такой разумный! Не правда ли?

— Весьма достойная личность, — ответил я.

И профессор, видимо, успокоившись, снова улегся спать.

Глава XIV

ЭТО БЫЛА НАСТОЯЩАЯ ПОБЕДА

Мы воображали, что наши преследователи, человекообразные обезьяны, не подозревают о существовании этого убежища в кустах, однако вскоре нам пришлось убедиться в своей ошибке. В лесу стояло полное безмолвие — ни звука, ни шелеста листьев... И все-таки прежний опыт должен был подсказать нам, с какой хитростью и с каким терпением эти твари выслеживают свою добычу и выжидают удобного случая для нападения. Не знаю, что мне сулит судьба в дальнейшем, но вряд ли я буду когда-нибудь так близок к смерти, как в то утро. Сейчас расскажу все по порядку.

Сон не помог нам восстановить силы после страшных волнений и голодовки предыдущего дня. Саммерли был так слаб, что еле держался на ногах, но с присущим ему упорством и мужеством не хотел признаваться в этом. Мы созвали военный совет и решили посидеть здесь еще часа два, подкрепиться завтраком, что было крайне необходимо, а потом отправиться в путь через все плато и выйти к пещерам на тот берег центрального озера, где, по моим наблюдениям, жили люди. Мы надеялись, что спасенные нами индейцы замолвят за нас доброе слово, и рассчитывали на хороший прием со стороны их соплеменников.

После такого путешествия Страна Мепл-Уайта еще больше приоткроет перед нами свои тайны, и, выполнив возложенную на нас миссию, мы сосредоточим все свои помыслы на том, как нам выбраться отсюда и снова вернуться в мир. Даже сам Челленджер признавал, что цель нашей экспедиции будет достигнута и что после этого долг обяжет нас как можно скорее поведать всему цивилизованному миру о сделанных нами удивительных открытиях.

Теперь мы могли повнимательнее приглядеться к спасенным индейцам. Они были небольшого роста, мускулистые, ловкие, незлобивые на вид, с правильным овалом лица, лишенного всякой растительности, и с гладкими черными волосами, схваченными на затылке кожаным ремешком. Одежда их состояла лишь из повязки на бедрах, тоже кожаной. Разорванные кровоточащие мочки свидетельствовали о том, что в ушах у них были какие-то украшения, которые остались в лапах их врагов — обезьян. Индейцы живо переговаривались

между собой на незнакомом нам языке, но мы все же поняли, что их племя называется «аккала». Они произносили это слово несколько раз подряд, показывая друг на друга, потом замахали стиснутыми кулаками в сторону леса и, дрожа от страха и ненависти, крикнули: «Дода! Дода!» (так, очевидно, именовались у них человекообезьяны).

— Что вы о них скажите, Челленджер? — спросил лорд Джон. — Для меня ясно только одно: вон тот юноша с выбритым лбом — их вождь.

И действительно, этот индеец держался особняком, а остальные обращались к нему со знаком глубочайшего уважения, несмотря на то, что все они были старше его. Гордость и независимость сквозили в каждом движении юноши, и, когда Челленджер положил свою огромную лапищу ему на голову, он отпрянул от него, как пришпоренный конь, и, гневно сверкнув черными глазами, отошел назад. Потом приложил ладонь к груди и, весь преисполненный достоинства, несколько раз повторил слово «маретас».

Профессор, нисколько не смутившись, схватил за плечо другого индейца и, поворачивая его из стороны в сторону, как наглядное пособие, начал читать нам лекцию.

— Развитый череп, лицевой угол и некоторые другие признаки говорят о том, что это племя не может быть отнесено к низшей расе, — загудел он своим звучным басом. — В расовой шкале мы должны отвести ему место впереди многих других племен Южной Америки. Я твердо уверен, что здесь, на плато, возникновение и развитие этого племени были бы невозможны. Но ведь и человекообезьян отделяет огромная пропасть от сохранившихся здесь доисторических животных. Следовательно, они тоже не могли появиться и эволюционировать в Стране Мепл-Уайта.

— Откуда же они взялись? С неба, что ли, свалились? — спросил лорд Джон.

— Этот вопрос, несомненно, вызовет горячие споры среди ученых Европы и Америки, — ответил профессор. — Мое собственное толкование его — правильное или неправильное, — при этих словах он выпятил грудь и с высокомерным видом повел вокруг глазами, — заключается в следующем: в здешних, весьма своеобразных условиях эволюция достигла стадии позвоночных, причем старые формы продолжали жить и развиваться бок о бок с новыми. Вот почему наряду с формами юрского периода здесь уживаются и современный

тапир — животное с весьма почтенной родословной, — и крупный олень, и муравьед. Пока все ясно. Но вы спросите: а человекообезьяны, а индейцы? Как научная мысль должна отнести к их пребыванию на плато? На мой взгляд, объяснение может быть только одно: они проникли сюда извне. Очень возможно, что какие-то человекообразные обезьяны, существовавшие в Южной Америке, перебрались в эти места еще в незапамятные времена и в результате своей эволюции дали тот вид человекообезьян, отдельные представители которого, — тут Челленджер посмотрел на меня в упор, — обладают столь внушительной и благообразной внешностью, что при наличии разума они могли бы украсить собой даже человеческую расу. Что же касается индейцев, то это племя иммигрировало сюда с равнины в более поздние времена под влиянием либо голода, либо преследований врага. Столкнувшись здесь с невиданными доселе врагами, они укрылись в пещерах, о которых рассказывал наш юный друг. Однако им, несомненно, приходилось бороться не на жизнь, а на смерть с диким зверьем, в частности с обезьянами, кои не желали примириться с вторжением человека и вели с ним беспощадную войну, пуская в ход всю свою хитрость, а в этом они могут поспорить с любыми, более крупными существами. Вот чем объясняется, на мой взгляд, немногочисленность индейского племени. Итак, джентльмены, что вы теперь скажете? Правильно я разгадал эту загадку, или у вас имеются какие-нибудь возражения по существу?

Но профессору Саммерли было не до споров, и он только отчаянно замотал головой в знак протеста. Лорд Джон поскреб свою лысеющую макушку и отказался принять вызов Челленджера, мотивируя это тем, что он борец другого веса и другой категории. Я же остался верен себе и перевел беседу в более прозаический и деловой план, объявив, что один из индейцев куда-то запропастился.

— Он ушел, — сказал лорд Рокстон. — Мы дали ему банку из-под консервов и отправили за водой.

— В старый лагерь? — спросил я.

— Нет, к ручью. Это недалеко, вон за теми деревьями. Каких-нибудь сто ярдов. Но этот малый, видимо, не торопится.

— Пойду посмотрю, что он там делает, — сказал я и, захватив винтовку, пошел в лес, предоставив друзьям заниматься приготовлениями к скудному завтраку.

Вам покажется опрометчивым с моей стороны, что я даже на такой короткий срок решил покинуть наше надежное убежище в кустах, но ведь обезьяний город был далеко, ведь враги потеряли наши следы, а, кроме того, у меня была при себе винтовка. Но, как оказалось в дальнейшем, я недооценивал коварство и силы человекообезьян.

Ручей журчал где-то совсем близко, хотя густые заросли деревьев и кустарника скрывали его от меня. Я уже довольно далеко отошел от товарищей, как вдруг в глаза мне бросилось что-то красное.

К моему ужасу, это оказался труп посланного за водой индейца. Несчастный лежал скорчившись, и шея у него была так неестественно вывернута, будто он смотрел вверх, через плечо. Я крикнул, предупреждая друзей об опасности, подбежал к индейцу и нагнулся над ним. Вероятно, мой ангел-хранитель был где-то совсем близко в эту минуту, ибо инстинкт, а может статься и шорох листьев заставил меня взглянуть вверх. Из густой зеленой листвы, нависшей над моей головой, ко мне медленно тянулись две длинные мускулистые руки, покрытые рыжими волосами. Еще секунда — и жадные пальцы сомкнулись бы и вокруг моей шеи. Я отскочил назад, но эти руки оказались еще проворнее. Правда, прыжок спас меня от мертвой хватки, но одна лапа вцепилась мне в затылок, другая — в лицо, а потом, когда я закрыл горло ладонями, — в пальцы.

Я почувствовал, что отделяюсь от земли, что голову мне отгибают назад с непреодолимой силой... Казалось, еще секунда, и шейные позвонки не выдержат. Мозг начинал затуманиваться, но я не отпускал этой страшной руки и наконец оторвал ее от подбородка. Надо мной склонилась страшная морда с холодными светло-голубыми глазами, беспощадный взгляд которых сковал меня, как гипноз. Бороться не было сил. Как только чудовище почувствовало, что я слабею, в его огромной пасти сверкнули два белых клыка, и оно еще сильнее стиснуло лапу, все больше запрокидывая мне голову. Перед глазами у меня поплыли мутные круги, в ушах зазвенели серебряные колокольчики. Где-то вдали послышался выстрел, я ударился о землю, почти не ощутив при этом боли, и потерял сознание.

Очнувшись, я увидел, что лежу на траве в нашем убежище среди кустов. Кто-то уже успел сбегать к ручью, и лорд Джон смачивал мне голову водой, а Челленджер и Саммерли

заботливо поддерживали меня с двух сторон. Увидев перед собой их встревоженные лица, я впервые понял, что наши профессора не только мужи науки, но и люди, способные на простые человеческие чувства. Никаких телесных повреждений на мне не было. По-видимому, мой обморок был вызван только сильным потрясением, ибо через полчаса я уже окончательно пришел в себя, если не считать боли в затылке и в шее.

— Ну, дорогой мой, на сей раз вы были на волосок от смерти, — сказал лорд Джон. — Когда я бросился на ваш крик и увидел, что этот зверь откручивает вам голову и вы уже подняли все четыре лапки вверх, у меня прежде всего мелькнула мысль: ну, нашего полку убыло! Я даже промахнулся в попытках, но все-таки обезьяна бросила вас и сразу же удра-ла. Эх, черт! Дали бы мне сюда пятьдесят человек с ружьями, мы бы живо навели здесь порядок — и следа бы не оставили от этой нечисти.

Теперь было совершенно ясно, что человекообезьяны каким-то образом прознали о нашем убежище и не спускают с него глаз. Днем их можно было не бояться, но что будет ночью? Они наверняка нагрянут сюда. Значит, надо уходить, и чем скорее, тем лучше. С трех сторон нас окружала лесная чаща, где на каждом шагу можно было нарваться на засаду, но с четвертой начинался пологий склон, спускавшийся к центральному озеру, и там рос низкий кустарник с редкими деревьями, перемежающийся кое-где открытыми прогалинами. По этому склону я и шел один в ту ночь, и он вел прямо к пещерам индейцев. Следовательно, сюда нам и надо было держать путь.

Единственное, о чем мы жалели, — это о нашем лагере, и не столько из-за брошенных там запасов, сколько из-за негра Самбо, последнего звена между внешним миром и нами. Впрочем, винтовки, были при нас, недостатка в патронах тоже не ощущалось, так что некоторое время мы могли обойтись и этим, а дальше, надо думать, представится возможность вернуться на старое место и снова установить связь с нашим негром. Самбо твердо обещал не бросать нас, и мы не сомневались, что он сдержит свое слово.

После полудня наша партия двинулась в путь. Впереди в качестве проводника шел молодой вождь, с негодованием отказавшийся нести какую-нибудь поклажу. За ним, взвалив на спину все скучное имущество экспедиции, шагали два

уцелевших индейца. Наша четверка с ружьями наперевес замыкала шествие. Как только мы вышли из кустарника, безмолвная доселе лесная чаща наполнилась диким воем человекообезьян, которые не то ликовали, не то злорадствовали по поводу нашего ухода. Оглядываясь назад, мы ничего не видели, но этот протяжный вой ясно говорил, сколько врагов скрывалось за сплошной стеной зелени, обступившей нас со всех сторон. Однако гнаться за нами обезьяны, по-видимому, не собирались, и, выйдя на более открытое место, мы совсем перестали их бояться.

Я шел самым последним и невольно улыбался, глядя на своих товарищей. Неужели это блистательный лорд Джон Рокстон, который не так давно принимал меня в розовом великолепии своих апартаментов в Олбени, устланных персидскими коврами и увешанных по стенам картинами? Неужели это тот самый профессор, который так величественно восседал за огромным письменным столом в Энмор-Парке? И, наконец, куда девался тот суровый, чопорный ученый, что выступал на заседании Зоологического института? Да разве у бродяг, встречающихся на проселочных дорогах Англии, бывает такой жалкий, унылый вид! Мы провели на плато всего лишь неделю, но смена одежды осталась у нас внизу, а неделя эта была не из легких, хотя мне как раз не приходилось особенно жаловаться, так как я не попал в лапы к обезьянам в ту ночь. Оставшись без шляп, все мои товарищи повязали головы платками; одежда висела на них клочьями, а слой грязи и небритая щетина меняли их почти до неузнаваемости. Саммерли и Челленджер сильно хромали, я тоже еле волочил ноги, еще не оправившись как следует от утреннего потрясения, и с трудом ворочал шеей, одеревеневшей после мертвой хватки обезьяны. Да, мы представляли собой весьма печальное зрелище, и меня несколько не удивляло, что наши спутники-индейцы то и дело оглядывались назад, взирая на нас с недоумением и даже с ужасом.

Было далеко за полдень, когда мы вышли из зарослей к берегам озера. Индейцы увидели его широкую гладь и с радостными возгласами замахали руками, показывая нам на воду. Картина была в самом деле изумительная. Прямо к тому месту, где мы стояли, неслась целая флотилия легких челнов. Они были далеко, за несколько миль, но это расстояние так быстро сокращалось, что вскоре гребцы разглядели, кто стоит на берегу. Оглушительные вопли громовым раскатом пронес-

лись над озером. Вскочив с мест, индейцы замахали веслами и копьями. Потом снова принялись грести и в мгновение ока пролетели оставшееся расстояние, вытащили челны на отлогий песчаный берег и с приветственными кликами распростерлись ниц перед молодым вождем. Вслед за тем из толпы выступил пожилой индеец с ожерельем и браслетом из крупных блестящих стекляшек и в наброшенной на плечи великолепной пятнистой шкуре, отливающей янтарем. Он подбежал к юноше, нежно обняв его, потом посмотрел в нашу сторону, спросил что-то и, подойдя к нам, без всякого подобострастия, с большим достоинством обнял всех нас по очереди. По одному его слову остальные индейцы в знак уважения склонились перед нами до земли. Мне лично было не по себе от такого раболепия, лорда Джона и Саммерли оно, по-видимому, тоже смутило, зато Челленджер расцвел, как цветок, согретый солнцем.

— Может быть, эти туземцы недалеко ушли вперед в своем развитии, — сказал он, поглаживая бороду и оглядывая распростертые перед нами тела, — но кое-кому из просвещенных европейцев следовало бы поучиться у них, как вести себя в присутствии высших существ. Подумать только, до чего безошибочен инстинкт первобытного человека!

Судя по всему, индейцы выступили в боевой поход, потому что, кроме копий из длинного бамбука с костяными наконечниками, каждый из них имел при себе лук и стрелы, дубинку или каменный топор у пояса. Мрачные, злобные взгляды, которые они кидали в сторону леса, откуда мы вышли, и частое повторение слова «дода» свидетельствовали о том, что целью этого похода было либо выручить сына старшего вождя (мы догадались об их родстве), либо отомстить за его смерть. Теперь они расселись на корточках в кружок и держали военный совет, а мы поместились поодаль на базальтовой глыбе и стали наблюдать за происходящим. Первыми говорили воины, а потом к своему племени с горячими словами обратился и наш юный друг. Речь его сопровождалась столь красноречивой мимикой и жестикуляцией, что мы поняли ее всю, точно этот язык был знаком нам.

— Стоит ли возвращаться сейчас домой? — говорил он. — Рано или поздно мы должны будем пойти на это. Наши братья убиты. Что из того, что я остался жив и невредим, когда другие погибли? Кто из вас может быть спокоен за свою жизнь? Сейчас мы все в сборе. — Он показал на нас. — Эти

пришельцы — наши друзья. Они великие воины и так же, как и мы, ненавидят обезьян. Им повинуются громы и молнии.— Тут он воздел руку к небу.— Представится ли когда-нибудь другой такой случай? Пойдемте же вперед и либо умрем, либо завоюем себе спокойную жизнь, и тогда нам не стыдно будет вернуться к нашим женщинам.

Маленькие краснокожие воины жадно слушали своего вождя, а когда он кончил, разразились восторженными криками, и все как один взметнули копья в воздух. Его отец спросил нас о чем-то, показывая в сторону леса. Лорд Джон знаком предложил ему подождать и обратился к нам.

— Ну, решайте каждый сам за себя,— сказал он.— Я лично не прочь свести счеты с этими обезьянами, и если дело кончится тем, что они будут стерты с лица земли, то эта самая земля только похорошеет после такой операции. Я пойду с нашими новыми друзьями и не оставляю их до победного конца. А вы что скажете, юноша?

— Конечно, я с вами!

— А вы, Челлснджер?

— Можете рассчитывать на мою помощь.

— А вы, Саммерли?

— Мы все дальше и дальше отклоняемся от цели нашей экспедиции, лорд Джон. Уверяю вас, я вовсе не для того покинул профессорскую кафедру в Лондоне, чтобы возглавлять набег краснокожих на колонию человекообразных обезьян.

— Да, в самом деле, как мы низко пали! — с улыбкой сказал лорд Джон.— Но ничего не поделаешь, так уж вышло. Ну, мы ждем вашего ответа.

— Это — весьма сомнительное предприятие,— не сдавался Саммерли,— но если вы все уйдете, мне не останется ничего другого, как следовать за вами.

— Значит, решено,— сказал лорд Джон и, повернувшись к старому вождю, утвердительно кивнул и похлопал ладонью по винтовке.

Старик пожал всем нам руки, а его соплеменники разразились еще более восторженными криками.

Выступать в поход было уже поздно, и индейцы наскоро разбили лагерь. Повсюду загорелись, задымили костры. Небольшая группа ушла в джунгли и вернулась, гоня перед собой молодого игуанодона, у которого тоже сидела асфальтовая нашлапка на плече. Один индеец подошел к нему и распорядился, чтобы его прирезали, и мы только тогда поняли,

что огромные игуанодоны являются собственностью туземцев, все равно как у нас рогатый скот. Следовательно, загадочные асфальтовые пятна были всего-навсего чем-то вроде клейма или тавра. Эти тупые травоядные существа, наделенные крохотным мозгом, отличаются такой беспомощностью, несмотря на свои огромные размеры, что с ними может справиться и ребенок. Не прошло и нескольких минут, как игуанодона освежевали, и куски мяса уже поджаривались на кострах вместе с какой-то крупночешуйчатой рыбой, которую индейцы наловили в озере, пустив в ход копыя вместо острог.

Саммерли лег на отмели и заснул, а мы втроем отправились бродить по берегу озера, горя желанием узнать как можно больше об этой диковинной стране. Раза два на нашем пути попадались ямы с такой же синей глиной, как на болоте птеродактилей. Эти недействующие вулканические кратеры почему-то очень интересовали лорда Джона. Челленджер тоже нашел нечто достойное его внимания — это был сильно бивший грязевый гейзер, струи которого так и кипели пузырьками, выделявшими какой-то неведомый нам газ. Челленджер опустил в гейзер полую тростинку, поднес к ней спичку и, точно школьник, закричал от радости, когда подожженный газ взорвался и запылал синим огнем. Потом он приладил к тростинке кожаный кисет, наполнил и его газом и запустил в воздух. Этот эксперимент привел профессора в еще больший восторг.

— Горючий газ! Да какой — легче воздуха! Теперь я уверен, что в нем содержится значительное количество свободного водорода. Подождите, друзья мои! Джордж Эдуард Челленджер еще не исчерпал всех своих возможностей! Великий ум всегда заставляет природу служить себе. Вы еще убедитесь в этом собственными глазами! — Он горделиво выпятил грудь, но так и не поделился с нами своими тайными замыслами.

Что касается меня, то берег казался мне малоинтересным по сравнению с самим озером. Появление индейцев и шум стоянки распугали все живое в его окрестностях, и ничто не нарушало тишины, стоявшей вокруг нашего лагеря, если не считать нескольких птеродактилей, которые парили высоко в небе, высматривая падаль. Но розоватые воды центрального озера жили своей жизнью. Чьи-то огромные аспидно-черные спины и зубчатые плавники то и дело взметали серебряные брызги над водой и снова исчезали в глубине. Песчаные отме-

ли кишки какими-то уродливыми существами — не то огромными черепахами, не то ящерицами, и среди них нам особенно бросилось в глаза одно чудовище. Плоское, словно лоскут кожи, оно подергивалось всей своей поверхностью, отливавшей жирными бликами, и медленно ползло по песку. Время от времени из воды вдруг вырастали головы каких-то змееподобных существ, которые, грациозно извиваясь, плыли будто в воротничке из пены и с таким же пенящимся шлейфом позади. Но, как оказалось, это были совсем не змеи. Одно такое существо вылезло на песчаную отмель недалеко от нас, и мы увидели, что длинная шея переходит у него в цилиндрическое туловище с огромными перепончатыми плавниками. Челленджер и Саммерли, уже присоединившийся к нам, себя не помнили от восторга и удивления.

— Плезиозавр! Пресноводный плезиозавр! — воскликнул Саммерли. — И я вижу его собственными глазами! Мой дорогой Челленджер, кто из зоологов может похвалиться таким счастьем?

Наступила ночь, костры наших краснокожих союзников уже зардели в темноте, когда нам наконец удалось увести обоих профессоров от околдовавшего их первобытного озера. Но, даже лежа на берегу далеко от воды, мы продолжали слышать всплески и фыркание исполинов, обитавших в его глубине.

С первыми рассветными лучами весь лагерь был уже на ногах, и час спустя мы выступили в наш беспримерный поход. Я часто мечтал дожить до той минуты, когда меня pošлют военным корреспондентом на фронт. Но какой мечтатель мог бы представить себе кампанию, подобную той, которую судьба послала на мою долю! Итак, приступаю к своему «первому донесению с театра военных действий».

За ночь наши силы пополнились новыми отрядами туземцев, так что к утру у нас насчитывалось уже до четырехсот — пятисот воинов. Вперед были высланы разведчики, а за ними сомкнутой колонной двигались главные силы. Мы поднялись по отлогому склону, поросшему кустарником, и вышли к джунглям. Копьеносцы и лучники рассыпались неровной цепью вдоль опушки. Рокстон и Челленджер заняли места на правом фланге, я и Саммерли — на левом. Итак, мы, вооруженные по последнему слову оружейной техники, вели в бой дикую орду каменного века.

Противник недолго заставил себя ждать. Лесная чаща огласилась пронзительным воем, и свора человекообезьян, вооруженных камнями и дубинками, ринулась в самый центр наступающих индейцев. Это был смелый, но довольно бессмысленный маневр, ибо неуклюжие, кривоногие твари не могли тягаться с ловкими, как кошки, туземцами. Страшное зрелище предстало нашим глазам: разъяренные обезьяны с пеной у рта, бешено сверкая белками, бросались на своих изворотливых врагов, стрелявших в них из луков. Мимо меня с ревом пронеслось огромное чудовище, грудь и бока которого были утыканы стрелами. Я сжалился над ним и выстрелил — оно рухнуло замертво среди кустов алоэ. Но больше мне не пришлось стрелять, так как атака была направлена в самый центр цепи и индейцы отбили ее без нашей помощи. Из тех обезьян, которые участвовали в этой вылазке, вряд ли хоть одна убралась живой под защиту деревьев.

Но когда мы вступили в лес, дело приняло более серьезный оборот. Отчаянный бой продолжался час с лишним, и временами нам казалось, что наша песенка спета. Обезьяны выскакивали из чащи и укладывали своими дубинками сразу по три, по четыре индейца, не дав им даже времени пустить в ход копыя. Удары их тяжелейших дубинок были сокрушительны. Один из них пришелся по винтовке Саммерли, и от нее остались одни щепы. Еще минута — и такая же участь постигла бы и его голову, но вовремя подоспевший индеец пронзил копьем замахнувшегося на Саммерли врага. Обезьяны, забравшиеся на деревья, швыряли в нас камнями и огромными сучьями, некоторые прыгали вниз, в самую гущу свалки, и дрались с ожесточением, до последней капли крови. Индейцы дрогнули, и если б не огонь наших винтовок, наносивший огромный урон противнику, ничто не удержало бы их от бегства. Однако вождь снова собрал своих воинов и с такой стремительностью повел их в атаку, что теперь уже приходилось отступать обезьянам. Саммерли был обезоружен, но я выпускал пулю за пулей, а с правого фланга тоже доносилась непрерывная стрельба.

Наконец, обезьян обуяла паника. Визжа и воя, они бросились врассыпную, а наши союзники с дикими воплями погнались за ними.

Этот день должен быть вознаграждать человека за все распри, не затихающие из века в век, за жестокости и преследования, которыми только и была богата его убогая история.

Отныне он становился господином плато, а человекозверь должен был раз и навсегда занять положенное ему подчиненное место.

Как ни мчались побежденные, ничто не могло спасти их от дикарей, и лесная чаща то и дело оглашалась победными кликами, звоном тетивы и глухим стуком падающих с деревьев тел.

Я бежал вслед за всеми и вдруг наткнулся на лорда Джона и Челленджера, которые отыскивали нас.

— Ну, конечно! — сказал лорд Джон. — Заключительную часть можно предоставить индейцам. Зрелище будет не из приятных. Чем меньше мы увидим, тем спокойнее будем спать.

Глаза Челленджера горели воинственным огнем.

— Друзья мои! На нашу долю выпало счастье присутствовать при одной из тех битв, которые определяют дальнейший ход истории, решают судьбы мира! — провозгласил он, с горделивым видом прохаживаясь перед нами. — Что значит победа одного народа над другим? Ровно ничего. Она не меняет дела. Но жестокие битвы на заре времен, когда пещерные жители одолевали тигров или когда слон впервые узнавал, что у него есть властелин, — вот это были подлинные завоевания, подлинные победы, которые оставляли след в истории.

Какую же надо было иметь веру в конечную целесообразность подобных побоищ, чтобы оправдывать их жестокость!

Идя по лесу, мы на каждом шагу встречали трупы обезьян, пронзенных копьями и стрелами индейцев. Изуродованные человеческие тела отмечали место особенно жарких схваток, когда враг дорого продавал свою жизнь. Впереди все время слышались крики и рев, и по ним мы следили за направлением погони. Обезьян оттеснили к их городу, там они собрали последние силы, но и это им не помогло, и теперь мы подоспели как раз вовремя, чтобы присутствовать при страшной заключительной сцене. На ту самую поляну у края обрыва, которая два дня назад была свидетельницей наших подвигов, индейцы выгнали около сотни уцелевших в битве обезьян. Мы подошли в ту минуту, когда победители с копьями наперевес взяли эту кучку в полукольцо. Все было кончено в несколько секунд. Тридцать-сорок обезьян полегли тут же на месте. Остальные визжали, отбивались, но это ничему не помогло. Их сбросили в пропасть, и они разделили участь сво-

их прежних жертв, напоровшись на острый бамбук, который рос внизу, на глубине шестисот футов.

Челленджер был прав: отныне человек навсегда утвердил свое господство в Стране Мепл-Уайта. Самцы обезьяньего племени были истреблены все до одного, обезьяний город разрушен, самки и детеныши угнаны в неволю. Последний кровавый бой положил конец вековой междоусобице человека и обезьяны.

Эта победа была нам сильно на руку. Мы вернулись в свой лагерь к брошенным там запасам и установили связь с нашим негром, который был до смерти напуган страшным зрелищем, когда обезьяны градом посыпались в пропасть.

— Уходите оттуда, уходите! — кричал он, и глаза лезли у него на лоб от страха. — Там дьявол, он вас погубит!

— Устами негра глаголет истина, — убежденно проговорил Саммерли. — Довольно с нас приключений, тем более что они по своему характеру совершенно не подобают людям нашего положения. Челленджер, напоминаю вам ваши слова. Отныне вы должны думать только о том, как вызволить нас из этой ужасной страны и вернуть в цивилизованный мир.

Глава XV

ГЛАЗА НАШИ НЕ ПЕРЕСТАВАЛИ ДИВИТЬСЯ

Я веду свой дневник изо дня в день и все жду той минуты, когда можно будет написать, что тучи, нависшие над нами, рассеялись и сквозь них глянуло солнце. Мы до сих пор не знаем, как выбраться отсюда, и горько сетуем на судьбу. И все же я совершенно ясно представляю себе, что когда-нибудь мы с благодарностью будем вспоминать об этой вынужденной задержке на плато, которая дала нам возможность наблюдать все новые и новые чудеса Страны Мепл-Уайта и жизнь ее обитателей.

Победа индейцев над племенем человекообезьян круто изменила наше положение. С тех пор мы стали подлинными хозяевами плато, ибо туземцы взирали на нас со страхом и благодарностью, помня, что наша чудодейственная сила помогла им расправиться с их исконными врагами. Они, вероятно, ничего не имели бы против, если бы такие могущественные

и загадочные существа совсем покинули плато, но спуск к равнине был неизвестен им. Насколько нам удалось понять по их знакам, плато соединялось раньше с равниной туннелем, нижний конец которого мы видели при обходе каменной гряды. В незапамятные времена этим путем поднимались на плато человекообезьяны и индейцы, а не так давно им же воспользовался Мепл-Уайт со своим товарищем. Но год назад здесь произошло сильное землетрясение, и верхнюю часть туннеля наглухо завалило обломками скал. Когда мы выражали желание спуститься вниз, на равнину, индейцы только пожимали плечами и отрицательно качали головой. То ли они действительно не могли помочь нам, то ли не хотели, трудно сказать.

После победоносного похода индейцы перегнали уцелевших обезьян в другую часть плато (боже, как они были дороги!) и поселили их неподалеку от своих пещер. И с этого дня обезьянье племя перешло в полное рабство к человеку.

Среди ночной тишины часто раздавались протяжные вопли какого-нибудь первобытного Иезекииля, оплакивающего свою былую славу и бывшее величие обезьяньего города. Отныне покоренные обезьяны должны были довольствоваться скромной ролью дровосеков и водоносов при своем властелине — человеку.

Через два дня после битвы мы снова пересекли плато и расположились лагерем у подножия красных скал. Индейцы предлагали нам устроиться в пещерах, но лорд Джон не согласился на это, считая, что если они замыслили что-нибудь против нас, то мы будем всецело в их власти.

Поэтому мы предпочли сохранить свою независимость и, поддерживая с нашими союзниками самые лучшие отношения, все же держали оружие наготове. Нам часто приходилось бывать в их пещерах, но мы так и не выяснили, кому индейцы обязаны этим замечательным жильем — самим себе или природе. Пещеры были вырыты на одном уровне в какой-то рыхлой породе, залегавшей между красноватым базальтом вулканического происхождения и твердым гранитом, который служил основанием скал.

Ко входам в них, находившимся примерно на высоте восьмидесяти футов от земли, вели каменные ступени, такие узкие и крутые, что по ним не могло бы подняться ни одно крупное животное. Внутри было тепло и сухо. Пещеры уходили в толщу кряжа на различную глубину; по их гладким

серым стенам тянулись нарисованные обугленными палочками великолепные изображения животных, населяющих плато. Если б в Стране Мепл-Уайта не осталось ни одного живого существа, будущий исследователь нашел бы на стенах этих пещер исчерпывающие сведения о ее диковинной фауне, ибо здесь было все — и динозавры, и игуанодоны, и ихтиозавры.

Узнав, что огромные игуанодоны считаются у индейцев ручным скотом или, вернее, чем-то вроде ходячей мясной кладовой, мы вообразили, будто человек даже при наличии столь несовершенного оружия, как луки и копья, полностью установил свое господство на плато. Однако нам вскоре пришлось убедиться, что это неверно и что пока его здесь только терпят.

Драма разыгралась на третий день после того, как мы поселились возле пещер. Челленджер и Саммерли с утра отправились к озеру, где туземцы вылавливали для них гарпунами ящериц. Мы с лордом Джоном остались в лагере; неподалеку от нас, на травянистом склоне перед пещерами, расхаживали индейцы, занятые своими делами. И вдруг сотни голосов пронзительно закричали: «Стоа! Стоа!» Взрослые и дети бросились со всех сторон к пещерам и, тесня друг друга, стали карабкаться вверх по каменным ступенькам.

Добравшись до своих убежищ, они замахали руками, приглашая нас поскорее присоединиться к ним. Мы схватили винтовки и побежали выяснять, что случилось, а навстречу нам из небольшой рощи уже неслись, что было сил десять—пятнадцать индейцев, преследуемых по пятам двумя чудовищами — точно такими, как непрощенный гость, явившийся в наш лагерь, и как мой ночной преследователь. Они передвигались прыжками и были похожи на омерзительных жаб невероятных размеров. До сих пор нам приходилось видеть этих исполинов только в темноте, так как они охотятся ночью, а днем выходят из своих берлог лишь в том случае, если их потревожат, как было на сей раз. Мы стояли, пораженные зрелищем, открывшимся нашим глазам. Пятнистая, бородавчатая кожа этих исполинских жаб отливала на солнце всеми цветами радуги и поблескивала, как рыба чешуя. Впрочем, наблюдать нам пришлось недолго, ибо эти твари в несколько прыжков нагнали несчастных индейцев... И тут началось самое страшное. Прием у них был такой: обрушившись всей тяжестью на ближайшую жертву, они оставляли ее, раздавленную, изуродованную, и кидались за следующей. Дико крича,

индейцы неслись к пещерам, но не могли уйти от своих преследователей. Они гибли один за другим, и к тому времени, когда мы с лордом Джоном подоспели на помощь, от всей группы осталось не больше пяти-шести человек. Впрочем мы не только не помогли им, но и сами чуть не погибли. Пуля за пулей впивалась в шкуры этих тварей, производя такой же эффект, как если б наши винтовки были заряжены бумажными шариками. А ведь стрельба велась с каких-нибудь двухсот ярдов! Организм громадных пресмыкающихся не боялся ранений, а отсутствие центрального мозгового аппарата делало даже самое современное оружие бесполезным в борьбе с ними. Единственное, что нам удалось сделать, — это отвлечь их внимание треском выстрелов и вспышками огня и таким образом дать возможность и себе и индейцам добежать до спасительных ступеней.

Но там, где конические разрывные пули двадцатого века оказывались бессильными, приходилось полагаться на отравленные стрелы дикарей, вымоченные в настое строфанта и смазанные трупным ядом. Такие стрелы бесполезны на охоте, ибо кровообращение у доисторических чудовищ настолько вяло, что они обычно успевают настичь и растерзать свою жертву до того, как почувствуют действие яда. Но теперь положение было иное: как только наши преследователи очутились у каменных ступеней, ведущих в пещеры, из каждой расщелины в горном кряже со свистом полетели стрелы. Жабь обросли ими, как перьями, но, по-видимому, в первые минуты боль не ощущалась, так как они продолжали в бессильной ярости карабкаться вверх по ступенькам, не желая упустить добычу. Они с трудом одолевали несколько ярдов и тотчас срывались вниз. Но вот и яд начал действовать. Один зверь глухо заревел и уткнулся плоской головой в землю. Второй пронзительно взвыл, сделал несколько нелепых прыжков, потом в корчах повалился рядом с первым и вскоре тоже затих. Тогда индейцы толпой высыпали из пещер и с ликующими криками закружились вокруг трупов, торжествуя победу над двумя опаснейшими врагами.

Есть это мясо было нельзя, так как яд продолжал действовать, и индейцы в ту же ночь разрезали обе туши на куски и отнесли их в лес, чтобы не заражать здесь воздух. Около пещер остались только два огромных сердца, каждое величиной с подушку; они жили самостоятельной жизнью, медленно и ритмично сокращаясь и расширяясь, и эта омерзительная

пульсация продолжалась день, другой и затихла только на третьи сутки.

Когда-нибудь, когда у меня будет настоящий стол, а не заменяющая его консервная банка, и лучшие письменные принадлежности, чем огрызок карандаша и один-единственный истрепанный блокнот, я подробно опишу индейцев племени аккала, опишу нашу жизнь среди них и волшебную Страну Мепл-Уайта, мало-помалу открывавшую перед нами свои чудеса. Память не изменит мне; наряду с первыми впечатлениями детства в ней до конца дней моих сохранится каждая минута, каждый час, проведенные нами на плато, и ничто другое не вытеснит этих воспоминаний. Придет время, и я опишу ту чудесную лунную ночь на центральном озере, когда индейцы выловили сетью чуть не перевернувшего наш челн молодого ихтиозавра — существо, похожее не то на тюленя, не то на рыбу с тремя глазами, причем третий глаз сидел у него на темени, а другие два были защищены костяными пластинками. В ту же ночь зеленая водяная змея стрелой метнулась к нам из тростниковых зарослей, оплела своим кольцом рулевого в лодке Челленджера и скрылась с ним под водой.

Я не забуду рассказать и о том диковинном белом существе — мы и по сей день не знаем, что это было: пресмыкающееся или зверь, — которое обитало в гнилом болоте восточнее центрального озера и по ночам сновало среди кустов, излучая слабый фосфорический блеск. Индейцы так боялись его, что даже близко не подходили к тому болоту, а мы дважды были там, видели этого зверя издали, но не могли пробраться к нему через топи. Скажу только, что величиной он больше коровы и распространяет вокруг себя неприятный мускусный запах.

В моих будущих записях вы встретите также упоминание о гигантской быстроногой птице, от которой Челленджеру пришлось удирать однажды под защиту скал. Она много выше страуса, и безобразная голова сидит у нее на длинной голой шее. Когда Челленджер карабкался вверх по камням, она одним ударом своего свирепого изогнутого клюва, как долотом, сорвала ему каблук. Но на этот раз современное оружие не посрамило себя: огромный фороракос двенадцати футов ростом (ликующий профессор, не успев отдышаться как следует, уже сообщил нам его название) повалился на землю, сраженный пулей лорда Джона, и судорожно забил ногами,

взметая тучу перьев и не сводя с нас сверкающих яростным огнем желтых глаз. Как бы мне хотелось дожить до того дня, когда эта свирепая приплюснутая голова найдет свое место среди других трофеев, украшающих кабинет в Олбени!

Под конец надо будет обязательно упомянуть и о токсо-доне — исполинской морской свинке ростом в десять футов с выступающими вперед острыми зубами, которую мы подстрелили как-то на рассвете у водопада.

Со временем я расскажу обо всем этом более подробно и наряду с нашими приключениями любовно опишу чудесные летние вечера, когда мы четверо мирно лежали где-нибудь на лесной опушке среди неведомых нам ярких цветов и, глядя вверх сквозь отягченные сочными плодами ветки деревьев, дивились причудливым птицам, пролетавшим в высокой синеве неба, потом переводили взгляд в густую траву и наблюдали за странными существами, которые выползали из своих норок поглазеть на нас; опишу длинные лунные ночи, когда мы выплывали в челнах на середину озера и с невольным страхом смотрели на его сверкающую гладь. Вот нечто фантастическое взметнулось над водой, пустив по ней широкие круги... Вот темная глубина озарилась зеленоватым светом, отмечающим путь нового, неведомого нам существа... Я запомню эти картины во всех подробностях, и когда-нибудь моя память и мое перо отдадут им должное.

Но вы, наверно, спросите, как можно было заниматься такими наблюдениями, когда нам следовало и день и ночь искать способа вернуться в цивилизованный мир. Отвечу вам, что мы все ломали над этим голову, но тщетно. Выяснилось только одно: на помощь индейцев рассчитывать не приходится. Они были нашими друзьями и относились к нам чуть ли не с рабской преданностью, но как только мы заикались о помощи, о том, чтобы перетащить к обрыву какую-нибудь длинную доску или сплести канат из кожаных ремней и лиан, нас сразу же осаживали мягким, но решительным отказом. Индейцы улыбались, подмигивали нам, качали головой, и дальше этого дело не шло. Старый вождь и тот не сдавался, и лишь его сын Маретас грустно поглядывал на белых людей и знаками выражал им свое искреннее сочувствие.

После битвы с обезьянами индейцы смотрели на нас, как на сверхчеловеков, несущих залог победы в своих таинственных, изрыгающих смерть трубках, и думали, что, пока мы с ними, счастье им не изменит. Нам предлагали обзавестись

краснокожими женами и собственными пещерами, лишь бы мы согласились забыть свой народ и навсегда остались на плато. Пока все обходилось тихо и мирно, но мы знали, что наши планы следует хранить в тайне, так как, прознав о них, индейцы могли задержать нас у себя силой.

Несмотря на возможность встречи с динозаврами (впрочем, опасность эта была не столь уж велика, ибо, как уже говорилось выше, они охотятся главным образом по ночам), за последние три недели я дважды ходил в наш старый лагерь проводить Самбо, который попрежнему оставался на своем посту у подножия горного кряжа. Мои глаза жадно скользили по необъятной равнине в надежде, что оттуда к нам придет долгожданная помощь. Но поросшие кактусами просторы были безлюдны и вплоть до виднеющейся вдали стены бамбуковых зарослей ничто не нарушало их однообразия.

— Они скоро придут, мистер Мелоун. Подождите еще неделю. Индейцы придут с канатами и снимут вас оттуда! — так подбадривал меня наш чудесный Самбо.

Во второй раз я заночевал в старом лагере, а утром на обратном пути меня ждал сюрприз. Я возвращался хорошо знакомой дорогой и был уже недалеко от болота птеродактилей, когда впереди из-за кустов вдруг появился какой-то странный предмет. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это человек, который шел, надев на себя нечто вроде футляра или камышовой клетки, защищавшей его со всех сторон. Каково же было мое изумление, когда я узнал в этом человеке лорда Джона Рокстона! Увидев меня, он вылез из этого нелепого сооружения и засмеялся, но вид у него был несколько смущенный.

— Это вы, юноша? — сказал лорд Джон. — Вот уж не ожидал такой встречи!

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

— Навещал своих друзей, птеродактилей, — спокойно ответил он.

— Это еще зачем?

— Любопытные зверушки! Только ужасно негостеприимные. Да вы и сами знаете, как они встречают непрошенных посетителей. Вот я и соорудил такую корзиночку, чтобы защитить себя от их любезностей.

— Да, что вам понадобилось на этом болоте?

Лорд Джон испытующе посмотрел на меня, и я понял, что его одолевают какие-то сомнения.

— По-вашему, любознательность свойственна только людям, имеющим звание профессора? — сказал он наконец. — Я изучаю этих милашек, вот и все. Хватит с вас такого объяснения?

— Простите, — сказал я.

Но добродушие не изменило лорду Джону и на этот раз, и он рассмеялся:

— Не обижайтесь, юноша. Я хочу раздобыть для Челленджера маленького цыпленочка. Вот это моя главная задача. Нет, спасибо, ваша помощь мне не нужна. Я в этой клетке никого не боюсь, а вы беззащитны. Ну, всего хорошего, ждите меня к вечеру.

Он напялил на себя свою нелепую корзинку, повернулся и зашагал к лесу.

Если уж поведение лорда Джона было несколько странно в эти дни, то что же сказать о Челленджере? Следует отметить, что наш профессор обладал какой-то притягательной силой для индианок, и поэтому ему приходилось всегда носить при себе большую пальмовую ветку, которой он отгонял своих поклонниц, точно мух, когда они уж слишком одолевали его своим вниманием. Представьте же себе, какое это было зрелище! Пожалуй, самое комическое из всех, какие мне довелось видеть в Стране Мепл-Уайта. Выбрасывая носки в стороны, Челленджер шествует с символом власти в руке, а за ним, точно за чернобородым опереточным султаном, тянется свита индейских девушек в одеяниях из тонкого растительного волокна.

Что касается Саммерли, то он был всецело поглощен изучением мира насекомых и пернатых Страны Мепл-Уайта и проводил все свое время за препарированием добытых экземпляров (если не считать тех часов, которые уходили у него на перебранку с Челленджером, якобы не желавшим выручить нас из трудного положения).

Челленджер повадился исчезать каждое утро и возвращался только среди дня с таким торжественным видом, точно на его плечах лежало тягчайшее бремя ответственности за какое-то чрезвычайно серьезное дело.

В один прекрасный день, не расставаясь с пальмовой веткой, он повел нас за собой и открыл нам свои тайные планы.

Мы вышли на небольшую полянку посреди пальмовой рощи и увидели один из тех грязевых гейзеров, о которых я уже говорил. Кругом было разбросано множество ремней, на-

резанных из шкур игуаноносов; тут же лежал большой кусок перепончатой пленки — впоследствии выяснилось, что это не что иное, как выскобленный и высушенный желудок рыбака. В этой прошитой по краям пленке было оставлено маленькое отверстие для нескольких отрезков бамбука; противоположные концы их соединялись с глиняными воронками, в которых собирался газ, выделявшийся пузырьками в горячих струях гейзера. Вскоре опавшая пленка стала медленно вздуваться и проявлять столь явное намерение устремиться ввысь, что Челленджеру пришлось привязать опоясывающие ее ремни к деревьям. Через полчаса она превратилась в настоящий воздушный шар, и, судя по тому, как это шар натягивал ремни и рвался вверх, подъемная сила его была велика. Челленджер молча смотрел на творение своего гения и самодовольно поглаживал бороду — ни дать, ни взять счастливый отец, любующийся своим первенцем.

Затянувшееся молчание прервал Саммерли.

— Неужели вы собираетесь предложить нам подняться на этой штуке? — ледяным тоном спросил он.

— Пока что я собираюсь продемонстрировать перед вами ее мощностъ, дорогой Саммерли, чтобы у вас не было никаких сомнений.

— Тогда советую вам немедленно выбросить из головы этот вздор, — решительно заявил Саммерли. — Вы никакими силами не заставите меня согласиться на такое безумие. Лорд Джон, надеюсь, вы не станете поддерживать эту авантюру?

— Остроумная штука! — сказал наш предводитель. — Любопытно бы посмотреть ее в действии.

— Сейчас посмотрите, — сказал Челленджер. — Последние дни я напрягал все силы своего ума, чтобы разрешить задачу, как нам выбраться отсюда. Мы уже убедились, что спуск по отвесным скалам невозможен, а туннеля больше не существует. Перебросить мост на утес нам, безусловно, не удастся. Но что же тогда делать? Я как-то говорил нашему юному другу, что эти гейзеры выделяют водород в свободном состоянии. Отсюда логически вытекала мысль о воздушном шаре. Сознаюсь, что меня несколько смущал вопрос, где достать для него оболочку, но когда мне попались на глаза колоссальные внутренности здешних пресмыкающихся, я уже ни в чем больше не сомневался. И вот результат моих трудов.

Он заложил одну руку за борт своей рваной куртки, а другую горделиво протянул вперед.

Тем временем шар окончательно округлился, и ремни уже еле сдерживали его.

— Бред! Чистейший бред! — фыркнул Саммерли.

Но лорд Джон был в восторге от этой идеи Челленджера.

— Ну и голова у нашего старикана! — шепнул он мне. Потом сказал громко: — А где вы возьмете корзину?

— Теперь буду думать и о корзине. У меня уже есть кое-какие соображения по этому поводу. А пока я покажу вам, что мой аппарат способен поднять каждого из нас.

— Вы хотите сказать — всех вместе?

— Нет, мы будем спускаться по очереди. Приспособление для подъема сделать нетрудно. Если мой аппарат выдержит тяжесть одного человека и осторожно опустит его на землю, значит, все в порядке. Сейчас мы его испробуем.

Он притащил обломок базальта довольно солидных размеров и обвязал его веревкой — той самой, с помощью которой мы взбирались на пирамидальный утес. Она была футов в сто длиной и хоть не толстая, но очень крепкая. Потом нам было продемонстрировано нечто вроде кожаного ошейника с длинными стропами. Челленджер водрузил этот ошейник на воздушный шар, собрал в пучок свисающие вниз стропы так, чтобы тяжесть груза распределялась равномерно по всей поверхности, привязал к ним обломок базальта, а конец веревки намотал себе на руку.

— Сейчас я покажу вам грузоподъемность моего аппарата, — объявил он, заранее предвкушая свое торжество, и с этими словами перерезал туго натянутые ремни.

Никогда еще наша экспедиция не было так близка к гибели, причем в полном своем составе. Наполненная газом оболочка стремительно рванулась вверх, увлекая за собой Челленджера. Я едва успел обхватить его за талию и взмыл в воздух следом за ним. Лорд Джон словно защелкнул капкан у меня на щиколотках, и его ноги тоже оторвались от земли. На секунду я представил себе мысленно, как четверо отважных путешественников, подобно гирлянде сосисок, повиснут над страной, тайны которой они тщились разгадать. Но, к счастью, прочность веревки имела какой-то предел, чего, по-видимому, нельзя было сказать о подъемной силе этого дьявольского аппарата. Раздался треск, и наша троица камнем рухнула на землю. Путаясь в оборванной веревке, мы с трудом поднялись на ноги и увидели, как обломок базальта стре-

мительно уходит ввысь, еле заметной точкой чернея в ярко-голубом небе.

— Блестяще! — воскликнул неунывающий Челленджер, потирая ушибленную руку. — Опыт удался как нельзя лучше. Я сам не рассчитывал на такой успех. Обещаю вам, джентльмены, что новый шар будет готов через неделю, и мы совершенно спокойно проделаем на нем первый этап нашего обратного путешествия на родину.

До сих пор записи в моем дневнике велись от события к событию, а теперь, когда нам ничто не угрожает, когда все наши невзгоды миновали, как сон, я заканчиваю свое повествование в том самом лагере у подножия красных скал, где Самбо так ждал нас.

Спуск вниз прошел без всяких осложнений, но кто мог предполагать, что все это получится именно так? Через полтора-два месяца мы будем в Лондоне, и, может быть, мое письмо не намного опередит меня. Всеми своими чувствами и помыслами мы уже дома, в родном городе, где осталось столько дорогого, любимого для каждого из нас.

Перелом в нашей судьбе наступил в тот день, когда Челленджер проделал свой рискованный опыт с самодельным воздушным шаром. Я уже говорил, что единственным человеком, который сочувствовал нашим попыткам выбраться с плато, был спасенный нами юноша, сын старого вождя. Мы поняли по его выразительной жестикуляции, что он не хочет задерживать нас против воли в чужой нам стране.

В тот вечер, уже затемно. Маретас незаметно прокрался в лагерь, протянул мне небольшой свиток древесной коры (он почему-то всегда предпочитал иметь дело со мной, может быть, потому, что я был примерно одного с ним возраста), потом величественно повел рукой, показывая на пещеры, торжественно приложил палец к губам в знак молчания и так же незаметно ушел к своим.

Я сел поближе к костру, и мы внимательно рассмотрели врученный мне свиток. На внутренней белой стороне этого квадратного куса древесной коры размером фут на фут были нарисованы углем палочки, напоминающие безлинейное нотное письмо.

— Вы обратили внимание, какой у него был многозначительный вид? — спросил я товарищей. — Это что-то очень важное для нас.

— А может быть, дикарь решил разыграть с нами милую шуточку? — сказал Саммерли. — С таких элементарных развлечений, вероятно, начинается развитие человека.

— Это какой-то шифр, — сказал Челленджер.

— Или ребус, — подхватил лорд Джон, заглядывая мне через плечо, и вдруг вырвал кусок коры у меня из рук. — Честное слово, я, кажется, разгадал его! Юноша прав. Смотрите. Сколько здесь этих палочек? Восемнадцать. А сколько пещер по ту сторону склона? Тоже восемнадцать?

— И в самом деле! Ведь он на них и показывал! — сказал я.

— Значит, правильно. Это план пещер. Смотрите, всего восемнадцать палочек — есть короткие, есть длинные, а некоторые раздваиваются. Под одной крестик. Зачем? Вероятно, затем, чтобы выделить одну пещеру, которая глубже остальных.

— Сквозную! — крикнул я.

— Наш юный друг, по-видимому, прав, — поддержал меня Челленджер. — В противном случае зачем этому индейцу понадобилось бы отмечать ее крестиком? Ведь у него есть все основания относиться к нам благожелательно. Но если пещера действительно сквозная и выходит с той стороны на таком же уровне, то до земли там не больше ста футов.

— Тридцать метров — сущие пустяки! — проворчал Саммерли.

— Но ведь наша веревка длиннее! — воскликнул я. — Мы спустимся без всякого труда.

— А про индейцев вы забыли? — не сдавался Саммерли.

— Эти пещеры нежилые, — сказал я. — Они служат складами и амбарами. Давайте поднимемся туда сейчас же и произведем разведку.

На плато растет крепкое смолистое дерево — вид араукарии, по словам нашего ботаника, — ветки которого идут у индейцев на факелы. Мы взяли каждый по охапке таких веток и поднялись по замшелым ступенькам в пещеру, отмеченную на плане крестиком. Как я и предполагал, она оказалась обитаемой, если не считать множества огромных летучих мышей, которые с громким хлопанием крыльев все время кружили у нас над головой. Не желая привлекать внимание индейцев, мы долго брели в темноте, нащупывая какие-то повороты, углы, и, только отойдя довольно далеко от входа, зажгли факелы. Нашим взорам открылся сухой, усыпанный белым гравием туннель со сводчатым потолком и гладкими се-

рыми стенами, покрытыми изображениями животных. Мы устремились вперед, и вдруг все разочарованно вскрикнули: перед нами встала сплошная каменная стена. — ни щели, ни трещинки, мышонок и тот не проберется. Выхода здесь не было.

Мы с тоской смотрели на неожиданное препятствие, преграждавшее нам путь. Эта стена ничем не отличалась от боковых стен туннеля, следовательно, обвала здесь не было, как в том уже знакомом нам подземном ходе. Это был самый настоящий тупик и ничего больше.

— Не огорчайтесь, друзья, — сказал неунывающий Челленджер. — Ведь я обещал вам второй воздушный шар.

Саммерли застонал.

— Может быть, мы ошиблись пещерой? — сказал я.

— Бросьте, юноша! — Лорд Джон провел пальцем по плану. — Семнадцатая пещера справа, она же вторая слева. Нет, ошибки быть не могло.

Я взглянул на крестик и вдруг вскрикнул, сам не свой от радости.

— Знаю! Знаю! Идите за мной, скорее! — И, подняв факел над головой, бросился назад. — Вот здесь! — Я показал на обгорелые спички, валявшиеся на песке. — Вот здесь мы зажгли факелы.

— Совершенно верно.

— Но ведь на рисунке ясно показано, что пещера разветвляется! Значит, мы просто-напросто прозевали в темноте это место. Будем держаться правой стороны, и я уверен, что мы найдем его.

Как я говорил, так и вышло. Ярдов через тридцать, в стене зачернело большое отверстие. Мы свернули в него и очутились в гораздо более широком туннеле. Нетерпение гнало нас вперед. Сотня ярдов, другая, третья... и вдруг впереди забрезжил красноватый свет. Что бы это могло быть? Ровное, немигающее пламя загоразивало нам путь. Мы ускорили шаги. Жара от этого огня не чувствовалась. Все было тихо, ни шороха, ни звука... А между тем огненная завеса не исчезала, и ее сияние серебром заливало туннель, превращая белый песок в блистающие алмазы. Мы подошли еще ближе, и край завесы четко закруглился у нас на глазах.

— Это луна, клянусь вам! — крикнул лорд Джон. — Мы свободны, друзья! Свободны!

И действительно, в пролом, выходящий на ту сторону горного кряжа, светила полная луна. Пролом оказался не-большой, величиной с окно, но нам и этого было достаточно. Выглянув в него, мы увидели, что спуск будет не особенно трудный и что до земли недалеко. Разглядеть этот лаз при обходе плато нам, конечно, никогда бы не удалось. Кому бы пришлось в голову искать место для подъема именно здесь, среди низко нависших скал? Мы убедились, что отсюда можно будет спуститься по веревке, и, счастливые вернулись в лагерь готовиться к завтрашнему вечеру.

Действовать надо было тайно и без всякого промедления, так как индейцы могли задержать нас даже в последнюю минуту. Мы решили бросить все свое снаряжение, кроме оружия и патронов. Правда, у Челленджера было несколько громоздких вещей, которые он во что бы то ни стало хотел взять с собой, и одна из них доставила нам особенно много хлопот. Но об этом я пока не могу распространяться.

День тянулся бесконечно долго, но вот наконец стемнело. У нас было все готово. Соблюдая всяческую осторожность, мы втащили свои пожитки вверх по ступенькам, остановились у входа в пещеру и бросили последний взгляд на эту загадочную, окутанную для нас романтической дымкой страну, которую, боюсь, скоро наводнят охотники и всяческие исследователи, страну, где мы много дерзали, где нам много пришлось перенести и многому научиться, — нашу страну, как мы всегда будем любовно называть ее.

Слева от нас соседние пещеры бросали в темноту веселые красноватые отблески костров. Снизу доносились голоса, смех и пение индейцев. Вдали стеной вставала лесная чаща, а между ней и скалистой грядой искрилось большое озеро — обитель диковинных чудовищ. Вот в темноте прозвенел пронзительный зов какого-то зверя. Это был голос Страны Мепл-Уайта, славшей нам свое последнее «прости». Мы повернулись и вошли в пещеру, через которую пролегал наш путь домой.

Через два часа мы сами и все наши пожитки были уже у подножия горного кряжа. Спуск прошел благополучно, если не считать возни с вещами Челленджера. Оставив всю поклажу на месте, мы отправились налегке к стоянке Самбо. Каково же было наше изумление, когда при свете раннего утра перед нами открылась равнина, на которой пылал не один костер, а по меньшей мере десять! Спасательная партия все-таки

пришла. Она состояла из двадцати индейцев с Амазонки, доставивших сюда шесты, канаты и все, что требовалось для переброски моста через пропасть. Уж теперь-то у нас не будет никаких затруднений с доставкой багажа к берегам Амазонки, куда мы двинемся завтра утром!

На этом, благодарный судьбе, я заканчиваю свой рассказ. Глаза наши не переставали дивиться чудесам, души очистились, закаленные тяжелыми испытаниями. Все мы, каждый на свой лад, стали лучше, серьезнее.

Возможно, что в Паре нам придется сделать остановку, так как надо обзавестись всем необходимым для дальнейшего путешествия. В таком случае это письмо опередит меня на один трансатлантический рейс. Если же мы сразу отправимся в путь, то оно будет в Лондоне одновременно с нами. Так или иначе, дорогой мой мистер Мак-Арлл, я надеюсь скоро позвать вашу руку.

Глава XVII

НА УЛИЦУ! НА УЛИЦУ!

Я считаю своим долгом выразить глубокую признательность всем нашим друзьям с Амазонки, которые так радушно нас приняли и проявили к нам столько внимания. Особую благодарность заслуживает сеньор Пеналоса и другие должностные лица бразильского правительства, чья помощь обеспечила нам возвращение домой, а также сеньор Перейра из города Пары, предусмотрительно заготовивший для нас все необходимое по части одежды, так что теперь нам не стыдно будет появиться в цивилизованном мире.

К сожалению, мы плохо отплатили нашим благодетелям за их гостеприимство. Но что же делать! Пользуюсь случаем заверить тех, кто вздумает отправиться по нашим следам в Страну Мепл-Уайта, что это будет только потеря времени и денег. В своих рассказах мы изменили все названия, и, как бы вы ни изучали отчеты экспедиции, все равно вам не удастся даже близко подойти к тем местам.

Мы думали, что повышенный интерес к нам в Южной Америке носит чисто местный характер, но кто мог предположить, какую сенсацию произведут в Европе первые неясные слухи о наших приключениях! Оказывается, нами интересо-

вался не только ученый мир, но и широкая публика, хотя мы узнали об этом сравнительно поздно.

Когда «Иберия» была уже в пятидесяти милях от Саутгемптона, беспроволочный телеграф начал передавать нам депешу за депешей от разных газет и агентств, которые предлагали колоссальные гонорары хотя бы за самое краткое сообщение о результатах экспедиции. Однако долг обязывал нас прежде всего отчитаться перед Зоологическим институтом, поручившим нам произвести расследование, и, посоветовавшись между собой, мы отказались давать какие-либо сведения в печать. Саутгемптон кишел репортерами, но они ничего не добились от нас, и поэтому легко себе представить, с каким интересом публика ждала заседания, назначенного на вечер 7 ноября.

Зал Зоологического института — тот самый, где создали комиссию расследования, — был признан недостаточно вместительным, и заседание пришлось перенести в Куинс-Холл на Риджент-стрит. Теперь уже никто не сомневался, что если б даже устроители сняли Альберт-Холл, то он тоже не вместил бы всех желающих.

Знаменательное заседание было назначено на второй вечер после нашего приезда в Лондон. Предполагалось, что первый день уйдет у нас на личные дела. О своих я пока умалчиваю. Пройдет время, и, может быть, мне будет легче думать и даже говорить обо всем этом. В начале своего повествования я раскрыл читателю, какие силы побудили меня к действию. Теперь, пожалуй, следует показать, чем все это кончилось. Но ведь наступит же время, когда я скажу себе, что жалеть не о чем. Те силы толкнули меня на этот путь, и по их воле я узнал цену настоящим приключениям.

А теперь перейду к последнему событию, завершившему нашу эпопею. Когда я ломал себе голову, как бы получше описать его, взгляд мой упал на номер «Дейли-газетт» от 8 ноября, в котором был помещен подробнейший отчет о заседании в Зоологическом институте, написанный моим другом и коллегой — Макдона. Приведу его здесь полностью, начиная с заголовка, — ведь все равно лучше ничего не придумашь. Наша «Дейли», гордая тем, что в экспедиции принимал участие ее собственный корреспондент, уделила особенно много места событиям в Зоологическом институте, но другие крупные газеты тоже не оставили их без внимания.

Итак, предоставляю слово моему другу Макдона:

НОВЫЙ МИР
МНОГОЛЮДНОЕ СОБРАНИЕ В КУИНС-ХОЛЛЕ
БУРНЫЕ СЦЕНЫ В ЗАЛЕ
НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
ЧТО ЭТО БЫЛО?
НОЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ НА РИДЖЕНТ-СТРИТ
(*От нашего специального корреспондента*).

« Долгожданное заседание Зоологического института, на котором был заслушан отчет комиссии, посланной год назад в Южную Америку проверить сведения, сообщенные профессором Челленджером, о наличии форм доисторической жизни на этом материке, состоялось вчера в Куинс-Холле, и мы смело можем сказать: этот день войдет в историю науки, ибо события его носили столь необычный и сенсационный характер, что вряд ли они когда-либо изгладятся из памяти присутствующих. (О мой брат по перу, Макдона! Какая чудовищно длинная вступительная фраза!)

Официально пригласительные билеты распространялись только среди членов института и близких к ним лиц, но, как известно, последнее понятие весьма растяжимо, и поэтому большой зал Куинс-Холл был набит битком задолго до начала заседания, назначенного на восемь часов. Однако широкая публика, без всяких на то оснований считающая себя обиженной, штурмом взяла двери зала после продолжительной схватки с полицией, во время которой пострадало несколько человек, в том числе инспектор Скобл, получивший перелом ноги. Включая этих бунтовщиков, заполнивших не только все проходы, но и места, отведенные для представителей печати, прибытия путешественников ожидало, при приблизительному подсчету, не менее пяти тысяч человек. Когда они наконец появились, их провели на эстраду, где к тому времени собрались крупнейшие ученые не только Англии, но и Франции и Германии. Швеция также была представлена в лице знаменитого зоолога, профессора Упсальского университета господина Сергиуса. Появление четырех героев дня было встречено овацией: зал поднялся как один человек и приветствовал их криками и аплодисментами. Впрочем, внимательный наблюдатель мог уловить некую диссонирующую нотку в этой буре восторга и сделать отсюда вывод, что собрание будет

протекать не совсем мирно. Но того, что произошло в действительности, никто из присутствующих предугадать не мог.

Описывать здесь внешность наших четырех путешественников нет никакой нужды, поскольку их фотографии помещены во всех газетах. Тяжелые испытания, которые, как говорят, им пришлось перенести, мало отразились на них, хотя они покидали наши берега совсем не такими загорелыми. Борода профессора Челленджера стала, пожалуй, еще пышнее, черты лица профессора Саммерли немного суше, лорд Джон Рокстон чуть похудел, но, в общем, состояние их здоровья не оставляет желать ничего лучшего. Что же касается представителя нашей газеты, известного спортсмена и игрока в регби международного класса Э.Д. Мелоуна, то он в полной форме, и его честная, но не блещущая красотой физиономия так и сияет благодушной улыбкой. (Ладно, Мак, только попадись мне!)

Когда тишина была восстановлена и все расселись по местам, председательствующий герцог Дархемский, обратился к собранию с речью. Герцог сразу же заявил, что поскольку аудитории предстоит встреча с самими путешественниками, он не намерен задерживать ее внимание и предвосхищать доклад профессора Саммерли, председателя комиссии расследования, труды которой, судя по имеющимся сведениям, увенчались блестящим успехом. (*Аплодисменты*). По-видимому, век романтики не миновал, и пылкая фантазия поэта все еще может опираться на твердую основу науки. «В заключение, — сказал герцог, — мне остается лишь выразить свою радость — и в этом меня, несомненно, поддержат все присутствующие, — что джентльмены вернулись здоровы и невредимы из своего трудного и опасного путешествия, ибо с гибелью этой экспедиции наука понесла бы почти невознаградимые потери». (*Шумные аплодисменты, к которым присоединяется и профессор Челленджер*).

Появление на кафедре профессора Саммерли снова вызвало бурю восторга, и речь его то и дело прерывалась рукоплесканиями. Мы не будем приводить ее дословно, так как подробный отчет о работах экспедиции, принадлежащий перу нашего корреспондента, будет выпущен «Дейли-газетт» специальной брошюрой. Поэтому ограничимся лишь кратким изложением доклада профессора Саммерли.

Напомнив собранию, каким образом возникла мысль о посылке экспедиции, оратор воздал должное профессору

Челленджеру и принес свои извинения за былое недоверие к его словам, теперь полностью подтвержденным. Затем он набросал в общих чертах маршрут путешествия, тщательно избегая каких-либо указаний, которые могли бы послужить справкой о географическом положении этого необычайного плато; описал в немногих словах переход от берегов Амазонки к горному кряжу и буквально потряс слушателей рассказом о многократных попытках экспедиции подняться на плато, обошедшихся им в конце концов ценой жизни двух преданных проводников-метисов. (Этим неожиданным толкованием событий мы были обязаны Саммерсли, который хотел избежать некоторых щекотливых вопросов).

Поднявшись со своими слушателями на вершину горного кряжа и заставив их почувствовать, что значил для четырех путешественников обвал моста — единственной их связи с внешним миром, профессор приступил к описанию ужасов и прелестей этой необычной страны. О своих приключениях он говорил мало, но старался всячески подчеркнуть, какой богатейший вклад в науку сделала экспедиция, ведя наблюдения над представителями животного и растительного царства плато. Мир насекомых там особенно богат жесткокрылыми и чешуйчатокрылыми, и в течение нескольких недель экспедиции удалось определить сорок шесть видов первого семейства и девяносто четыре — второго. Но, как и следовало ожидать, публика интересовалась главным образом крупными животными, в особенности теми, которые считаются давно вымершими. Профессор дал длинный перечень таких доисторических чудовищ, уверив своих слушателей, что этот список может быть значительно пополнен после тщательного изучения плато. Ему и его спутникам удалось видеть собственными глазами, правда, большей частью издали, по крайней мере с десяток животных, до сих пор неизвестных науке. Со временем они, безусловно, будут должным образом изучены и классифицированы. В виде примера профессор привел темно-пурпурную змею длиной в пятьдесят один фут, некое белое существо, по всей вероятности, млекопитающее, которое излучает в темноте фосфорический свет, и огромную черную бабочку, укусы этой бабочки, по словам индейцев, ядовиты.

Помимо совершенно новых видов живых существ, плато изобилует известными науке доисторическими животными; некоторых из них следует отнести к раннему юрскому периоду. Тут был назван исполинский стегозавр, попавшийся од-

нажды мистеру Мелоуну у водопоя на озере. Такой же точно зверь был зарисован в альбоме американского художника, проникшего в этот неведомый мир еще до экспедиции. Профессор Саммерли описал также игуанодона и птеродактиля — первых двух чудовищ, встретившихся им на плато, и привел слушателей в содрогание, рассказав о самых страшных хищниках, населявших этот мир, — о динозаврах, которые не раз преследовали то одного, то другого члена экспедиции. Далее профессор подробно говорил об огромной свирепой птице фороракосе и об исполинских лосях, все еще встречающихся на плоскогорьях той страны.

Но восторг аудитории достиг высшего предела, когда профессор поведал ей тайны центрального озера. Слушая спокойную речь этого трезвого ученого, хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон, что ты наяву слышишь о трехглазых рыбообразных ящерах и гигантских водяных змеях, обитающих в этих загадочных глубинах.

Далее он перешел к описанию туземцев и племени человекообезьян, которые, по-видимому, представляют собой результат эволюции яванского питекантропа, а следовательно, более, чем любой другой вид животного мира, приближаются к гипотетическому существу, известному как «недостающее звено между обезьяной и человеком».

Наконец, профессор развеселил аудиторию, описав остроумный, но чрезвычайно опасный воздухоплавательный аппарат — изобретение профессора Челленджера, и в заключение своего необычайно интересного доклада рассказал, каким образом экспедиции удалось вернуться в цивилизованный мир.

Предполагалось, что на этом заседание и закончится и что предложенная профессором Сергиусом резолюция с выражением благодарности членам комиссии расследования будет должным образом проголосована и принята. Однако дальнейшие события развивались отнюдь не гладко. С самого начала заседания враждебно настроенная часть публики то и дело напоминала о себе, а как только профессор Саммерли кончил доклад, доктор Джеймс Иллингворт из Эдинбурга поднялся с места и обратился к председателю с вопросом: не следует ли до голосования резолюции обсудить поправку к ней?

Председатель. Да, сэр, если таковая имеется.

Доктор Иллингворт. Поправка у меня есть, ваша светлость.

Председатель. В таком случае огласите ее.

Профессор Саммерли (*вскакивая с места*). Ваша светлость, разрешите довести до всеобщего сведения, что этот человек — мой личный враг еще с тех пор, как мы с ним вели полемику на страницах журнала «Научное обозрение».

Председатель. Вопросы личного порядка нас не касаются. Продолжайте, доктор Иллингворт.

Друзья наших путешественников подняли такой шум, что доктора Иллингворта временами почти не было слышно. Кое-кто даже пытался стащить его с кафедры. Но, обладая недюжинной силой и мощным голосом, доктор Иллингворт преодолел все препятствия и довел свою речь до конца. С той минуты, как он поднялся с места, всем стало ясно, что у него много сторонников в зале, правда, составляющих меньшинство аудитории. Значительная же часть публики была настроена выжидательно и пока что сохраняла нейтралитет.

Для начала профессор Иллингворт заверил профессора Челленджера и профессора Саммерли в своем глубочайшем уважении к их научной деятельности, но далее с прискорбием отметил, что его поправку к резолюции почему-то объясняют какими-то личными мотивами, тогда как на самом деле им руководит исключительно стремление к истине. В сущности, он занимает сейчас ту же позицию, какую занимал на прошлом заседании профессор Саммерли. Профессор Челленджер выдвинул тогда ряд тезисов, которые были взяты под сомнение его коллегой. Теперь этот самый коллега выступает с точно такими же утверждениями и рассчитывает, что их никто не будет оспаривать. Логично ли это? (*Крики: «Да!», «Нет!»*). *В ложе, отведенной представителям печати, слышно, как профессор Челленджер просит у председателя разрешения выставить доктора Иллингворта за дверь*). Год назад один человек утверждал весьма странные вещи. Теперь то же самое, и, пожалуй, в еще большей степени, делают четыре человека. Но разве это может служить решающим фактором там, где речь идет чуть ли не о перевороте в науке?

У всех на памяти случай, когда путешественники возвращались из далеких, никому не ведомых краев и распространяли всякие небылицы, которым слишком охотно верили.

Неужели лондонский Зоологический институт хочет оказаться в положении легковера? Члены комиссии расследования — весьма достойные люди, этого никто отрицать не станет. Но человеческая натура чрезвычайно сложна. Желание выдвинуться может свратить с пути истинного любого профессора. Все мы, словно бабочки, летим на огонек славы. Охотники за крупной дичью не прочь погрешить против истины в пику своим соперникам, а журналисты так падки на всяческие сенсации, что сплошь и рядом призывают на помощь фактам свое богатое воображение. У каждого из членов комиссии могли оказаться свои мотивы, руководствуясь которыми они раздули результаты экспедиции. («Позор! Стыдитесь!») Он никого не желает оскорблять («Однако оскорбляет!» *Шум в зале.*) ... но доказательства, представленные в подтверждение всех этих чудес, носят чрезвычайно легковесный характер. К чему они сводятся? К нескольким фотографическим снимкам. Но в наше время искусство фальсификации достигло такого высокого уровня, что на одни фотографии полагаться нельзя. Чем же еще стараются нас убедить? Рассказом о поспешном бегстве и о спуске по канату, что якобы помешало членам экспедиции захватить с собой более крупные образцы фауны этой чудесной страны? Остроумно, но не очень убедительно. Было сказано, что у лорда Джона Рокстона имеется череп фороракоса. Но где он? Любопытно было бы взглянуть на него.

Л о р д Д ж о н Р о к с т о н. Этот человек, кажется, обвиняет меня во лжи? (*Шум в зале.*)

П р е с е д а т е л ь. Тише! Тише! Доктор Иллингворт, будьте добры сформулировать свою поправку.

Д о к т о р И л л и н г в о р т. Я подчиняюсь, хотя мне хотелось бы сказать еще кое-что. Итак, мое предложение сводится к следующему: поблагодарить профессора Саммерли за его интересный доклад, но сообщенные им факты считать недоказанными и поручить проверку их другой, более авторитетной комиссии.

Трудно описать, какое смятение вызвали в зале эти слова. Большинство присутствующих, возмущенные таким поклепом на наших путешественников, требовало: «Долой поправку!», «Не голосуйте ее!», «Вон его отсюда!» В то же время недовольные, а их было немало, поддерживали доктора Иллингворта и оглушительно кричали: «Это нечестно!», «Председатель! Призовите к порядку!» На задних скамьях, где си-

дели студенты-медики, началась потасовка, были пущены в ход кулаки. Всеобщую свалку предотвратило только присутствие дам среди публики. И вдруг крики смолкли, в зале наступила полная тишина. На эстраде стоял профессор Челленджер. Внешность и манеры этого человека производят настолько внушительное впечатление, что стоило ему только поднять руку, как все уселись по местам и приготовились слушать его.

— Многие из присутствующих, вероятно, помнят,— начал профессор Челленджер,— что подобные непристойные сцены разыгрались и на первом нашем заседании. В тот раз главным моим обидчиком был профессор Саммерли, и, хотя теперь он исправился и покаялся в грехах, все же этот инцидент не может быть предан забвению. Сегодня мне пришлось услышать еще более оскорбительные выпады со стороны лица, только что покинувшего эстраду. Я с величайшим трудом заставляю себя снизить до интеллектуального уровня данного лица, но это нужно сделать, дабы устранить сомнения, которые, может быть, еще сохранились у некоторых из здесь присутствующих. *(Смех, шум, крики из задних рядов.)*

Профессор Саммерли выступал здесь как глава комиссии расследования, но вряд ли нужно напоминать вам, что подлинным вдохновителем всего дела являюсь я и что наша поездка увенчалась успехом главным образом благодаря мне. Я довел этих троих джентльменов до нужного места и, как вы уже слышали, убедил их в правильности моих утверждений. Мы не рассчитывали, что наши совместные выводы будут оспариваться с тем же невежеством и упорством. Но, наученный горьким опытом, я вооружился на сей раз кое-какими доказательствами, которые смогут убедить всякого здравомыслящего человека. Профессор Саммерли уже говорил здесь, что наши фотокамеры побывали в лапах человекообразных, разгромивших весь наш лагерь и что большинство негативов погибло. *(Шум, смешки, с задних скамей кто-то кричит: «Расскажите это вашей бабушке!»)* Кстати, о человекообразных. Не могу не отметить, что звуки, которые доходят сейчас до моего слуха, весьма живо напоминают мне наши встречи с этими любопытными существами. *(Смех.)*

Несмотря на то, что многие ценные негативы были уничтожены, все же некоторое количество фотографий у нас осталось и по ним вполне можно судить об условиях жизни на плато. Есть ли у кого-нибудь из присутствующих сомнения в

их подлинности? (Чей-то голос: «Да!») Общее волнение, заканчивающееся тем, что несколько человек выводят из зала.)

Негативы предложены вниманию экспертов. Какие же еще доказательства может представить комиссия? Ей пришлось бежать с плато, и поэтому она не могла обременять себя каким бы то ни было грузом, но профессору Саммерли удалось спасти свою коллекцию бабочек и жуков, а в ней имеется много новых разновидностей. Разве этого недостаточно? (Несколько голосов: «Нет! Нет!») Кто сказал «нет»?

Доктор Иллингворт (поднимаясь с места). Мы считаем, что коллекцию можно было собрать где угодно, а не обязательно на вашем донсторическом плато. (Аплодисменты.)

Профессор Челленджер. Без сомнения, сэр, слово такого крупного ученого, как вы, для нас закон. Однако оставим фотографии и энтомологическую коллекцию и перейдем к вопросам, которые никогда и никем не освещались. У нас, например, имеются совершенно точные сведения о птеродактилях. Образ жизни этих животных... (Крики: «Взор!») Шум в зале.) Я говорю, образ жизни этих животных станет вам теперь совершенно ясен. В моем портфеле лежит рисунок сделанный с натуры, на основании которого...

Доктор Иллингворт. Рисунки нас ни в чем не убедят!

Профессор Челленджер. Вы хотели бы видеть самую натуру?

Доктор Иллингворт. Несомненно!

Профессор Челленджер. И тогда вы поверите мне?

Доктор Иллингворт (со смехом). Тогда? Ну еще бы!

И тут мы подошли к самому волнующему и драматическому эпизоду вечера — эпизоду, эффект которого навсегда останется непровзойденным. Профессор Челленджер поднял руку, наш коллега мистер Э.Д. Мелоун тотчас же встал с места и направился в глубь эстрады. Минуту спустя он снова появился в сопровождении негра гигантского роста; они несли вдвоем большой квадратный ящик, по-видимому, очень тяжелый. Ящик был поставлен у ног профессора. Публика замерла, с напряжением следя за происходящим. Профессор Челленджер снял выдвижную крышку с ящика, заглянув

внутрь и, прищелкнув несколько раз пальцами, сказал умильным голосом (в журналистской ложе были прекрасно слышны его слова): «Ну, выходи, малыш, выходи!» Послышалась какая-то возня, царапанье, и тут же вслед за этим невообразимо страшное, омерзительное существо вылезло из ящика и уселось на его краю. Даже неожиданное падение герцога Дархемского в оркестровую яму не отвлекло внимания пораженной ужасом публики. Хищная голова этого чудовища с маленькими, пылающими, словно угли, глазами невольно заставила вспомнить страшных химер, которые могли зародиться только в воображении средневековых художников. Его полуоткрытый длинный клюв был усажен двумя рядами острых зубов. Вздернутые плечи прятались в складках какой-то грязно-серой шали. Словом, это был тот самый дьявол, которым нас пугали в детстве.

Публика пришла в смятение — кто-то вскрикнул, в переднем ряду две дамы упали в обморок, ученые на эстраде проявили явное стремление последовать за председателем в оркестр. Казалось, еще секунда, и общая паника охватит зал.

Профессор Челленджер поднял руку над головой, стараясь успокоить публику, но это движение испугало сидевшее рядом с ним чудовище. Оно расправило серую шаль, которая оказалась не чем иным, как парой перепончатых крыльев. Профессор ухватил его за ноги, но удержать не смог. Чудовище взвилось с ящика и медленно закружило по залу, с сухим шорохом взмахивая десятифутовыми крыльями и распространяя вокруг себя ужасающее зловоние. Вопли публики на галерее, до смерти перепуганной близостью этих горящих глаз и огромного клюва, привели его в полное смятение. Оно все быстрее и быстрее металось по залу, натываясь на стены и люстры, и, видимо, совсем обезумело от страха. «Окно! Ради всего святого, закройте окно!» — кричал профессор, приплясывая от ужаса и ломая руки. Увы, он спохватился слишком поздно. Чудовище, бившееся о стены, словно огромная бабочка о колпак лампы, поравнялось с окном, протиснуло в него свое уродливое тело... и только мы его и видели. Профессор закрыл лицо руками и упал в кресло, а зал облегченно охнул, как один человек, убедившись, что опасность миновала.

И тут... Но разве можно описать, что происходило в зале, когда восторг сторонников и смятение недавних противников Челленджера слились воедино и мощная волна ликования прокатилась от задних рядов к оркестровой яме, захлестнула

эстраду и подняла наших героев на своем гребне! (Молодец, Мак!) Если до сих пор аудитория была несправедлива к четырём отважным путешественникам, то теперь она постаралась искупить свою вину. Все вскочили с мест. Все двинулись к эстраде, крича, размахивая руками. Героев окружили плотным кольцом. «Качать их! Качать!» — раздались сотни голосов. И вот четверо путешественников взлетели над толпой. Все их попытки высвободиться были тщетны! Да они при всем желании не могли бы опуститься наземь, так как люди стояли на эстраде сплошной стеной.

«На улицу! На улицу!» — кричали кругом.

Толпа пришла в движение, и людской поток медленно двинулся к дверям, унося с собой четырех героев. На улице началось нечто невообразимое. Там собралось не менее ста тысяч человек. Люди стояли плечом к плечу от Ленгем-отеля до Оксфордской площади. Как только яркий свет фонарей у подъездов озарил четырех героев, плывущих над головами толпы, воздух дрогнул от приветственных криков. «Процессией по Риджент-стрит!» — дружно требовали все. Запрудив улицу, шеренги двинулись вперед, по Риджент-стрит, на Пэл-Мэл, Сейнт-Джеймс-стрит и Пикадилли. Движение в центре Лондона приостановилось. Между демонстрантами, с одной стороны, полицией и шоферами — с другой, произошел ряд столкновений. Наконец, уже после полуночи толпа отпустила четырех путешественников, доставив их в Олбени, к дверям квартиры лорда Джона Рокстона, спела им на прощание «Наши славные ребята» и завершила программу гимном. Так закончился этот вечер — один из самых замечательных вечеров, которые знал Лондон за многие годы».

Так писал мой друг Макдона, и, несмотря на цветистость его слога, ход событий изложен в этом отчете довольно точно. Что же касается самой большой сенсации, то она поразила своей неожиданностью только публику, но не нас, участников экспедиции. Читатель, разумеется, не забыл моей встречи с лордом Джоном Рокстоном, когда, он напаялив на себя нечто вроде кринолина, отправился добывать «цыпленочка» для профессора Челленджера. Вспомните также намеки на те хлопоты, которые причинял нам багаж Челленджера при спуске с плато. Если бы я вздумал продолжить свой рассказ, то в нем было бы отведено немало места описанию возни с нашим не совсем аппетитным спутником, которого приходилось ублажать тухлой рыбой. Я умолчал о нем, ибо профессор

Челленджер опасался, как бы слухи об этом неопровержимом аргументе не просочились в публику раньше той минуты, когда он воспользуется им, чтобы повергнуть в прах своих врагов.

Несколько слов о судьбе лондонского птеродактиля. Ничего определенного тут установить не удалось. Две перепуганные женщины утверждают, что будто бы видели его на крыше Куинс-Холла, где он восседал несколько часов подряд, подобно какой-то чудовищной статуе. На следующей день в вечерних газетах появилась короткая заметка следующего содержания: гвардеец Майлз, стоявший на часах у Мальборо-Хауса, покинул свой пост и был за это предан военному суду. На суде Майлз показал, что во время ночного дежурства он случайно посмотрел вверх и увидел черта, заслонившего от него луну, после чего сбросил винтовку и пустился наутек по Пэл-Мэл. Показания подсудимого не были приняты во внимание, а между тем они могут находиться в прямой связи с интересующим нас вопросом.

Добавлю еще одно свидетельство, почерпнутое мной из судового журнала парохода американо-голландской линии «Фрисланд». Там записано, что в девять часов утра следующего дня, когда Старт-Пойнт был в десяти милях со штирборта, над судном, держа путь на юго-запад, со страшной быстротой пронеслось нечто среднее между крылатым козлом и огромной летучей мышью. Если инстинкт правильно указал дорогу нашему птеродактилю, то не может быть сомнений, что он встретил свой конец где-нибудь в пучинах Атлантического океана.

А моя Глэдис? Глэдис, чье имя было дано таинственному озеру, которое отныне будет называться Центральным, ибо теперь я уже не хочу даровать ей бессмертие. Не замечал ли я и раньше признаков черствости в натуре этой женщины? Не чувствовал ли, с гордостью повинаясь ее велению, что немного стоит та любовь, которая шлет человека на верную смерть или заставляет его рисковать жизнью? Не боролся ли с вечно возвращавшейся ко мне мыслью, что в этой женщине прекрасен лишь облик, что душу ее омрачает тень себялюбия и непостоянства? Почему она так пленялась всем героическим? Не потому ли, что свершение благородного поступка могло отразиться и на ней без всяких усилий, без всяких жертв с ее стороны? Или все это пустые домыслы? Я был сам не свой все эти дни. Полученный удар отравил мою душу.

Но с тех пор прошла неделя, и за это время у нас был один очень важный разговор с лордом Джоном Рокстоном... Мне мало-помалу начинает казаться, что дела обстоят не так уж плохо.

Расскажу в нескольких словах, как все произошло. В Саутгемптоне на мое имя не было ни письма, ни телеграммы, и, встревоженный этим, я в десять часов вечера того же дня уже стоял у дверей маленькой виллы в Стритеме. Может быть, ее нет в живых? Давно ли мне грезились во сне раскрытые объятия, улыбающееся личико, горячие похвалы, без счета расточаемые герою, рисковавшему жизнью по прихоти своей возлюбленной! Действительность швырнула меня с заоблачных высот на землю. Но мне будет достаточно одного ее слова в объяснение, чтобы опять воспарить к облакам. И я опрометью бросился по садовой дорожке, постучал в дверь, услышал голос моей Глэдис, оттолкнул в сторону оторопевшую служанку и влетел в гостиную. Она сидела на диванчике между роялем и высокой стоячей лампой. Я в три шага перебежал комнату и схватил обе ее руки в свои.

— Глэдис! — крикнул я. — Глэдис!

Она удивленно посмотрела на меня. Со времени нашей последней встречи в ней произошла какая-то неуловимая перемена. Холодный взгляд, твердо сжатые губы — все это показалось мне новым. Глэдис высвободила свои руки.

— Что это значит? — спросила она.

— Глэдис! — крикнул я. — Что с вами? Вы же моя Глэдис, моя любимая крошка Глэдис Хангертон!

— Нет, — сказала она, — я Глэдис Потс. Разрешите представить вам моего мужа.

Какая нелепая штука жизни! Я поймал себя на том, что машинально раскланиваюсь и пожимаю руку маленькому рыжеватому субъекту, удобно устроившемуся в глубоком кресле, которое некогда служило только мне. Мы кивали головой и с глупейшей улыбкой смотрели друг на друга.

— Папа разрешил нам пожить пока здесь. Наш дом еще не готов, — пояснила Глэдис.

— Вот как! — сказал я.

— Разве вы не получили моего письма в Паре?

— Нет, никакого письма я не получал.

— Какая жалость! Тогда вам все было бы ясно.

— Мне и так все ясно, — пробормотал я.

— Я рассказывала о вас Вильяму,— продолжала Глэдис.— У нас нет тайн друг от друга. Мне очень жаль, что так вышло, но ваше чувство было, вероятно, не очень глубоко, если вы могли бросить меня здесь одну и уехать куда-то на край света. Вы на меня не дуетесь?

— Нет, что вы, что вы!... Так я, пожалуй, пойду.

— А не выпить ли нам чаю? — предложил рыжеватый субъект и потом добавил доверительным тоном: — Вот так всегда бывает... А на что другое можно рассчитывать? Из двух соперников побеждает всегда один.

Он залился идиотским смехом, и я счел за благо уйти.

Дверь гостиной уже закрылась за мной, как вдруг меня словно что-то подтолкнуло, и, повинаясь этому порыву, я вернулся к своему счастливому сопернику, который тотчас же бросил тревожный взгляд на электрический звонок.

— Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос,— сказал я.

— Что же, если он в границах дозволенного...

— Как вы этого добились? Отыскивали какой-нибудь клад? Открыли полюс? Были корсаром? Перелетели через Ла-Манш? Что вы сделали? Где она, романтика? Как вам это удалось?

Он уставился на меня во все глаза. Его глуповато-добродушная, ничтожная физиономия выражала полное недоумение.

— Не кажется ли вам, что все это носит чересчур личный характер? — проговорил он наконец.

— Хорошо. Еще один вопрос, последний! — крикнул я.— Кто вы? Какая у вас профессия?

— Я работаю письмоводителем в нотариальной конторе Джонсона и Мервиля. Адрес: Ченсерн-лейн, дом сорок один.

— Всего хорошего! — крикнул я и, как подобает безутешному герою, исчез во мраке ночи, обуреваемый яростью, горем и... смехом!

Еще одна короткая сцена — и повествование мое будет закончено.

Вчера вечером мы все собрались у лорда Джона Рокстона и после ужина за сигарой долго вспоминали в дружеской беседе наши недавние приключения. Странно было видеть эти хорошо знакомые мне лица в такой непривычной обстановке. Вот сидит Челленджер — снисходительная улыбка по-прежнему играет на его губах, веки все так же презрительно сощурены, борода топорщится, он выпячивает грудь, пыжится, по-

учая Саммерли. А тот попыхивает своей коротенькой трубкой и трясет козлиной бородкой, яростно оспаривая каждое слово Челленджера. И, наконец, вот наш хозяин — худое лицо, холодный взгляд голубых, как лед, орлиных глаз, в глубине которых всегда тлеет веселый, лукавый огонек. Такими все трое долго сохранятся у меня в памяти.

После ужина мы перешли в святая святых лорда Джона — в его кабинет, залитый розовым сиянием и увешанный бесчисленными трофеями, — и наш дальнейший разговор происходил там. Хозяин достал из шкафчика старую коробку изпод сигар и поставил ее перед собой на стол.

— Пожалуй, мне давно следовало посвятить вас в это дело, — начал он, — но я хотел сначала выяснить все до конца. Стоит ли пробуждать надежды и потом убеждаться в их неосуществимости? Но сейчас перед нами факты. Вы, наверное, помните тот день, когда мы нашли логово птеродактилей в болоте? Так вот: я смотрел, смотрел на это болото и в конце концов призадумался. Я скажу вам, в чем дело, если вы сами ничего не заметили. Это была вулканическая воронка с синей глиной.

Оба профессора кивнули головой, подтверждая его слова.

— Таковую же вулканическую воронку с синей глиной мне пришлось видеть только раз в жизни — на больших алмазных россыпях в Кимберли. Вы понимаете? Алмазы не выходили у меня из головы. Я соорудил нечто вроде корзинки для защиты от этих зловонных гадов и, вооружившись лопаткой, недурно провел время в их логове. Вот что я извлек оттуда.

Он открыл сигарную коробку, перевернул ее вверх дном и высыпал на стол около тридцати или более неотшлифованных алмазов величиной от боба до каштана.

— Вы, пожалуй, скажете, что мне следовало сразу же поделиться с вами моим открытием. Не спорю. Но неопытный человек может здорово нарваться на этих камешках. Ведь их ценность зависит не столько от размера, сколько от консистенции и чистоты воды. Словом, я привез их сюда, в первый же день отправился к Спинку и попросил его отшлифовать и оценить мне один камень.

Лорд Джон вынул из кармана небольшую коробочку изпод пилюль и показал нам великолепно играющий бриллиант, равного которому по красоте я, пожалуй, никогда не видел.

— Вот результаты моих трудов,— сказал он.— Ювелир оценил эту кучку самое меньшее в двести тысяч фунтов. Разумеется, мы поделим поровну. Ни на что другое я не соглашусь. Ну, Челленджер, что вы сделаете на свои пятьдесят тысяч?

— Если вы действительно настаиваете на столь великодушном решении,— сказал профессор,— то я потрачу эти деньги на оборудование частного музея, о чем давно мечтаю.

— А вы, Саммерли?

— Я брошу преподавание и посвящу все свое время окончательной классификации моего собрания ископаемых мелового периода.

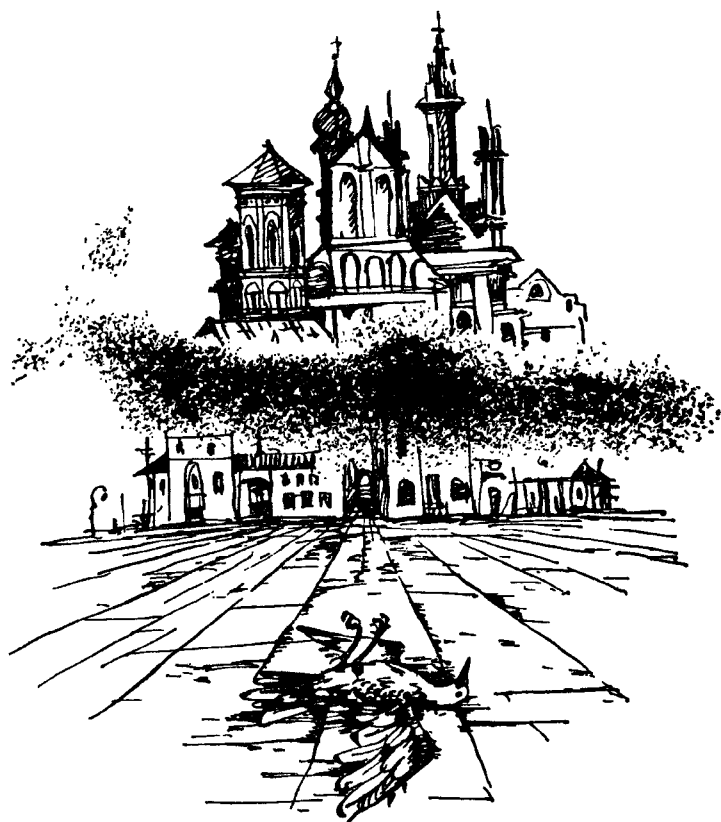
— А я,— сказал лорд Джон Рокстон,— истрачу всю свою долю на снаряжение экспедиции и погляжу еще разок на любезное нашему сердцу плато. Что же касается вас, юноша, то вам деньги тоже нужны. Ведь вы женитесь?

— Да нет, пока не собираюсь,— ответил я со скорбной улыбкой.— Пожалуй, если вы не возражаете, я присоединяюсь к вам.

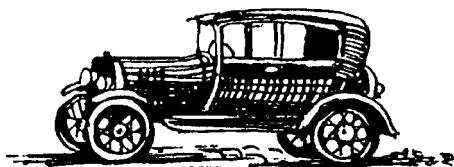
Лорд Рокстон посмотрел на меня и молча протянул мне свою крепкую, загорелую руку.

ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯС

Глава I

ЛИНИИ ПОМУТНЕЛИ

Да, я обязан теперь же, пока события еще свежи в моей памяти, изложить их с тою точностью деталей, которую время может затемнить. Но, приступая к исполнению своего настоящего долга, я в изумлении останавливаюсь перед тем чудесным фактом, что именно нам четверым, героям «Затерянного мира» — профессору Челленджеру, профессору Саммерли, лорду Джону Рокстону и мне, — довелось пережить это удивительное приключение.

Несколько лет тому назад, когда я печатал в «Дейли-газетт» отчет о нашем эпохальном путешествии в Южную Америку, я никак не думал, что мне когда-нибудь выпадет на долю рассказать по личному опыту о еще более странном событии, единственном в летописях человечества, о событии, которое будет стоять в памяти истории, как некая великая вершина среди скромных соседних холмов. Само по себе событие будет всегда казаться чудом, но обстоятельства, которые свели вместе нас четверых ко времени этого необычного происшествия, складывались самым естественным образом. Постараюсь рассказать о них как можно короче и ясней, хоть я и понимаю, что в данном случае читатель был бы рад каждой лишней подробности, потому что любопытство людское поистине ненасытно — было, есть и будет.

В пятницу, двадцать седьмого августа — навеки памятная дата мировой истории, — я зашел в редакцию своей газеты и попросил мистера Мак-Ардла, который и по сей день ве-

дет у нас отдел «Последних новостей», дать мне трехдневный отпуск. Добрый, старый шотландец покачал головой, поскреб чахлую рыжую бородку и облес наконец свой отказ в такие слова:

— В эти дни, мистер Мелоун, я, напротив, особенно на вас рассчитываю. Видите ли, тут у нас подвернулось такое дельце, что только вы один и можете обделать его как надо.

— Прошу меня извинить, — сказал я, стараясь не выдать разочарования. — Раз я нужен, то, конечно, вопрос исчерпан. Но мне надо съездить по одному очень важному личному делу. Так что если можно меня освободить...

— Боюсь, никак нельзя.

Было очень обидно, но пришлось сделать веселое лицо. В конце концов пснять мне было не на кого, кроме как на себя самого, — уж мне ли не знать, что журналист не вправе располагать собой!

— Значит, из мыслей вон! — сказал я со всей веселостью, какую успел напустить на себя при таком решительном отказе. — Что же вы надумали мне поручить?

— Я хочу послать вас в Ротерфилд взять интервью у этого дьявола во образе человеческого.

— Вы не о профессоре ли Челленджере? — воскликнул я.

— О нем, а то о ком же? На той неделе к нему явился Алск Симсон из «Курьера», так он схватил беднягу одной рукой за шиворот, другой за штанину и волочил его таким манером целую милю по большой дороге. Можете почитать об этом в полицейском протоколе. Наши ребята скорес сунутся брать интервью у сбежавшего из клетки крокодила. Но на вас я смело могу рассчитывать: вы же с ним старые друзья.

Я вздохнул с облегчением.

— Отлично, — сказал я. — Все разрешилось само собой. Ведь я для того и просил у вас отпуск, чтобы съездить в Ротерфилд к профессору Челленджеру. Сегодня третья годовщина нашего главного приключения там, в горах, вот он и пригласил к себе всех участников отпраздновать с ним этот день.

— Великолпно! — воскликнул Мак-Ардл, потирая руки, и его глаза просияли за стеклами очков. — Значит, вам нструдно будет выведать, что он думает на самом деле. Заяви это не он, а кто другой, я сказал бы, что это бред сумасшедшего, но профессор уже однажды показал себя, так что — кто знает? — может быть, он все-таки прав.

— Что же надо у него выведать? — спросил я. — Чем он занимался в последнее время?

— А вы не читали сегодня в «Таймсе» его письмо под названием «Предвидения науки»?

— Нет.

Мак-Ардл нырнул под стол и поднял с пола газету.

— Прочтите вслух, — сказал он, указывая пальцем столбец. — Я охотно послушаю лишний раз, а то я не совсем уверен, что правильно понял.

Вот что я прочел редактору отдела «Последних новостей» нашей «Дейли-газетт».

ПРЕДВИДЕНИЯ НАУКИ

— «Сэр! С любопытством, не свободным от примеси некоторых менее лестных чувств, прочел я появившуюся недавно на столбцах вашей газеты самодовольную и совершенно бессмысленную статью Джеймса Уилсона Мак-Фэйла по поводу помутнения фраунгоферовых линий в спектрах как планет, так и неподвижных звезд. Автор статьи отмахивается от этого обстоятельства как от чего-то незначительного. Но более широкому уму оно должно представиться явлением чрезвычайно важным, возможно, несущим гибель всем и каждому человеку на нашей планете. Вряд ли я могу надеяться, что если прибегну к языку науки, меня хоть сколько-нибудь поймут те безмозглые люди, которые черпают свои представления со столбцов газет. Поэтому я попытаюсь снизить к их ограниченному кругозору и обрисовать положение посредством простой аналогии, которая не выходила бы за пределы понимания ваших читателей».

— Не человек, а чудо — живое чудо! — сказал Мак-Ардл и задумчиво покачал головой. — Он, кажется, способен взбесить голубенка, перессорить квакеров на молитвенном собрании! Не удивительно, что Лондон к нему нетерпим. А жаль, мистер Мелоун, такой великий ум! Послушаем, однако, его аналогию.

— «Вообразим, — читал я дальше, — что маленькая связка пробок, подхваченная ленивым течением, совершает плавание по Атлантическому океану. Пробки день за днем тихо плывут в одних и тех же условиях окружающей среды. Нам нетрудно представить себе, что эти пробки, будь они наделены способностью мышления, считали бы эти условия надежными и неизменными. Но мы-то, обладая более широкими

познаниями, понимаем, что с пробками может случиться много такого, что их весьма бы удивило бы. Они могут натолкнуться на корабль или на сонного кита, могут запутаться в водорослях. А нет, так их плавание кончится, вероятно, тем, что их выбросит прибоем на скалистый берег Лабрадора. Но что они знают обо всем этом, пока мирно день изо дня плывут по океану, который они полагают безграничным и однородным?

Ваши читатели, может быть, сообразят, что под Атлантикой в моем иносказании разумеется тот могучий океан эфира¹, по которому мы плывем, а связка пробок изображает маленькую, неизвестную планетную систему, к которой мы принадлежим. Третьеразрядное солнце с горсткой увязавшихся за ним ничтожных спутников, мы несемся в тех же повседневных условиях к неведомому концу, к жалкой катастрофе, которая настигнет нас у последних пределов пространства, где нас сметет в какую-нибудь эфирную Ниагару или выкинет на какой-нибудь немыслимый Лабрадор. Я здесь не вижу места для плоского и невежественного оптимизма вашего корреспондента мистера Джеймса Уилсона Мак-Фэйла и, напротив, вижу достаточно оснований с самым напряженным и заинтересованным вниманием следить за всяким показателем перемены в нашем космическом окружении, от которого, возможно, зависит и наша конечная судьба.

— Ого! Из него вышел бы знаменитый проповедник! — сказал Мак-Ардж. — Гремит, как орган. Посмотрим-ка дальше, что там его смущает.

— «Общее помутнение и сдвиги фраунгоферовых линий спектра указывают, по моему мнению, на космическую перемену широкого охвата и очень тонкого и необычного свойства. Свет планеты является лишь отраженным светом солнца. Однако в данном случае спектры и планет и звезд — все претерпели одинаковое изменение. Можно ли допустить, что произошла перемена в самих планетах и звездах? Для меня такая мысль неприемлема. Какое общее изменение могло произойти одновременно во всех небесных телах? Допустим, перемена произошла в нашей земной атмосфере. Это возможно, но до крайности невероятно, поскольку мы не наблюдаем

¹ Эфир — по господствующей во времена Конан Дойля гипотезе, некая универсальная среда, заполняющая все мировое пространство. Впоследствии эта гипотеза была признана ложной. — *Ред.*

вокруг себя никаких признаков чего-либо подобного, да и химический анализ также ничего не обнаруживает. Есть ли третья возможность? Да, есть: перемена в проводящей среде, в том бесконечно тонком эфире, что простирается от звезды к звезде и пронизывает всю вселенную. В глубинах этого океана нас несет тихое течение. Разве не может течение увлечь нас в новые пояса эфира, обладающие свойствами, каких мы до сих пор не представляли? Где-то произошла перемена. О том свидетельствуют нарушения в спектрах небесных тел. Перемена может оказаться доброй. Может оказаться дурной. Может оказаться и нейтральной. Мы не знаем. Наивные наблюдатели думают, что происходит нечто, чем спокойно можно пренебречь; но кто, подобно мне, наделен более глубоким прозрением истинного мыслителя, тот понимает, что вселенная таит непостижимые возможности и что среди людей мудрейший тот, кто всегда готов к неожиданному. Чтобы не ходить далеко за примером: кто, спрошу я, посмел бы утверждать, что вспышка загадочной эпидемии среди туземцев Суматры, отмеченная сегодня в утреннем выпуске вашей газеты, не стоит ни в какой связи с некими космическими переменами, к влиянию которых жители Суматры оказались более восприимчивы, нежели народы Европы с их более сложной культурой? Я не склонен переоценивать свою идею. Настаивать на таком объяснении было бы сейчас столь же бессмысленно, как и отвергать его, но только самый узколобый дурак в своей непроницаемой тупости не поймет, что оно лежит в пределах научного предвидения.

Преданный вам *Джордж Эдуард Челленджер*.
Ротерфилд, «Терновник».»

— Превосходное, очень обнадеживающее письмо! — сказал Мак-Арлл с видом глубокой задумчивости и принялся вправлять сигарету в длинную стеклянную трубку, заменявшую ему мундштук. — Ваше мнение, мистер Мелоун?

Пришлось признаться в своем позорном невежестве: предмет спора мне совершенно незнаком; что такое, например, фраунгоферовы линии? Мак-Арлл, сам лишь недавно приступивший к изучению вопроса под руководством нашего доморощенного редакционного физика, достал из ящика две разноцветные спектральные таблицы, как нельзя больше похожие на кокарды какого-нибудь новоиспеченного и тщеславного крикетного клуба. Он разъяснил мне, что на спектрах видны черные полосы, рассекающие яркий ряд тонов,

постепенно переходящих от красного на одном конце — через все оттенки оранжевого, желтого, зеленого, голубого и синего — в фиолетовый на другом.

— Эти темные полоски называются фраунгоферовыми линиями, — сказал Мак-Арлл. — Цветное — это самый свет. Свет — любой — если его преломить через призму, дает одни и те же цвета. Они нам ничего не говорят. В счет идут только черные линии, потому что они меняются в зависимости от того, что является источником света. За последнюю неделю эти линии из четких стали мутными, и астрономы завели спор, давая каждый свое объяснение. Вот фотоснимок помутневших линий для нашего завтрашнего выпуска. Публика пока не проявляла к ним особенного интереса, но, я думаю, письмо Челленджера в «Таймсе» должно ее всполошить.

— А при чем тут Суматра?

— Конечно, какая связь между помутневшей линией в спектре и больным черномазым туземцем на Суматре? Однако этот молодчик уже однажды доказал нам, что он не любит бросать слова на ветер. Там свирепствует какая-то странная болезнь, это вполне достоверно; а сегодня из Сингапура сообщают, что на берегах Зондского пролива выбыли из строя маяки, вследствие чего два парохода сели на мель. Во всяком случае, хорошо бы вам порасспросить Челленджера. Если добьетесь от него чего-нибудь определенного, дайте нам под-
вальчик к понедельнику.

Выходя из редакторского кабинета, я обдумывал свое новое задание, когда внизу в приемной громко прозвучало мое имя. Почтальон принес телеграмму, пересланную в редакцию из моей квартиры в Стритеме. Телеграмма была от того самого человека, о котором только что шла у нас речь, и гласила следующее: «Стритем, Хилл-стрит, 17. Мелоуну. Привезите кислород. Челленджер».

«Привезите кислород!» Профессор, насколько я помнил, обладал слоновым чувством юмора, проявлявшемся порой в несуразных дурачествах. Может быть, эта телеграмма — одна из тех тяжеловесных шуток профессора, которые ввергали его самого в припадок буйного смеха, когда глаза исчезают и лицо превращается в сплошной разинутый рот и трясущуюся бороду; причем его несколько не смущало, что никто вокруг не смеется. Я снова и снова перебирал слова телеграммы, но не находил в них ничего, хотя бы отдаленно похожего на шутку. Нет, они звучали как четкое распоряжение, хотя и

очень странное. Челленджер был для меня тем самым человеком, чьим прямым приказам я никак не захотел бы пренебречь. Может быть он подготавливал какой-нибудь химический опыт, может быть... Но не мое это дело рассуждать о том, зачем профессору понадобился кислород. Он требует — я должен его достать. До отхода поезда с вокзала «Викторня» у меня оставалось около часа времени. Я взял такси и, разыскав в телефонной книжке адрес, отправился на Оксфорд-стрит, в «Бюро поставки кислорода».

Когда я остановился на тротуаре у входа в Бюро, из подъезда вышли два молодых человека. Они тащили металлический баллон и не без труда погрузили его на ожидавший тут же автомобиль. За ними семенил пожилой господин, который поругивал их скрипучим, язвительным голосом и давал свои указания. Он обернулся ко мне. Нельзя было не узнать это постное лицо и козлиную бородку. Передо мной стоял мой старый товарищ по путешествию, вечный спорщик, профессор Саммерли.

— Как! — воскликнул он. — Вы скажете, что и вы получили дурацкий заказ на кислород?

Я показал телеграмму.

— Ну и ну! Я получил такую же и, как видите, наперекор здравому смыслу исполняю поручение. Наш милый друг, как всегда, ведет себя самым недопустимым образом! Не мог же человеку так безотлагательно потребоваться кислород, чтобы надо было отказаться от общепринятых способов покупки и отнимать время у деловых людей, занятых не менее, чем он. Почему он не заказал прямо в конторе?

Я робко высказал предположение, что профессор, вероятно нуждается в кислороде немедленно.

— Или вообразил, что нуждается, а это не совсем одно и то же! Но вам теперь ни к чему покупать баллон, раз я везу достаточный запас.

— Однако профессор по каким-то причинам желает, по видимому, чтобы я тоже привез кислород. Спокойней будет исполнить его просьбу в точности.

Итак, невзирая на воркотню и попреки Саммерли, я купил еще один баллон, который погрузили в автомобиль рядом с первым, так как Саммерли предложил подвезти меня на вокзал в своей машине.

Я отошел, чтобы отпустить такси, и водитель, почтя себя обиженным, долго со мной пререкался из-за оплаты. Когда я

вернулся к Саммерли, профессор вел яростную перепалку с грузчиками, тащившими кислород, причем его белая козлиная бородка дергалась от негодования. Помнится, один из грузчиков обозвал его «безмозглым старым попугаем»; тогда профессорский шофер в бешенстве выскочил из кабины, чтобы вступить за честь своего хозяина, и нам едва удалось избежать уличного скандала.

Эти мелочи покажутся, пожалуй слишком обыденными, чтобы стоило на них останавливаться, и в то время они так и прошли как пустяковые инциденты. Только теперь, оглядываясь на прошлое, я понимаю их связь со всем, о чем я должен рассказать.

Был ли шофер новичком, как мне показалось, или его разволновала ссора, но только вез он нас на вокзал из рук вон плохо. Мы дважды едва не столкнулись со встречными такими же взбесившимися авто, и, помню, я сказал профессору, что искусство водителей в Лондоне заметно снизилось против обычной нормы. Один раз мы врезались в большую толпу, следившую за дракой на углу Пэл-Мэл. Поднялся крик, возбужденные зрелищем люди злобно орали на неумелого шофера, а какой-то господин вскочил к нам на подножку и замахнулся на нас тростью. Я спихнул его, но мы были куда как рады, когда избавились от преследователей и благополучно выбрались оттуда. Следуя одна за другой, эти мелкие неприятности взвинтили мои нервы, и по раздерганным движениям моего спутника я видел, что и его терпение истощено.

Но к нам сразу вернулось доброе расположение духа, как только мы увидели маячившую на перроне высокую и художавую фигуру лорда Джона Рокстона, облаченную все в тот же темно-желтый, добротной шерсти охотничий костюм. Резкое лицо нашего друга с яростными и добродушно-насмешливыми глазами загорелось радостью при нашем появлении. В его рыжих волосах уже пробивалась седина, и резец времени углубил морщины на его лбу, но в остальном он показался мне прежним лордом Джоном, добрым товарищем наших прошлых дней.

— Здравствуйте, герр профессор. Здравствуйте, здравствуйте, мой юный друг! — кричал он, идя нам навстречу.

Увидев, что носильщик везет за нами на тележке два баллона с кислородом, он буйно расхохотался.

— Ага! Вы тоже с багажом! Мой уже в вагоне. Что он затевает, наш чужак?

— Вы читали в «Таймсе» его письмо? — спросил я.

— Какое письмо?

— Чушь и дичь! — прошипел Саммерли.

— Однако, если я хоть что-нибудь смыслю, — заметил я, — заказ на кислород стоит в прямой связи с этим письмом.

— Чушь и дичь! — снова закричал Саммерли с совершенно неоправданной яростью.

Мы все трое вошли в вагон первого класса для курящих, и профессор уже раскурил свою коротенькую обгорелую старую трубку из корня шиповника, которая казалось, вот-вот опалит кончик его длинного воинственного носа.

— Наш Челленджер — умный человек, — заговорил он с большим напором. — Этого никто не станет отрицать. Надо быть остолопом, чтобы отрицать! Посмотрите только на его шляпу! Она вмещает шестьдесят унций мозга — огромную машину, легкую на ходу, чистую в работе. Покажите мне гараж и я вам определю размеры машины! Но он прирожденный шарлатан — вы сами слышали, я не раз говорил ему это в лицо, — прирожденный шарлатан, фокусник, который с театральным жестом выскакивает к рампе! Сейчас затишье, так вот наш друг Челленджер обрадовался случаю заставить публику поговорить о нем. Уж не думаете ли вы, что он верит сам в эту чушь об изменениях в эфире и об угрозе роду человеческому? Басня, такого еще в жизни не бывало!

Он нахохлился, точно старый, седой ворон, и каркал, трясясь от сардонического смеха.

Я кипел негодованием, слушая Саммерли. Стыд и срам, что он говорит так о нашем предводителе, о том, кому мы обязаны своей славой, кто дал нам пережить такое, чего не изведal ни один человек на земле! Я раскрыл рот для резкой отповеди, но лорд Джон меня упредил.

— У вас на него зуб, — сказал он строго. — Вы уже раз сцепились со стариком Челленджером, и он в десять секунд положил вас на обе лопатки. По-моему, профессор Саммерли, вам с ним не тягаться. Мой совет: идите-ка вы стороной и оставьте его в покое.

— К тому же, — сказал я, — он был хорошим другом каждому из нас. У него могут быть свои недостатки, но он прям, как стрела, и уж он бы, я думаю, никогда не позволил себе дурно говорить о своих товарищах за их спиной.

— Прекрасно сказано, мой мальчик! — промолвил лорд Джон Рокстон. Он добродушно улыбнулся и хлопнул Сам-

мерли по плечу.— Ладно, герр профессор, не будем ссориться с утра. Мы слишком много пережили вместе. Но Челленджера вы лучше не задевайте, потому что мой юный друг и я, мы оба питаем к старику некоторую слабость.

Саммерли, однако, не был расположен к примирению. Его лицо скривилось в неодобрительную гримасу, клубы сердитого дыма вырывались из трубки.

— Позвольте вам заявить, лорд Джон Рокстон,— прокаркал его голос,— что ваши суждения в научных вопросах имеют для меня ровно такую же цену, как для вас мое мнение о каком-нибудь охотничьем ружье новейшего образца. У меня, сударь, своя голова на плечах, и позвольте мне думать по-своему. Если однажды я оказался неправ, отсюда еще не следует, что я должен раз навсегда отказаться от критики и соглашаться с каждым словом Челленджера, какую бы околесицу он ни понес. Неужели нам нужен в науке какой-то папа римский, который будет издавать непогрешимые буллы, чтобы смиренная паства безропотно их принимала! Говорю вам, сударь, с меня довольно моих собственных мозгов, и, если бы я перестал ими пользоваться, я бы чувствовал себя рабом и подхалимом. Если вам угодно верить всяким благоглупостям об эфире и фраунгоферовых линиях в спектре, верьте, пожалуйста, но не требуйте от человека, который старше и опытнее вас, чтобы он разделял ваше недомыслие. Простая очевидность: если бы эфир подвергся таким сильным изменениям, как утверждает ваш Челленджер, и если бы это было так вредно для здоровья, разве это не сказалось бы давно на нас самих? — Он разразился шумным, торжествующим смехом, радуясь собственному доводу.— Да, сударь, мы теперь были бы далеки от своей обычной нормы и, вместо того, чтобы, сидя в вагоне, спокойно обсуждать научные проблемы, ощущали бы известные симптомы отравления. Где мы видим хоть какие-нибудь признаки грозного космического переворота? Отвечайте, сударь! Отвечайте! Без увиливаний! Ага, вам нечего ответить!

Злоба все сильнее накапливалась во мне. Поведение Саммерли казалось мне обидным и вызывающим.

— Думаю, будь вы лучше осведомлены, вы бы не так уверенно выкладывали свое мнение,— сказал я.

Саммерли вынул трубку изо рта и остановил на мне ледяной взгляд.

— Простите, сударь, что вы хотели сказать этим вашим дерзким замечанием?

— Могу объяснить: когда я уходил из редакции, мне в «Последних новостях» показали телеграмму, которая сообщала, что на Суматре туземцы поголовно заболели и что по всему Зондскому проливу погасли маяки.

— Но должен же быть предел человеческой глупости! — в бешенстве закричал Саммерли. — Неужто вы не уразумели, что эфир — если даже мы допустим на минуту абсурдную гипотезу Челленджера, — что эфир — это всемирная субстанция, она одна и та же, что здесь у нас, что на другом конце света! Уж не думаете ли вы, что в Англии, например, один эфир, а на Суматре другой? Вы, может быть, воображаете, что в графстве Кент эфир лучшего качества, чем в Суррее, где мы проезжаем сейчас? Легковерию и невежеству рядового человека, чуждого науке, поистине нет границ. Непостижимо! На Суматре эфир так смертоносен, что все население лежит в лежку, в то время как здесь он, по-видимому, не оказывает на нас ни малейшего действия! Лично я, например, никогда в жизни, могу вас уверить, не чувствовал себя физически более крепким или умственно более уравновешенным.

— Возможно. Я не выдаю себя за ученого, — сказал я, — но я слышал где-то, что научные истины, бесспорные для одного поколения, следующее, как правило, объявляют ложью. Не нужно, однако, большого ума, чтобы сообразить одну простую вещь: мы слишком мало знаем об эфире, и, может быть, в различных частях света он подвержен каким-либо местным влияниям, так что где-нибудь за океаном он производит действие, которое на нас скажется несколько позже.

— Вашими «возможно» и «может быть» вы ничего не докажете! — злобно закричал Саммерли. — И то бывает, что свинья летает. Да, сударь мой, свинья, может стать, и летает, однако этого еще никто не видел! С вами и спорить не стоит. Челленджер забил вам головы своей чепухой, и теперь вы оба не способны здраво рассуждать. Я могу с тем же успехом выкладывать доводы перед пустым купе.

— Должен сказать, что с тер пор, как я имел удовольствие, профессор Саммерли, видется с вами в последний раз, ваши манеры ничуть не исправились, — строго заметил лорд Джон.

— Вы, аристократишки, не привыкли выслушивать правду, — ответил Саммерли с презрительной усмешкой. — Еще

бы! Это не так уж приятно, когда кто-нибудь вдруг дает вам понять, что титул не мешает вам оставаться круглым невеждой!

— Честное слово, сэр, — сказал лорд Джон сдержанно и сухо, — будь вы моложе, я не позволил бы вам говорить со мной таким оскорбительным образом.

Саммерли вскинул голову и затряс козлиной бородкой.

— Могу вам сообщить, сударь мой, что, молодой или старый, я никогда в жизни не боялся высказать свое мнение безграмотному индюку. Да, сэр, я вас называю безграмотным индюком, хотя бы вы носили все титулы, какие только могут придумать рабы, а дураки принять.

Глаза лорда Джона загорелись, однако он героическим усилием подавил вспышку гнева и, скрестив руки на груди, откинувшись на спинку дивана; горькая улыбка застыла на его губах. Мне было страшно и больно. Волной нахлынули воспоминания о нашем былом товариществе, о счастливых днях необычайных приключений, о наших общих трудах, и страданиях, и победах. И вот чем это кончается: оскорблениями и бранью! Я вдруг расплакался — расплакался взахлеб, не в силах сдержать рыдания. Спутники глядели на меня в удивлении. Я закрыл лицо руками.

— Ничего, — проговорил я. — Но только... только мне так обидно!

— Вы больны, мой мальчик, вот в чем дело, — сказал лорд Джон. — Мне с самого начала показалось, что вам не по себе.

— За эти три года вы, сударь мой, не отстали от ваших дурных привычек, — сказал Саммерли и покачал головой. — От меня тоже не ускользнуло при встрече, что вы ведете себя довольно странно. Напрасно вы перед нами расточаетесь в сочувствии, лорд Джон. Это пьяные слезы и только. Мальчишка просто надрался! Кстати, лорд Джон, я только что назвал вас индюком, что, пожалуй, было слишком крепко сказано. Однако это слово напомнило мне об одном моем скромном даровании, обыденном, но забавном. Вы знаете меня как сурового мужа науки. Поверите ли вы, что некогда я пользовался среди ребятишек заслуженной славой искусного имитатора домашних птиц? Я могу доставить вам приятное развлечение в дороге. Не хотите ли послушать, как я кричу петухом? Это вас, пожалуй, позабавит.

— Нет, сэр,— сказал лорд Джон все еще в сильной обиде.— Меня это ничуть не позабавит.

— Могу изобразить, как квохчет курица, только что снесшая яйцо. Мое исполнение, смею сказать, считалось когда-то незаурядным. Хотите, попробую?

— Нет, сударь, не хочу.

Однако, невзирая на столь решительное возражение, профессор Саммерли отложил свою трубку и до конца поездки развлекал нас — или тщился развлекать,— попеременно изображая голоса всевозможных птиц и животных. Это было до того нелепо, что мои слезы вдруг сменились истерическим хохотом. Я сидел против важного профессора и... и видел его — или, вернее, слышал — то обозлившимся петухом, то щенком, которому наступили на хвост. Лорд Джон передал мне газету, нацарапав карандашом на полях: «Бедняга! Он просто спятил!» Несомненно, профессор проявлял себя большим чудачком, но представление все же показалось мне чрезвычайно остроумным и забавным.

В то же время лорд Джон, наклонившись вперед, рассказывал мне какую-то нескончаемую, крайне бессвязную историю про индийского раджу и буйвола. Профессор Саммерли залился было канарейкой, а лорд Джон добрался в своем рассказе еле-еле до середины, когда поезд подошел к Джервис-Бруку, где нам указано было сойти.

Челленджер встретил нас на станции, чтобы отвезти к себе в Ротерфилд. Он был великолепен. Самый спесивый павлин не мог бы выступать так медленно и величаво, как наш профессор, когда он торжественно расхаживал по платформе, благосклонно и снисходительно поглядывая на окружающих. С добрых старых времен в нем незаметно было перемены, разве что его характерные черты обозначились еще резче. Его большая голова и широченный лоб с прилипшей к нему прядью черных волос казались еще громадней, чем были. Черная борода рвалась вперед еще более буйным каскадом, а ясные серые глаза с их насмешливым, высокомерным прищуром глядели еще более властно, чем в прежние времена.

Он благодушно пожал мне руку и ободряюще улыбнулся, точно учитель маленькому школьнику; потом поздоровался с моими спутниками, помог им управиться с их багажом и усадил нас всех в большую машину, где разместил также и баллоны с кислородом. Повел машину тот самый Остин, бесстрастный и бессловесный, которого я видел в роли лакея при

первой своей памятной поездке к профессору. Дорога, извиваясь, шла в гору по красивой сельской местности. Я сидел впереди, рядом с шофером, а трое спутников за моей спиной, казалось мне, говорили все разом. Лорд Джон все еще продирался сквозь дебри своего рассказа про буйволда, насколько я мог судить, прислушиваясь к густому басу Челленджера и нудному голосу Саммерли, сцепившихся как встарь, в ожесточенном споре о каких-то высоких материях. Вдруг Остин повернул ко мне свое медно-красное лицо, не отводя, однако, взгляда от баранки.

— Мне дают расчет, — сказал он.

— Неужели? — ответил я.

Сегодня все казалось необычным. Люди говорили дикие, неожиданные вещи. Все было, как во сне.

— В сорок седьмой раз, — добавил, подумав Остин.

— Когда же вы уйдете? — спросил я, не найдя сказать ничего лучшего.

— Я не уйду, — прозвучал ответ.

Разговор как будто был исчерпан, но Остин вдруг опять вернулся к нему.

— Если я уйду, кто будет смотреть за ним? — Он кивнул головой на хозяина. — Кто захочет у него служить?

— Кто-нибудь другой, — сказал я неуверенно.

— Другого ему не найти. Никто не проживет и недели. Если я уйду, дом развалится, как часы без главной пружины. Говорю вам это, потому что вы ему друг и должны знать. Я мог бы поймать его на слове, но у меня не хватит духу. Они с хозяйкой останутся, как двое младенцев, подкинутых на чужой порог. Все держится на мне. А он ни с того ни с сего дает мне расчет.

— Почему с ним никто не уживается? — спросил я.

— Никто не будет таким покладистым, как я. Он очень умный человек, мой хозяин, — такой умный, что иной раз у него ум за разум заходит. Я тогда понимаю, что он сошел с катушек, и не обижаюсь зря. Послушайте, что он сделал сегодня утром...

— Что?

Остин наклонился ко мне.

— Укусил экономку, — услышал я хриплый шепот.

— У-ку-сил?

— Да, сэр. Укусил в лодыжку. Я видел своими глазами, как она выбежала сломя голову из передней.

— Боже милостливый!

— Это еще что! Знали б вы, что у нас тут творится, сэр! С соседями он со всеми не в ладах. Тут иные говорят, что, как он жил среди чудищ, о которых вы писали, так это для него — для хозяина, значит, — самая подходящая компания. «Дом родной, любезный дом», как поется в песне. Это так соседи говорят. Но я-то прослужил у него десять лет, я к нему привызлся, и, заметьте себе, он как-никак великий человек: я почитаю за честь служить у него. Но иногда с ним нужно большое терпение. Вот посмотрите-ка, сэр. Разве это похоже на доброе, старое гостеприимство? Сейчас вы прочтете.

Машина на самом тихом ходу одолевала зигзагами крутой подъем. За поворотом показался прочный глухой забор, и над ним доска с объявлением. Как сказал Остин, прочесть было нетрудно — немногословное, оно само бросалось в глаза:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ПОСЕТИТЕЛЕЙ, ЖУРНАЛИСТОВ
И НИЩИХ ПРОСЯТ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ!

Дж.Э. Челленджер.

— Да, никакого, так сказать, добросердечия! — покачивая головой, сказал Остин и покосился на прискорбный плакат. — Как бы это выглядело на рождественской открытке? Извините, сэр, я сейчас наговорил больше, чем за много долгих лет, но сегодня я просто сам не свой, на душе накипело. Пусть он гонит меня, пусть ругает, пока не отсохнет язык, а я вот не уйду, и все! Я его слуга, он мой хозяин, и так оно останется, надеюсь, до конца наших дней.

Мы миновали белые столбы ворот и покатили по широкой аллее, обсаженной кустами альпийской розы. За поворотом возник низкий кирпичный дом с белыми резными ставнями, уютный и красивый. Миссис Челленджер, маленькая, изящная, приветливая, улыбалась нам с крыльца.

— Ну, моя дорогая, — сказал Челленджер, соскочив с подножки, — вот и наши гости. Для нас это ново, не правда ли, — принимать гостей? Соседи с нами не в большой дружбе. Дать им волю — они, я думаю, подсыпали бы нам крысиного яда в хлеб.

— Это ужасно, ужасно! — воскликнула женщина, смеясь сквозь слезы. — Джордж вечно со всеми ссорится. У нас нет кругом ни одного друга.

— Что позволяет мне сосредоточить все внимание на моей несравненной жене, — подхватил Челленджер, обняв ее за талию толстой, короткой рукой. Представьте себе гориллу и газель, и перед вами встанет эта супружеская чета. — Идем скорей, гости устали с дороги, и завтрак будет сейчас очень кстати. Сара вернулась?

Женщина сокрушенно покачала головой, а профессор громко рассмеялся и величественно погладил бороду.

— Остин, — крикнул он шоферу, — когда поставите машину, пожалуйста, помогите хозяйке накрыть на стол! А сейчас, джентльмены, пройдемте ко мне в кабинет, так как я хочу безотлагательно сделать вам кое-какие очень важные сообщения.

Глава II

ПРИЛИВ СМЕРТИ

Мы проходили через переднюю, когда раздался телефонный звонок, и мы поневоле подслушали реплики профессора Челленджера в последовавшем диалоге. Я говорю «мы», но на сто ярдов вокруг никто не мог бы не услышать этого громового баса, сотрясавшего весь дом. Ответы профессора запечатлелись в моем мозгу.

— Да, да, конечно, это я... да, разумеется, тот самый Челленджер, знаменитый Челленджер, кто же еще?... Безусловно, отвечаю за каждое слово, иначе я не написал бы... Нет, не удивлюсь... За это говорят все показания... Не позже, как через сутки... Ничем не могу помочь... Очень неприятно, не спорю, но это, полагаю, коснется и людей поважнее вас. Плачь не плачь — конец один. Нет, никак не могу. Придется вам примириться с судьбой... Довольно, сэр. Чепуха! Меня ждут дела поважнее, чем слушать вашу болтовню.

Он с треском повесил трубку и повел нас наверх в просторную, светлую комнату, служившую ему кабинетом. На большом рабочем столе красного дерева лежало семь или восемь нераспечатанных телеграмм.

— Право,— сказал он, сгребая их,— я начинаю думать, что мог бы сберечь деньги моим корреспондентам, приняв условный телеграфный адрес. Самым уместным был бы, пожалуй, такой: «Ротерфилд. Ною».

Как всегда при своих непонятных шутках, он упал грудью на стол и разразился буйным хохотом. Руки его так тряслись, что он никак не мог распечатать конверт.

— Ною, ха-ха! Ною! — захлебываясь, кричал он, с багровым, как свекла, лицом, в то время как лорд Джон и я сочувственно улыбались, а Саммерли, усмехнувшись неодобрительно, затряс головой, точно козел, страдающий несварением желудка. Еще не совсем совладав со смехом, Челленджер начал наконец вскрывать телеграммы. Мы трое стояли в нише окна и деловито созерцали великолепный вид.

И действительно, было чем полюбоваться. Дорога, петляя, незаметно вывела нас на довольно высокое место, лежавшее, как мы потом узнали, в семистах футах над уровнем моря. Дом Челленджера стоял с самого края на склоне холма, и перед южным его фасадом, там, куда смотрели окна кабинета, тянулся лес вплоть до линии холмов Южного Даунса, мягкими изгибами очертившей горизонт. В ложбине между холмами завеса дыма обозначила местоположение Льюиса. Прямо у наших ног лежала волнистая, поросшая курчавым вереском равнина, пересеченная длинными ярко-зелеными полосами Кроуборовского поля для гольфа, на котором чернели здесь и там фигурки игроков. Чуть южнее, в одном из просветов между перелесками, виднелось полотно железной дороги — магистрали из Лондона в Брайтон. А перед самым домом, у нас под носом, примостился маленький отгороженный дворик, где стоял автомобиль, доставивший нас сюда со станции.

Возглас Челленджера заставил всех обернуться. Он уже прочел все телеграммы и аккуратной стопкой сложил их на столе. Его широкое, грубо высеченное лицо — или та незначительная часть его лица, которую позволяла видеть косматая борода,— все еще пылало краской, он был, очевидно, во власти сильного возбуждения.

— Джентльмены,— начал он громко, как будто на многочисленном митинге,— наше замечательное собрание открывается при необычайных. и смею сказать, небывалых в истории обстоятельствах. Позвольте спросить, вы не заметили ничего особенного во время поездки из города?

— Все, что я заметил,— с кислой улыбкой сказал Саммерли,— это что наш юный друг за истекшие годы не излечился от своих дурных привычек. Я с прискорбием должен принести серьезную жалобу на его поведение в поезде, и вы могли бы обвинить меня в неискренности, если бы я скрыл от вас, что оно произвело на меня крайне неприятное впечатление.

— Ничего, с кем не бывало,— вмешался лорд Джон.— Молодой человек делал это не со зла. Ему ведь случалось играть в нашей сборной команде, так что если он и позволил себе полчаса описывать футбольный матч, то он имеет на это больше права, чем кто другой.

— Полчаса описывать матч? — закричал я в негодовании.— Ничего подобного! Вот вы действительно убили добрых полчаса на какую-то скучнейшую историю с буйволом. Профессор Саммерли может засвидетельствовать.

— Затрудняюсь рассудить, кто из вас двоих был надоедливей,— сказал Саммерли.— Заявляю вам, Челленджер, что я до конца жизни не желаю больше слушать ни про буйволов, ни про футбол.

— Но я сегодня не сказал ни слова о футболе,— попробовал я возразить.

Лорд Джон пронзительно свистнул, а Саммерли сокрушенно покачал головой.

— И это с самого утра,— проговорил он.— Что может быть плачевней? Я сидел в печальном, задумчивом молчании и...

— В молчании?! — возопил лорд Джон.— Да вы же всю дорогу угощали нас эстрадным концертом, изображая скотный двор. Не человек, а взбесившийся граммофон!

Саммерли выпрямился в горькой обиде.

— Вам угодно шутить, лорд Джон! — Лицо его стало кислым, как укус.

— Фу, пропасть! Чистое безумие! — закричал лорд Джон.— Каждый из нас как будто знает, что делали другие, но никто не помнит, что делал сам. Давайте восстановим все, как было, с самого начала. Мы сели в вагон первого класса для курящих — не так ли? Это точно. Потом мы стали спорить о письме нашего друга Челленджера в «Таймсе».

— Ага, вы спорили! — прогремел бас нашего хозяина, и глаза его сузились.

— Вы сказали, Саммерли, что письмо не содержит в себе и намека на истину.

— Вот как! — Челленджер выпятил грудь и погладил бороду. — Ни намека на истину? Мне и раньше случалось слышать эти слова! Могу ли я спросить, какими доводами великий, именитый профессор Саммерли пытался раздавить жалкого невежду, дерзнувшего высказаться по вопросу о научном предвидении? Может быть, прежде чем уничтожить злополучного простака, профессор соизволит привести какие-либо доказательства в пользу противоположных взглядов, выдвинутых им самим?

Произнося эту речь, Челленджер со слоновым сарказмом кланялся, дергал плечом, разводил руками.

— Доказательство очень простое, — ответил упрямец Саммерли. — Если окружающий землю эфир, утверждал я, так ядовит, что на иных широтах оказывает губительное влияние, то представляется несообразным, почему же мы трое, сидя в вагоне, не испытываем на себе его действия.

Это объяснение вызвало у Челленджера только шумный взрыв веселья. Он так расхохотался, что в комнате все задрожало и задребезжало.

— Наш почтенный Саммерли обнаруживает — и не в первый раз — полную неосведомленность о действительном положении вещей, — сказал он наконец, отирая взмокший лоб. — Теперь, джентльмены, я вместо всяких доказательств изложу вам лучше, как сам я вел себя в это утро. Вы отнесетесь снисходительней к отклонению от нормы в вашей собственной умственной деятельности, если узнаете, что даже у меня были минуты, когда я терял равновесие. У нас в доме много лет служит экономка, зовут ее Сара, а ее фамилией я никогда не пытался обременять свою память. С виду она суровая и неприступная женщина, строгого и скромного поведения; бесстрастная по природе, она, насколько нам известно, ни разу не проявила признаков каких-либо душевных движений. Когда я сидел один за первым завтраком — миссис Челленджер обычно пьет утренний кофе у себя в спальне, — мне вдруг пришло на ум, что забавно и поучительно было бы проверить, существует ли предел невозмутимости нашей Сары. Я придумал простой, но убедительный опыт. Опрокинув на скатерть стоявшую посреди стола вазу с цветами, я позвонил, а сам залез под стол. Экономка вошла и, никого не увидев в комнате, решила, что я удалился в кабинет. Как я и

ожидал, она подошла и нагнулась над столом, чтобы поставить вазу на место. Я узрел бумажный чулок и башмак на резинках. Высунув голову, я впился зубами эконолке в лодыжку. Успех опыта превзошел все ожидания. Две-три секунды женщина стояла, как в оцепенении, уставив взгляд на мое тело. Потом взвизгнула, вырвалась и опрометью побежала вон из комнаты. Я кинулся за ней, рассчитывая как-то объясниться, но она уже мчалась к воротам и потом я несколько минут мог наблюдать в полевой бинокль, как она чрезвычайно быстро удалялась в юго-западном направлении. Оцените сами этот забавный случай. Я бросаю семя в ваши мозги и жду, какие всходы оно даст. Уразумели? Он не возбудил у вас никаких мыслей? Ваше мнение, лорд Джон?

Лорд Джон важно покачал головой.

— Вы нарветесь на серьезные неприятности, если не возьмете себя в руки,— сказал он.

— У вас нет никаких замечаний, Саммерли?

— Вам следует немедленно прервать всякую работу и на три месяца съездить в Германию на воды!

— Какая глубокая мысль! — провозгласил Челленджер. — Ну, мой юный друг, может быть, мудрость заговорит устами младшего, когда старшие позорно оплошали.

Он угадал. Я не хочу показаться нескромным, но он угадал. Конечно, теперь все это кажется довольно очевидным читателю, уже знающему, что затем произошло; но тогда, когда все нам было внове, это было далеко не так ясно. Однако меня вдруг осенило, и со всею силой убеждения я воскликнул:

— Яд!

И вот, едва я произнес это слово, все пережитое в то утро пронеслось в моей памяти. Сперва рассказ лорда Джона о радже и буйволе, мои истерические слезы, вздорное поведение профессора Саммерли; затем странные происшествия в Лондоне: драка в парке, дикая езда шоферов, ссора у склада, где мы брали кислород. Все вдруг стало на свое место.

— Конечно! — закричал я снова. — Это яд! Мы все отравлены!

— Именно! — подхватил Челленджер, потирая руки. — Мы все отравлены. Наша планета вступила в пояс ядовитого эфира и теперь углубляется в него со скоростью многих миллионов миль в минуту. Наш младший товарищ определил

причину всех наших неурядиц одним-единственным словом: «яд».

Мы в изумленном молчании смотрели друг на друга. Комментарии казались излишними.

— Можно бороться с этими симптомами, — продолжал Челленджер, — противопоставив им усилие сознания. Я, разумеется, не жду, чтобы такая способность была развита у всех вас в той же степени, что у меня, ибо я полагаю, что сила различных наших умственных процессов подчинена известной неизменной пропорции. Но нельзя не оценить ее проявление у нашего юного друга. После легкой вспышки возбуждения, так напугавшей экономку, я сел и начал обсуждать положение вещей наедине с собой. Я напомнил себе, что никогда раньше мне не хотелось укусить кого-либо из слуг: такое желание было явно патологическим. Я мгновенно постиг истину. Я проверил свой пульс — он на десять ударов превосходил норму: все рефлексы оказались у меня повышены. Тогда я призвал на помощь свое высшее разумное «я» — истинного Джорджа Эдуарда Челленджера, который пребывает невозмутим и непоколебим, невзирая на все молекулярные возмущения. Я призвал его, говорю я вам, наблюдать за дурацкими шутками, какие яд попробует сыграть с моим мозгом. И я увидел, что могу оставаться хозяином положения. Я нашел в себе силу контролировать сознанием нарушенную психику. Это было замечательным проявлением победы духа над материей, ибо победа была одержана над тем особенным видом материи, который наиболее тесно связан с разумом. Я даже смею сказать, что разум оплошал, но личность подчинила его себе. Так, когда моя жена сошла в столовую и мне захотелось спрятаться за дверь и напугать ее при входе диким криком, я оказался способен побороть это побуждение и поздороваться с нею достойно и сдержанно. Неодолимое желание закричать уткой было равным образом осознано и подавлено. Позже, спустившись во двор заказать машину и увидав нагнувшегося Остина, увлеченного чисткой мотора, я остановил свою уже занесенную руку и воздержался от некоего опыта, который, вероятно, заставил бы шофера последовать по стопам экономки. Наоборот, я потрепал его по плечу и приказал вовремя подать машину, чтобы поспеть к вашему поезду. В данную минуту я испытываю сильный соблазн схватить профессора Саммерли за его глупую бороденку и начать из всех сил раскачивать ему голову. Тем не менее я, как видите, веду

себя сдержанно. С вашего позволения, даю вам совет брать с меня пример.

— Я буду осмотрительней с моим буйволом,— сказал лорд Джон.

— А я с моим футболом.

— Может быть, вы правы, Челленджер,— сказал Саммерли, сбавив тон.— Я готов согласиться, что у меня скорее критический, чем сознательный склад ума, и что меня нелегко убедить в какой-либо новой теории, а тем более в столь необычной и фантастической, как ваша. Однако, оглядываясь на события этого утра и вспоминая несуразное поведение моих спутников, я охотно верю, что эти симптомы вызваны у них каким-то ядом, возбуждающего свойства.

Челленджер добродушно хлопнул коллегу по плечу.

— Мы делаем успехи,— сказал он,— определенно делаем успехи!

— И, пожалуйста, сэр,— смиренно попросил Саммерли,— объясните, как представляются наши ближайшие перспективы?

— С вашего разрешения я скажу на этот счет несколько слов.— Челленджер уселся на письменном столе, покачивая своими короткими, толстыми ножками.— Мы присутствуем при некоем грандиозном и грозном торжестве. По-моему, пришел конец света

Конец света! Наши взоры невольно обратились к большому окну фонарем, и мы залюбовались летней красотой пейзажа, зарослями вереска по склонам холма, большими загородными виллами, уютными фермами, молодежью, весело игравшей в гольф! Конец света! Кому не доводилось слышать эти слова! Но мысль, что они могут иметь непосредственное, практическое значение, что это будет не когда-то, в туманной дали будущего, а вот теперь, сегодня же,— такая мысль возмущала ум и леденила кровь.

Пораженные, мы молча ждали, что скажет Челленджер дальше. Его спокойствие, его властный вид сообщали такую силу и торжественность его словам, что на минуту забылись и грубость его и чудачества,— он вырос перед нами в нечто величественное, в сверхчеловека. Потом, не знаю, как других, а меня вдруг успокоила мысль о том, как дважды за то время, пока мы находились в комнате, он разразился смехом. Есть же предел, подумал я, свободе духа. Должно быть, кризис не так ужасен или не так близок.

— Представьте себе виноградную гроздь,— заговорил он вновь,— покрытую бесконечно малыми, но вредными бактериями. Садовник проводит ее через дезинфицирующую среду. Может быть, он хочет очистить свой виноград. Может быть, хочет освободить место для менее вредных бактерий. Он окунает гроздь в яд, и бактерии гибнут. По-моему, наш великий садовник собирается окунуть в яд солнечную систему, и микроб человечества, маленький смертельный вибрион, размножившийся на верхнем покрове земной коры, мгновенно пройдет через стерилизацию, и его не станет.

Опять наступило молчание. В тишину ворвался резкий телефонный звонок.

— Один из наших вибрионов запищал о помощи,— сказал Челленджер с угрюмой усмешкой.— Они начинают понимать, что их дальнейшее существование отнюдь не является непреложным законом вселенной.

Он вышел на минуту из комнаты. Помнится, никто из нас не говорил в его отсутствие: слова и рассуждения казались неуместными.

— Звонил санитарный врач Брайтона,— сказал хозяин, вернувшись.— Почему-то на уровне моря симптомы отравления развиваются быстрее. Семьсот футов высоты дают нам некоторое преимущество. Люди, повидимому, уразумели, что я в данном вопросе высший авторитет. Это, несомненно, следствие моего письма в «Таймс». Когда вы только что приехали, меня вызвал к телефону мэр одного захолустного городка. Вы, верно, слышали, как я с ним разговаривал. Он явно придавал своей жизни преувеличенное значение. Я помог ему произвести переоценку.

Саммерли встал и подошел к окну. Его тонкие, костлявые руки дрожали от волнения.

— Челленджер,— заговорил он,— это слишком серьезная вещь для пустого спора. Не подумайте, я вовсе не собираюсь докучать вам разными сомнениями. Но я спрашиваю: не могла ли тут вкрасься какая-то ошибка — в ваши ли сведения или в ход ваших рассуждений? Солнце сияет в синем небе такое же ясное, как всегда. Вереск кругом, и цветы, и птицы. Люди весело гоняют мяч по зеленому полю, работники жнут пшеницу. А вы говорите, что и они и мы, возможно стоим на пороге гибели... что этот солнечный день — день казни, так давно ожидаемой человечеством. Насколько нам известно, вы основываете это страшное суждение — на чем? На ка-

ких-то ненормальностях в линиях спектра... на слухах с Суматры... на странном возбуждении, которое мы подметили друг у друга. Последний признак выражен так слабо, что и вы и мы оказались способны при некотором сознательном усилии держать себя в руках. С нами, Челленджер, вы можете не церемониться. Нам и раньше случалось всем вместе смотреть в лицо смерти. Будьте откровенны и скажите, что с нами происходит и чего, по-вашему, должны мы ждать в будущем?

Эта была храбрая, достойная речь, подсказанная тем сильным, стойким духом, который старый зоолог скрывал под своею вспыльчивостью и язвительностью. Лорд Джон встал и пожал ему руку.

— Я смотрю точно так же! — сказал он. — Да, Челленджер, вы должны сказать нам, что нас ждет. Вы сами знаете, мы не из слабонервных. Но когда приедешь в гости к другу на воскресный отдых и с разгона угодишь прямо на страшный суд, как же тут не спросить объяснения! В чем опасность, насколько она близка и чем мы должны ее встретить?

Он стоял в нише окна на свету, высокий и сильный, положив загорелую руку на плечо профессора Саммерли. Я откинулся в глубоком кресле, зажав в зубах погасшую папиросу и отдавшись тому онемению чуть не трансу, когда все воспринимается с особенной четкостью. Может быть, действие яда вступило в новую фазу, но только лихорадочное возбуждение миновало, сменившись каким-то крайне томительным и в то же время трезвым состоянием духа. Я был зрителем. Лично меня дело будто не касалось. Но передо мною три сильных человека стойко ждали кризиса, и, я, как зачарованный, наблюдал за ними. Перед тем, как ответить, Челленджер склонил свой могучий лоб и провел рукой по бороде. Было ясно, что он тщательно взвешивает свои слова.

— Какие были последние новости, когда вы уезжали из Лондона? — спросил он.

— Часам к десяти я зашел в редакцию, — сказал я. — Там только что получили телеграмму из Сингапура с сообщением, что на Суматре все до единого больны и поэтому не были вовремя зажжены маяки.

— С тех пор события пошли довольно быстрым ходом, — сказал Челленджер, придвигая к себе стопку телеграмм. — Я держу тесную связь с властями и прессой, так что известия летят ко мне со всех концов. Меня настойчиво вызывают в Лондон; но я не вижу, чего ради мне ехать. Судя по отчетам,

действие яда начинается с психического возбуждения: в Париже происходили сегодня утром бурные уличные беспорядки; в Уэлсе взбунтовались углекопы. Насколько можно доверять полученным свидетельствам, вслед за стадией возбуждения, принимающей у различных народов и индивидуумов самый различный характер, появляется повышенная ясность мысли (я как будто замечаю соответственные признаки у нашего младшего товарища), которая после довольно длительного времени сменяется оцепенением — комой, и, наконец, кома быстро переходит в смерть. Насколько я знаком с токсикологией, подобное действие, мне думается, оказывают некоторые растительные яды, дурманы...

— Датурин, — подсказал Саммерли.

— Отлично! — воскликнул Челленджер. — Для научной точности следует дать имя нашему токсическому фактору. Назовем его датуроидом. Вам, дорогой Саммерли, выпадает часть — посмертная, увы, но зато нераздельная — дать имя мировому разрушителю, дезинфекционному средству великого садовника. Итак, симптомы отравления датуроидом можно принять такими, как я их обозначил. Мне представляется несомненным, что отравление охватит всю землю, и в мире не останется никакой жизни, так как эфир является всеобъемлющей средой. До сих пор мы наблюдали местами различные прихотливые отклонения, но разница сводится лишь к нескольким часам. Это как надвигающийся прилив, который заливают сперва одну полосу песка, затем другую, сбегая и набегая неравномерными волнами, пока не затопит наконец все побережье. Действие и распространение датуроида подчинено известным законам, которые было бы интересно изучить, если бы нам позволяло время. Насколько я мог проследить (профессор взглянул на телеграммы), в первую голову поддались его действию народы менее цивилизованные. Получены печальные сообщения из Африки, а коренное население Австралии, по-видимому, уже вымерло. Северные народы пока проявляют большую сопротивляемость, чем южные. Вот эта телеграмма, как видите, отправлена из Марселя в девять сорок пять утра. Послушайте дословный перевод:

«Всю ночь лихорадочное возбуждение по всему Провансу. Волнения виноградарей в Ниме. Социалистическое вос-

стание в Тулоне. С утра среди населения распространилась внезапная эпидемия с явлениями комы *Peste foudroyante*¹. На улицах множество трупов. Дела парализованы. Всобщий хаос».

А вот вам следующее сообщение из того же источника, часом позже:

«Мы под угрозой поголовного уничтожения. Соборы и церкви переполнены. Мертвых больше, чем живых. Непостижимо и ужасно. Смерть наступает, по-видимому, безболезненно, но быстро и неотвратно».

Сходная же телеграмма пришла из Парижа, хотя там события развиваются пока не так быстро. Индию и Персию, очевидно, вымело начисто. В Австрии славянское население погибло, тевтонское едва затронуто. Вообще же говоря, на низинах и побережьях, насколько можно судить при моей ограниченной информации, жители подвергаются действию яда быстрее, чем на высоких и удаленных от моря местах. Даже незначительное возвышение создает заметную разницу, и, возможно, если кто-то переживет человеческий род, он окажется вновь на вершине какого-нибудь Апарата. Даже наш скромный холм может вскоре стать на время островом среди моря гибели. Прилив, однако, надвигается таким темпом, что через несколько быстрых часов затопит и нас.

Лорд Джон Рокстон потер лоб.

— Одно меня поражает, — сказал он. — Как вы могли сидеть и смеяться с этой кучей телеграмм под рукой? Мне не реже, чем всякому другому, случалось видеть смерть, но всеобщая смерть — это ужасно!

— Что касается смеха, — сказал Челленджер, — то вы не должны забывать, что я, подобно вам, не был избавлен от возбуждающего отравления мозга эфирным ядом. Но, сказать по правде, ваш ужас перед всеобщей гибелью, представляется мне сильно преувеличенным. Если бы вас одного в утлой лодочке пустили в море плыть по воле волн, вы, естественно, упали бы духом. Одиночество и неизвестность угнетали бы вас. Но если бы вы совершали свое плавание на превосходном пароходе, который взял бы вместе с вами на борт всех ваших родных и друзей, вы бы чувствовали себя иначе: как бы ни была сомнительна и тогда ваша судьба, вас по крайней мере

¹ Молниеносная чума, мор (*фр*).

ободряло бы сознание, что вас ожидает общее и одновременное для всех испытание, которое до конца оставит вас в том же неразлучном кругу. Одинокая смерть, может быть, страшна, но о всеобщей смерти (да еще, как видно, безболезненной) можно, по-моему, думать без содрогания. Напротив, на мой взгляд, нет ужасней судьбы, чем остаться в живых, когда вся наука, все высокое и гордое на земле навеки отошло.

— Что же вы нам предложите делать теперь? — спросил Саммерли, наперекор своему обычаю не раз во время речи ученого собрата согласно кивавший головой.

— Прежде всего позавтракать. — сказал Челленджер, так как в эту минуту дом огласился гудением гонга. — Наша кухарка так вкусно готовит омлет, что соперничать с ним могут разве только ее же котлеты. Будем надеяться, что космический переворот не притупил ее талантов. Да и на мое токайское девяносто шестого года мы тоже дружно приналяжем, чтобы хоть часть этих превосходных выдержанных вин не пропала даром. — Большой, громоздкий, он тяжело слез со стола, на котором сидел, возвещая гибель планеты. — Идемте, — добавил он. — Раз нам осталось так мало времени, мы должны тем трезвей и разумней насладиться им.

Завтрак в самом деле прошел очень весело. Правда, мы не забывали ужас нашего положения. За каждой мыслью таилось сознание торжественности момента. Лишь тот, убежденный, кто никогда не глядел в глаза смерти, робеет перед ней, когда приходит конец. Для нас, четверых мужчин, в некую славную пору нашей жизни смерть была привычной сотрапезницей. Что касается хозяйки дома, то она, опершись на могучую руку супруга, была готова следовать за ним, куда бы ни лежал его путь. Будущее было во власти рока. Настоящее принадлежало нам. Мы его проводили в добром товарищеском общении и приятном веселье. Мысли наши были, как сказано, необычайно ясны. Даже я временами блистал остроумием. Челленджер был изумителен. Я только теперь во всей полноте оценил присущее ему величие, мощь и размах его ума. Саммерли подстегивал его, как хор в трагедии, язвительной критикой, тогда как лорд Джон и я смеялись, упиваясь состязанием ученых; а миссис Челленджер то и дело дергала мужа за рукав, вовремя заставляя философа умерить свой рык. Жизнь, смерть, судьба, человек и его назначение — таковы были высокие предметы спора в тот памятный час, тем более для нас насущные, что все время, пока тянулся за-

втрак, необычайные внезапные взлеты мысли и покалывание в немеющих руках и ногах говорили о приливе смерти, медленно и бесшумно наступавшем на нас. Я заметил раз, как лорд Джон вдруг прикрыл ладонью глаза, как Саммерли вдруг на минуту откинулся на спинку стула. Что-то странное теснило грудь, мешая дыханию. И все же настроение духа оставалось легким и блаженным. Вошел Остин, подал на стол папиросы и хотел удалиться. Но хозяин остановил его:

— Остин!

— Да, сэр?

— Благодарю вас за вашу верную службу.

По деревянному лицу слуги пробежала улыбка.

— Я исполнял свой долг, сэр.

— Сегодня, Остин, я жду светопреставления.

— Слушаю, сэр. В котором часу?

— Не могу сказать, Остин. До наступления вечера.

— Хорошо, сэр.

Молчаливый Остин поклонился и вышел. Челленджер закурил и, придвинув свой стул поближе к жене, взял ее за руку.

— Ты знаешь, дорогая, как обстоит дело. Я объяснил это также и нашим друзьям. Ты не боишься, нет?

— А больно не будет, Джордж?

— Не больше, чем от веселящего газа у зубного врача. Ведь каждый раз, когда ты принимаешь наркоз, ты на опыте переживаешь смерть.

— Но это — приятное ощущение.

— Такова будет, верно, и смерть. Изношенная телесная машина неспособна отмечать свои впечатления, но мы помним духовное наслаждение, доставляемое сном или трансом. Природа, может быть, построила красивую дверь и укрыла ее множеством воздушных сверкающих завес перед входом в новую жизнь для наших изумленных душ. Всю жизнь я исследовал сущее и всегда находил скрытую в глубине мудрость и доброту; и, конечно же, никогда охваченный страхом смерти человек так не нуждается в нежном участии, как если переход от одной жизни к другой представляется ему конечной гибелью. Нет, Саммерли, я не принимаю вашего материализма, потому что я нечто слишком великое, чтобы мог я кончиться вместе с моими чисто физическими составными частями: горсточкой солей да тремя ведрами воды. Здесь... вот здесь... (он стукнул себя по голове своим здоровенным во-

лосатым кулаком) имеется нечто, на что потрачена материя, но что не состоит из нее одной,— нечто, что может само уничтожить смерть, но что никогда не будет уничтожено смертью!

— Смерть, вы говорите...— начал лорд Джон.— Я по-своему христианин, но я понимаю наших предков, когда они велели хоронить себя с топором, луком, колчаном и прочим снаряжением, как будто собирались жить и за гробом той жизнью, какою жили раньше.Право,— добавил он, застенчиво поглядев вокруг,— мне, может быть, и самому было бы спокойней, если бы со мной положили в могилу мой верный «экспресс 450» и мой дробовичок, тот, что покороче, с ложе, обшитым резиной, да две-три обоймы — глупая прихоть, конечно, но уж надо в ней сознаться. Как вы на это посмотрите, герр профессор?

— Раз вы хотите знать мое мнение,— сказал Саммерли,— я вам отвечу: по-моему, это недопустимый возврат к каменному веку или даже к еще большей древности. Я живу в двадцатом веке и хотел бы умереть, как подобает разумному и культурному человеку. Наверно, я не больше боюсь смерти, чем любой из вас, ведь я уже в годах, и, что бы ни случилось, мне все равно не долго осталось жить; но сидеть и ждать без борьбы, точно овцам на бойне,— это противно моей природе. Вы уверены, Челленджер, что мы ничего не можем предпринять?

— Для спасения — ничего,— сказал Челленджер.— Но продлить нашу жизнь на несколько часов и, таким образом, понаблюдать за развитием трагедии, пока она не захватит по-настоящему и нас, это, может быть, окажется в моих силах. Я предпринял некоторые шаги...

— Кислород?

— Да, кислород.

— Но как же может кислород противодействовать отравлению эфиром? Между эфиром и кислородом такая же разница в свойствах, как между газом и толченым кирпичом. Это различные виды материи. Они не могут служить друг для друга препятствием. Бросьте, Челленджер, вы не станете защищать подобный тезис!

— Мой милый Саммерли, наш эфирный яд, несомненно, подвержен влиянию материальных факторов. Мы это видим по его неравномерному действию в разных местностях. Мы не могли ожидать этого а priori¹, но факт налицо. А потому я склоняюсь к тому мнению, что газ, подобный кислороду — поднимающий жизненную деятельность и повышающий в организме способность сопротивления, — может, по всей вероятности, отсрочить действие того яда, который вы так удачно назвали датуроидом. Возможно, я ошибаюсь, но я твердо верю в правильность моего рассуждения.

— Однако, — сказал лорд Джон, — если мы должны сидеть и сосать трубочку, как младенцы соску, то я предпочту отказаться.

— Этого нам не придется, — ответил Челленджер. — У нас кое-что подготовлено, главным образом стараниями моей жены. А именно: ее будуар сделан по возможности «газоупорным». Его оклеили непроницаемой воощенной бумагой...

— Час от часу не легче! Неужели вы думаете, Челленджер, что можно остановить эфир воощенной бумагой?

— Право, мой уважаемый друг, вы несколько превратно истолковали суть моих слов. Мы хлопотали не о том, чтобы перекрыть доступ эфиру, а лишь о том, чтобы удержать кислород. Я рассчитываю, что в атмосфере, перенасыщенной кислородом, нам удастся сохранять сознание. У меня припасено два баллона с кислородом, да вы привезли еще три. Это немного, но все же кое-что.

— На сколько нам их хватит?

— Понятия не имею. Мы пустим их в дело только тогда, когда симптомы станут невыносимы. Мы будем выпускать кислород лишь в крайности и очень понемногу. Это нам сэкономит, может быть, несколько часов или даже несколько дней, в течение которых мы сможем смотреть на гибнущий мир. Нам пятерым дается отсрочка в общем жребии. На нашу долю выпадает самое необычайное переживание, так как, по всей вероятности, мы будем последним арьергардом армии человечества в ее походе в Неизвестное. А теперь будьте так любезны, помогите мне управиться с баллонами. Мне кажется, в воздухе уже чувствуется духота.

¹

Здесь «заранее» (лат.).

Глава III

ЗАХЛЕСТНУЛО

Комната, отведенная для нашего беспримерного опыта, представляла собой прелестный дамский будуар, футов пятнадцать на шестнадцать. К будуару примыкала отделенная от него красной бархатной портьерой небольшая комната — туалетная профессора, которая, в свою очередь, вела в просторную спальню. Портьера еще висела, но для наших целей туалетную и будуар следовало рассматривать как одну комнату. Дверь в спальню и оконная рама были тщательно оклеены вошеной бумагой, что делало их практически непроницаемыми. Над второй дверью, отворявшейся прямо на площадку лестницы, имелась фрамуга, которую можно было открыть, дернув за шнур, когда требовалось проветрить помещение. В каждом углу стояло в кадке по большому кусту.

— Перед нами встает сложный и жизненно важный вопрос: как, не теряя зря кислород, освободиться от излишков углекислоты, — сказал Челленджер и поглядел через плечо на пять металлических баллонов, поставленных в ряд у стены. — Будь в моем распоряжении немного больше времени, я сосредоточил бы всю силу своего ума и разрешил бы надлежащим образом эту задачу; но времени нет, и мы должны делать, что можем. Некоторую службу сослужат нам эти вот кусты. На моих баллонах кран можно отвернуть, как только мы что-нибудь заметим, так что мы не будем захвачены врасплох. Все же нам лучше не отходить далеко от комнаты, так как кризис может наступить внезапно и сразу в полную силу.

В будуаре было широкое, с низким подоконником окно. Из него открывался тот же вид, которым мы любовались из кабинета. Пока что я не видел за окном ничего подозрительного. От самого дома вниз по холму петляла дорога. Старая колымага, один из тех пережитков доисторической древности, как их встречаются еще в наших захолустьях, медленно плелась в гору, — как видно, со станции. Дальше нянька катила под гору детскую колясочку, ведя за руку второго ребенка. Струйки голубого дыма над домами придавали пейзажу отпечаток уютной домовитости и прочно заведенного порядка. Ни синес небо, ни залитая солнцем земля нигде не омрачались тенью нависшей катастрофы. Поодаль в полях еще работали жнецы, а по зеленой лужайке четверками и парами гнались

за мячом любители гольфа. Такое странное смятение царило в моих мыслях, нервы, натянутые до отказа, так трепетали, что спокойствие этих людей казалось мне непостижимым.

— Эти молодцы, как видно, не ощущают никаких болезненных признаков,— сказал я, кивнув на лужайку.

— Вы когда-нибудь играли в гольф? — спросил лорд Джон.

— Никогда.

— То-то, молодой человек! Иначе вы знали бы, что только трубы страшного суда могут остановить истого игрока, когда он гонит мяч. Стойте! Опять телефон.

За завтраком и после завтрака Челленджера то и дело отзывали резкие и настойчивые звонки. Он передавал им новости, как получал их сам,— скупыми, короткими фразами. Никогда еще в анналы мировой истории не вносились такие потрясающие записи. Грозная тень напознала с юга приливной волной смерти. Египет, уже пройдя сквозь бурное безумство, лежал в смертном оцепенении. Испания и Португалия после яркой схватки клерикалов с анархистами погрузились в безмолвие. Телеграф больше не доставлял известий из Южной Америки. В Северной Америке южные штаты — после жестоких побоищ на почве расовой вражды — умиротворились под действием яда. К северу от Мэриленда влияние датуроида сказало еще не вполне отчетливо, в Канаде оно было еле ощутимо. Бельгия, Голландия, Дания сдавались одна за другой. Со всех сторон отчаянные вести летели в большие научные центры — к мировым светилам химии и медицины — с мольбой о помощи или совете. Астрономов также осаждали запросами. Но сделать нельзя было ничего. То, что творилось, охватило весь мир и лежало за пределами человеческого знания и человеческой власти.

Везде была смерть — безболезненная, но неизбежная. Она постигала всех: молодых и старых, сильных и слабых, богатых и нищих,— не оставляя надежды на спасение. Таковы были известия, отрывочные и беспорядочные, которые нам приносил телефон. Большие города уже знали свою судьбу и, насколько мы могли судить, готовились встретить ее покорно и с достоинством. А между тем у нас на глазах трудились жнецы, и веселые любители гольфа беспечно продолжали игру, точно ягнята, резвящиеся под занесенным ножом. Странно было на них смотреть. Но как, в самом деле, могли они что-то узнать? Катастрофа надвигалась на нас шагом гиганта.

Что могло бы встревожить их в утренней газете? А сейчас было только три часа дня. Впрочем, пока мы на них смотрели, распространился видно, какой-то слух, так как жнецы заспешили с полей. Иные из игроков, не доиграв, помчались в свой клуб. Они неслись во весь дух, точно спасаясь от ливня. Прислуживавшие им мальчишки поспешали за ними. Остальные продолжали игру. Нянька повернула и торопливо покатила коляску обратно в гору. Я заметил, как она провела рукой по лбу. Колымага остановилась, и усталая лошадь застыла на месте, свесив голову до колен. А надо всем этим безмятежное летнее небо, огромный купол нерушимой синевы, и только вдали над холмами кудрявились редкие белые облачка. «Если человеческому роду суждено сегодня умереть, — подумал я, — он по крайней мере умрет на великолепном смертном одре». И все же ласковая прелесть природы заставляла острее почувствовать печаль и ужас перед грозным всеобщим уничтожением. Слишком хороша была обитель, откуда нас теперь так внезапно, так беспощадно изгоняли!

Но, как я уже сказал, опять раздался звонок. Я услышал из прихожей громоподобный голос Челленджера:

— Мелоун! Вас к телефону!

Я бросился к аппарату. Звонил Мак-Арлл из Лондона.

— Вы, мистер Мелоун? — кричал знакомый голос. — Мистер Мелоун, в Лондоне творится что-то невообразимое. Ради всего святого поговорите с Челленджером, может, он что посоветует.

— Он ничего не может посоветовать, сэр, — ответил я. — Он считает кризис всесветным и неизбежным. Мы здесь припасли кислороду, но это только даст нам отсрочку на несколько часов.

— Кислород? — прозвучал дрожащий голос. — Мы не успеем достать. С вашего отъезда у нас в редакции сущий ад. Сейчас половина сотрудников лежит без чувств. Меня самого так и тянет лечь. Я смотрю в окно — Флит-стрит¹ сполось устлана трупами. Движение остановилось. По последним телеграммам, весь мир...

Голос постепенно слабел и вдруг оборвался. Еще мгновение — и я услышал в телефон глухой стук, как если бы голова говорившего упала на стол.

¹ Улица, на которой помещается много лондонских издательств.

— Мистер Мак-Ардл! — закричал я. — Мистер Мак-Ардл!

Ответа не было. Вешая трубку, я знал, что никогда не услышу вновь его голоса.

Едва я отошел от телефона, настигло и нас. Точно мы были купальщики, стоявшие на плечи в воде, и вдруг накатилась волна и захлестнула нас с головой. Невидимая рука тихо легла мне на горло и мягко начала душить. Я ощущал на груди непомерную тяжесть, что-то туго сжало виски, в ушах громко звенело, и яркие искры заплесали перед глазами. Я кое-как доплелся до перил. В тот же миг, хрипя, как раненый буйвол, мимо меня сумасшедшим видением промчался Челленджер — багровое лицо, глаза лезут из орбит, волосы дыбом. На его широком плече, как видно, без сознания, лежала наперсвес его маленькая, хрупкая жена. С громовым грохотом он взбирался по лестнице, спотыкаясь и чуть не валясь, но усилием воли нес свое и ее тело через эту тлетворную атмосферу к гавани временного спасения. Ободренный его примером, я тоже бросился наверх, оступаясь, падая, цепляясь за прутья перил, пока не рухнул ничком на верхней площадке, теряя сознание. Стальные пальцы лорда Джона ухватили меня за ворот, и мгновение спустя я лежал навзничь на ковре будуара, не в силах ни двигаться, ни говорить. Миссис Челленджер лежала рядом со мной, а Саммерли скрючился в кресле у окна, лбом едва не касаясь колен. Я видел, точно во сне, как Челленджер чудовищным жуком медленно полз по полу, и секундой позже послышалось нежное шипение выпускаемого кислорода. Челленджер с шумом — тремя жадными глотками — втянул в себя жизнеутверждающий газ.

— Действует! — закричал он, ликуя. — Моя логика оправдала себя!

Он снова стоял на ногах, бодрый и сильный. С резиновой трубкой в руке он бросился к жене и направил струю газа ей в лицо. Прошло две-три секунды. Женщина застонала, зашевелилась и села. Челленджер склонился надо мной, и я почувствовал, как сама жизнь теплом разлилась по моим жилам. Разум говорил мне, что это лишь короткая отсрочка, но, как ни пренебрежительно мы говорили о ней, каждый час существования теперь казался неоценимым. Никогда не испытывал я такого трепета чувственной радости, как сейчас, при этом приливе жизни. Тяжесть отвалилась от груди, распался сдавивший голову обруч, меня охватило отрадное чувство по-

кая и сладкой истомы. Я лежал, наблюдая, как от того же целебного средства, ожил Саммерли и, наконец, в последнюю очередь лорд Джон. Он вскочил на ноги и протянул мне руку, помогая встать, в то время как Челленджер поднимал свою жену и укладывал ее на диван.

— Ах, Джордж, мне так жаль, что ты вернул меня назад, — сказала она и взяла его за руку. — Дверь смерти в самом деле, как ты говорил, скрыта за красивой, сверкающей завесой: едва прошло первое чувство удушья, мне стало неказанно легко. Зачем ты увлек меня обратно?

— Потому что я хотел, чтобы мы вместе совершили переход от жизни к смерти. Мы прожили рука об руку много лет. Было бы грустно разлучиться в последнюю минуту.

На мгновение в его мягком голосе мне почудился новый Челленджер, очень далекий от того буйного, заносчивого гордеца, который попеременно изумлял и оскорблял современников. Здесь, под крылом смерти, явился истинный Челленджер, человек, сумевший завоевать и сохранить женскую любовь. Но его настроение сразу изменилось, и он снова стал нашим твердым командиром.

— Один из всего человечества я предвидел и предсказал катастрофу, — сказал он, и в его голосе звучала гордость победителя, торжество ученого. — Надеюсь, добрейший Саммерли, ваши последние сомнения рассеялись и теперь вы не станете утверждать, что сдвиги в спектре ничего не значат и что мое письмо в «Таймс» основано на заблуждении.

На этот раз наш воинственный товарищ был глух к вызову. Он только сидел в своем кресле и глубоко дышал, разминая свои длинные, тощие ноги, как будто хотел убедиться, что еще не покинул родную планету. Челленджер подошел к баллону с кислородом, и шумное шипение унало до едва уловимого свиста.

— Мы должны экономить наш запас газа, — сказал он. — Воздух в комнате перенасыщен кислородом, и, полагаю, никто из нас не ощущает угрожающих симптомов. Только на ряде опытов мы установим, какое количество кислорода, добавленное к атмосфере, нейтрализует яд. Посмотрим, хорошо ли будет так, как сейчас.

Минут пять мы сидели в напряженном молчании, прислушиваясь к собственным ощущениям. Едва мне показалось, что я снова начинаю чувствовать тесный обруч на вис-

ках, как миссис Челленджер крикнула с дивана, что ей дурно. Ее муж снова отвернул кран и усилил приток газа.

— В младенческие дни науки, — сказал он, — на каждой подводной лодке обычно держали белую мышь, и как только воздух становился плох, на ее хрупком организме это сразу сказывалось — раньше, чем почувствуют духоту моряки. Ты будешь, дорогая, нашей белой мышкой. Я увеличил дозу, и тебе уже лучше.

— Да, мне лучше.

— Теперь, вероятно, мы попали на правильную пропорцию. Когда мы точно установим минимально необходимую дозу, можно будет подсчитать, сколько времени у нас впереди. К несчастью, чтобы прийти в себя, мы сразу израсходовали значительную часть первого баллона.

— Не все ли равно? — сказал лорд Джон. Он стоял у окна, засунув руки в карманы. — Нам так и так погибать, чего ж тянуть волюнку. Ведь вы не видите для нас пути к спасению?

Челленджер улыбнулся и покачал головой.

— А если так, не достойней ли будет прыгнуть в пропасть самим, не дожидаясь, когда тебя подтолкнут в спину? Раз это неизбежно, я предлагаю прочитать молитву, выключить кислород и открыть окно.

— В самом деле! — храбро поддержала женщина. — Конечно, Джордж, лорд Джон прав, так будет лучше.

— Решительно возражаю! — запротестовал Саммерли. — Коль скоро суждено умереть, мы, конечно, умрем; но добровольно ускорить смерть — такое поведение, по-моему, непростительно и просто глупо.

— Что скажет на это наш младший товарищ? — спросил Челленджер, повернувшись ко мне.

— Думаю, мы должны довести опыт до конца.

— Безоговорочно разделяю ваше мнение, — сказал наш предводитель.

— Если ты так говоришь, Джордж, то и я согласна с тобой, — объявила его жена.

— Хорошо, я не спорю, я только предложил, — согласился лорд Джон. — Если вы решили довести дело до конца, я с вами. Будет, что и говорить, чертовски интересно. Я изведаль в жизни свою долю приключений, испытал столько острых минут, сколько положено человеку. А теперь я закончу самым великолепным аккордом.

— Даже приняв как данное, что жизнь имеет свое продолжение, — добавил Челленджер.

— Смелая гипотеза! — усмехнулся Саммерли.

Челленджер смерил его уничтожающим взглядом.

— Приняв как данное, что жизнь имеет продолжение, — поучительным тоном повторил он, — никто из нас не может предсказать, какие будут у него возможности из пространства духовного (назовем его так) наблюдать пространство материальное. Конечно, даже для последнего тупицы (он скосил глаза на Саммерли) должно быть очевидно, что, пока мы сами материальны, мы сохраняем наибольшую способность наблюдать материальные явления и составлять суждения о них. Значит, только при условии, что мы останемся живы эти несколько лишних часов, есть у нас надежда унести с собою в некое будущее существование ясное понятие о самом изумительном событии, какое когда-либо происходило в мире или во вселенной, — насколько нам известно. Для меня было бы крайне прискорбно, если бы наш необычайный опыт сократился хоть на одну минуту.

— Разделяю безоговорочно, — провозгласил Саммерли.

— Принято единогласно, — сказал лорд Джон. — Но смотрите! Там, во дворе, ваш несчастный шофер. Бедняга свое отъездил! Может, попробуем сделать вылазку и притащим его сюда?

— Это будет полнейшим безумием! — закричал Саммерли.

— Не смею отрицать, — ответил лорд Джон. — Это его не спасет, и мы только рассеем кислород по всему дому, если нам и удастся живыми вернуться назад. Эге! Взгляните на птичек под теми деревьями!

Мы четверо пододвинули наши кресла к широкому и низкому окну, и только женщина, закрыв глаза, осталась лежать на диване. Помню, кощунственная, уродливая мысль пронеслась в моей голове — может быть, тяжелый, спертый воздух, которым мы дышали, способствовал этой иллюзии, — мысль, что мы, заняв четыре кресла в первом ряду партера, смотрим последний акт трагедии мира.

На переднем плане, прямо у нас перед глазами, был маленький дворик и посреди него наполовину вымытый автомобиль. Остин, шофер, получил наконец окончательный расчет: он растянулся возле колеса, и большое пятно синело у него на лбу — стукнулся, должно быть, при падении о под-

ножку или о крыло. Он еще держал в руке шланг, из которого поливал машину. В углу двора стояли два молодых явора, а под ними лежало несколько комочков пуха с трогательно торчащими из них крохотными лапками. Смерть походя косила все — и большое и малое.

Перенеся взгляд за ограду дворика, мы могли видеть извилистую дорогу, что вела на станцию. Жнецы, недавно у нас на глазах бросившиеся бежать с полей, теперь лежали впопалку в дорожной пыли у подошвы холма. Немного выше по склону нянька полулежала на траве, упершись головой и плечами в откос. Она успела вынуть из коляски младенца, и он неподвижным свертком пеленок застыл у нее на руках. Рядом с нею пятнышко у дороги указывало, где растянулся второй ребенок — маленький мальчик. Еще ближе к нам, подогнув колени, стояла между оглобелей мертвая лошадь. Старик извозчик свесился с облучка причудливым чучелом, и руки его нелепо болтались впереди. Мы смутно различали в оконце колымаги сидевшего в ней молодого человека. Дверца была рспахнута, и пальцы его ухватились за ручку, словно в последнюю секунду он пытался выпрыгнуть на ходу. На половине подъема тянулось поле для гольфа, испещренное так же, как и утром, силуэтами игроков, но только теперь они неподвижно лежали на скошенной траве поля и в окаймлявшем его вереске. На одном участке, самом зеленом, распласталось восемь тел — четверка самых азартных игроков и маленькие их помощники, до конца не ушедшие с поля. Ни одной птицы не видно было в синем куполе неба, ни один человек и ни одно животное не двигалось во всем широком просторе, открывавшемся перед нами. Солнце мирно посылало косые лучи, но на все легла тишина и безмолвие смерти — вселенской смерти, к которой так скоро должны были приобщиться и мы. Сейчас только эта хрупкая стеклянная перегородка, удерживая добавочный кислород, который противодействовал отравленному эфиру, отделяла нас от судьбы, постигшей весь наш род. На несколько коротких часов знания и прозорливости одного человека уберегли маленький оазис жизни в бескрайней пустыне и не дали общей гибели захватить и нас. Потом кислород наш иссякнет, и мы тоже растянемся, задыхаясь, на этом темно-вишневом ковре, на полу будуара, и тогда свершится до конца судьба человечества и всей жизни земной. Мы долго в торжественном молчании смотрели трагедию мира. Челленджер первый решился заговорить.

— Загорелся дом,— вдруг сказал он, указывая на столб дыма, поднявшийся из-за деревьев.— Сейчас, надо полагать, происходит немало пожаров — горят, возможно, целые города: ведь сколько народу могло упасть с огнем в руках! Кстати, самый факт горения показывает, что относительное содержание кислорода в атмосфере остается нормальным и вся беда в эфире. Ага, вот и еще пожар — на вершине холма Кроуборо. Горит, если не ошибаюсь, гольф-клуб. Слышите? Бьют церковные часы! Тут есть над чем задуматься философу: созданный рукой человека механизм пережил племя своих творцов.

— Смотрите! — закричал лорд Джон, вскочив с кресла.— Клубится дым! Это поезд.

Мы услышали грохот колес, а вскоре и поезд влетел в поле нашего зрения, и быстрота его хода показалась мне неимоверной. Откуда он мчался и куда, мы не знали. Только каким-то счастливым чудом он мог продолжать свой путь. Но теперь нам суждено было увидеть страшный конец его бега. На путях стоял без движения длинный, груженный углем состав. Мы затаили дыхание, когда экспресс загромыхал по той же колее. Столкновение было ужасно. Паровоз и вагоны сбились в груды щепок и мятого железа; здесь и там из горы обломков пробивались красные языки пламени, пока она вся не запылала. Полчаса мы сидели, не говоря ни слова, оцепенев перед зрелищем катастрофы.

— Бедные, бедные люди! — простонала наконец миссис Челленджер и в слезах припала к плечу мужа.

— Дорогая, пассажиры этого поезда были уже таким же неодушевленным предметом, как те вагоны, на которые они налетели, или как уголь, в который они превратились теперь,— сказал Челленджер и ласково погладил ее руку.— Поезд был полон живых людей, когда он отходил с вокзала Виктория, но он вез только мертвый груз и правили им мертвецы еще задолго до того, как его настиг рок.

— Во всем мире сейчас происходит то же самое,— сказал я тихо, между тем как странные видения проносились перед моими глазами.— Подумайте о пароходах в море: они будут плыть и плыть, пока не заглохнет в топке огонь или пока они не наскочат на подводный камень. А парусные суда? Как их будет качать и кружить с полным грузом мертвых моряков на борту, и станет гнить их рангоут, разойдутся швы, дадут течь, пока одно за другим они не пойдут ко дну! Быть может,

столетия спустя все еще будут носиться по Атлантике обломки погибших старых кораблей.

— А углекопы в шахтах! — сказал Саммерли с угрюмым смешком. — Если когда-нибудь каким-то чудом снова будут жить на земле геологи, они станут строить дикие теории о существовании человека в каменноугольных пластах.

— Я признаю свое полное невежество в таких вопросах, — заметил лорд Джон, — но мне кажется, что после нынешней катастрофы опустелая планета может вывесить дощечку: «Сдается внаем». Раз все человечество стерто с лица земли, откуда взяться новому?

— Мир поначалу был пуст, — серьезно возразил Челленджер. — По законам, которые в сути своей остаются вне нашего постижения, он заселился людьми. Почему не повториться вновь тому же процессу?

— Дорогой мой Челленджер, неужели вы верите тому, что говорите?

— Не в моих привычках, профессор Саммерли, высказывать положения, в которые я сам не верю. Мое замечание самое обыденное. — Его косматая борода стала торчком, глаза сощурились.

— Вы как жили упрямым догматиком, так и умрете! — усмехнулся Саммерли.

— А вы, сэр, прожили всю жизнь лишенным воображения педантом, и теперь у вас нет надежды пробиться к чему-то более высокому.

— Зато вас даже самые злые критики не обвинят в недостатке воображения, — отпарировал Саммерли.

— Честное слово, — вмешался лорд Джон, — вы оба верны себе до конца! Последний глоток кислорода готовы потратить на препирательство. Какое нам дело, возродятся люди или нет? Если и да, то уж, наверно, не в наше время.

— Это замечание, сэр, выдает вашу крайнюю ограниченность, — строго сказал Челленджер. — Мысль истинного ученого не остается привязанной к тем условиям времени и пространства, в какие он поставлен. Она воздвигает свою обсерваторию на пограничной черте настоящего, отделяющей бесконечность прошлого от бесконечности будущего. С этого надежного поста она делает вылазки к началу и концу всего сущего. Вы скажете: а смерть? Отвечу: научная мысль умирает на посту, работая нормально и методично до самого конца. Она не останавливается на такой мелочи, как ее собственный

физический распад, пренебрегая им в той же мере, как и всеми вообще ограничениями в нашем материальном пространстве. Разве я не прав, профессор Саммерли?

Саммерли не слишком любезно выразил свое согласие.

— До известных пределов, — пробурчал он, — я разделяю ваше мнение.

Челленджер продолжал:

— Идеальный научный ум — я говорю в третьем лице, чтобы не показаться слишком самонадеянным, — идеальный научный ум способен решать тот или другой отвлеченный вопрос в промежуток времени от падения своего обладателя с воздушного шара до мгновения, когда он коснется земли. Только такие люди достойны составить когорту покорителей природы и хранителей истины.

— Похоже, на этот раз победа осталась за природой, — сказал лорд Джон, не отводя глаз от окна. — Я не раз читал в газетных передовицах, будто вы, господа ученые, управляете природой; но она, оказывается, умеет дать сдачи.

— Это только временный отпор, — убежденно ответил Челленджер. — Несколько миллионов лет — что они значат в великом круговороте времени? Растительный мир, как видите, выжил. Взгляните на листву этого явора. Птицы мертвы, но дерево стоит зеленое. Из растительной жизни в прудах и болотах возникнут со временем микроскопические комочки ползучей слизи — пионеры той великой армии жизни, в которой мы пятеро в этот час несем небывалую службу, составляя ее арьергард. Низшая форма жизни, раз возникнув, неизбежно ведет в конце концов к появлению человека, как неизбежно вырастает дуб из желудя. Колесо эволюции сделает еще один оборот.

— А яд? — спросил я. — Не убьет он жизнь на корню?

— Яд, возможно, образует лишь известный слой или пласт эфира — тлетворный Гольфстрим в могучем океане, по которому мы плывем. Или может выработаться известная невосприимчивость, и жизнь приспособится к новым условиям. Если мы пятеро при сравнительно небольшом избытке кислорода в крови способны выдержать отравление, это значит, что животной жизни не потребуется больших органических изменений для победы над ядом.

Дымившийся за деревьями дом вспыхнул костром. Высоко взвились в воздух языки пламени.

— Ужас! — прошептал лорд Джон.

Я впервые увидел его по-настоящему взволнованным.

— В сущности, не все ли равно?— сказал я. — Земля мертва. А кремация, по-моему, наилучший способ похорон.

— Если огонь перекинется на наш дом, нам сразу крышка!

— Я предусмотрел эту опасность, — сказал Челленджер, — и просил жену принять предохранительные меры.

— Все сделано, милый. Пожар нас не заденет. Но у меня опять стучит в висках. Какой тяжелый воздух!

— Сейчас мы его освежим, — сказал Челленджер. И наклонился над своим кислородным баллоном. — Этот уже почти пуст, — объявил он. — Нам его хватило на три с половиной часа. Сейчас около восьми. Мы свободно протянем ночь. Я жду конца часам к девяти утра. Мы увидим еще один рассвет, и он будет безраздельно нашим.

Он отвернул кран на своем втором баллоне и на полминуты открыл фрамугу над дверью. Когда воздух стал заметно свежей, но вместе с тем острее стало сказываться на нас отравление, он поспешил захлопнуть ее.

— Кстати,— сказал он,— человек не может жить одним кислородом. Давно пора обедать. Смею вас уверить, любезные гости, когда я приглашал вас к себе в надежде приятно провести вместе время, я рассчитывал, что моя кухня оправдает себя. Но ничего не поделаешь. Надеюсь, вы со мной согласитесь, что было бы безумием до времени израсходовать наш воздух, разжигая керосинку. У меня припасено немного холодного мяса, хлеба и солений; прибавить бутылку-другую кларета — чем не обед? Спасибо, дорогая, ты и сейчас, как всегда, королева хозяйек.

В самом деле, удивительно, как с чисто английским уважением к порядку и с хозяйской гордостью маленькая женщина в пять минут разостлала на круглом столе белоснежную скатерть, разложила салфетки и подала скромную закуску — все, как требует цивилизация, вплоть до электрического фонаря, установленного в виде лампы на середине стола! И еще удивительней было убедиться, что мы сохранили превосходный аппетит.

— Это мерило пережитого нами волнения,— сказал Челленджер тем снисходительным тоном, каким он привык разъяснять в научном разрезе обыденные явления.— Мы прошли через великий кризис. Это означает большую затрату молекулярной энергии, которая требует возмещения. Большое го-

ре и большая радость должны вызывать повышенный аппетит, а вовсе не отбивать охоту к еде, как утверждают наши романисты.

— Вот почему крестьяне устраивают пиры по случаю похорон, — посмел и я вставить свое слово.

— Именно! Наш юный друг привел превосходный пример. Разрешите положить вам еще ломтик копченого языка.

— То же наблюдается и у дикарей, — сказал лорд Джон, нацелившись на говядину. — Я видел раз, как туземцы на реке Арувими хоронили вождя и съели при этом целого бегемота, который весил, верно, не меньше, чем они, вместе взятые. На Новой Гвинее некоторые племена съедают на поминках самого покойника — чтобы даром не пропадало добро. Однако из всех похоронных пиршеств на земле наше, думается мне, самое необычайное!

— Странное дело! — сказала миссис Челленджер. — Я не нахожу в себе печали о погибших. У меня остались в Бедфорде отец и мать. Я знаю, что они умерли, и, однако, среди этой потрясающей мировой трагедии я не могу почувствовать острую боль за отдельных людей, даже за них.

— А моя старенькая мать — в Ирландии, в своем сельском домике, — сказал я. — Я как будто вижу ее перед собой: с шалью на плечах, в кружевном чепце, с закрытыми глазами, она сидит у окна, откинувшись на высокую спинку кресла, рядом лежат ее очки и книга. Что мне горевать о ней? Она отошла, и я отхожу вслед за нею, и, может быть, там, в новом бытии, мы будем ближе, чем здесь, когда я жил в Англии, а она — в Ирландии. И все-таки мне горько думать, что ее больше нет, моей родной!

— Если речь о теле, — заметил Челленджер, — так мы же не горюем при разлуке с кончиками ногтей или прядями остриженных волос, хотя они когда-то составляли часть нас самих. И одноногий инвалид не льет сентиментальных слез о своей утраченной ноге. Наше тело было для нас главным образом источником боли и усталости. Так чего же нам огорчаться, когда оно отделяется от нашего духовного «я»?

— Если только одно отделимо от другого, — пробурчал Саммерли. — Нет, что ни говорите, всеобщая смерть ужасна!

— Как я уже объяснял, — возразил Челленджер, — всеобщая смерть по самой своей природе должна ужасать нас куда меньше, чем одиночная.

— Это как в бою, — заметил лорд Джон. — Если вы увидите одного человека, лежащего здесь на полу с раздавленной грудью и дыркой во лбу, вам станет дурно. А я видел в Судане десять тысяч трупов, лежавших навзничь, и ничего такого не почувствовал, потому что для творящих историю жизнь отдельного человека слишком ничтожна, чтоб о ней задумываться. Но когда погибают, как сегодня, тысячи миллионов, вы уже не отделяете свою личность от толпы.

— Ах, я хотела бы, чтобы и для нас все уже кончилось! — сказала в тоске миссис Челленджер. — Мне так страшно, Джордж.

— Когда настанет срок, ты будешь храбрее всех нас, моя маленькая. Твой грубый муж доставлял тебе немало хлопот, но ты понимаешь, что Джордж Эдуард Челленджер таков, каким он создан, и, как ни старйся, не может стать иным. Ведь ты не променяла бы его ни на кого другого?

— Ни на кого на свете, дорогой, — сказала жена и обвила руками его бычьей шее.

Мы трое подошли к окну и застыли, изумленные зрелищем, которое открылось нашим глазам.

Наступил вечер и одел мертвый мир в саван мрака. Но по южному горизонту протянулась длинная ярко-алая полоса. Нарастая и убывая, она билась трепетным пульсом жизни — то вдруг разливалась зеревом до самого зенита, то опадала и тихо тлела лентой угасающего пламени.

— Льюис в огне! — закричал я.

— Нет это горит Брайтон, — отозвался Челленджер, тоже подойдя к окну. — Видите, на фоне зарева вырисовываются горбатые спины холмов? Пожар по ту сторону их, за много миль. Город пылает, наверно, со всех концов.

Красные вспышки можно было наблюдать в нескольких местах, и тускло тлела еще на полотне железной дороги груда обломков, но все это казалось только искорками по сравнению с чудовищным пожаром, бушевавшим за холмами. Какой бы можно было выпустить номер «Дейли-газетт»? Перед кем из журналистов открывались когда-либо такие перспективы — и так было мало возможности использовать их! Из находок находка — и некому ее оценить! Во мне вдруг проснулся неугомонный зуд репортера. Если эти мужи науки до конца остаются верны делу своей жизни, почему не могу и я проявить то же постоянство в своем скромном призвании? Пусть ни один человеческий глаз не увидит того, что я сде-

лаю. Но как-никак впереди еще долгая ночь, а я и думать не могу о сне. Заметки помогут мне скоротать томительные часы и займут мои мысли. Вот как случилось, что я сейчас располагаю сплошь исписанным толстым блокнотом. Почерк неразборчив, так как писать пришлось, положив блокнот на колени, при тусклом, меркнувшем свете нашего единственного электрического фонаря. Обладай я литературным дарованием, мои записи, возможно, были бы достойны своего предмета. Но и так они могут все же передать другим наши переживания и томительный ужас этой страшной ночи.

Глава IV

ХРОНИКА СМЕРТИ

Как странно видеть эти слова, нацарапанные вместо заглавия на пустой странице моей записной книжки! Как странно, что написал их я, Эдуард Мелоун, который всего за полсуток перед тем оставил свои меблированные комнаты в Стритеме, нисколько не помышляя о чуде, которое готовил нам день! Я оглядываюсь назад, на цепь происшествий: мой разговор с Мак-Ардлом, первый сигнал тревоги — письмо Челленджера в «Таймсе», вздорные разговоры в поезде, приятный завтрак, катастрофа, — и вот, наконец, мы медлим одни на опустелой планете, и наша судьба так неизбежна, что эти строки, написанные машинально, по репортерской привычке, строки, которые никто никогда не прочтет, представляются мне речью человека, уже умершего, — так близко подошел он к туманной границе, перейденной всеми, кроме этого тесного круга друзей. Я, сознаю, как были мудры и справедливы слова Челленджера, что истинной трагедией было бы для нас остаться жить, когда все благородное, доброе, прекрасное погребло бы на земле. Но такая опасность нам, конечно, не грозит. Уже наш второй кислородный баллон подходит к концу. Мы можем высчитать скудный остаток нашей жизни чуть ли не с точностью до одной минуты.

Челленджер только что преподнес нам лекцию чуть не на двадцать минут. В возбуждении он так рычал, как если бы громил с кафедры своих научных противников, старых скептиков из Академии. Правда, ему пришлось ораторствовать перед довольно необычной аудиторией: его жена, не разбира-

ясь в предмете, была заранее во всем с ним согласна; Саммерли жался в тени с недовольным видом, настроенный критически, но явно заинтересованный; лорд Джон растянулся в кресле, наскучив нескончаемыми спорами; и, наконец, сам я, стоя у окна, наблюдал за всем с каким-то отрешенным вниманием, как будто все это было сном или чем-то таким, что меня никак не касалось. Челленджер сидел за столом, направив фонарь на пластинку под микроскопом, которую принес из туалетной. Кружок белого света, отраженного зеркальцем, ярко озарял половину его топорного, заросшего лица, оставляя другую половину в густой тени. Последнее время он, кажется, изучал низшие формы жизни и был сейчас сильно взволнован, увидев, что амeba на пластинке, заготовленной днем раньше, была еще жива.

— Да посмотрите же и сами увидите! — повторял он в крайнем возбуждении. — Саммерли, вы, может быть, подойдете и разрешите свои сомнения? Мелуон, не хотите проверить? Эти маленькие веретенца в середине препарата — бациллярии, они в счет не идут, так как их правильной относить не к животному миру, а к растительному. Но в правом углу вы увидите самую несомненную амebu — вот она лениво двигается по полю. Верхний винт — для точной установки по вашему глазу. Поглядите же сами!

Саммерли посмотрел и согласился. Потом и я заглянул в микроскоп и увидел крошечное создание, осколком матового стекла медлительно плававшее по освещенному кругу. Лорд Джон предпочел поверить на слово.

— Что мне до того, жива она или мертва? — сказал он. — Мы даже не знаем друг друга в лицо, зачем же я буду принимать к сердцу ее судьбу? Не думаю, чтобы амeba сколько-нибудь беспокоилась о нашем с вами здоровье.

Я рассмеялся при этих словах, а Челленджер навел на меня свой самый холодный и надменный взгляд. Под таким взглядом можно было окаменеть.

— Ветреность недоучки вредит науке больше, чем тугопость невежды! Если бы лорд Джон Рокстон соизволил...

— Дорогой Джордж, оставь свою язвительность, — вмешалась его жена, проведя рукой по черной гриве, свесившейся над микроскопом. — Какое это имеет значение, жива амeba или нет?

— Огромное значение, — угрюмо проговорил Челленджер.

— Хорошо, послушаем,— благодушно улыбнулся лорд Джон.— Эта тема для разговора не хуже всякой другой. Если вы находите, что я был с вашей амебой слишком развязен или как-либо задел ее самолюбие, я готов перед ней извиниться.

— Я, со своей стороны,— начал Саммерли скрипучим голосом резонера,— не вижу, почему вы придаете такое значение тому обстоятельству, что амеба жива. Она дышит в той же атмосфере, что и мы, и яд, естественно, не действует на нее. За пределами нашей комнаты она, наверно, умерла бы, как все прочие животные организмы.

— Ваше замечание, мой милый Саммерли,— ответил Челленджер с невообразимой снисходительностью (ах, если бы я мог зарисовать это самоуверенное, надменное лицо с прыгающим по нему ярким зайчиком света от зеркальца микроскопа!),— ваше замечание показывает, что вы не способны правильно оценить положение. Эта особь взята вчера и герметически закупорена. Наш кислород до нее не доходит. А вот эфир, конечно, проникает к ней, как он проникает всюду, по всей вселенной. И все-таки она не умерла от яда. Следовательно, мы вправе заключить, что и другие амебы за пределами этой комнаты, не погибли во всемирной катастрофе, как вы ошибочно предполагаете, а остались живы.

— Хорошо, но я и теперь не склонен кричать «гип-гип ура»,— заявил лорд Джон.— Какая нам разница?

— Разница та, что Земля жива, а не мертва. Если бы вы обладали научным воображением, вы могли бы перенестись мысленно вперед, и, исходя из этого единственного факта, вы на расстоянии двух-трех миллионов лет (а что они? Лишь мимолетный миг в бесконечном течении веков!) увидели бы целый мир, кишаший вновь животной и человеческой жизнью, возникшей из этого слабенького корня. Вам, верно, случалось видеть степные пожары, когда пламя сметает всякий след травы и других растений с поверхности земли, оставляя лишь бурую пустошь? Вы могли бы подумать, что она так навсегда и останется пустыней. Но корни растений уцелели, и, когда через несколько лет вы придете на место пожара, вы уже не различите, где была бурая плешина. В этом микроскопическом существе заключены корни будущего животного мира, и со временем развитие неследственных свойств, эволюция, несомненно, загладит всякий след небывалого кризиса, который постиг нас сегодня.

— Чертовски занятно! — сказал лорд Джон и неторопливо подошел заглянуть в микроскоп. — Здравствуй, приятель! Ты будешь висеть номером первым в ряду фамильных портретов. Смотри ты, какая шикарная запонка у тебя на груди!

— Темное пятнышко — это клеточное ядро, — сказал Челленджер с видом няньки, показывающей буквы ребенку.

— Значит, мы можем не чувствовать себя одинокими, — рассмеялся лорд Джон. — На земле живет, кроме нас, кое-кто еще!

— Вы как будто считаете бесспорным, Челленджер, — заговорил Саммерли, — что мир создан ради одной лишь цели — производить и поддерживать человеческую жизнь.

— А вы, сэр, можете указать какую-нибудь другую цель его создания? — ошетинился Челленджер при первом же намеке на противоречие.

— Иногда я думаю, что только по своему чудовищному самонению человечество воображает, будто мироздание — всего лишь подмости, воздвигнутые для его спеси.

— Я не собираюсь возводить это в догму, но, даже не обладая тем, что вы изволили назвать чудовищным самонением, мы смело можем считать себя высшим творением природы.

— Высшим среди того, что нами познано.

— Это, сэр, разумеется без слов. Подумайте, миллионы или даже миллиарды лет Земля вертелась пустая или если не пустая, то все же без признаков человека, без намека на возможность его появления. Неисчислимые века ее омывали дожди, палило солнце, оведали ветры. По геологическому летоисчислению человек явился из небытия только вчера. Так можно ли принимать как несомненное, что вся грандиозная подготовительная работа была произведена ради него?

— А ради кого же? Или ради чего?

Саммерли пожал плечами.

— Кто знает? У природы могут быть цели, непостижимые для нас... А человек, вероятно, простая случайность, побочный продукт общего процесса. Все равно, как если бы пена на поверхности океана вообразила, будто океан сотворен ради того, чтобы ее производить и поддерживать, или если бы церковная мышь возомнила, что здание собора — ее родовой замок.

Я скрупулезно, слово в слово записал их доводы. Но вскоре спор выродился в шумную перепалку, причем с обеих

сторон посыпались двадцатисложные термины научного жаргона. Несомненно, завидная честь — слушать, как два первоклассных ума обсуждают самые высокие вопросы: но, так как они пребывают всегда в непримиримом разногласии, простые люди, вроде меня и лорда Джона, не могут вынести из подобных споров ничего положительного: доводы нейтрализуют друг друга, и мы остаемся ни с чем. Наконец гудение голосов умолкло, и Саммерли съехался в своем кресле, тогда как Челленджер, все еще покручивая винты микроскопа, продолжал глухо, нечленораздельно ворчать, как море после бури. Лорд Джон подходит ко мне, и мы вместе смотрим в ночь.

Светит бледный молодой месяц — последний месяц, на котором еще остановится глаз человеческий, и ярко горят звезды. Даже над нагорьем Южной Америки, где воздух так прозрачен, я не видел более ярких звезд. Возможно, изменения в эфире оказывают какое-то действие на свет. Погребальный костер в Брайтоне еще пылает, а на западном склоне неба показалось очень далекое алое пятно, которое может указывать на бедствие в Эранделе, Чичестере или даже в Портсмуте. Я сижу в раздумье, время от времени кое-что записываю. В воздухе разлита нежная печаль. Юность, красота, рыцарство, любовь — неужели всему конец? В звездном свете Земля рисуется страной тихого покоя, какая только может присниться во сне. Кто вообразил бы, что она — страшная Голгофа, усеянная трупами вымершего человечества? Я вдруг услышал собственный смех.

— Ого, молодой человек! — лорд Джон с изумлением уставился на меня. — Мы еще, оказывается, можем потешаться в этот грозный час? Что вы нашли смешного?

— Я думал о всех великих неразрешенных вопросах, — ответил я. — О вопросах, которые стоили стольких забот и трудов. Взять, к примеру, англо-германское соперничество или спор о Персидском заливе — конек моего шефа. Кто угадал бы, когда мы, бывало, курили и жарко спорили в редакции, как на самом деле разрешатся все эти «больные вопросы»!

И опять молчание. Наверно, все мы думаем о друзьях, которых больше нет. Миссис Челленджер тихо плачет, а муж что-то шепчет ей в утешение. Мне вспоминаются самые несхожие люди, и каждого я вижу белым и неподвижным, как

бедный Остин во дворе. Вот, например, Мак-Арл. Я знаю в точности, где он сейчас: голова упала на письменный стол, рука застыла на телефонном аппарате — я ведь слышал сам, как он упал. Или Бомонт, наш главный редактор, — думаю, он лежит на красно-синем турецком ковре, украшающем его кабинет. А мои товарищи репортеры — Макдона, Марри, Бонд? Они, несомненно, умерли в пылу работы, заполнив свои блокноты записями живых впечатлений и необычайных происшествий. Я легко представляю себе, как их откомандировали — одного к знаменитым врачам, другого — в Вестминстерское аббатство, а третьего — в собор св. Павла. Какие блистательные заголовки вставляли перед ними последним видением, которому — увы! — не суждено воплотиться в типографской краске. Я вижу Макдона среди врачей. «Надежда не напрасна». Мак всегда питал слабость к аллитерациям! «Интервью с Соли Уилсоном»... «Знаменитый терапевт говорит: отчаиваться рано»... «Наш специальный корреспондент нашел выдающегося ученого на крыше, куда он залез, спасаясь от толпы перепуганных пациентов, осадивших его квартиру. Не отрицая чрезвычайной серьезности положения, прославленный врач однако, не допускает мысли, что всякое подобие надежды исключено». Так начал бы Мак. А Бонд? Он, вероятно, избрал бы собор св. Павла. Он верит в свой литературный талант. А ведь, правда, какая благодарная тема для него: «Я поднялся на хоры под самый купол и взираю с высоты на жалкий муравейник отчаявшихся людей, в эту последнюю минуту пресмыкающихся перед тою силой, которую они так упорно не желали признавать. И вот из смятенной толпы доносится до моих ушей такой жалкий стон мольбы и ужаса, такой потрясающий вопль о помощи, обращенный к неведомому...» И т.д. и т.д.

Да, для репортера это славная смерть, хотя бы он, подобно мне, должен был умереть, так и не использовав свое сокровище. Чего бы не отдал бедняга Бонд, чтоб увидеть свои инициалы под таким столбцом!

Ну и вздор я написал! Но это просто попытка как-нибудь заполнить томительные минуты. Миссис Челленджер ушла в заднюю комнату, и профессор сказал, что она спит. Он сидит за круглым столом и, заглядывая в справочники, ведет запись так спокойно, как будто его ждут впереди долгие годы мирного труда. Пишет он, шумно скрипя своим стило, и кажется,

что оно взвизгивает, высмеивая тех, кто не согласен с автором.

Саммерли заснул, и время от времени из его кресла доносится удивительно назойливый храп. Лорд Джон откинулся на спину, засунув руки в карманы и закрыв глаза. Просто непостижимо, как могут люди спать при таких обстоятельствах?!

Половина четвертого пополуночи. Я только что проснулся в испуге. Было пять минут двенадцатого, когда я написал последние слова. Я помню, как завел тогда часы и отметил время. Значит, я истратил зря чуть не пять часов из короткого оставшегося нам срока. Кто поверил бы! Зато я чувствую себя куда бодрей. Я готов принять свою судьбу... или убеждаю себя, что готов. А все-таки чем крепче человек, чем выше в нем прилив жизни, тем страшней для него смерть. Как же мудра и милостлива предусмотрительная природа, если обычно она понемногу, исподволь ослабляет якорь земной жизни человека, пока его помыслы не обратятся от земной неверной гавани к великому морю вечности!

Миссис Челленджер все еще не выходила из-за портьера. Челленджер уснул в кресле. Что за картина! Богатырский торс откинулся назад, большие волосатые руки переплелись на жилете, а голова так запрокинута, что я ничего не вижу над его воротником, кроме всклокоченной пышной бороды. Он вздрагивает от раскатов собственного храпа. Саммерли нет-нет, а вплетает свой жиденький тенор в полногласный бас Челленджера. Лорд Джон тоже спит, его длинное туловище, перегнувшись пополам, свесилось в плетеном кресле набок. Первый холодный свет зари прокрадывается в комнату, и все предметы в нем серы и унылы.

Я смотрю в окно на рассвет — на роковой рассвет, который засияет над необитаемой землей. Род человеческий сгинул, истребленный за одни сутки, но планеты вершат свое кружение, наступают чередой приливы и отливы. ропщет ветер, и вся природа живет, как жила, — вплоть, оказывается, до амебы, — и нигде ни признака, что тот, кто возомнил себя властелином мира, когда-либо украшал или пятнал своим присутствием вселенную. Внизу, во дворе, лежит, раскинув руки, Остин; тускло белесет его лицо в свете зари, и сопло шланга еще торчит из мертвого кулака. Весь род челове-

ский олицетворяет эта и смешная и трагическая фигура шофера, так беспомощно лежащая возле машины, которой он привык управлять.

Здесь кончаются заметки, сделанные мною в ту ночь. Дальше события развивались так быстро и властно, что записывать я не мог; но они до последней подробности врезались мне в память.

У меня вдруг перехватило дыхание, я поглядел на кислородные баллоны и содрогнулся перед тем, что увидел. Срок нашей жизни истекал. Среди ночи, пока мы спали, третий баллон иссяк, и Челленджер пустил в ход четвертый. Сейчас было очевидно, что и этот на исходе. Мерзкое удушье сильнее сдавило мне горло. Я бросился к стене и, отвинтив регулятор, приладил его к нашему последнему баллону. Я делал это вопреки укорам совести, — ведь останься я сидеть сложа руки, мои товарищи могли бы мирно отойти во сне! Женский голос из-за портьеры отогнал эту мысль.

— Джордж, Джордж, я задыхаюсь!

— Все в порядке, миссис Челленджер, — отозвался я, а тут и остальные вскочили на ноги. — Я уже пустил газ из нового баллона.

Даже в такую трагическую минуту я не мог удержаться от улыбки, когда увидел, как Челленджер огромными волосатыми кулаками протирает глаза, точно большой бородатый младенец со сна. Саммерли, поняв положение вещей, затрясся мелкой лихорадочной дрожью: на одну минуту простой человеческий страх одержал верх над стоицизмом ученого. Лорд Джон, напротив, был так спокоен и бодр, как будто собирался на охоту.

— Пятый и последний, — сказал он, взглянув на баллон. — Но что это вы, молодой человек, сидели всю ночь с блокнотом на коленке — неужели записывали впечатления?

— Да, набросал кое-какие заметки, чтобы протянуть время.

— Ну и ну! Наверно, только ирландец способен на такую штуку. Боюсь, вам придется ждать читателя, пока не подрастет сестрица амеба. Сейчас она едва ли хоть сколько-нибудь смыслит в литературе. Ну, герр профессор, какой ваш прогноз?

Челленджер всматривался в космы густого утреннего тумана, затопившего поля. Здесь и там лесистые холмы коническими островами поднимались из седого моря.

— Земля словно в саване, — сказала миссис Челленджер, выйдя к нам в утреннем халате. — Как там, Джордж, поется в твоей любимой песне? «Старому — звон похоронный, благовест — новому дню!»... Точно пророчество. Но вы продрогли, мои дорогие друзья. Мне было тепло под одеялом, а вы, бедные, мерзли в креслах всю ночь! Ничего, сейчас вы у меня согреетесь.

Храбрая маленькая женщина скрылась за портьерой, и вскоре мы услышали посвистывание котелка. Она вернулась, неся на подносе пять дымящихся чашек какао.

— Пейте, — сказала она, — вам сразу станет лучше.

Мы и в самом деле приободрились. Саммерли спросил разрешение, и все закурили — он свою трубку, мы трое папиросы. Курение, я думаю, укрепило наши нервы, но мы совершили страшную ошибку, так как в комнате от табака стало нестерпимо душно. Челленджеру пришлось открыть вентилятор.

— На сколько хватит, Челленджер? — спросил лорд Джон.

Тот пожал плечами:

— Часа на три.

— Мне сперва было страшно, — сказала его жена. — Но чем ближе я подхожу к концу, тем легче он мне кажется. Не помолиться ли нам, Джордж?

— Молись, моя родная, если ты так хочешь, — ласково ответил ей богатырь. — Каждый из нас молится на свой лад. Примиренное принятие всего, что ни пошлет судьба, принятие полное и веселое — вот моя молитва. Высшая вера и высшая наука в этом для меня как бы сливаются воедино.

— Я погрешил бы против истины, если бы назвал свое душевное состояние примиренностью, да еще веселой, — проворчал Саммерли в чубук. — Меня принуждают, и я покоряюсь. Но, признаться, я охотно пожил бы еще годик-другой, чтобы закончить мою классификацию ископаемых мелового периода.

— Ваша незаконченная работа, — кичливо сказал Челленджер, — пустяк по сравнению с тем, что мой собственный капитальный труд «Лестница жизни» так и не продвинулся дальше первой ступени. Мой ум, моя начитанность,

мой опыт — словом, вся неповторимая совокупность качеств — были бы вложены в эту книгу, которая должна была составить эпоху в науке. И все-таки говорю вам: я приемлю судьбу!

— Думаю, у нас у всех что-нибудь осталось не доделано, — сказал лорд Джон. — Что у вас, например, молодой человек?

— Я работал над книгой стихов.

— Ну, теперь мир от нее избавлен, — вздохнул лорд Джон. — Покопаться, так всегда найдешь, что нет худа без добра.

— А у вас? — спросил я.

— Получилось так, что я как раз привел в порядок свои дела и готов ко всему. Вот только я обещал Мэривелу поехать с ним весной в Тибет на барса. Но за вас особенно обидно, миссис Челленджер: вы едва успели устроиться в этом уютном доме!...

— Где Джордж, там и дом мой. Но чего бы я не дала, чтобы еще раз погулять вдвоем по этим милым холмам, подышать свежим утренним воздухом!

Ее слова задели нас за живое. Солнце пробилось сквозь сизую завесу тумана и залило золотым своим светом всю ширь Уилда: а мы сидели взаперти, в сумрачной, ядовитой атмосфере, и восхитительный вид за окном, этот чистый, овеванный ветром деревенский простор, был для нас как воплощенная мечта о красоте. Миссис Челленджер в тоске протянула руки к холмам. Мы сдвинули кресла и сели полукругом у самого окна. Стало очень душно. Мне казалось, тени смерти надвигаются на нас — последних в роде человеческого. Как будто невидимый занавес опускался со всех сторон.

— Этого баллона хватит ненадолго, — сказал лорд Джон и жадно глотнул воздух.

— Количество газа в данном объеме есть величина переменная, — пояснил Челленджер. — Она зависит от того, под каким давлением его вводили в сосуд и насколько тщательно соблюдалось при этом осторожность. Я склонен согласиться с вами, Рокстон, что баллон с изъяном.

— Выходит, у нас украли последний час нашей жизни! — со злостью сказал Саммерли. — Это превосходно рисует нас иапоследок, в какой мы жили подлый и корыстный век. Что ж, Челленджер, если вы наметили изу-

чить субъективные явления физического распада — пора приступать.

— Садись на скамеечку у моих ног и дай мне руку, — сказал Челленджер жене. — Думаю, друзья, едва ли стоит медлить дольше в этой нестерпимой духоте. Ведь ты не хочешь, дорогая, правда?

Жена тихо застонала и уткнулась лицом в его колени.

— Я не раз смотрел, как люди зимой купаются в Серпентайне¹, — сказал лорд Джон. — Когда почти все вошли в воду, двое-трое еще дрожат на берегу и завидуют тем, кто посмелей и уже окунулся. Хуже всех последнему. Я за то, чтобы сразу в воду с головой — и конец!

— Что же, по-вашему? Отворить окно — и пусть эфир делает свое дело?

— Лучше яд, чем удушье.

Саммерли, неохотно соглашаясь, кивнул головой и протянул Челленджеру худую руку.

— Мы в свое время часто ссорились, но теперь это все позади, — сказал он. — В глубине души мы всегда были добрые друзья и уважали друг друга. Прощайте.

— Прощайте, мой мальчик! — сказал мне лорд Джон. — Окно запечатано. Вам его так не открыть.

Челленджер наклонился, поднял жену и прижал ее к груди, а жена обвила руками его шею.

— Дайте мне этот полевой бинокль, Мелоун, — сказал он спокойно.

Я подал.

— В руки той силы, что создала нас, предаемся вновь! — прогремел его голос, и с этими словами он бросил бинокль в окно.

Еще не отзвучал звон последних осколков, как благодатный ветер обдал наши пылающие лица сильным и сладким дыханием.

Не знаю, как долго мы сидели в изумленном молчании. Потом, как сквозь сон, я вновь услышал голос Челленджера.

— Мы вернулись к нормальным условиям! — вскричал он. — Земля пронеслась сквозь отравленный пояс, но из всего человечества спаслись мы одни.

¹ Цепь прудов в Лондоне, в Гайд-парке.

Глава V

МЕРТВЫЙ МИР

Помню, мы все сидели в креслах и жадно глотали свежесть и влагу, которые нес нам с моря юго-западный ветер, взвывая шелковые занавески и охлаждая наши горящие лица. Сколько времени мы так просидели? Впоследствии мы никак не могли согласно ответить на этот вопрос. Мы были ошеломлены, оглушены, чуть не без чувств. Перед тем мы собрали все свое мужество, чтобы встретить смерть, но этот новый поворот, страшный и неожиданный — то, что мы остались одни на земле, пережив весь род человеческий, — нанес нам тяжелый, телесно ощутимый удар и оставил нас в оцепенении. Потом приостановленная машина снова понемногу начала работать, засновал челнок памяти, мысли в мозгу стали сплетаться в ткань. С живой, беспощадной ясностью мы увидели соотношение прошлого, настоящего и будущего — ту жизнь, которой мы жили раньше, и ту, что нам предстояла теперь. В безмолвном ужасе смотрели мы друг на друга и читали в ответном взгляде товарищей тот же ужас. Вместо радости, какую, казалось бы, должны были испытывать люди, только что избежавшие неминуемой смерти, нас захлестнуло волной черное уныние. Все, что мы любили на земле, смыто в бесконечный неведомый океан, и мы высажены одни на необитаемый остров, без товарищей, без ожиданий, без надежд. Несколько лет будем рыскать, как шакалы, между могилами вымершего человечества, а потом придет и наш запоздалый и одинокий конец.

— Это ужасно, Джордж, ужасно! — простонала женщина, захлебываясь от рыданий. — Ах, если бы мы погибли с другими! Зачем ты спас нас? У меня такое чувство, точно мы мертвы, а все остальные живы.

Густые брови Челленджера насупились в сосредоточенной думе, между тем как его большая волосатая лапа сжала протянутую к нему руку жены. Я заметил, что в беде жена всегда вот так тянулась к нему руками, точно ребенок к матери.

— Я не настолько фаталист, чтобы проповедовать непротавление, — сказал он, — но тем не менее я всегда считал, что высшая мудрость — в примирении с действительностью. —

Он говорил медленно, и его полновзвучный голос дрожал, проникнутый глубоким чувством.

— А я не согласен примириться, — твердо сказал Саммерли.

— А по-моему, ваше согласие или несогласие не стоят и выеденного яйца, — заметил лорд Джон. — Вы просто вынуждены принять судьбу, а как вы примете ее — готовясь к бою или упав на колени, — не все ли равно? Насколько я помню, никто не спрашивал нашего разрешения, когда началась эта штука, и, никто, похоже, не спросит и теперь. Так что какая разница, что мы думаем на этот счет?

— Разница та же, как между счастьем и горем, — сказал Челленджер, глядя на нас отсутствующим взглядом и все еще поглаживая руку жены. — Вы можете плыть по течению, сохраняя душевный мир, и можете ринуться против него и бороться до изнеможения. Не в наших силах что-нибудь изменить, а потому примем все так, как оно есть, и не будем роптать.

— Но что мы теперь станем делать? Для чего будем жить? — бросил я в отчаянии в пустое синее небо. — Что, например, буду делать я? Не стало газет — значит, конец моему призванию.

— Не на кого охотится, не с кем воевать, так что и для меня все кончено, — сказал лорд Джон.

— Не стало студентов — значит, кончено и для меня, — прохрипел Саммерли.

— Но у меня остался муж, остался дом — значит, я могу благодарить небо, для меня не все еще кончено, — сказала женщина.

— Не кончено и для меня, — заметил Челленджер, — потому что наука не умерла, и катастрофа сама по себе предлагает нам для исследования множество захватывающих проблем.

Он успел распахнуть окна, и мы, не отрывая глаз, глядели на безмолвный и неподвижный ландшафт.

— Дайте сообразить... — продолжал он. — Было часа три, начало четвертого, когда Земля вчера днем окончательно вошла в отравленную зону — настолько, что вся погрузилась в яд. Сейчас девять утра. Спрашивается, в котором часу мы вышли из пояса яда?

— На рассвете воздух был очень тяжел, — сказал я.

— Да и позже,— сказала миссис Челенджер.— Я еще в восемь часов ясно ощущала, что у меня спирает дыхание, как это было в самом начале.

— Значит, будем считать, что из отравленного пояса мы вышли в начале девятого. Земля семнадцать часов была погружена в ядовитый эфир. За это время великий садовник очистил свои плоды от человеческой плесени, разросшейся на их поверхности. Возможно ли, что он не довел свою работу до конца — что выжили и другие, кроме нас?

— Я задавал себе тот же вопрос,— сказал лорд Джон.— Может, найдутся на берегу и другие гальки, как мы, не смытые прибоем.

— Совершенно немыслимо, чтобы кто-либо мог выжить, кроме нас! — убежденно сказал Саммерли.— Учтите, яд был так зловреден, что даже человек, который силен, как бык, и не знает, что такое нервы,— такой человек, как наш Мелуун,— еле-еле поднялся по лестнице и тут же упал без чувств. Как можно думать после этого, чтобы кто-либо выжил хоть семнадцать минут, не то что семнадцать часов?

— А если кто-нибудь еще предвидел катастрофу и приготовился к ней так же, как наш друг Челленджер?

— Это едва ли возможно! — Челленджер задрал бороду и сощурил глаза.— Сочетание наблюдательности, логики и богатого воображения — всего, что мне позволило предвосхитить опасность,— вряд ли может встретиться дважды в одном поколении.

— Итак, ваш вывод, что все безусловно мертвы?

— Это почти несомненно. Однако не следует забывать, что действие яда начало сказываться сперва в низинах, потом выше и выше, так что в верхних слоях атмосферы оно могло быть и не столь смертоносным. Странно, почему это так, но здесь мы наталкиваемся на одну из тех задач, которые в будущем откроют перед нами соблазнительное поле для исследований. Итак, легко себе представить, что если кто захочет искать людей, оставшихся в живых, ему придется обратить свой взор к какому-нибудь тибетскому селению или альпийской ферме на высоте многих тысяч футов над уровнем моря.

— А так как нет ни железных дорог, ни пароходов, можно с тем же успехом искать людей на Луне,— сказал лорд Джон.— Я спрошу другое: игра сыграна или это только перерыв?

Саммерли вытянул шею, чтоб оглядеть горизонт.

— Небо как будто ясное и чистое, — сказал он нерешительно. — Но так же было и вчера. Я далеко не уверен, что опасность миновала.

Челленджер пожал плечами.

— Мы снова должны положиться на судьбу, — сказал он. — Если мир когда-либо переживал подобное — а такая возможность отнюдь не исключена, то это было, несомненно, в весьма отдаленные времена. Мы с полным основанием можем надеяться, что если катастрофа и повторится, то очень не скоро.

— Так-то оно так, — сказал лорд Джон. — Но, когда вас застигнет землетрясение, вы почти наверное можете сразу за первым толчком ждать второго. Я предлагаю размять ноги и пойти подышать свежим воздухом, покуда можно. Наш кислород иссяк, так что все равно, где нас застигнет, на воле или в четырех стенах.

Но после наших волнений, пережитых за последние сутки, нами овладела полная апатия. Реакция была и нравственная и физическая, в глубине сознания угнездилося чувство безразличия ко всему, ничто, казалось, не стоило труда. Даже Челленджер поддался этой апатии и сидел в кресле, подперев голову обеими руками и унесшись мыслями вдаль, пока лорд Джон и я, подхватив с двух сторон под мышки, не подняли его на ноги дружным усилием, и наградой нам был свирепый взгляд цепного пса и грозное рычание. Однако раз уж мы так или иначе вышли из нашей тесной гавани и могли дышать более вольным воздухом повседневной жизни, к нам мало-помалу вернулась обычная наша энергия.

Но за какое дело могли мы взяться на этом всесветном кладбище? Испокон всков вставал ли когда перед человеком подобный вопрос? Правда, в смысле наших телесных потребностей — даже в предметах роскоши — мы были обеспечены на будущее. Все запасы пищи, все винные склады, все сокровища искусства были наши — только бери! Но что нам было делать? Сперва мы обратились к той незначительной работе, что была тут же под рукой: сошли в кухню и уложили двух служанок, каждую на ее кровать. Они скончались, по-видимому, без страданий — одна в кресле у печки, другая на полу подле мойки. Потом мы внесли в дом бедного Остина. В смертном оцепенении ему

свело мускулы, и они одеревенели, меж тем как судорога искривила его рот в горькую усмешку. Эта особенность наблюдалась у всех, кто умер от яда. Куда ни погляди, везде мы встречали те же ослабленные лица, они как будто глумились над нами в нашем отчаянии, улыбаясь молчаливо и угрюмо в лицо злополучным счастливым, пережившим весь человеческий род.

— Вы как хотите, — сказал лорд Джон, беспокойно шагавший взад и вперед по столовой, пока мы завтракали, — а я просто не могу сидеть здесь, ничего не делая!

— Может быть, вы будете любезны высказать, — ответил Челленджер, — что, по-вашему, мы должны предпринять?

— Прежде всего сняться с места и посмотреть, что произошло.

— Я предложил бы то же самое.

— Но не в этой деревушке. Все, что тут есть поучительного, мы можем увидеть в окно.

— Куда же мы двинем?

— В Лондон!

— Хорошо вам рассуждать, — заворчал Саммерли. — Может быть, вам обоим нипочем отшагать сорок миль, но Челленджеру едва ли дойти до места на своих колодах, а я-то не дойду наверняка!

Челленджер вломился в амбицию.

— Если бы, сэр, изошряясь в остроумии, вы занялись обсуждением вашего собственного телесного склада, перед вами открылось бы достаточно широкое поле для дискуссий, — раскипятился он.

— Я вовсе не хотел вас обидеть, милый Челленджер, — ответил наш неосторожный друг. — Человек не отвечает за свое сложение. Если природа дала вам короткое и тяжелое туловище, то вы не виноваты, что у вас ноги как колоды.

Челленджер от ярости даже не мог отвечать. Он только ошетинился весь, моргал глазами и рычал. Лорд Джон поспешил вмешаться, пока спор не разгорелся еще сильнее.

— Кто говорит о ходьбе? Нам незачем идти пешком, — сказал он.

— Уж не предложите ли ехать поездом! — прошипел Челленджер, все еще не успокоившись.

— А почему нам не поехать в автомобиле? Чем плохо?

Челленджер задумчиво дергал свою бороду.

— Я по этой части не знаток,— сказал он.— Но, с другой стороны, вы совершенно правы, полагая, что человеческий интеллект в своем наивысшем проявлении окажется достаточно гибок, примененный к любому делу. Вы напали на превосходную мысль, лорд Джон. Я сам повезу вас в Лондон.

— Вы ничего подобного не сделаете,— решительно заявил Саммерли.

— Нет, конечно, не надо Джордж! — вмешалась и жена.— Ты только раз попробовал и помнишь, как ты разнес ворота гаража?

— Это произошло от минутной рассеянности,— примирительно сказал Челленджер.— Решено! Я везу вас всех в Лондон.

Лорд Джон еще раз спас положение.

— Какая у вас машина?

— «Хамбер». Двадцать лошадиных сил.

— Да я же водил такую много лет! — сказал лорд Джон и, помолчав, добавил: — Черт возьми! Вот уж не думал я дожить до того, что повезу в автомобиле сразу весь род людской. Помнится, там как раз пять мест. Собирайте вещи, я подам машину ровно в десять.

Точно в назначенный час машина, кряхтя и фырча, подкатила к подъезду с лордом Джоном у руля. Я занял место рядом с ним, а на заднем сиденье миссис Челленджер втиснулась маленьким, но необходимым буфером между двумя гневливыми профессорами. Затем лорд Джон отдал тормоза, быстро перевел рычаг с первой скорости на третью, и мы пустились в самую странную поездку, в какую только случалось пускаться людям, с тех пор как человек впервые появился на Земле.

Вообразите сами всю прелесть природы в тот августовский день: свежий утренний воздух, золотое сияние летнего солнца, безоблачное небо, буйную зелень суссекских лесов и темный пурпур одетых вереском холмов. Поглядев вокруг на эту многоцветную красоту, вы бы и думать забыли о небывалой катастрофе, когда бы не один зловещий признак: торжественное всеобъемлющее безмолвие. Деревенскую местность с густым населением всегда наполняет милый гомон жизни, такой гулкий и такой постоянный, что его перестаешь замечать, как не чувствует приморский житель постоянного ропота волн. Щебет птиц, жужжание насекомых, глухое эхо голосов, мычание коров, собачий лай

вдали, и грохот поездов, и стук колес на проселках — все это сливается в густой, немолчный шум, который ухо, не слушая, слышит. Нам его теперь не доставало. Мертвое безмолвие страшило нас. Оно было так торжественно, так властно, что шум нашей машины казался незаконным вторжением, непристойным невниманием к уважительной тишине, которая легла покровом на руины мира человеческого. Это молчание да клубы дыма, высоко подымавшегося здесь и там над догоравшими домами, вселяли холод в наши сердца, когда мы обводили взглядом великолепную панораму Уилда.

И потом — мертвецы! Сперва мы в трепете отшатывались при виде все новых и новых вытянутых и ослабленных лиц. Так было живо впечатление и так врезалось в мозг, что сейчас я точно заново совершаю этот медленный спуск с холма к станции — проезжаю мимо няньки с двумя детьми, вижу старую лошадь, упавшую на колени между оглобелей, вижу перегнувшегося с козел возчика и молодого человека в колымаге, который схватился рукой за открытую дверцу да так и застыл, не успев соскочить. Дальше лежали вповалку шесть жнецов. Их руки и ноги раскинуты как попало, мертвые глаза недвижно смотрят ввысь, в пылающую синеву. Эти подробности я вижу, как на фотографии. Но вскоре по милостивой предусмотрительности природы нервы, слишком возбужденные, перестали реагировать. Сама чрезмерность кошмара притупляла его воздействие на человека. Отдельные лица тонули в группах, группы — в толпах, толпы — во всеобщем явлении, которое вскоре стало восприниматься как неременная подробность каждого пейзажа. Только временами какая-нибудь особенно жестокая или причудливая сцена вдруг привлекала внимание и резким толчком возвращала мысль к жизненному, человеческому значению этих картин.

Тяжелее всего поражала судьба детей. Помню, она наполняла нас нестерпимым чувством несправедливости. Мы едва не плакали, — а миссис Челленджер и впрямь заплакала, — когда проезжали мимо большой приходской школы и увидели длинную вереницу детских трупиков вдоль ведущей от нее дороги. Перепуганные учителя распустили классы, и дети спешили домой, когда яд уловил их в свою сеть. Много людей было видно у открытых окон домов. В Танбридж-Уэлсе, кажется, не было ни одного окна, из ко-

того не глядело бы лицо, застывшее в улыбке. В последнее мгновение жажда воздуха — та самая тяга к кислороду, которую мы одни смогли удовлетворить, — бросала несчастных к окну. Тротуары были тоже выстланы телами простоволосых женщин и мужчин, которые, не думая о шапках и шляпках, опрометью выбегали на улицу. Многие упали на мостовой. На наше счастье, лорд Джон оказался искусным шофером: выбирать дорогу было не так-то легко. Через деревни и города приходилось пробираться самым тихим ходом, а однажды, помню, против школы в Тонбридже мы сделали остановку, чтобы оттащить в сторону тела, совсем загородившие проезд.

В памяти моей сохранилось лишь немного отдельных картин из этой длинной панорамы смерти, развернувшейся вдоль шоссе дорог Суссекса и Кента. Мне среди прочего запомнился большой сверкающий автомобиль у подъезда деревенской гостиницы в Саутборо. Он, вероятно, вез компанию, возвращавшуюся из увеселительной поездки к морю — в Брайтон или Истборн. Это были три нарядные дамы, все три молодые и красивые, одна с китайской собачкой на коленях. При них — фатоватый пожилой господин и юный аристократ с моноклем в глазу и с прогоревшей до мундштука папиросой между пальцев затянутой в перчатку руки. Смерть, видно, захватила их мгновенно, сковав в той позе, как они сидели. Если бы старый волокита в последний миг, задыхаясь, не сорвал с себя воротничок, можно было бы подумать, что все они уснули. Возле автомобиля по одну сторону, у самой подножки, прикорнул слуга, а вокруг валялись рядом с подносом осколки стаканов. По другую сторону лежали двое оборванцев — мужчина и женщина: мужчина упал, протянув вперед длинную, тощую руку — как он всю жизнь протягивал ее за милостыней. Одно мгновение сравнило аристократа, слугу, нищего и собаку, превратив их всех в косную, разлагающуюся протоплазму.

Запомнилась еще одна поразительная картина. В нескольких милях от Севенокса — как едешь к Лондону, то с левой стороны — высится на придорожном холме большой женский монастырь, а прямо от него спускается пологий зеленый склон. На этом склоне собралось много школьников, и все они, мальчики и девочки, стояли на коленях, приготовясь к молитве. Перед ними, заключив их в кольцо, лежали монахини, а выше по склону, к ним лицом, — оди-

нокая фигура, должно быть настоятельница монастыря. В отличие от искателей развлечений в том роскошном автомобиле эти люди были, как видно, предупреждены о надвигавшейся опасности и умерли достойно, учителя с учениками вместе, собравшись на этот последний единый для всех урок.

У меня и сейчас кровь леденеет от ужаса, и тщетно ищу я слов, чтобы передать наши чувства. Может быть, самое правильное — оставить такие попытки и ограничиться сухим изложением фактов. Даже Саммерли и Челленджер были подавлены, и за спиной мы не слышали ничего, кроме прорывавшегося вдруг тихого плача женщины. Лорд Джон был так поглощен своей трудной задачей — вести машину да еще выбирать дорогу, что на разговоры у него не оставалось ни времени, ни охоты. Он только повторял одну и ту же фразу так неизменно, что она, как заноза, застряла в моей памяти и под конец едва не вызывала у меня смех, до того нелепо звучала она применительно к видению страшного суда:

— Ну и дела! Здорово!

Этимися словами он встречал каждую новую потрясающую картину бедствия и смерти, встававшую перед нами. «Ну и дела! Здорово!» — восклицал он, когда мы совершали спуск от Ротерфилда к станции; и все приговаривал: «Ну и дела! Здорово!», — когда вел машину сквозь дебри смерти по Главной улице Луишема и по старой кентской дороге.

Здесь, в Луишеме, мы неожиданно увидели то, что нас больше всего поразило. В окне бедного угловатого домика развешался белый платок, которым махала чья-то длинная тощая рука. Еще ни разу ни при одной картине внезапной смерти так не замирали наши сердца и не билось потом так бешено, как при этом поразительном признаке жизни. Лорд Джон подвел машину к тротуару, и мгновение спустя мы кинулись в открытую дверь, взбежали по лестнице на третий этаж и влетели в комнату с окном на улицу, откуда был подан сигнал.

В кресле у раскрытого окна сидела очень старая дама, а рядом с нею на втором кресле лежал баллон с кислородом, такой же, как те, что спасли нам жизнь, но только поменьше. Когда мы столпились у входа, дама повернула к нам худое, длинное лицо в роговых очках.

— Я уже боялась, что меня тут оставили одну навсегда,— сказала она.— Я калека, не могу тронуться с места.

— К счастью, сударыня,— ответил Челленджер,— мы случайно проезжали мимо.

— Я должна задать вам один очень важный вопрос,— сказала старуха.— Умоляю вас, джентльмены, скажите мне откровенно: как эти события отразятся на акциях Северо-Западной железной дороги?

Мы бы рассмеялись ей в лицо, если бы она не глядела на нас с таким трагическим нетерпением, ожидая ответа. Миссис Бертон (так звали старуху) была вдова. Ее небольшое состояние было помещено в эти акции, уклад ее жизни зависел от подъема и снижения дивидендов, и все на свете она воспринимала только в связи с тем, как оно отражалось на курсе этих акций. Тщетно старались мы втолковать ей, что теперь все деньги на земле в ее распоряжении — бери сколько хочешь! — но что их не стоит брать. Ее старушечий ум не мог освоиться с этой новой мыслью, и она громко плакала о своем погибшем капитале.

— У меня только и было, что эти акции,— разохалась она.— Если они пропали, то и я теперь пропаду!

Из ее причитаний мы уяснили, каким образом этот хилый, старый росток остался жив, когда пал кругом весь великий лес. Инвалид, она была прикована к креслу да еще и страдала астмой. Кислород был ей прописан по болезни, и к началу катастрофы в комнате у нее оказался баллон. Когда ей стало трудно дышать, она, естественно, схватилась за трубку, как делала это всегда. Привычное средство принесло ей облегчение, и она, экономно расходуя свой запас, кое-как протянула ночь. Утром она заснула и спала, пока ее не разбудил шум нашей машины. Так как взять ее с собой было невозможно, мы снабдили ее необходимыми припасами и пообещали провести ее не позже, как через два дня. Так мы ее и оставили, все еще горько причитавшую о своих обесцененных акциях.

По мере приближения к Темзе заторы на улицах становились все плотнее, препятствия сложнее. С большим трудом мы перебрались через Лондонский мост. Спуск от моста к Мидлсексу был из конца в конец так забит неподвижным транспортом, что продвигаться дальше в этом направлении стало невозможно. У одной из верфей близ моста пылал пароход, и воздух был полон летучей копоти и тя-

желого, едкого запаха гари. Неподалеку от здания Парламента висело облако густого дыма, но где пожар, мы не могли определить.

— Не знаю, как на ваш взгляд,— сказал лорд Джон, остановив машину,— а по-моему, в деревне веселей, чем в городе. Мертвый Лондон действует мне на нервы. Я предлагаю объехать город кругом и вернуться в Роттерфилд.

— Признаться, я не вижу, на что мы здесь можем надеяться,— поддержал профессор Саммерли.

— Тем не менее,— заговорил Челленджер, и его могучий голос странно отдавался среди мертвой тишины,— трудно представить себе, чтобы из семи миллионов населения никто, кроме той старухи, в силу ли каких-то исключительных свойств организма, или по особому роду своих занятий не оказался способен пережить катастрофу.

— Даже если выжили еще и другие, разве есть у нас надежда отыскать их? — вздохнула миссис Челленджер.— И все-таки, Джордж, я согласно с тобой: мы не можем сразу повернуть назад, не сделав даже попытки!

Выйдя из машины и оставив ее у обочины, мы не без труда стали пробираться по запруженному тротуару Кинг-Уильям-стрит и вошли в распахнутую дверь крупной страховой конторы. Дом был угловой, и мы выбрали его, потому что отсюда открывался широкий вид на все четыре стороны. Поднявшись по лестнице, мы пересекли большую комнату — кабинет правления, решил я, так как посреди нее сидели за длинным столом восемь пожилых мужчин. В открытую настежь стеклянную дверь мы вышли все на балкон. Отсюда мы могли видеть расхившиеся радиусами улицы Сити, сплошь устланные трупами, а мостовая под нами из края в край чернела крышами неподвижных такси. Почти все они были повернуты не к центру города, а в обратную сторону,— видно, каждый из этих дельцов, охваченный ужасом, в последнюю минуту напрасно рвался за город к своей семье. Здесь и там среди более скромных машин красовался большой блистающий медью лимузин какого-нибудь финансового магната, беспомощно застрявший в неподвижном потоке транспорта. Прямо под нами стояла одна такая машина, очень большая и очень шикарная. Ее владелец, старый толстяк, наполовину высунулся в окно своим грузным туловищем и оттопырил пухлую, сверкаю-

пую бриллиантами руку, словно потюкая шофера сделать последнее усилие пробиться сквозь затор.

В середине потока высокими островами поднимался десяток автобусов, и пассажиры на империалах лежали где кучей, где накрест один на другом, точно игрушки в детской. Среди улицы, на широком цоколе фонаря стоят дюжий полицмен, и не верилось, что он мертв: так естественно он прислонился спиной к столбу; а у ног его грудой дохмотыся лежал мальчишка-газетчик, и рядом на мостовой — кина газет. Тут же стоял затертый в толпе газетный фургон, и мы могли прочесть на большом плакате черным по желтому: «Скандал на футболе. Матч на первенство по графству сорван.» Это относилось, по-видимому, к ранним выпускам, так как другие плакаты вещали: «Наступил ли конец света? Предупреждение великого ученого». И рядом: «Прав ли Челленджер? Зловещие слухи.»

Челленджер указал жене на этот последний плакат, который вознесся над толпой, как знамя. Выпятив грудь и поглаживая бороду, он читал и перечитывал плакат. Видно, сложному уму ученого льстила мысль, что Лондон умирал, памятуя его слова и с его именем на устах. Эти чувства так откровенно отразились на его лице, что Саммерли не удержался и съязвил:

— Что, Челленджер, в лучах славы до конца?

— Очевидно, так, — миролюбиво ответил Челленджер. — Пожалуй, нам больше незачем оставаться в Лондоне, — добавил он, еще раз окинув взглядом длинные радиусы улиц, безмолвных, забитых мертвецами. — Предлагаю немедленно вернуться в Ротерфилд и там посоветоваться о том, как нам потолковой использовать годы, лежащие впереди.

Я передам еще только одну картину из тех, что мы уносили в памяти, покидая мертвый город. Она представилась нам, когда мы заглянули в старую церковь святой Марии, — как раз у того места, где ждал наш автомобиль. Пробравшись между распростертыми на паперти телами, мы толкнули тяжелую дверь и вошли. Удивительное зрелище представилось нам. Церковь была битком набита коленопреклонными фигурами во всевозможных позах мольбы и уничижения. В грозную последнюю минуту, внезапно встретившись лицом к лицу с правдой бытия — тою страшной правдой, что всегда нависает над нами, пока мы гоняемся за призраками, — люди в панике броси-

лись в старенькие церковки Сити, где, верно, десятками лет служба не собирала паствы. Они столпились так тесно, чтобы только можно было как-нибудь стать на колени, и многие в переполохе даже не сняли шляп, а с кафедры молодой человек в одежде мирянина, по-видимому, обратился к ним со словом, когда и их и его настигла общая судьба. Теперь он болтался, как петрушка в балаганчике, свесив через борт кафедры голову и бессильные руки. Серое, пыльное убранство церкви, ряды фигур, застывших в предсмертной судороге, безмолвие и полумрак — все было, как страшный сон. Мы понизили голоса до шепота и двигались на цыпочках.

И тут меня вдруг осенило. В углу церкви, возле двери, стояла старая купель, а за нею, в глубокой нише, висели канаты колоколов. Что, если мы дадим по Лондону весть, которая привлечет к нам каждого, кто остался жив? Я подбежал к нише и, потянув обшитый мешковиной канат, с удивлением убедился, как трудно раскачивать колокол. Ко мне подошел лорд Джон.

— Здорово, молодой человек! — сказал он, сбрасывая пальто. — Это вы чертовски хорошо придумали! Дайте-ка мне ухватиться тоже, и дело пойдет!

Но колокол был так тяжел, что только когда на канате повисли вместе с нами всем своим весом еще и Саммерли с Челленджером, мы наконец услышали над головой лязг и рев, возвестившие, что медный язык начал вызывать свою музыку. Далеко разнесся над мертвым Лондоном благовест товарищества и надежды, взывая к живому человеку. Зычный голос металла ободрил наши сердца, и мы еще усердней взялись за дело, взлетая на два фута над полом при каждом взмахе каната и напрягаясь всем телом при обратном полете, причем ниже всех приседал Челленджер, который вкладывал в работу всю свою огромную силу и прыгал, точно гигантская лягушка, крикая на каждом подскоке. Вот какой момент было бы лучше всего избрать художнику, чтоб изобразить четырех товарищей, вместе переживших в прошлом много странных и опасных приключений, а ныне избранных судьбой для небывалого испытания! Полчаса мы рьяно работали, пот градом катился по нашим лицам, руки и спины ныли от усталости. Потом мы вышли на паперть и жадно глядели в даль безмолвных запруженных улиц. Ни звука в ответ на наш набат, никакого движения!

— Без толку! Никого не осталось! — сказал я.

— Мы больше ничего не можем сделать, — вздохнула миссис Челленджер. — Ради бога, Джордж, едем назад в Роттерфилд. Еще час в этом страшном, безмолвном городе, и я сойду с ума!

Не сказав ни слова, мы сели в машину, каждый на прежнее место. Лорд Джон повернул и взял курс на юг. Глава, нам казалось, окончена. Не думали мы, какую странную новую главу еще откроет перед нами жизнь!

Глава VI

ВЕЛИКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Итак, я подхожу к концу того необычайного события, которое своим значением затмевает все не только в наших маленьких жизнях, но и в общей истории человечества. Как я уже говорил, приступив к своему рассказу, в летописях истории это происшествие, несомненно, будет возвышаться среди всех прочих событий, как некая вершина над предгорьем. Нашему поколению предназначена совсем особенная судьба, раз ему выпало на долю пережить такое чудо. Научило ли оно людей смирению, и надолго ли, покажет будущее. Думаю, излишне говорить, что после подобного потрясения не может сохраниться на земле прежний порядок вещей. Человек не представляет себе, как он беспомощен и невежествен, пока незримая рука, державшая его на своей ладони, не сожмется и не сдавит его. Нам грозила неминуемая гибель. Сейчас мы знаем, что в любой час это может постичь нас вновь. Мрачная тень нависла над нашей жизнью, но кто посмеет отрицать, что под покровом этой тени произошла некая переоценка ценностей, пересмотр жизненных целей: сознание долга, разумное понимание ответственности, глубокое стремление к совершенствованию окрепли в нас до такой степени, что всколыхнули общество во всех его слоях. Это лежит за пределами партийных или религиозных разграничений. Сдвиг произошел скорее в наших взглядах на будущее, в понимании относительной значимости вещей: мы живей осознали, что мы ничтожные, эфемерные создания и существуем, пока нас терпят,

до первого порыва холодного ветра из Неведомого. Но не думаю, чтобы земля, умудренная этим знанием, стала более печальным местом, чем была она раньше. Мы все, бесспорно, согласимся, что ныне наши удовольствия, воздержанные и трезвые, доставляют нам более глубокую и разумную радость, чем та шумная, бессмысленная суета, какая нередко считалась развлечением в былые дни — дни столь еще недавние и уже непостижимые для нашего ума! Пустая жизнь, расточавшая в бесцельном хождении в гости или приеме гостей, в хлопотах по слишком большому дому с целым штатом ненужной прислуги, в приготовлении изысканных блюд и отсиживании на скучных обедах, — все это сейчас уступило место здоровому, спокойному досугу, посвященному музыке, чтению, дружеской беседе в милом домашнем кругу. Больше здоровья, больше радости стало у людей, и от этого они стали против прежнего только богаче, несмотря на выплату повышенных сборов в общественный фонд, благодаря которому так поднялся общий жизненный уровень на наших островах.

Ученые не совсем согласно устанавливают момент великого пробуждения. Всеми признано, однако, что помимо расхождений из-за неточности часов, действие яда могло зависеть и от местных условий. Но в пределах каждой отдельной местности жизнь воскресла практически одновременно. Есть много свидетельств, что в Лондоне Биг-Бэн¹ показывал в тот миг десять минут седьмого. Королевская обсерватория отметила двенадцать минут седьмого по Гринвичскому времени. С другой стороны, лорд Джонсон, очень дельный астроном, устанавливает момент пробуждения для Норфолка и Суффолка двадцать минут седьмого. На Гебридских островах оно произошло только в семь часов. Относительно Ротерфилда всякий спор исключается, поскольку я в это время сидел в кабинете Челленджера, имея перед глазами тщательно выверенный хронометр. Было ровно четверть седьмого.

Глубокое уныние овладело мною. Накопленные впечатления кошмарных зрелищ непомерной тяжестью легли на душу. Я от природы здоровый, крепкий человек, энергический по самому своему телесному складу и редко когда

¹ Часы на башне здания парламента.

поддаюсь помрачению духа. Я в избытке обладаю способностью ирландца в самой густой тьме различать проблески забавного. Но теперь мрак был невыносимо гнетущим, беспросветным. Остальные собрались все внизу и строили планы на будущее. Я сидел у открытого окна, подперев кулаком подбородок, и раздумывал о нашем горестном положении. Сможем ли мы жить дальше? Таков был вопрос, упорно встававший передо мной. Возможно ли существовать на мертвой Земле? Как по законам физики большее тело притягивает к себе меньшие тела, так будет и с нами: не почувствуем ли мы неодолимую силу притяжения к огромному телу человечества, отошедшему в Неведомое? И как придет конец? Снова ли нахлынет яд? Или из-за тлетворных продуктов всеобщего разложения Земля станет непригодна для жизни? Или, наконец, ужас нашего положения лишит нас душевного равновесия и бросит в жертву безумию? Горсточка умалишенных на вымершей планете! Мысль моя остановилась на этой последней страшной картине, когда какой-то негромкий звук заставил меня поглядеть вниз. Старая извозчичья лошадь медленно тащилась в гору!

В тот же миг я уловил щебет птиц, услышал чей-то кашель во дворе под окном и общий звуковой фон движения по всей округе. И все-таки я помню, что именно лошадь, эта неказистая, тощая кляча, давно отжившая свой лошадиный век, приковала к себе мой взгляд. Медленно, с одышкой одолевала она подъем. Потом я перевел взгляд на кучера, который, сгорбившись, сидел на облучке, и, наконец, на молодого человека, взволнованно высунувшегося в окно колымаги и кричавшего, куда ехать. Они все, несомненно, были живы — дерзко живы!

Ожили вновь, все и каждый! Неужели все пережитое было бредом? Возможно ли, чтобы история с отравленным поясом была причудливым сном? Одно мгновение мой потрясенный мозг был готов этому поверить. Потом я опустил глаза и увидел большой волдырь на ладони, натертый канатом колокола в Сити. Значит, это было, было наяву. И все же мир воскресает, жизнь мгновенным мощным приливом возвращается на планету. Обводя глазами всю широкую панораму, я всюду видел движение, — и, что меня изумило, оно шло по той же колее, на которой накануне прервалось. Я посмотрел на любителей гольфа. Неужели они продолжают игру? Да, вот один игрок погнался мяч от столбика,

и та вторая пара на зеленом поле, несомненно, рвется наперегонки положить свой мяч в лузу. Жнецы не спеша возвращаются на работу. Нянька отшлепала старшего из своих питомцев и покатила коляску вверх по склону холма. Каждый, не раздумывая, подхватил нить с того самого места, где прежде ее обронил.

Я бросился вниз, но парадное оказалось раскрыто настежь, и я услышал со двора голоса моих товарищей, громко выражавших удивление и поздравлявших друг друга. Как мы все пожимали друг другу руки, как дружно смеялись! Как миссис Челленджер на радостях расцеловала сперва всех нас и только тогда бросилась в медвежьи объятия мужа!

— Но не может быть, чтобы они спали! — воскликнул лорд Джон. — Черт возьми, Челленджер, вы меня не убедите, что люди могут спать вот так — окоченелые, с открытыми стеклянными глазами и этим страшным мертвым оскалом на лице!

— Это возможно только в том состоянии, которое называется каталепсией, — сказал Челленджер. — В прошлом это явление встречалось редко, и его каждый раз ошибочно принимали за смерть. При нем у человека понижается температура, исчезает дыхание, биение сердца становится неразличимо — в сущности, это и есть смерть, но только временная. Даже самый проникательный ум (тут он закрыл глаза и ухмыльнулся) едва ли мог предусмотреть такое всеобщее распространение каталепсии.

— Назовите это хоть так, — заметил Саммерли, — но вы только налепили ярлык, а по сути дела, мы так же мало знаем об этой каталепсии, как о том яде, который ее вызвал. Мы можем сказать лишь одно: отравленный эфир вызвал временную смерть.

Остин весь обмяк на подножке автомобиля. Это его кашель я слышал сверху. Он долго сидел молча, зажав виски в ладонях, а теперь бурчал про себя, оглядывая машину:

— Ах, пострел! Вечно напроказит!

— В чем дело, Остин?

— Натекло из масленки, сэр. Кто-то баловался с машиной. Верно, мальчишка садовника!

Лорд Джон стоял с виноватым видом.

— Не знаю, что со мной приключилось, — продолжал Остин, тяжело вставая на ноги. — Я вроде бы оступился, когда

поливал машину из кишки. Помнится, я стукнулся лбом о подножку. Но, ей же богу, со мной никогда не бывало, чтоб у меня текло из масленки!

Остину коротко рассказали, что случилось с ним самим и со всеми на Земле. Загадка с масленкой также была ему разъяснена. Он слушал с явным недоверием о том, как простой любитель управился с его машиной, и с жадным вниманием ловил каждое слово нашего скупого отчета о спящем Лондоне. Помню, когда мы кончили, он спросил:

— Вы были возле Английского банка, сэр, и даже не зашли?

— Не зашли, Остин.

— Когда там у них — денег миллионы, а люди все спали?

— Ну да.

— Эх, меня там не было! — вздохнул он и, отвернувшись, уныло взялся опять за шланг.

Вдруг послышался шелест колес по гравию аллен. Старая колымага подъехала наконец к Челленджеровскому подъезду. Я увидел, как выскочил из нее молодой седок. Минуту спустя появилась горничная с таким взъерошенным и растерянным видом, как будто ее только что разбудили от глубокого сна, и подала на подносе визитную карточку. Прочитав ее, Челленджер свирепо зафырчал и так взъерился, что его черная грива встала дыбом.

— Корреспондент! — взревел он. Потом добавил с улыбкой, как будто споря сам с собой: — В конце концов, только естественно, что мир спешит узнать мое мнение по поводу такого события.

— Едва ли в этом заключалась его миссия, — возразил Саммерли. — Ведь он ехал сюда со станции, когда катастрофа еще не наступила.

Я взглянул на карточку и прочел: «Джеймс Бекстер, лондонский корреспондент газеты «Нью-Йоркский обозреватель».

— Вы его примете? — спросил я.

— Ни за что!

— Ах, Джордж! Ты бы должен стать добрей и внимательней к людям. Неужели ты ничему не научился после всего, что мы испытали?

Челленджер досадливо прищелкнул языком и затряс своей большой прямой головой.

— Зловредное племя! Правда, Мелоун? Самый скверный плевел современной цивилизации! Орудие шарлатанства и помеха для уважающих себя людей! Когда они сказали обо мне хоть одно доброе слово?

— А они когда-нибудь слышали от вас хоть одно доброе слово? — возразил я. — Подумайте, сэр, ведь перед вами иностранец, он проделал длинный путь, чтобы увидеть вас. Вы, конечно, не будете с ним черезчур суровы.

— Хорошо, хорошо! — пробурчал Челленджер. — Пойдемте со мной, вы поможете мне вести разговор. Но предупреждаю: впредь я не потерплю подобных вторжений в мой дом!

Ворча и фыркая, он пошел за мной вразвалку, точно огромный сердитый пес.

Бойкий молодой американец вынул из кармана блокнот и сразу приступил к делу.

— Я приехал, сэр, — заявил он, — потому что у нас в Америке публика жаждет услышать побольше о той опасности, которая, по вашему мнению, угрожает Земле.

— Я ничего не знаю ни о какой опасности, которая в настоящее время угрожала бы Земле, — зло пробурчал Челленджер.

Корреспондент посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Я, сэр, имею в виду ту возможность, что мир вступает в зону ядовитого эфира.

— В настоящее время я не предвижу подобной опасности, — сказал Челленджер.

Корреспондент и вовсе растерялся.

— Ведь вы профессор Челленджер? — спросил он.

— Да, сэр. Меня зовут именно так.

— В таком случае я не понимаю, как вы можете говорить, что опасности нет. А как же тогда с письмом, опубликованном сегодня утром за вашей подписью в лондонском «Таймсе»?

Пришла очередь Челленджеру сделать большие глаза.

— Сегодня утром? — переспросил он. — Сегодня утром «Таймс» не выходил.

— Позвольте, сэр, — с мягким упреком возразил американец, — вы не будете спорить, что лондонский «Таймс» — газета ежедневная. — Он извлек из внутреннего кармана помятый экземпляр. — Вот это письмо, я о нем и говорю.

Челленджер захихикал, потирая руки.

— Начинаю понимать! — сказал он. — Вы только сегодня утром прочли мое письмо?

— Да, сэр.

— И сразу поехали меня интервьюировать?

— Да, сэр.

— Вы не заметили в дороге ничего необычайного?

— Сказать по правде, ваши соотечественники показались мне живей, и, в общем, человечней, чем я их знал до сих пор. Носильщик стал рассказывать мне какую-то смешную историю — мне это показалось новым для вашей страны.

— Больше ничего?

— Нет, сэр, больше я как будто ничего не могу припомнить.

— Так! А в котором часу вы выехали из Лондона?

Американец улыбнулся.

— Я сюда приехал интервьюировать вас, профессор, но дело, кажется, обернулось по поговорке: «Кто кого выудил — негр рыбу или рыба негра?» Вы беретесь за мою работу.

— Случилось так, что мне хочется это знать. Вы не помните, в котором часу отходил ваш поезд?

— Помню. В половине первого.

— А когда пришел?

— В четверть третьего.

— Вы взяли кэб?

— Разумеется.

— Как вы думаете, сколько отсюда до станции?

— Я кладу мили полторы, не меньше.

— Сколько же времени заняла, по-вашему, езда?

— Пожалуй, все полчаса — на этой дохлой кляче.

— Значит, сейчас должно быть три часа?

— Да, часа три или начало четвертого.

— Сверьтесь по вашим часам.

Американец последовал совету и выкатил глаза.

— Что за чушь! — воскликнул он. — Часы остановились, вышел весь завод. Эта кляча побилла все рекорды! Да и солнце, как я погляжу, стоит совсем низко. Н-да... Тут что-то непонятное.

— Вы не помните, не случилось ли чего особенного, пока вы ехали в гору?

— Помнится, на меня вдруг нашла страшная сонливость. Я как будто хотел сказать что-то кучеру, но он почему то не

стал меня слушать. У меня на минутку закружилась голова — наверно, от жары. Вот и все!

— Так и со всем человечеством,— обратился Челленджер ко мне.— Все они почувствовали только минутное головокружение. Никто понятия не имеет о том, что произошло. Каждый сразу возвращается к прерванному делу, как Остин схватился за шланг и как те игроки опять погнались мячи. Ваш редактор, Мелоун, станет дальше готовить выпуск, и до чего же он удивится, когда увидит, что пропустил положенный срок! Да, мой юный друг,— повернулся он к американскому корреспонденту; на него вдруг нашло благодушие.— Вам, может быть, интересно будет узнать, что Земля благополучно пересекла ядовитое течение, которое бурлит в эфирном океане, подобно Гольфстриму в Атлантике. А чтобы в будущем избежать недоразумений, примите, пожалуйста, к сведению, что сегодня не двадцать седьмое августа, а двадцать восьмое, не пятница, а суббота и что вы двадцать восемь часов просидели без чувств в вашем кэбе на Ротерфилдском холме.

На этом я и закончу свой рассказ. Он представляет собой, как вы, вероятно, заметили, лишь более полную и подробную версию моего же отчета, появившегося в понедельник в утреннем выпуске «Дейли-газетт»,— отчета, который повсеместно признан рекордом сенсации за все время существования газет; благодаря ему номер разошелся не более и не менее, как в трех с половиной миллионах экземпляров! Я вырезал великолепный анонс и повесил в рамке у себя в редакторском кабинете. Он гласит:

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЧАСОВ ВСЕМИРНОЙ КОМЫ!
НЕБЫВАЛОЕ ИСПЫТАНИЕ
ЧЕЛЛЕНДЖЕР ОКАЗАЛСЯ ПРАВ
КАК СПАССЯ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ
ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ РАССКАЗ ОЧЕВИДЦА
КИСЛОРОДНАЯ КОМНАТА
СЕМЬ КРУГОВ АДА НА АВТОМОБИЛЕ
МЕРТВЫЙ ЛОНДОН
УТРАЧЕННАЯ СТРАНИЦА ВОССТАНОВЛЕНА
ГРАНДИОЗНЫЕ ПОЖАРЫ И НЕИСЧИСЛИМЫЕ ЖЕРТВЫ
ЖДАТЬ ЛИ ВОЗВРАТА?

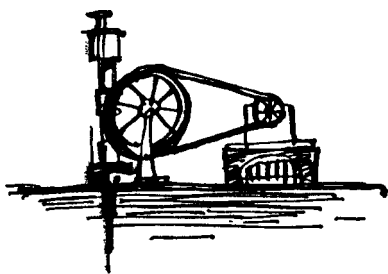
Под этими блистательными строками шел рассказ на девять с половиной столбцов — первый, последний и единственный газетный отчет об истории мира на протяжении одного земного дня, как мог ее зарисовать один наблюдатель. Челленджер и Саммерли написали на ту же тему совместную научную статью, но только мне выпало на долю дать общедоступный обзор. Теперь я могу спокойно умереть. После подъема на такую вершину, чего еще может ждать от жизни журналист?

Однако совесть не позволяет мне закончить книгу этим сенсационным анонсом и моим личным триумфом. Лучше я приведу здесь ту выразительную страницу, которой наша крупнейшая газета заключает свою превосходную передовую статью на эту тему — статью, достойную того, чтобы на ней остановил свое внимание каждый мыслящий человек.

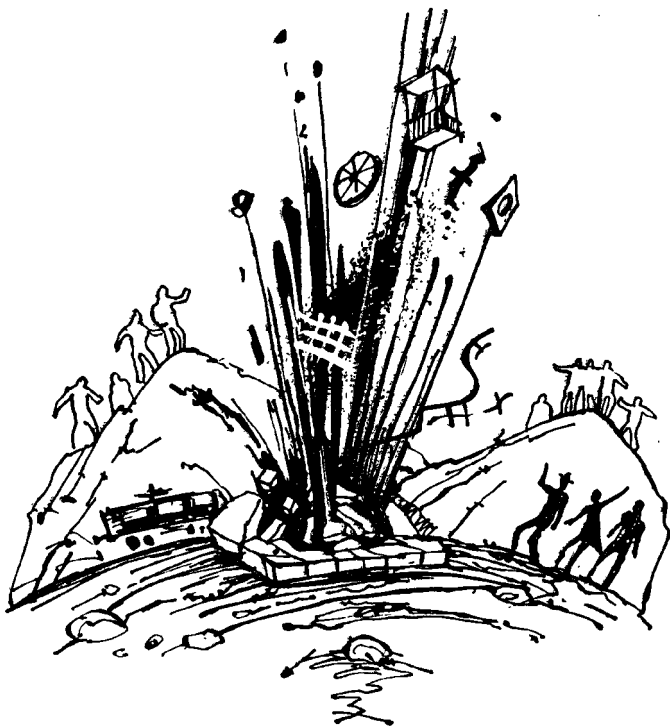
«До сих пор считалось общим местом, — пишет «Таймс», — что человечество — это жалкое племя пигмеев перед бесконечными таинственными силами, окружающими нас. От древних пророков и от современных мыслителей доходило до нас это предостережение. Но, как все слишком часто повторяемые истины, оно с течением времени утратило свою убедительность. Чтобы истина получила призвание, требуется суровый урок, проверка на собственном опыте. Таким уроком послужило нам то благотворное, хотя и страшное испытание, через которое мы только что прошли. Мы все еще ошеломлены внезапным ударом, и наши души в трепете перед уничижительным сознанием нашей ограниченности и бессилия. Мир тяжелой ценой заплатил за урок. Мы еще не можем судить о постигшем нас бедствии во всей его полноте, но разве мало того, что нам уже известно? Если уничтожены пожаром Нью-Йорк, Орлеан, Брайтон, то разве мы не вправе говорить об одной из величайших трагедий в истории человечества? Когда будет подведен итог катастрофам на железных дорогах и на море, он представит жуткую страницу, хотя из поступающих к нам сведений выясняется, что в большинстве случаев машинисты на поездах и пароходах успели застопорить машины, прежде чем поддались воздействию яда. Однако, как ни огромны человеческие жертвы и материальный ущерб, их подсчет не должен сегодня всецело поглощать нашу мысль. Со временем мы

их забудем. Но что никогда не забудется, что и впредь постоянно и по праву будет занимать наше воображение, — это раскрывшиеся перед нами возможности вселенной, крушение нашей невежественной самонадеянности, полученное нами доказательство тому, как узка тропа нашего материального существования и какие бездны зияют по обе ее стороны! Чувства наши сегодня проникнуты глубоким смирением. И может быть, на этой основе человечество, став мудрей и скромней, воздвигнет теперь новый, более достойный храм».

КОГДА ЗЕМЛЯ ВСКРИКНУЛА

Я довольно смутно вспоминаю, что мой друг Эдуард Меллуэн, сотрудник «Газетт», говорил мне что-то о профессоре Челленджере, с которым он пережил замечательные приключения. Однако я настолько занят своими профессиональными делами и моя фирма была настолько завалена заказами, что я очень мало следил за всем, что творится на свете, за всем, выходящим за пределы узкопрофессиональных интересов. Единственное, что удержалось у меня в памяти, это что Челленджер представлялся мне каким-то диким гением, обладающим жестоким, нетерпимым характером.

Поэтому я был очень удивлен, получив от него деловое письмо следующего содержания:

14-бис, Энмор-Гарденс.
Кенсингтон.

Сэр!

У меня явилась надобность воспользоваться услугами специалиста по артезианскому бурению. Не буду скрывать от вас, что мое мнение о специалистах вообще невысокое, и обычно я обнаруживал, что человек с хорошо развитыми мозгами, как я например, может шире и глубже вникать в дело, чем другой, избравший узкую специальность (что, увы, очень часто называется профессией) и потому имеющий весьма ограниченный кругозор. Тем не менее я склонен попробовать иметь с вами дело. Просматривая список авторитетных специалистов по артезианскому бурению, я заметил некоторую странность — чуть не написал нелепость. Ваше имя при-

влекло мое внимание, и по наведенным справкам обнаружилось, что мой молодой друг, м-р Эдуард Мслоун, знаком с вами.

Поэтому я пишу вам и заявляю, что буду рад побеседовать с вами и, если вы удовлетворите мои требования, — а они не маленькие, — я буду склонен передать в ваши руки чрезвычайно важное дело. В настоящее время большего сказать не могу, потому что дело носит совершенно секретный характер и сообщить о нем можно только в устной форме. Поэтому прошу вас немедленно оставить все дела, если у вас таковые имеются, и прийти ко мне по вышеуказанному адресу в следующую пятницу в 10.30 утра. У дверей вы найдете скребок для очистки грязи с подметок и цыновку, ибо миссис Челленджер любит опрятность.

Остаюсь, сэр, как вам известно,

Джордж Эдуард Челленджер.

Это письмо я передал своему старшему клерку для ответа, и он уведомил профессора, что м-р Пирлесс Джонс имеет удовольствие принять его предложение. Это было обычное вежливое деловое письмо, начинавшееся с трафаретного выражения:

Ваше письмо от (без даты) получено.

На это последовал следующий ответ профессора, имевший вид загородки из колючей проволоки:

Сэр!

Я замечаю, что вы негодуете на то, что мое письмо было без даты. Смею ли я обратить ваше внимание на тот факт, что в качестве некоторой награды за чудовищные налоги, наше правительство имеет привычку ставить маленький круглый значок или штамп на внешней стороне конверта, который имеет как раз нужную вам дату отправления. В случае отсутствия или неразборчивости этого штампа вам надлежит обращаться к содействию авторитетных лиц почтового ведомства. Тем не менее предлагаю вам направить свои замечания лучше на обстоятельства того дела, о котором я хочу с вами посоветоваться, и прекратить обсуждение формы и стиля моих писем.

Мне стало ясно, что я имел дело с сумасшедшим, и я счел за благо, прежде чем предпринимать дальнейшие шаги, пойти к моему другу Мелоуну, которого я знал еще с тех пор, когда мы оба играли в Ричмондской спортивной команде.

Он был все тот же неунывающий ирландец и очень потешался над моим первым столкновением с Челленджером.

— Ничего, ничего, сын мой, — заявил он. — После пятиминутного разговора с ним вам покажется, что с вас живого содрали кожу. Ему ничего не стоит оскорбить человека.

— Так с какой же стати с ним так нянчатся?

— Никто с ним не нянчится. Если бы собрать всю ругань, скандалы и полицейские протоколы...

— Протоколы?

— Да, черт возьми, он ничуть не задумается спустить вас с лестницы, если вы ему не понравитесь. Это первобытный пещерный человек в пиджаке. Как сейчас представляю его с дубиной в одной руке и кремневым топором в другой. Бывает, что люди рождаются не в том столетии, а он опоздал родиться лет на тысячу. Это тип раннего неолита или что-то в этом роде.

— И такой тип — профессор?

— В том-то и дело. Это самый могучий ум Европы, обладающий невероятной силой, которая воплощает все его замыслы в реальность. Окружающие делают все от них зависящее, чтобы сдержать его, коллеги ненавидят его со всем пылом, но с таким же успехом пара жалких траулеров может сдержать трансатлантического гиганта. Он просто их не замечает и идет своей дорогой.

— Так, — сказал я, — одно для меня ясно: я не желаю иметь с ним никакого дела. Я откажусь от его предложения.

— Ничего подобного. Вы примете его целиком и безоговорочно, — имейте в виду — целиком или потом вы очень пожалеете.

— Почему?

— Хорошо, я вам объясню. Раньше всего, не принимайте всерьез всего, что я вам наговорил о старике Челленджере. Всякий, кто с ним соприкоснется ближе, начинает любить его. Право же, старый медведь, вовсе не так страшен. Я, например, вспоминаю, как он тащил на спине младенца-индейца, заболевшего чумой, тащил сотни миль до реки Мадейры. Во всяком случае, он великодушен и никогда не причинит вам зла, если вы будете с ним честны.

— У него вообще не будет случая как бы то ни было со мной общаться.

— Ну и свалите дурака, если не пойдете к нему. Вы слышали когда-нибудь о «тайне Хенгист-Даун», о затопленных шахтах на Южном берегу?

— Да, какое-то таинственное исследование угольных шахт, насколько я понял.

Мелоун хитро подмигнул.

— Так поняли? Ну и ладно! Видите ли, старик мне доверяет, и я не могу много говорить без его разрешения. Но кое-что я вам могу сообщить, потому что об этом было в газетах. Некий Беттерсон, составивший себе капитал на каучуке несколько лет тому назад, оставил все свое состояние Челленджеру с условием израсходовать его в интересах науки. Это была громадная сумма, несколько миллионов. Тогда Челленджер купил землю в Хенгист-Даун, в Сассексе. Это были никуда негодные земли на северной границе меловой области, а он закупил большой участок и загородил его колючей проволокой. В центре его владений была глубокая выбоина. Здесь он затеял раскопки. Он объявил, — Мелоун подмигнул снова, — что в Англии есть нефть и он намерен это доказать. Он построил маленький образцовый поселок с колонией хорошо оплачиваемых рабочих, которые поклялись держать язык за зубами. Сама выбоина так же отгорожена, как и весь участок и охраняется свирепыми собаками, овчарками. Много репортеров чуть не оставили там свою жизнь, уже не говоря о задней части брюк в зубах овчарок. Словом, дело серьезное и крупное, и ведет его фирма Томаса Мордена, но она тоже связана словом и должна соблюдать тайну. Очевидно, подошло время, когда потребовался специалист по артезианским колодцам. Неужели теперь вы будете так глупы, что откажетесь от подобной работы, сулящей такие интересные перспективы и чек на солидную сумму по их реализации, не говоря уже о сотрудничестве с самым удивительным человеком, какого вы когда-либо встречали и никогда больше не встретите.

Аргументы Мелоуна одержали верх, и в пятницу утром я направился в Энмор-Гарденс. Я так спешил, чтобы попасть к назначенному времени, что очутился у дверей на двадцать минут раньше. Я поджидал на улице, когда мне показалось, что я узнаю машину Роллс-Ройс с серебряной стрелой на дверцах. Ну, конечно, это машина Джэка Девоншайра, младшего компаньона крупной фирмы Морден. Он был мне изве-

стен как самый корректный человек, так что для меня было форменным ударом созерцать, как он появился в дверях, поднял руки к небу и весьма экспрессивно воскликнул:

— Черт его дери! Ах черт его дери!

— Что с вами, Джэк? На кого это вы так сердиты?

— Алло, Пирлесс! Вы также причастны к этой затее?

— Не совсем, но собираюсь.

— Ну, так вы увидите, что тут можно выйти из себя.

— И даже ваше самообладание лопается, по-видимому?

— Именно. Подумайте сами. Лакей мне говорит: «Профессор велел мне передать, сэр, что в настоящее время он весьма занят, изволит кушать яйцо, и если вы зайдете в более удобное время в следующий раз, он охотно вас примет». Так он и велел передать лакею. Могу добавить, что я пришел получить сорок две тысячи фунтов, которые он нам должен.

Я свистнул.

— Вы не можете получить денег?

— О, нет, в денежных делах он корректен. Надо отдать справедливость старому горилле, — он щедр и не мелочен. Но платит он, когда ему вздумается и как ему нравится и ни с кем не желает считаться. Однако идите и попытайте счастья; посмотрим, как он вам понравится.

С этими словами он прыгнул в машину и уехал.

Я ждал, продолжая поглядывать на часы и ожидая точно назначенного времени. Я человек довольно сильный и сдержанный, выступаю в Белсайз-боксинг-клубе в среднем весе, но никогда еще я не испытывал подобного волнения перед деловым визитом. Волнение было не физического свойства; я знал, что сумею постоять за себя, если этот сумасшедший бросится на меня, это было смешанное чувство, где боролись страх перед публичным скандалом и боязнь потерять многообещающую работу. Как бы то ни было, всегда оказывается не так страшно, когда перестает работать воображение и начинается самое действие. Я щелкнул крышкой часов и подошел к двери. Двери открыл лакей с деревянными чертами лица и с таким выражением, вернее отсутствием выражения, точно он так привык ко всему, что ничто на свете не может его удивить.

— По приглашению, сэр? — спросил он.

— Конечно.

Он заглянул в список.

— Ваша фамилия, сэр? Так... совершенно верно, мистер Пирлесс Джонс... десять тридцать. Все в порядке. Мы должны быть осторожны, мистер Джонс, поскольку нас одолевают журналисты. Профессор, как вам, вероятно, известно, не одобряет прессы. Сюда, сэр! Профессор Челленджер сейчас принимает.

В следующий момент я очутился перед хозяином дома. Мой друг Мелоун описал его лучше в своем «Затерянном мире», чем я могу это сделать, поэтому описывать его подробно я не стану. За столом красного дерева сидел очень плотный человек с черной бородой лопатой и серыми большими глазами, полуприкрытыми густыми ресницами. Огромная голова была откинута назад, а борода торчала вперед; у профессора было выражение нетерпимости, раздражения и немного вопроса: «Ну, какого черта вам надо?»

Я положил на стол свою визитную карточку.

— Ага,— сказал он, взял ее и отстранил, точно она скверно пахла.— Так. Конечно. Вы — так называемый специалист мистер Джонс. Мистер Пирлесс Джонс. Можете поблагодарить своего крестного отца, мистер Джонс, потому что это ваше диковинное имя и привлекло впервые мое внимание.

— Я пришел сюда, профессор Челленджер, для делового разговора, а не для обсуждения моего имени,— ответил я с достоинством.

— Батюшки, мои, да вы очень обидчивый человек, мистер Джонс! Ваши нервы находятся в легко возбудимом состоянии. Нам следует весьма осторожно вести дела с вами, мистер Джонс. Прошу вас, садитесь и успокойтесь. Я читал вашу брошюрку о мелиорации Синайского полуострова. Вы сами ее писали?

— Разумеется, сэр. Она же подписана моим именем.

— Вот именно. Вот именно. Впрочем, это не всегда совпадает, не так ли? Однако я готов принять ваши утверждения. Брошюрка обладает кое-какими достоинствами. Среди общей скудности и ограниченности суждений иногда мелькает что-то похожее на здравую мысль. Тут и там разбросаны крупинцы мысли. Вы женаты?

— Нет, сэр, не женат.

— Тогда есть шансы, что вы сумеете сохранить тайну.

— Если я обещаю что-либо сохранить в тайне, я держу слово.

— Так. Мой юный друг Мелоун,— он говорил так, точно Тэду десять лет,— хорошего мнения о вас. Он говорил, что вам можно верить. Доверие для меня весьма важно, потому что ныне я приступаю к одному из величайших опытов,— могу сказать, к величайшему эксперименту в мировой истории. Я предлагаю вам участвовать в нем.

— Буду считать за честь.

— Да, это в самом деле большая честь. Должен прибавить, что я не поделился бы своей работой ни с кем, не имея она такого гигантского размаха и не требуя такого количества хороших технических сил. Теперь, мистер Джонс, заручившись вашим обещанием сохранить полную тайну, мы подходим к самому существенному моменту. Дело в том, что Земля, на поверхности которой мы обитаем, сама по себе представляет живой организм, обладающий, как я полагаю, кровеносной системой, дыхательными путями и собственной нервной системой.

Ясно, он сумасшедший.

— Я замечаю, что ваш мозг,— продолжал он,— не приспособлен к охвату идеи. Но постепенно он переварит ее. Вы не замечали, как степь и вереск напоминают шерсть гигантского животного? Подобная аналогия существует во всей области природы. Потом вы заметите периодическое опускание и подъем суши, напоминающее медленное дыхание животного. Наконец, вы заметите, как природа волнуется и почесывается, что для нашего лилипутского состояния выражается в землетрясениях и конвульсиях.

— А вулканы? — спросил я.

— Те-те... Они соответствуют тепловым точкам нашего тела.

У меня голова закружилась, и я лихорадочно искал возражений на эту чудовищную гипотезу.

— Температура! — воскликнул я.— Разве не установлено, что она повышается по мере углубления в Землю и что центр Земли представляет расплавленную жидкую массу.

Отвел мое возражение.

— Вам, возможно, неизвестно, сэр, поскольку начальные школы сейчас стоят на высоте, что Земля сплюснута у полюсов. Это значит, что полюса расположены к центру ближе, чем всякий другой пункт поверхности, и, казалось бы, должны быть больше подвержены действию тепла, о котором

вы говорите. Разумеется, вы не будете отрицать, что температура полюсов несколько ниже тропической.

— Ваша идея настолько нова и неожиданна...

— Конечно, нова. Привилегия глубокого мыслителя состоит в продвижении идей, которые из-за своей новизны часто враждебно принимаются серой массой. Ну, сэр, что это такое?

Он взял со стола маленький предмет и помахал им перед носом.

— Я бы сказал, что это морской еж.

— Именно! — воскликнул он с удивлением, точно услышал умное замечание от ребенка. — Ваша идея настолько нова и неожиданна. — Совершенно верно, это морской еж, обыкновенный эхинус. Природа повторяет себя во многих формах, невзирая на размеры. Этот эхинус — модель, прототип Земли. Вы замечаете, что он имеет грубо круглую форму и сплюснут у полюсов? Представим себе Землю в виде огромного морского ежа. Что вы можете на это заметить?

Главное мое замечание состояло в том, что вся его идея слишком абсурдна, но я не посмел сказать этого вслух и стал искать более вежливых аргументов.

— Живое существо нуждается в пище, — сказал я. — А как может утолить свой голод Земля?

— Прекрасное возражение, превосходное, — весьма покровительственно ответил профессор. — Вы хорошо охватываете то, что очевидно, хотя много медленнее ориентируетесь в тонких намеках. Откуда Земля получает пищу? Тут мы снова обратимся к нашему маленькому приятелю, эхинусу. Окружающая его вода проходит по каналам его тела и обеспечивает его питание.

— Значит, вы думаете, что вода...

— Нет, сэр, нет. Не вода. Эфир. Земля, несясь по своей орбите, пасется на пастбищах бесконечности, и эфир проникает сквозь нее и, проходя через ее поры, обеспечивает питание. Целое стадо других планет-эхинусов делает то же самое. Венера, Марс и остальные, и у каждого есть свои собственные пастбища.

Он сумасшедший, это ясно, но спорить с ним не следует. Мое молчание он понял как знак согласия и улыбнулся мне с самым благожелательным видом.

— Мы подвигаемся вперед, подвигаемся, — сказал он. Начинает уже мерцать свет. Сперва он именно ослепляет, но

мы к нему скоро привыкнем. Прошу еще вашего внимания, пока я сделаю еще пару замечаний по поводу этого существа на моей ладони. Допустим, что на поверхности его твердой оболочки имеются некоторые бесконечно малые насекомые, ползающие на этой самой оболочке. Как вы полагаете, будет ли эхирус знать об их присутствии?

— Думаю, что нет.

— В таком случае вы легко себе можете представить, что Земля-планета не имеет ни малейшего представления о том, что человеческая раса эксплуатирует ее. Она не имеет никакого понятия о чудовищном произрастании растений, ни об эволюции животных, прилипших к ней во время бесконечных блужданий вокруг солнца, как ракушки облепляют дно старого корабля. Таково положение вещей в настоящее время, и его-то я и хочу изменить.

Я оторопел.

— То есть как изменить?

— Я хочу дать знать Земле, что есть хотя бы один человек, Эдуард Челленджер, который нуждается в ее внимании, который требует ее внимания, настаивает на этом. Разумеется, это первая попытка такого рода.

— А как, сэр, вы достигнете этого?

— А вот тут-то мы подходим к деловой части. Вы попали в самую точку. Я снова позволю себе обратить ваше внимание на это интересное маленькое существо, которое держу в руке. Под защитной оболочкой это сплошные нервы, невероятная чувствительность. Разве не ясно, что если паразитирующее на нем животное желает привлечь его внимание, оно должно пробуровать дырку в его коже и только тогда возбудить нервную систему, чувствительный аппарат.

— Разумеется.

— Или возьмем другой пример: домашнюю муху или комара, эксплуатирующих поверхность человеческого тела. Мы можем и не знать, не быть уверенными в их присутствии. Но вдруг, когда насекомое запускает свое жало, свой хобот сквозь кожу, нашу защитную кору, мы с неудовольствием вспоминаем, что мы не совсем одни. Теперь мои намерения становятся для вас понятнее. Во тьме забрезжил свет, не так ли?

— Боже мой! Вы хотите просунуть свое жало сквозь земную кору?

Он закрыл глаза от удовольствия.

— Вы видите перед собой того,— сказал он,— кто первым проникнет сквозь эту твердую защитную броню. Я даже могу говорить об этом в настоящем времени и сказать: кто-рый проникает.

— Вы сумели это сделать?

— С благосклонной помощью Мордена и Компании. Думаю, могу теперь сказать: да, я сделал это. Несколько лет неустанной работы, производившейся днем и ночью всеми существующими видами сверл, буравов, землечерпалок и взрывчатых веществ, привели нас к цели.

— Неужели вы хотите сказать, что пробили кору?

— Если ваше замечание выражает удивление, это ничего, удивление пройдет. Если же оно обозначает недоверие...

— Нет, сэр, ничего подобного.

— В таком случае примите мое утверждение без комментариев. Мы пробили кору. Толщина ее оказалась около четырнадцати тысяч четырехсот сорока двух ярдов, в круглых цифрах — восемь миль. Вам будет небезынтересно узнать, что в ходе работ мы имели счастье натолкнуться на мощный пласт угля, который, вероятно, со временем сможет окупить все расходы нашего предприятия. Главным нашим затруднением были подземные источники в нижнемеловых слоях и пески Гастингса, но мы их преодолели. Теперь мы достигли нижнего этажа, а в нижнем этаже будет работать не кто иной, как мистер Пирлесс Джонс. Вы, сэр, представляете из себя комара, а ваш артезианский бур является комариным жалом. Мозг сделал свое дело. Мыслитель может отойти в сторону. Теперь очередь механика, несравненного с его металлическим жалом. Вам теперь ясно?

— Но вы упомянули цифры: восемь миль,— воскликнул я.— Но известно ли вам, сэр, что пять тысяч футов считаются пределом возможности артезианского бурения? Я отлично знаком с одним колодцем в Верхней Силезии, глубиной в шесть тысяч двести футов, но это исключительная вещь, своего рода чудо техники.

— Вы меня не поняли, мистер Несравненный. Либо мои объяснения, либо ваш мозг недостаточно ясны, и я не буду настаивать — что именно. Я прекрасно осведомлен о пределах артезианского бурения. Я не истратил бы миллионы фунтов стерлингов на колоссальный туннель, если бы мог обойтись грошовым, шестидюймовым буром. Все, что я от вас требую,— это приготовить буров, обладающий всей возможной

остротой, не более ста футов в длину, приводимый в действие электрическим мотором. Совершенно достаточно обыкновенного ударного бурава, поднимающегося обратно силой собственного веса.

— Но почему с электромотором?

— Я здесь для того, чтобы давать приказы, а не разъяснения, мистер Джонс. Слушайте. Прежде чем вы окончите свою работу, может случиться, повторяю — может случиться, что ваша жизнь будет зависеть от того, что бурав можно приводить в действие электричеством на расстоянии. Я надеюсь, это возможно сделать.

— Конечно, можно.

— Тогда приготовьтесь. Не все еще готово для нашего активного выступления, но вы теперь же приступите к приготовлениям. Больше мне нечего вам сказать.

— Но мне необходимо, — возразил я, — знать, какого рода почву будет проходить бурав: песок, глину или лесс — каждый вид почвы требует особого обращения.

— Ну, скажем, слизь, желе, — ответил Челленджер. — Да, теперь мы будем рассчитывать, что вашему бураву предстоит пробить слой слизи. А теперь, мистер Джонс, я должен обратиться к довольно важным делам и поэтому пожелаю вам доброго утра. Формальный контракт с упоминанием суммы и всего прочего вы можете подписать с моим главным производителем работ.

Я поклонился и повернулся, но, не дойдя до двери, остановился. Любопытство одолело. Он писал тупым пером, отчаянно царапал бумагу и сердито посмотрел на меня.

— Ну, сэр, чего еще? Я надеялся, что вы ушли.

— Я только хотел спросить вас, сэр, какова может быть цель невероятного эксперимента.

— Прочь, сэр, прочь! — сердито крикнул он. — Старайтесь возвыситься над меркантильными и утилитарными областями торгашества. Пошлите к чертям ваши испытания и деловые стандарты. Наука ищет знания. Пусть знание ведет нас, куда захочет, все равно мы должны стремиться к нему. Узнать раз навсегда, кто мы, почему и где мы находимся — разве это само по себе не величайшая мечта человечества. Идите, сэр, идите.

И опять его огромная косматая голова, склонилась над бумагами и борода разметалась по столу. Тупое перо застряло еще пронзительнее прежнего. Я ушел от этого необык-

новенного человека, а в голове моей вихрем кружились мысли о странном предприятии, участником которого я только что стал.

Придя в свою контору, я застал там широко улыбающегося Тэда Мелоуна, ожидавшего результатов моего визита к Челленджеру.

— Ну? — воскликнул он. — Не стало хуже? Ни скандалов, ни битвы, ни покушения на вашу жизнь? Наверное, вы были с ним очень тактичны. Что вы думаете о старике?

— Самый тяжелый, наглый, нетерпимый, самовлюбленный человек из всех, кого я встречал, но...

— Вот, вот, — перебил Мелоун. — Все мы доходим до этого «но». Верно, он именно таков, как вы говорите, и даже много неприятнее, но чувствуешь, что такого большого человека нельзя измерять нашей обычной меркой и от него можно вынести то, чего не позволишь никому на свете. Не так ли?

— Ну, я не настолько близко его знаю пока, чтобы уверенно ответить, но должен признаться, что если он не просто буйнопомешанный и то, что он утверждает, правда, тогда он действительно выдающаяся личность. Но правда ли это?

— Разумеется, правда. Челленджер всегда прав. Ну, до чего же вы договорились? Говорил он вам о Хенгист-Дауне?

— Да, мельком.

— Ну, так поверьте мне, что это предприятие колоссально — колоссально по замыслу и колоссально по выполнению. Он ненавидит всех газетчиков, но доверяет мне, зная, что я не сообщу больше того, на что он меня уполномочит. Поэтому мне известны его планы, по крайней мере многие из них. Эта такая хитрая старая птица, что никогда не знаешь, что у него творится там, на доньшке. Как бы то ни было, я знаю достаточно, чтобы уверить вас, что Хенгист-Даун совершенно конкретное предложение, почти законченное. Мой вам совет: пока просто ждите событий, но потихоньку готовьтесь к ним, приводите в порядок свои материалы. Вы довольно скоро получите известия или от него, или от меня.

Известия пришли от самого Мелоуна. Через несколько недель он спозаранку явился ко мне в контору в роли вестника.

— Я к вам от Челленджера, — заявил он.

— Вы вроде рыбы-пилота при акуле.

— Я горжусь тем, что значу что-то для него. Он в самом деле удивительный человек. Все готово, и все его расчеты под-

твердились. Теперь ваша очередь, а затем он даст сигнал к поднятию занавеса.

— Не поверю, пока не увижу собственными глазами, но у меня все готово, упаковано и остается только уложить на грузовик. Могу приступить в любой момент

— Тогда приступайте теперь же. Я отрекомендовал вас как на редкость энергичного и пунктуального человека; смотрите не подведите меня. Итак, отправимся по железной дороге, и по пути я вам сообщу, что вам предстоит делать.

Было ясное весеннее утро, — для точности 22 мая, — когда мы пустились в это фатальное путешествие, приведшее меня к событиям, отныне ставшими историческими. По дороге Мелоун передал мне письмо от Челленджера, являвшееся для меня инструкцией.

Сэр!

По приезде в Хенгист-Даун благоволите явиться в распоряжение м-ра Барфорта, главного инженера, посвященного в мои планы. Мой молодой друг Мелоун, податель сего, также имеет к ним касание и может избавить меня от непосредственных переговоров. В настоящее время мы закончили обследование некоторых явлений шахты на уровне четырнадцати тысяч футов и ниже, которое всецело подтвердило мои гипотезы о строении тела планеты, но требуются еще более веские доказательства, прежде чем я смогу произвести известное впечатление на ограниченные взгляды современного научного мира. Эти доказательства надлежит добыть вам, а они будут свидетелями. Спускаясь в лифте, вы заметите, предполагая, что вы обладаете редкой способностью быстро схватывать подробности, что проходите постепенно залежи вторичного мела, угольные пласты, девонские и кембрийские отложения, и, наконец, гранит, через слой которого проходит большая часть нашего туннеля. Дно его в настоящее время покрыто тарполином, и я запрещаю вам снимать его слой, поскольку всякое грубое прикосновение к чувствительной внутренней пленке земного ядра может привести к чудовищным результатам. По моему распоряжению поперек шахты укреплены две крепких балки с настилом в двадцати футах над ее дном, и между ними оставлено небольшое пространство. Оно будет играть роль зажима для ваших приборов артезианского бурения, в частности для трубы. Бура в пятьдесят футов длиной вполне достаточно; на двадцать футов он будет опущен

под настил, так что коснется непосредственно слоя тарполина. Если вы дорожите своей жизнью, не опускайте его ни на дюйм ниже. Тридцатифутовая часть бура будет подниматься над настилом, и когда вы установите его, надо полагать, что в почву он войдет не меньше, чем на сорок футов. Поскольку субстанция почвы здесь чрезвычайно мягкая, я полагаю, что вам даже не понадобится двигательной силы, и труба собственной тяжестью проникнет в те слои, которых мы еще не вскрыли. Этих инструкций совершенно достаточно для нормально развитого человека, но я несколько опасаясь, что вам потребуются дополнительные разъяснения, о которых сообщает мне наш юный друг Мелоун.

Джордж Эдуард Челленджер.

Легко представить себе, что к моменту прибытия на станцию Сторрингтон, близ северной границы Саут-Даунс, я был чрезвычайно взволнован. Несколько карет ждало у старого вокзала. Одна из них потащила нас за шесть-семь миль по проселкам и кочкам, глубоко взрытыми колеями, доказывавшими, что здесь происходило оживленное движение. Сломанное колесо автомобиля лежало в стороне и свидетельствовало, что не нам одним путь казался тяжелым. Однажды сбоку мы увидели разбитый остов крупной машины, и мне показалось, что я различаю клапаны и поршны гидравлического насоса.

— Это все работа Челленджера, — ухмыльнулся Мелоун. — Говорят, что машина оказалась неточной на одну десятую дюйма и он попросту вышвырнул ее вон.

— И, конечно, возникло судебное дело?

— Судебное дело. Дорогой мой, да тут следует открыть постоянное отделение суда. У нас дел в суде хватит на целый год. Да и правительству тоже. Старый черт никого не боится. Король против Джорджа Челленджера и Джордж Челленджер против короля — это наше нормальное состояние. Потом им обоим придется-таки потаскаться по судам. Ну, приехали! Дженкинс, вы можете нас пропустить.

Высокий человек с изуродованным ухом заглянул в автомобиль и подозрительно осмотрел нас. Узнал Мелоуна и приветствовал его.

— Ладно, мистер Мелоун. А я думал, что это от американского «Ассошиэйтед Пресс».

— О, они тоже пытались попасть сюда.

— Сегодня они, а вчера парни из «Таймса». О, они тут рыщут, как охотничьи собаки. Вот посмотрите-ка.— Он указал на далекую темную точку на горизонте.— Не угодно ли? Это телескоп чикагской газеты «Дейли Ньюс». Да, они здорово охотятся за нами. Я слышал, как они галдели, как стоя в орон, там у маяка.

— Бедная газетная братия,— сказал Мелоун, ведя меня через калитку чудовищно опутанной колючей проволокой изгороди.— Я сам из их сословия и знаю, каково им приходится.

В эту минуту мы услышали позади жалобное блеянье:

— Мелоун, Тэд Мелоун!

Блеял маленький толстенький человечек, только что подкативший на мотоцикле и теперь барахтавшийся в объятиях геркулеса-сторожа.

— Эй, пустите меня! — кричал он.— Уберите лапы. Мелоун, отзовите вашу гориллу.

— Отпустите его, Дженкинс. Это мой приятель,— крикнул Мелоун.— Ну, старый боб, в чем дело? Чего вам надо в этих краях? Ваше место на Флит-стрит, а не в диких оврагах Сассекса.

— Вы прекрасно знаете, чего мне нужно,— ответил посетитель.— Я получил приказ написать статью насчет Хенгист-Дауна и не могу явиться обратно без материала.

— Очень жаль, Рой, но здесь вы ничего не получите. Вам придется остаться по ту сторону проволоочной изгороди. Если это вам не улыбается, придется вам пойти к профессору Челленджеру и взять у него пропуск.

— Был уже,— мрачно сказал журналист.— Сегодня утром.

— Ну, что же он сказал?

— Он пообещал выкинуть меня в окно.

Мелоун засмеялся.

— А вы что?

— Я сказал: «А почему не через дверь?» — и вышел через нее, чтобы доказать, что и это неплохой путь. Спорить было некогда, и я просто ушел. А вы, Мелоун, кажется, завели дружбу с бородатым ассирийским быком в Лондоне и с этим душителем, который совсем испортил мой новый целлулоидный воротничок.

— Ничем не могу вам помочь, Рой; помог бы, если бы имел возможность. На Флит-стрит говорят, что вас ни разу не били, но вы были очень близки к потере своей репутации.

Возвращайтесь в свою редакцию, и если подождете несколько дней, я, как только старик позволит, дам вам информацию.

— И никак нельзя туда проникнуть?

— Никак.

— Деньги?

— Вы сами знаете, что нет.

— Говорят, что здесь прокладывают прямой путь в Новую Зеландию?

— Для вас это будет прямой путь в больницу, Рой, если вы здесь будете мешать. Пока прощайте. Нам надо заняться своим делом.

— Это Рой Перкинс, военный корреспондент, — говорил мне Мелоун, пока мы шли через огражденный участок. — Мы ему натянули нос; а он считался неотразимым и вездесущим репортером. Ему помогает проникать всюду толстое невинное личико. Ну, мы подходим к главному штабу. Вот, — он указал на группу барачков с красными крышами, — это рабочие бараки. Тут живет множество рабочих, оплачиваемых много выше обычного. Но они обязаны быть холостяками или вдовцами и дают клятву сохранять служебную тайну. Не думаю, чтобы кто-нибудь из них пожелал уйти с работ. Вот их футбольная площадка, а этот дом — библиотека и клуб. Смеем вас уверить, старик неплохой организатор. А вот мистер Барфорт, главный инженер и производитель работ.

К нам приближался высокий худой меланхолический человек; его морщинистое лицо было озабочено.

— Очевидно, вы и есть инженер-артезианец, — мрачно сказал он. — Мне передали, что вы должны приехать. Чрезвычайно рад вашему приезду, потому что, скажу откровенно, эта ответственность начинает мне действовать на нервы. Мы работаем на ура, и я не знаю, что нам попадется дальше: источник ли меловой воды, пласт ли угля, фонтан нефти или, может быть, язык адского пламени. Мы вытащили оттуда все, что можно, но, насколько мне известно, последняя часть работы за вами.

— Там очень жарко, внизу?

— Н-да, жарковато, этого отрицать не приходится. И все же, пожалуй, там не жарче, чем полагается при таком атмосферном давлении на столь ограниченную площадь. Разумеется, вентиляция отвратительная. Мы накачиваем воздух вниз, но все равно больше двух часов человеку выдержать трудно, а они все работают с большой охотой. Вчера профессор спу-

скался вниз сам и остался очень доволен всем. Пойдемте-ка позавтракаем вместе с нами, а потом вы все увидите сами.

После умеренной и быстрой закуски главный инженер любезно и основательно ознакомил нас со своим управлением и повел через ряд свалок использованных машин и орудий, сквозь которые уже пробивалась трава. В одном месте мы увидели огромную гидравлическую землечерпалку Арроля, освобожденную от чехла, которая одна из первых начала раскопки в этом месте. Около нее находилась крупная машина, выпускавшая бесконечный стальной канат, к которому был прикреплен ряд черпаков; эти черпаки непрерывно поднимали на поверхность земли обломки камня и мусор из шахты, по мере ее углубления. В здании силовой станции работало несколько большой мощности турбин Эшер-Висса, дававших до ста сорока оборотов в минуту и управлявших гидравлическими аккумуляторами, доводившими давление до тысячи четырехсот фунтов на квадратный дюйм, по трехдюймовым трубам передававшееся в шахту и приводившее в движение четыре скальных сверла с полыми наконечниками типа Брандта. К турбинному зданию примыкала электрическая станция, дававшая ток для огромных осветительных установок. Тут же находилась дополнительная турбина в двести лошадиных сил, приводившая в движение десятифутовый вентилятор, по двенадцатидюймовым трубам нагнетавший воздух на самое дно шахты. Показ всех этих чудес сопровождался техническими пояснениями гордых своими питомцами руководителей, донимавших меня техническими терминами, что я, в свою очередь, делаю по отношению к читателю. К счастью, вскоре объяснения были прерваны; я услышал шум колес и увидел, что мой трехтонный Лейланд, подпрыгивая и покачиваясь, катит по траве, нагруженный сверлами и разборными частями труб. На грузовике восседал мой десятник Питерс и рядом с шофером — рабочий мрачного вида. Оба тотчас же соскочили и принялись разгружать машину, а мы с главным инженером и Мелоуном направились к шахте.

Это было гораздо более удивительное место, чем я себе представлял. Горы земли — тысячи тонн, вынутые из шахты — были расположены в форме гигантской подковы и образовывали весьма солидный холм. Внутри этой подковы, состоящей из мела, глины, угля и гранита, возвышалась конструкция — целый хаос прочных стальных балок и колес — где сосредоточилось все управление многочисленными насосами и

лифтами. Они были соединены с кирпичным зданием силовой станции, замыкавшей концы подковы. Под железным остовом была открыта пасть шахты, огромный глубокий колодец, футов тридцати-сорока в диаметре, выложенный внутри кирпичом и цементом. Нагнувшись над краем колодца, я заглянул в ужасающую бездну, которая, как мне говорили, имела около восьми миль в глубину, и у меня закружилась голова при одной мысли о том, что она в себе таит. Солнечный свет по диагонали проникал в отверстие, и я мог различить всего какую-нибудь сотню ярдов стены из грязного мела, тут и там в слабых местах укрепленный кирпичной кладкой и цементом. И вот, смотря вниз, я увидел далеко-далеко в беспросветной глубине легкий лучик света, мельчайшую световую точку, но немигающую и ясную в этой черной бездне.

— Что это за свет? — спросил я.

Мелоун склонился над парашютом рядом со мной.

— Это поднимается один из лифтов. Не правда ли, чудесное зрелище? Он от нас на расстоянии мили или того больше, а этот слабый свет — мощный дуговой фонарь. Лифт поднимается быстро и будет здесь через несколько минут.

И верно, световая точка все росла и росла, пока не заполнила колодец серебристым сиянием и я должен был отвернуться от невыносимо сильного блеска. А через мгновение клетка лифта остановилась наверху среди железных переплетов, четверо людей вышли из нее и направились к выходу.

— Почти все внизу, — сказал Мелоун. — Это не шутка проработать два часа на такой глубине. Ну, кое-что из ваших инструментов готово к работе. Самое лучшее, по-моему, что нам следовало бы предпринять, — это спуститься вниз. Там вы будете иметь возможность сами определить ситуацию.

У машинного отделения была небольшая пристройка, куда Мелоун и привел меня. Здесь по стенам висело множество мешковатых костюмов типа прозодежды из легкого материала. По примеру Мелоуна я разделся до последней нитки и напялил один из этих костюмов, а на ноги надел туфли на резиновой подошве. Мелоун был готов раньше меня и первым вышел из пристройки. Через мгновение я услышал такой шум, точно десяток псов сцепились в смертельной схватке; я бросился во двор и увидел, что мой друг катается по земле, обхватив руками рабочего, который помогал разгружать мои артезианские трубы. Мелоун старался что-то вырвать у него, а тот судорожно цеплялся за этот предмет. Но Мелоун ока-

зался сильнее его, вырвал у него предмет, из-за которого шла борьба, и до тех пор топтал его ногами, пока предмет не обратился в кучу обломков. Только тут я различил бранные останки фотографической камеры. Мой мрачный рабочий поднимался, отряхивая пыль.

— Черт вас дерит, Тэд Мелоун! — сказал он. — Это был совсем новенький аппарат и стоил десять гиней.

— Ничего не поделаешь, Рой! Я видел, как вы сделали снимок, и мне оставалось только броситься на вас.

— Каким чертом вы обратились в моего рабочего? — с негодованием спросил я.

Репортер лукаво подмигнул и ухмыльнулся.

— Всегда найдутся разные пути-дорожки. Не вините вашего десятника, он тут ни при чем. Я обменялся платьем с его помощником и таким образом попал сюда.

— И можете уйти отсюда тем же путем, — заявил Мелоун. — Спорить нечего, Рой! Будь здесь Челленджер, он без дальнейших разговоров спустил бы на вас собак. Я сам бывал в вашем положении и поэтому обращаюсь с вами по-человечески, но здесь я превращаюсь в цепную собаку и должен не только лаять, но и кусаться. Ну, довольно! Проваливайте...

Двое улыбающихся рабочих вывели строптивого посетителя за пределы запретной зоны.

Наконец-то теперь читающая публика узнает причины появления знаменитой четырехколонной статьи, под заглавием «Сумасшедший проект ученого» с подзаголовком «Туннель Англия — Австралия», напечатанный через несколько дней в «Эдвайзере»; она была в свою очередь, причиной того, что Челленджера чуть не хватил апоплексический удар, а редактор «Эдвайзера» имел с ним самую неприятную в своей жизни беседу, едва не закончившуюся рукоприкладством. Статья представляла собой сильно приукрашенный и извращенный отчет о приключениях Роя Перкинса, «нашего испытанного военного корреспондента», и пестрела такими выражениями, как «бешеный бык из Энмор-Гарденс», «машины охраняются изгородью из колючей проволоки, овчарками-ищейками», и, наконец, «меня оттащили от входа в Англо-Австралийский туннель двое негодяев, свирепые дикари, один из которых был «Джек на все руки», который был мне известен и раньше как позор касты журналистов, а другой — жуткая фигура в тропическом костюме — разыгрывал из себя инженера-специалиста по артезианскому бурению, хотя по

внешности это типичный хулиган из Уайтчепела». Сведя с нами счеты, репортер подробно описывал рельсовый путь у входа в шахту и ступенчатые спуски вниз, по которым якобы фуникулер — зубчатая железная дорога — пройдет в недра земли. Единственным реальным следствием статьи было увеличение числа зевак, дежуривших на Саут-Даунс в ожидании интересных событий. Настал день, когда события разразились, и тогда они горько раскаялись в своем любопытстве.

Мой десятник со своим мнимым помощником успел распаковать разнообразные приспособления для артезианского бурения, и я хотел принять участие в сборке, но Мелоун настоял на том, чтобы пока оставить все инструменты в покое и спуститься сейчас же на самое дно шахты. Мы вошли в стальную клетку лифта в сопровождении главного инженера и полетели вниз в недра земли. В шахте была целая система автоматических лифтов, причем каждый имел отдельное управление и собственную станцию, помещавшуюся в нише выдолбленной в стене шахты. Скорость движения лифтов была огромна, но ощущение напоминало скорее поездку по вертикальной железной дороге, чем безудержное падение, типичное для всех британских лифтов.

Стены лифта были из стальных прутьев, внутри была сильная лампа, и мы отчетливо могли видеть слои пород, сквозь которые мчались. И я машинально классифицировал их во время головокружительного спуска. Начав с желтоватых слоев нижнего мела, мы прошли отложения группы Гастингса кофейного цвета, светлые слои ашбернхэмских пород, черные угленосные глины, и затем, блестя под лучами электрического света, замелькали, заискрились чешуйками каменноугольных напластований вперемежку с прослойками глины. Тут и там виднелись кирпичные крепления, но в целом шахта держалась без искусственных укреплений, и можно было удивляться поразительным результатам сотрудничества человеческой мысли с механической силой.

Ниже залегания пластов угля пошли какие-то смешанные породы неопределенного вида, затем мы вошли в зону первобытных гранитов, где кристаллы кварца сверкали и переливались так, точно темные стены были покрыты бриллиантовой пылью.

Мы спускались все ниже и ниже; теперь мы были на глубине, куда еще прежде не спускался смертный. Архаические скалы чудесно меняли окраску, и я никогда не забуду широ-

кого пояса розового гнейса, который засиял неземной красотой под лучами наших сильных ламп.

Ярус за ярусом, переходя из лифта в лифт, спускались мы вниз; воздух становился все плотнее и горячее, пока, наконец, даже легкие наши одеяния стали непереносимы, и пот стескал струйками в наши резиновые туфли.

Наконец, когда я почувствовал, что дальше не вынесу, последний лифт спустился на площадку, и мы вышли на узкую платформу, высеченную в стене и обегавшую вокруг шахты. Я заметил, как Мелоун тревожно осмотрел стену по выходе. Не зная я его как одного из храбрейших людей, я бы сказал, что он сильно нервничал.

— Забавная штука, — сказал главный инженер, проводя рукой по стене. Он осветил стену и показал, что она покрыта какой-то странной мерцающей пеной.

— Стены порой вздрагивают и сотрясаются. Я не знаю, с какими силами мы имеем дело. Профессор, видимо, очень доволен всем этим, но для меня это ново и непонятно.

— Я тоже видел, как вздрагивала эта стена, — добавил Мелоун. — Последний раз, спускаясь сюда, мы укрепили два параллельных бруса для ваших буравов, и когда пришлось вырубать кусок скалы, чтобы дать опору брусам, я отчетливо видел, как она сотрясалась и вздрагивала при каждом ударе. Теория старика кажется абсурдом в городских лондонских условиях, но здесь, на глубине восьми миль, я начинаю почти верить в нее.

— А если бы вы видели, что находится под этим покрывалом, вы уверовали бы еще больше, — ответил старший инженер. — Все эти нижние слои скал режутся легко, как сыр, и, прорезав их, мы добрались до совершенно невиданной на земле формации. «Закройте ее! Не смейте прикасаться к ней!» — закричал профессор, и мы застелили ее тарполиновым покрывалом по его инструкции. Вот она перед вами.

— Можно посмотреть?

Испуг искажил черты инженера.

— Нельзя шутить с инструкциями профессора, — сказал он. — Он так дьявольски скрытен, что никогда не знаешь, что он там затевает. Ну, все равно попробуем!

Он повернул лампу так, что мощный рефлектор ярко осветил черное покрывало, потом наклонился и, взяв веревку, соединенную с четырьмя углами покрывала, потянул за нее и обнажил кусочек слоя, лежавшего у наших ног.

Странное, удивительное зрелище! Пол шахты состоял из какого-то мягкого сероватого вещества, гладкого и блестящего, поднимавшегося и опадавшего в медленных конвульсиях. Волны движения, пробежавшие по нему, имели какой-то неуловимый ритм. Сама поверхность была не из однородного материала, а по ней, видимые сквозь полупрозрачное вещество, были расположены какие-то расплывчатые светлые каналы и узлы, все время изменявшие свою форму и объем.

Мы все трое затаив дыхание следили за этим необыкновенным зрелищем.

— Такой вид, точно у животного содрали кожу,— приглушенным шепотом заметил Мелоун.— Старик не очень далек от истины со своей теорией морского ежа.

— Боже мой! — воскликнул я.— И я должен вонзить гарпун в тело живого существа!

— Да, это ваша привилегия, сын мой,— отозвался Мелоун,— и должен заметить, что если до того времени не сверну себе голову, то буду рядом с вами в этот интереснейший момент.

— А я не хочу,— решительно заявил главный инженер.— Никогда я еще не участвовал в более дикой истории. Если же старик будет настаивать, я лучше подам в отставку. Батюшки мои! Смотрите-ка!

Серое вещество вдруг точно вспучилось и двинулось к нам наподобие морской волны, лижущей борт парохода. Потом она опала, пульсируя и волнуясь, и снова начались ритмичные конвульсии. Барфорд стал осторожно опускать покрывало.

— Такое впечатление, точно оно знает о нашем присутствии,— сказал он.— Почему оно, в самом деле, стало подниматься именно в нашу сторону? Может быть, под влиянием света?

— Что же от меня требуется? — спросил я.

Мистер Барфорд указал на толстые прутья, перекинутые через шахту как раз под опускной площадкой лифта. Между брусьями был просвет дюймов в девять.

— Это желание старика,— сказал он.— Я мог бы укрепить их значительно лучше, но спорить с ним все равно, что пытаться убедить бешеного буйвола. Проще и безопаснее автоматически выполнять его распоряжения. Он хочет, чтобы вы укрепили на этих брусьях ваш шестидюймовый бурав.

— Ну, не думаю, чтобы тут встретились какие-нибудь трудности,— ответил я.— Сегодня же принимаюсь за работу.

Легко себе представить, что это была самая странная работа в моей долгой практике, хотя мне приходилось работать во всех частях света и в самых разнообразных условиях. Поскольку профессор Челленджер так настаивал, чтобы управление буровом происходило на дальнем расстоянии, и поскольку теперь я убедился, что в этой предосторожности была самая насущная необходимость, мне пришлось выработать систему электрического контроля, что было нетрудно, так как шахта сверху донизу была опутана электрическими проводами.

С бесконечными предосторожностями мы с Питерсом, моим десятником, доставили вниз все свои аксессуары и сложили на скалистой платформе. Потом мы подняли повыше опускную площадку лифта и освободили себе место для этой работы. Решив избрать для работы метод вколачивания, поскольку здесь достаточно было одной силы тяжести, мы подвесили стофунтовый груз на блоке под площадкой лифта, а под ним установили наши трубы и гарпун с V-образным концом. Наконец, трос, поддерживающий груз, был прикреплен к стене шахты таким образом, чтобы электрический контакт освобождал его. Это была трудная, тонкая работа, проделанная более чем в тропической жаре, сопровождавшаяся постоянным сознанием, что оступись нога, упади гайка на покрытие и может разразиться непоправимая катастрофа.

Окружающая обстановка тоже действовала на нервы. Все время я наблюдал странную дрожь и волнение, пробегавшее по поверхности стен, и даже чувствовал легкое дрожание их при малейшем прикосновении. Ни Питерс, ни я не испытали ни малейшего огорчения, в последний раз давая сигнал наверх, что мы готовы к подъему, и докладывая мистеру Барфорду, что профессор Челленджер может приступить к опыту, когда ему заблагорассудится.

Долго ждать не пришлось. Через три дня после окончания моих подготовительных работ пришло приглашение.

Это был обычного типа пригласительный билет, какие рассылаются для приглашения на семейное торжество, и текст его был таков:

ПРОФЕССОР Д.Э.ЧЕЛЛЕНДЖЕР

Ч.К.О., М.Д., Д.Н. и т.д.

(бывший председатель Зоологического института и обладатель такого количества ученых степеней, что уме-

стить их все на этом билете не представляется возможным) приглашает мистера ДЖОНСА (его, а не ее) в 11.30 утра, в среду 21 июня, быть свидетелем замечательного триумфа ума над материей, в ХЕНГИСТ-ДАУН, САССЕКС.

Специальный поезд отбывает со станции Виктории в 10.5. Пассажиры оплачивают проезд из собственных средств. После опыта завтрак. А может быть и не будет, смотря по обстоятельствам.

Станция назначения — Сторрингтон.

Мелуон тоже получил подобное приглашение, и, придя к нему, я увидел, что он хохочет.

— Как нелепо посылать приглашение нам, — сказал он. — Мы все равно будем там, что бы ни случилось, как сказал палач убийце. Но, знаете, от этого весь Лондон загудел. Старик добился чего хотел, и вокруг его косматой головы светится ореол блаженства.

Итак, наконец наступил великий день. Я решил, что будет лучше поехать накануне с вечера, чтобы лично убедиться, что все в порядке. Бурав-гарпун был установлен вполне точно, груз был тщательно уравновешен, электрический контроль действовал без отказа, и я был втайне рад, что непосредственно управление опытом не будет поручено мне. Рубильник, включающий ток, был установлен на трибуне не менее чем в пятистах ярдах от жерла шахты, чтобы свести до минимума возможность опасных последствий.

В это роковое утро прекрасного летнего дня я, выбравшись на поверхность земли, взобрался на одну из решетчатых башен шахты, чтобы окинуть взором поле.

Казалось, весь мир устремился сюда, в Хенгист-Даун. Насколько хватало глаз, все дороги были усеяны толпами. Автомобили, фырча и подпрыгивая на кочках, подъезжали один за другими и высаживали пассажиров у прохода через проволочную ограду. Здесь для большинства и кончался путь.

Сильный отряд охраны стоял у входа и был глух ко всем уговорам и подкупам; только предъявив пригласительный билет, можно было проникнуть за крепкую изгородь. Неудачники расходились и присоединялись к необозримым толпам, собравшимся на холмах. Все поле было покрыто густой толпой зрителей. Такое скопление народа бывает только на холмах Эпсوما в день Дерби. Внутри территории раскопок проволокой были отделены несколько участков, и привилегиро-

ванные посетители были размещены в них специальными распорядителями. Один участок был отведен для пэров, один для членов Нижней Палаты, один для представителей обществ, для светил науки, в числе которых был Ле-Пеллье из Сорбонны и доктор Дрейзингер из Берлинской Академии. Специальный павильон, обложенный мешками с песком и с крышей волнистого железа, стоял в стороне, предназначенный для королевской фамилии.

В четверть двенадцатого множество шарабанов доставили со станции специально приглашенных гостей, и я спустился вниз, чтобы присутствовать при церемонии приема около королевского павильона. Челленджер имел потрясающий вид во фраке, белом жилете, сверкающем цилиндре, а на лице его было выражение презрительного превосходства и довольно грязной благожелательности; он был преисполнен важности и сознания собственного достоинства. «Типичная жертва мании величия», — как отозвался о нем один из хроникеров. Он помогал разводить, а иногда и расталкивать гостей по местам, а потом, собрав вокруг себя избранных гостей, занял место на трибуне на холме и оглядел собравшихся с видом председателя, ожидающего аплодисментов аудитории. Но, поскольку таковых не последовало, он сразу перешел к делу, и его сильный гудящий бас наполнил всю территорию раскопок.

— Джентльмены! — загремел он. — На этот раз я избавлен от обращения «леди и джентльмены». Если я не пригласил их провести вместе с нами это утро, то, смею вас уверить, не для того, чтобы обидеть их, поскольку, — прибавил он со слоновым юмором, — наши взаимоотношения с ними всегда были самыми дружелюбными. Настоящая причина та, что все же в моем опыте имеется в небольшой степени элемент опасности, хотя этого как будто недостаточно, чтобы рассеять выражение неудовольствия, которое я замечаю на некоторых лицах. Представителям печати будет небезынтересно знать, что специально для них я отвел верхние места на гребне холма, откуда они лучше других смогут видеть все происходящее. Они обнаружили к моему опыту такой интерес, порой неотличимый от вмешательства в мои дела, что, наконец, теперь-то они не смогут пожаловаться, что я сопротивляюсь всем их усилиям. Если ничего не случится, — а случайности возможны всегда и во всем, — что же, я сделал для них, что мог! Если, наоборот, что-нибудь случится, они будут находиться в исключительно удобных условиях для наблюдения и

записывания, если найдется что-либо заслуживающее их просвещенного внимания.

Вы отлично понимаете, что для человека науки невозможно объяснить, — говоря без всякого оскорбительного оттенка, — обыкновенному стаду различные причины, приводящие его к тому или иному заключению или действию. Я слышу весьма невежливые замечания и прошу джентльмена в роговых очках перестать махать зонтиком.

(Голос: Вы оскорбительно отвечаете своих гостей!)

— Возможно, что мои слова «обыкновенное стадо» привели джентльмена с зонтиком в столь возбужденное состояние. Хорошо, скажем, что мои слушатели необыкновенное стадо. Не будем придирается к словам. В тот момент, когда меня прервали дерзким замечанием, я намеревался сказать, что весь материал по настоящему опыту полно и подробно изложен в моем выходящем труде о строении земли, которой я, при всей своей скромности, могу назвать одной из величайших, делающих эпоху книг в мировой истории.

(Общее волнение. Крики: «К делу! Дайте факты! Зачем нас созвали? Что это — шутка? Издевательство?»)

— Я еще раз собрался приступить к объяснению, и если еще раз меня прервут, я буду вынужден принять свои меры к восстановлению порядка, поддержание которого самостоятельно, видимо, недоступно собравшимся. Дело в том, что я прорыл шахту, пробившись через земную кору, и собираюсь проверить эффект неприятного раздражения ее чувствительного слоя; эта деликатная операция будет произведена моими подчиненными, мистером Пирлессом Джонсом, специалистом по артезианскому бурению, и мистером Эдуардом Мелуном, который в данном случае является моим уполномоченным представителем. Обнаженная, чувствительная субстанция подвергается уколу буравом, а как она будет на это реагировать, покажет будущее. Если теперь вы будете любезны занять свои места, эти два джентльмена спустятся в шахту и произведут последние приготовления. Затем я включу электрический контакт вот здесь — и все будет кончено.

Обычно после одной из подобных речей Челленджера аудитория чувствует, что у нее, как у Земли, содрана защитная эпидерма и обнажены нервы. И эта аудитория не представляла исключения и с глухими ворчанием стала расходиться по местам. Челленджер один остался на трибуне за маленьким столиком, огромный, коренастый, с развевающей-

ся черной гривой и бородой. Но мы с Мелоуном не могли полностью насладиться этим забавным зрелищем и поспешили к шахте. Через двадцать минут мы были на дне и снимали покрывало с обнаженного серого слоя.

Нашим глазам открылось поразительное зрелище. Благодаря какой-то непонятной космической телепатии, старая планета точно угадывала, что по отношению к ней несчастные букашки намерены позволить себе неслыханную дерзость. Обнаженная поверхность волновалась, как кипящий горшок. Большие серые пузыри вздувались и лопались с треском. Воздушные пузыри и пустоты под чувствительным покрывалом сходились, расходились, меняли форму и проявляли повышенную активность. Волнообразные судороги материи были сильнее, и ритм их участился. Темно-пурпурная жидкость, казалось, пульсировала в извилистых каналах, сетью расползавшихся под мягким серым покровом. Ритм — дрожание жизни — чувствовался здесь. Тяжелый запах отравлял воздух и делал его совершенно непереносимым для человеческих легких.

Я как зачарованный созерцал это странное зрелище, когда позади меня Мелоун вдруг тревожно зашептал:

— Боже мой, Джонс, смотрите!

В одно мгновение я посмотрел туда, потом включил электрический контакт — и в следующий момент прыгнул в лифт.

— Скорее, сюда! — воскликнул я. — Дело идет о жизни и смерти! Только быстрота спасет нас!

Действительно зрелище внушало серьезную тревогу. Вся нижняя часть шахты, казалось, заразилась той интенсивной активностью, которую мы заметили на дне; стены дрожали и пульсировали в одном ритме с серым слоем. Эти движения передавались углублениям, о которые опирались концы брусьев, и было ясно, что брусья упадут вниз. А при их падении острый конец моего бурава вонзится в землю независимо от электрического контакта, обрывающего тяжелый груз. Прежде чем это случится, нам с Мелоуном необходимо быть вне стен шахты, — дело шло о нашей жизни. Ужасное ощущение — находиться на глубине восьми миль под землей и чувствовать, что каждый момент сильная конвулсия может вызвать катастрофу.

Мы бешено понеслись вверх.

Забудем ли мы этот кошмарный подъем? Сменяющиеся лифты визжали и громыхали, и минуты казались нам долги-

ми часами. Достигая конца яруса, мы выскакивали из лифта, бросались в следующий и летели все выше и выше. Через решетчатые крыши лифтов мы могли видеть далеко наверху маленький кружок света, указывающий выход из шахты. Светлое пятно становилось все больше и больше, пока не превратилось в полный круг и перед нашими глазами не замелькали кирпичные крепления устья шахты. И потом — это был момент сумасшедшей радости и благодарности — мы выпрыгнули из стальной темницы и ступили снова на зеленую поверхность луга.

Мы поспешили как раз вовремя. Не успели мы отойти и тридцати шагов от шахты, как там, глубоко внизу, мой острый гарпун вонзился в нервный покров старушки Земли и наступил момент великого эксперимента.

Что произошло? Ни Мелоун, ни я не были в состоянии сказать, потому что точно порыв циклона сшиб нас обоих с ног и покатиł по траве, как ветер гонит пару сухих листьев. В тот же момент наш слух был поражен самым отчаянным воплем, какой только слышало ухо человека.

Кто из тысячи присутствующих сумел бы точно описать этот ужасный потрясающий вой? Это был вой, где боль, гнев, угроза и оскорбленное величие планеты смешались в один страшный долгий крик. Целую минуту стоял этот вой тысячи сирен, соединенных в одну, парализуя толпы зрителей свирепой угрозой, затем пронесся в тихом летнем воздухе, отдался эхом по всему южному берегу и даже перелетел через канал и донесся до Франции. Ни один звук в истории человечества не мог сравниться с воплем раненой планеты.

Оглушенные, полуразбитые, мы с Мелоуном ощутили и удар, и страшный звук, но только из рассказов других свидетелей происшедшего узнали подробности невероятного зрелища.

Первыми из недр вылетели клетки лифтов. Другие машины, помещенные в нишах стен, избежали их участи, но массивные полы лифтов приняли на себя всю силу удара воздушного течения снизу вверх. Если в стеклянную трубку заложить несколько шариков, то они вылетят друг за другом с интервалами, каждый отдельно. Так же и четырнадцать клеток лифтов одна за другой взлетели над шахтой и описали величественную параболу; один из лифтов был заброшен в море недалеко от набережной Уортинга, другой упал в поле близ Чичестера. Зрители клялись потом, что никогда не видели

ничего более замечательного, чем это зрелище четырнадцати лифтов, неторопливо плывущих в небесной лазури.

Потом забил гейзер. Это был огромный фонтан скверной, тягучей, как патока, субстанции плотности смолы, ударившей ввышину на две тысячи футов. Аэроплан-наблюдатель, паривший над полем, был сбит этим фонтаном, совершил вынужденный спуск, и летчик вместе с машиной зарылись в потоке вонючей грязи. Противная жидкость, обладающая невыносимо едким запахом, является, по-видимому, тем, что заменяет кровь для земного организма, или, как утверждает Челленджер и поддерживает Берлинская Академия, является защитной секрецией аналогичной зловонным выделениям каракатицы, которой природа снабдила старуху-планету для защиты от наглых Челленджеров.

Сам виновник торжества, сидя на своей трибуне на холмике, избежал всяких неприятностей, тогда как несчастные представители прессы, находясь прямо под обстрелом вонючего фонтана, мгновенно пришли в такой вид, что ни один из них в течение нескольких недель не был в состоянии появиться в приличном обществе. Вонючий дождь разносился ветром к югу и падал на несчастную толпу, так долго и нетерпеливо ожидавшую на холмах великого момента. Несчастных случаев не было. Ни одно жилище не пострадало, но много домов пропахло этой ядовитой секрецией и долго еще хранило запах как воспоминание о великом опыте Челленджера.

Потом рана стала затягиваться. Как природа тихо и упорно закрывает причиненную рану, так и Земля с огромной быстротой стала штопать Челленджерovu прореху. С долгим, протяжным кряхтением стали сходиться стены шахты, и из глубины доносился пульсирующий шум; потом стали вытягиваться вверх, пока с грохотом не развалились кирпичные постройки; затем стены сошлись, прошло по земле колебание, как при землетрясении, колыхнуло холмы, и над тем местом, где была шахта, выпятился бугор футов в пятьдесят вышиной и на нем пирамидами торчали обломки железных ферм и башен.

Опыт профессора Челленджера был не только окончен, но и навсегда скрыт от человеческих взоров. Если бы не обелиск, воздвигнутый Королевским Обществом, сомнительно, поверили ли бы потомки в то, что этот опыт был на самом деле.

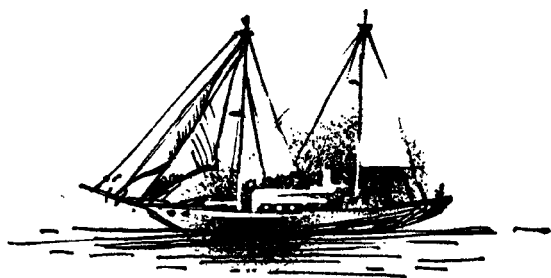
Затем настал апофеоз. Долгое время после этого поразительного явления по лугу пробежал только тихий шепот; зри-

тели приходили в себя, старались собрать мысли, осознать, что произошло, как и почему. И потом их обуяло преклонение перед человеческим гением, добравшимся до скрытых веками тайн природы. Повинуясь непреодолимому импульсу, все, как один человек, обратились к Челленджеру. Со всех концов луга раздались крики восторга, и с вершины своего холмика он мог видеть целое море лиц и приветственное колыхание платков. Толпа приветствовала ученого. Теперь, оглядываясь в прошлое, я вижу его еще лучше, чем тогда. Он поднялся с полужакрытыми глазами, с улыбкой гордости и удовлетворения, левой рукой упершись в бок, правую заложив за борт фрака. Конечно, эта поза его будет увековечена; я слышал щелканье затворов фотографических камер, точно щелканье мячей на крокетном поле. Июньское золотое солнце освещало его, когда он торжественно повернулся и отвесил поклон на все четыре стороны. Челленджер — сверхчеловек, Челленджер — архипионер, Челленджер — первый из всех людей, о существовании которого узнала мать-Земля!

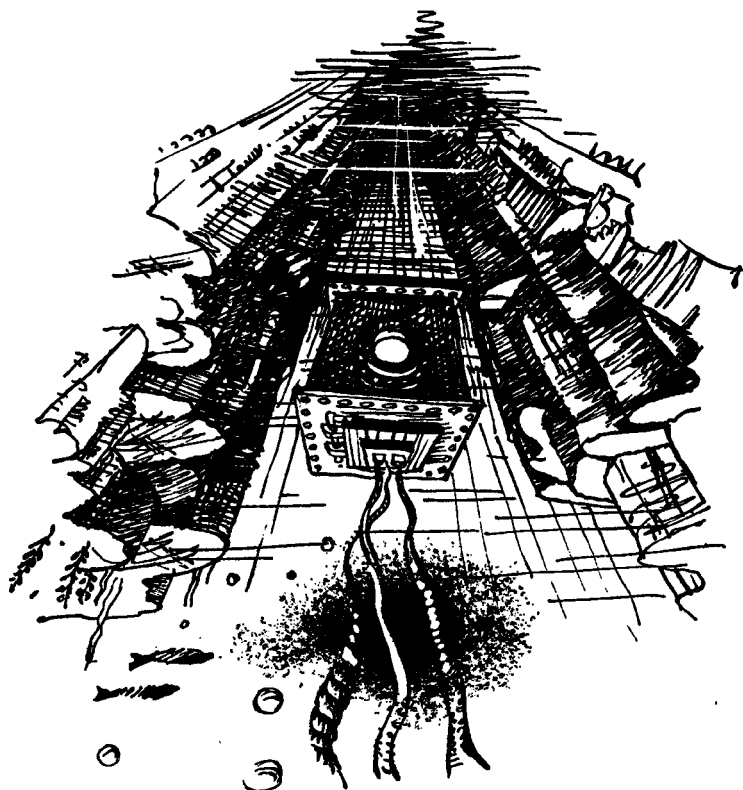
Несколько слов в качестве эпилога. Всем, конечно, хорошо известно, что эффект опыта Челленджера отразился во всем мире. Правда, ни в одном пункте раненая планета не испустила такого вопля, как именно в месте ранения, но она с достаточной убедительностью доказала, что представляет единый организм, своим поведением в прочих местах мира. Через каждую отдушину, через каждый вулкан выла она, выражая свое негодование. Гекла вопила так, что исландцы боялись извержения. Везувий усиленно дымился. Этна выплюнула большое количество лавы и иск в полмиллиона лнр за убытки был вчинен против Челленджера в итальянских судах владельцами пострадавших виноградников. Даже в Мексике и в горных цепях Центральной Америки обнаружались признаки активной вулканической деятельности, а вопли Стромболи оглушили всю восточную часть Средиземного моря.

До сих пор пределом человеческого чванства было — заставить говорить о себе весь мир.

А заставить весь мир кричать о себе — это привилегия одного Челленджера.

МАРАКOTOBA БEЗДНА

Глава I

Так как эти документы попали в мои руки для издания, я должен предварительно напомнить читателю о трагическом исчезновении паровой яхты «Стратфорд», которая год назад вышла в море для океанографических исследований и изучения морских бездн. Организовал экспедицию Маракот, доктор географических наук, знаменитый автор «Ложнокоралловых формаций» и «Морфологии пластинчатожаберных». Доктора Маракота сопровождал мистер Сайрес Хедли, бывший ассистент Зоологического института в Кембридже, перед отправлением в плавание работавший в Оксфорде сверхштатным приват-доцентом. Судно вел капитан Хови, опытный моряк. Команда состояла из двадцати трех человек, в их числе американец — механик с завода Мерибэнкс в Филадельфии.

Все они — и команда, и пассажиры — исчезли без следа, и единственным воспоминанием о «Стратфорде» было донесение одного норвежского барка, который встретил корабль, вполне подходивший к приметам погибшего судна, и видел, как он пошел ко дну во время сильной бури осенью 1926 года. Позже, по соседству с местом, где разыгралась трагедия, был найден спасательный ящик с надписью «Стратфорд»; там же плавали решетки, сорванные с палубы, спасательный буюк и части спардека. Все это вместе с отсутствием каких-либо сведений о корабле создавало полную уверенность в том, что никто и никогда не услышит больше ни о нем, ни о его команде. Еще больше подтвердила эту уверенность случайно перехва-

ченная в то время странная радиограмма, не совсем понятная, но не оставляющая сомнений в трагической судьбе парохода. Текст радиограммы я приведу позже.

В свое время в подготовке экспедиции были отмечены некоторые особенности. Прежде всего необычайная таинственность, которой окружал экспедицию профессор Маракот. Он был известен как ярый враг всякой гласности, враг газетной шумихи, и эта его черта особенно ярко проявилась в том, что он отказался давать интервью и не допустил представителей печати на судно, когда «Стратфорд» еще стоял в доке Альберта. За границей ходили слухи об установленных на корабле новых оригинальных приспособлениях, предназначенных для исследования жизни на больших глубинах, и эти слухи были подтверждены правлением заводов «Хэнтер и Компания» в Вест-Хартлпуле, где конструировались и строились эти аппараты. Утверждали, что все днище корабля может отделяться, и это обстоятельство привлекло особое внимание страховой компании, которую с большим трудом удалось успокоить. Вскоре обо всем этом забыли, но теперь, когда новое неожиданное обстоятельство заставило всех вспомнить о судьбе исчезнувшей экспедиции, это приобрело особый интерес.

Таковы обстоятельства, сопровождавшие отплытие «Стратфорда». В настоящее время существуют четыре документа, относящиеся к этой экспедиции.

Первый из них — письмо, написанное мистером Сайресом Хедли из Санта-Крус, столицы Больших Канарских островов, его другу сэру Джеймсу Толботу из Оксфордского Тринити-колледжа, которое было отправлено во время единственного известного нам после отплытия пребывания «Стратфорда» в гавани.

Второй — странный призыв по радио, о котором я упоминал. Третий — та часть судового дневника «Арабеллы Ноулз», где говорится о стеклянном шаре. Четвертый, и последний, — удивительное содержание шара, которое является либо злой и непонятной мистификацией, либо открывает новую главу человеческих достижений, важность и значение которых трудно преувеличить. Сделав эти оговорки, я привожу письмо мистера Хедли, любезно переданное в мое распоряжение сэром Джеймсом Толботом и до сего времени еще не опубликованное. Оно датировано 1 октября 1926 года.

«Посылаю вам это письмо, дорогой Толбот, из Санта-Крус, где мы остановились на отдых на несколько дней. На корабле почти все время я проводил с Биллом Сканлэном, главным механиком; он мой земляк, у него удивительно общительный характер, и, естественно, мы с ним сблизились. Но нынче утром я один: он отправился на берег, у него, как он выражается, «свидание с девчонкой». Разговаривает он именно так, как, по мнению англичанина, должны разговаривать настоящие американцы.

Вы встречали Маракота и знаете, какой он сухарь. Я вам, кажется, рассказывал, как он пригласил меня к себе работать. Он искал ассистента и обратился к старому Сомервиллю из Зоологического института. Сомервиль послал ему мою премированную работу о морских крабах, и это решило дело. Разумеется, великолепно, когда можно работать по специальности, но я предпочел бы сотрудничать с кем угодно, только не с этой живой мумией Маракотом. Он так стремится к уединению, так поглощен своим делом, что в этом есть что-то нечеловеческое. «Самый черствый сухарь на свете», — выразился про него Билл Сканлэн. И, однако, нельзя не преклоняться перед таким ученым. Для него ничего не существует, кроме его науки. Помню, как вы смеялись, когда я попросил его порекомендовать мне литературу для подготовки к плаванию, а он ответил, что в качестве серьезного пособия следует прочесть полное собрание его сочинений, а в качестве легкого чтения — геккелевские «Планктонные работы».

Я знаю его сейчас не ближе, чем тогда, в маленькой приемной с видом на Оксфорд-Хэй. Он ничего не говорит, и его худощавое, суровое лицо — лицо Савонаролы¹ или, вернее, Торквемады² — никогда не озаряется улыбкой.

Длинный, тонкий, выдающийся вперед нос, близко посаженные, маленькие, серые, сверкающие глазки под нависшими клочковатыми бровями, тонкие губы, всегда плотно сжатые, щеки, провалившиеся от постоянного умственного напряжения и суровой жизни, — вся его внешность не располагает к сближению. Он витает всегда где-то на вершинах мысли, вне пределов, достигаемых обыкновенными смертны-

¹ Савонарола — итальянский проповедник-реформатор XV века, избл-
жавший распущенность духовенства.

² Торквемада — глава испанской инквизиции (XV век).

ми. Временами мне кажется, что он не вполне нормален. Например, этот его диковинный аппарат... Но буду рассказывать по порядку, а вы уж сами разберетесь.

Итак, о начале нашего плавания. «Стратфорд» — превосходная морская яхта, специально приспособленная для океанографических исследований. Она имеет тысячу двести тонн водоизмещения, просторные палубы и хорошо оборудованные трюмы, вмещающие всевозможные приспособления для измерения глубин, траления, драгирования и глубоководной ловли сетями: мощные паровые лебедки, ворота для траления, а также множество других специальных аппаратов, частью общеизвестных, частью новых; комфортабельные каюты и прекрасную лабораторию, оборудованную специально для наших исследований.

Еще до отплытия «Стратфорд» приобрел репутацию загадочного корабля, и вскоре я понял, что эти слухи имели под собой почву. Начало нашего плавания было в достаточной степени обыкновенно. Мы направились в Северное море, раза два забрасывали тралы, но так как там глубина редко превышает восемнадцать метров, а наш корабль оборудован специально для глубоководных работ, это, в сущности, было пустой тратой времени. Во всяком случае, кроме обычных видов рыб, идущих в пищу, каракатиц, слизняков и проб со дна морского, состоящих из аллювиальной глины, мы не вытащили ничего примечательного. Потом мы обогнули Шотландию, прошли вблизи острова Фаро и добрались до рифа Вивилль-Томсон, где добыча была несколько интереснее. Затем мы направились к югу, к конечному пункту нашего путешествия, расположенному между Африкой и Канарскими островами. Однажды безлунной ночью мы чуть не сели на мель, в остальном же плавание наше протекало без всяких событий.

В эти первые недели я пытался сойтись поближе с Маракотом, но это оказалось делом нелегким. Начать с того, что доктор — самый рассеянный и самоуглубленный человек на свете. Помните, как он дал мальчику-лифтеру пенни, полагая, что сел в трамвай. Полдня он проводит в размышлениях и, кажется, совсем не замечает, где он и что вокруг него происходит. Кроме того, он невероятно скрытен. Он целыми днями просиживает над бумагами и картами, но стоит мне войти в каюту, и он тут же их прячет. Я твердо уверен, что он что-то замыслил, но до те пор, пока мы вынуждены проходить вблизи портов, не откроет нам свои планы. Таково мое впе-

чатление, и вскоре я узнал, что Билл Сканлэн держится того же мнения.

— Слушайте, мистер Хедли, — сказал он как-то вечером, когда я сидел в лаборатории, исследуя результаты наших первых уловов, — как вы думаете, что на уме у нашего старика? Как по-вашему, что он такое затевает?

— Полагаю, — ответил я, — что мы займемся тем же, чем занимался до нас «Челленджер» и добрая дюжина других океанографических экспедиций, — откроем несколько новых разновидностей рыб, нанесем несколько новых данных на гидрометрические карты.

— Ничего подобного, — возразил Сканлэн. — Начинайте-ка гадать сначала. Ну, например, я-то здесь на что?

— Ну, на случай, если испортятся машины.

— Как бы не так! Какие там машины! Машина «Стратфорда» на попечении Мак-Ларена, шотландского механика. Нет, сэр, не для того мерибэнкские ребята посылали лучшего своего механика, чтобы он чинил эти дурацкие керосинки. Недаром же мне гонят полсотни долларов в неделю. Шагайте за мной, я вас просвещу на этот счет.

Он вытащил ключ, отпер дверь позади лаборатории и повел меня по двойной лестнице в отделение трюма, где было почти пусто; только четыре какие-то крупные машинные части поблескивали в массивных ящиках, упакованные в солому. Это были гладкие стальные плиты, снабженные по краям болтами и задвижками. Каждая плита была размером примерно в десять квадратных футов и толщиной дюйма полтора, с круглым отверстием в середине дюймов восемнадцати диаметром.

— Что это за чертовщина? — спросил я.

Забавная физиономия Билла Сканлэна — у него лицо не то опереточного комика, не то боксера — расплылась в улыбке.

— Это мой малютка, сэр, — заявил он. — Да, мистер Хедли, из-за него-то я здесь и нахожусь. К этой штуке есть еще такое же стальное дно. Оно вон в том ящике. Потом есть еще крышка вроде купола и большое кольцо то ли для каната, то ли для цепи. А теперь гляньте на днище яхты.

Я увидел квадратную деревянную платформу с винтами по углам. Это доказывало, что платформу можно сдвигать с места.

— Двойное дно, — подтвердил Сканлэн. — Вполне возможно, что наш хозяин спятил, а может, он соображает го-

раздо лучше, чем мы думаем, но, если только я его раскусил, он хочет соорудить нечто вроде водолазного колокола — окна вот здесь, запакованы отдельно — и спустить его вниз через дно яхты. Вот электрические прожекторы, и, я так думаю, он хочет осветить пространство вокруг стальной кабинки и через круглые амбразуры наблюдать, что кругом творится.

— Будь это так, проще было бы устроить на корабле прозрачное дно, — сказал я.

— Это вы верно смекнули, — согласился Билл Сканлэн и поскреб затылок. — Вот и я не могу никак сообразить, в чем тут дело. Знаю только, что меня отрядили к нему помогать собирать эту дурацкую штуку. Пока он ничего еще не говорил, я тоже молчу, но все принимаю, и, ежели он еще долго будет молчать, я и сам все узнаю.

Так я впервые соприкоснулся с нашей тайной. Погода сильно испортилась, но мы производили глубоководное траление юго-западнее мыса Юба, отмечая температуру и исследуя степень насыщенности морской воды солью. Глубоководное траление петерсоновским тралом — занятие увлекательное, он захватывает сразу три метра в ширину и загребаёт все, что встречается на пути; опускаясь на глубину в четверть мили, он приносит одни породы рыб, с глубины в полмили — совсем другие: в разных слоях океана, как на разных материках, свои обитатели. Иногда с самого дна мы вытаскивали полтонны чистой розоватой слизи, этого сырого материала будущей жизни. Иногда это бывал ил, распадавшийся под микроскопом на миллионы тончайших круглых и прямоугольных телец, разделенных между собой прослойками аморфной грязи. Я не стану перечислять вам всех этих бротулид и макрутид, асцидий и голотурий, полипов и иглокожих; могу лишь сказать, что дары океана неистощимы, и мы усердно их собирали. И все время я не мог избавиться от ощущения, что не за тем привез нас сюда Маракот, что в этом сухом, узком черепе египетской мумии скрываются другие планы. Мне казалось, что это лишь репетиция, проба людей и аппаратов, за которой начнется настоящее дело.

Дописав письмо до этого места, я отправился на берег пройти, ибо завтра рано утром мы отплывем. Я оказался на пристани весьма кстати, потому что разыгрался серьезный скандал, причем в главных ролях выступали Маракот и Билл Сканлэн. Билл — известный задира, и, по его выражению, у него часто кулаки чешутся, но когда вокруг столпилось пол-

дюжины испанцев, и все с ножами, положение моих спутников стало незавидным; было самое время вмешаться. Оказалось, что доктор нанял одно из тех странных сооружений, которые здесь называют пролетками, объехал пол-острова, обследуя его геологические особенности, но совершенно забыл, что не захватил с собой денег. Когда пришло время платить, он никак не мог объяснить туземцам, что у него нет при себе денег, и извозчик стал отнимать у него часы. Тут за него вступился Билл Скэнлэн, и не миновать бы им обоим ножа, если бы я не уладил дела, дав доллар извозчику и пять долларов парню с подбитым глазом. Все сошло благополучно, и тут-то в Маракоте впервые обнаружили человеческие чувства. Когда мы добрались до яхты, он пригласил меня в свою маленькую каюту и поблагодарил за вмешательство.

— Да, кстати, мистер Хедли, — заметил он. — Насколько мне известно, вы не женаты?

— Нет, — ответил я.

— И на вашем попечении нет никого из близких?

— Нет.

— Прекрасно, — сказал он. — Я молчал пока о своих намерениях, у меня были причины держать их в тайне. Прежде всего я боялся, что меня могут опередить. Когда разглашаются научные идеи, их могут предвосхитить другие — как Амундсен осуществил идею Скотта. Если бы Скотт, как я, хранил свое намерение в тайне, то не Амундсен, а он первый достиг бы Южного полюса. Мой замысел так же смел и велик, потому я и молчал. Но сейчас мы подходим вплотную к его осуществлению, и никакой соперник не успеет опередить меня. Завтра мы поплывем к нашей настоящей цели.

— Какая же это цель? — спросил я.

Он весь подался вперед, и его аскетическое лицо зажглось энтузиазмом фанатика.

— Наша цель, — сказал он, — дно Атлантического океана!

Здесь я должен остановиться, ибо думаю, что у вас, как и у меня, захватило дыхание. Будь я писателем, тут бы я, наверное, и закончил свой рассказ. Но так как я всего лишь летописец, то могу добавить, что пробыл еще час в каюте Маракота и узнал много подробностей, которые успею передать вам, пока не отчалит последняя береговая шлюпка.

— Да, молодой человек! — сказал он. — Теперь вы можете писать что угодно. Когда ваше письмо достигнет Англии, мы уже нырнем.

Он усмехнулся. Он был не лишен некоторого суховатого юмора.

— Да, сэр, «нырнем». Это — самое подходящее слово в данном случае, и этот нырок войдет в историю науки. Я твердо убежден, что ходячее мнение об огромном давлении океана на больших глубинах лишено оснований. Совершенно ясно, что существуют другие факторы, нейтрализующие это действие, хотя пока я еще не сумею сказать, какие. Именно это одна из тех задач, которые мы должны решить. Как вы полагаете, каково давление воды на глубине одной мили? Он сверкнул на меня глазами сквозь большие роговые очки.

— Не менее одной тонны на квадратный дюйм, — ответил я. — Это доказано.

— Задача пионера науки всегда состояла в том, чтобы опровергать то, что было доказано. Пошевелите-ка мозгами, молодой человек! Весь последний месяц вы вылавливали самые нежные глубоководные формы жизни — существа столь нежные, что вам еле-еле удавалось перенести их из сетки в банку, не повредив их чувствительных покровов. Что же, это подтверждает существование чрезвычайного давления?

— Давление уравнивалось, — ответил я. — Оно одинаково изнутри и снаружи.

— Пустые слова! — крикнул Маракот, нетерпеливо дернув головой. — Вы вытаскивали круглых рыб, как, например, *gastrostomus globulus*. Разве их не расплющило бы в лепешку, если бы давление было таково, как вы полагаете? Или же посмотрите на наши глубинные тралы. Ведь они не сплющиваются даже на самых больших глубинах.

— Но опыт водолазов...

— Конечно, его следует учитывать. Они действительно замечают увеличение давления, испытывая его действие на самый, пожалуй, чувствительный орган тела — на внутреннее ухо¹. Но, по моим предположениям, мы совершенно не

¹ У млекопитающих в ухе различают три отдела: внешнее ухо, состоящее из ушной раковины и наружного слухового прохода, среднее ухо, или барабанную полость, и внутреннее ухо, или лабиринт, с так называемыми полукружными каналами или улиткой. Внутреннее ухо содержит в себе окончание слухового нерва.

будем подвергаться давлению. Нас опустят вниз в стальной клетке с толстыми хрустальными окнами для наблюдений. Если давление недостаточно сильно, чтобы вдавить внутрь четыре сантиметра закаленной двухромоникелевой стали, оно не повредит нам. Мы продолжим эксперимент братьев Вильямсон в Насау, с которым вы, наверное, знакомы. Если мой расчет ошибочен — ну что ж, вы говорите, от вас никто не зависит... Мы умрем во время великого опыта. Конечно, если вы предпочитаете уклониться, я могу отправиться один.

Мне показалось, что это самый безумный из всех мыслимых проектов, но вы знаете, как трудно отказаться от вызова. Я решил оттянуть время для решения.

— На какую глубину вы намерены опуститься, сэр? — спросил я.

Над его столом была приколотая карта; он укрепил конец циркуля в точке к юго-западу от Канарских островов.

— В прошлом году я зондировал эти места, — сказал он. — Там есть очень глубокая впадина. Семь тысяч шестьсот двадцать метров. Я первый сообщил об этой впадине. Надеюсь, в будущем вы найдете ее на картах под названием «Маракотова бездна».

— Неужто вы собираетесь спуститься в эту бездну, сэр? — воскликнул я.

— Нет, нет, — с улыбкой ответил Маракот. — Ни наша спускная цепь, ни трубки для воздуха не достигают больше полумили! Но я хотел объяснить вам, что вокруг этой глубокой впадины, которая, несомненно, была образована вулканическими силами, находится приподнятый хребет или узкое плато, которое лежит на глубине трехсот фатомов¹.

— Трехсот фатомов? Треть мили! — воскликнул я.

— Да, примерно треть мили. Я хочу, чтобы нас спустили в маленькой наблюдательной кабинке именно на это плато. Там мы сделаем все возможные наблюдения. С судном нас будет соединять разговорная трубка, и мы сможем передавать наши приказания. С этим не будет никаких затруднений. Когда захотим, чтобы нас подняли, достаточно будет лишь сказать в трубку.

— А воздух?

— Будет накачиваться к нам вниз.

¹ Фатом равен 1,82 м.

— Но ведь там будет совершенно темно!

— Боюсь, что да. Опыты Фоля и Сарасэна на Женевском озере доказывают, что на такую глубину не проникают даже ультрафиолетовые лучи. Но какое это имеет значение? Мы будем снабжены мощным электрическим током от судовых машин, дополненным шестью двухвольтовыми сухими элементами Хэллеса, соединенными между собой, чтобы давать ток в двенадцать вольт. Вместе с сигнальной лампой Лукаса военного образца в качестве подвижного рефлектора нам этого вполне хватит. Что еще вас смущает?

— А если наши воздушные трубки запутаются?

— Не запутаются! А на всякий случай у нас есть сжатый воздух, которого нам хватит на сутки. Ну как, удовлетворяют вас мои пояснения? Согласны вы? — спросил Маракот.

Решение предстояло нелегкое. Мозг мой быстро работал, а воображение — еще того быстрее. Я уже явственно представлял себе этот черный ящик, опущенный в первобытные глубины, чувствовал спертый воздух, видел, как гнутся стены камеры, как вода разрывает их в местах скрепления и проникает во все щели и трещины, которые все расширяются... Мне предстояло умереть медленной, ужасной смертью! Но я поднял взгляд: огненные глаза старика были устремлены на меня, и в них светилось воодушевление мученика науки. Энтузиазм такого рода заразителен, и если это — безумие, то по крайней мере благородное и бескорыстное. Пламя его перекинулось на меня, я вскопчил и протянул ему руку.

— Доктор, я с вами до конца! — воскликнул я.

— Я так и знал, — ответил он. — Я вас выбирал не за ваши поверхностные научные знания, мой молодой друг, — улыбаясь, добавил он, — а также и не за ваше близкое знакомство с крабами. Есть другие качества, которые могут оказать для нас куда важнее. Это верность и мужество.

Поймав меня таким образом на кусок сахара, он отпустил меня. И все мои планы на будущее рассыпались в прах. Ну, вот сейчас отвалит последняя береговая шлюпка! Спрашивают, нет ли писем на берег. Вы или никогда уже больше не услышите обо мне, мой дорогой Толбот, или получите письмо, стоящее того, чтобы его прочитать. Если от меня не будет вестей, можете зафрахтовать плавучий надгробный памятник и прикрепить его на якорь где-нибудь южнее Канарских островов, написав на нем:

«Здесь или где-либо поблизости покойся все, что оставили рыбы от моего друга Сайреса Дж. Хедли».

Второй документ — неразборчивая радиограмма, которую уловили разные суда, в том числе и почтовый пароход «Аройя». Она была принята в три часа дня 3 октября 1926 года, и это доказывает, что она была отправлена всего через два дня после отплытия «Стратфорда» с Больших Канарских островов, что подтверждается и письмом Хедли. Это приблизительно совпадает с тем временем, когда норвежское судно видело гибнущую в циклоне яхту в двухстах милях к юго-западу от порта Санта-Крус.

Радиограмма гласила:

«Лежим на боку. Положение безнадежное. Только что потеряли Маракота, Хедли, Сканлэна.

Местоположение непонятно. Носовой платок Хедли на конце глубоководного лота. Господь да поможет нам...

Яхта «Стратфорд»»

Это было то последнее непонятное сообщение, которое дошло со злополучного судна, и конец радиограммы был такой странный, что его сочли бредом радиотелеграфиста. Однако сама радиограмма, казалось, не оставляла сомнения относительно судьбы судна.

Объяснение этого случая, если это можно принять в качестве объяснения, следует искать в записках, найденных в стеклянном шаре, и прежде всего я нахожу нужным расширить появившийся в печати очень краткий отчет о находке этого шара. Я беру его дословно из вахтенного журнала «Арабеллы Ноулз», направлявшейся под командой Амоса Грина с грузом угля из Кардифа в Буэнос-Айрес.

«Среда, 5 января 1927 года. Широта 27° 14", западная долгота 28°. Спокойная погода. Голубое небо с низкими перистыми облаками. Море как стекло. Во вторую склянку средней вахты первый помощник доложил, что заметил сверкающий предмет, который выпрыгнул из моря и затем упал обратно. Его первое впечатление было, что это какая-то неизвестная ему рыба, но, посмотрев в подзорную трубу, он увидел, что это серебряный шар, такой легкий, что он не плыл, а скорее лежал на поверхности воды. Меня вызвали, и я увидел шар величиной с футбольный мяч, ярко сверкавший почти в

полумиле от нашего судна. Я застопорил машины и послал бот со вторым помощником, который подобрал шар и доставил его на борт.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что шар этот сделан из какого-то очень гибкого стекла и наполнен столь легким газом, что, когда его подбрасывали в воздух, он плавал, как детский воздушный шар. Он был почти прозрачен, и мы разглядели внутри него что-то вроде свертка бумаги. Сделан он был из такого упругого материала, что нам далеко не сразу удалось разбить его и добраться до бумаги. Молоток его не брал, и он разбился, только когда главный механик положил его в машину. К сожалению, он разлетелся в искрящуюся пыль, так что нам не удалось найти ни кусочка, чтобы установить, из чего же он был сделан. Однако бумага осталась цела, и, прочитав ее, мы заключили, что она имеет большое значение, и решили вручить ее британскому консулу, как только достигнем Ла-Платы. Вот уже тридцать пять лет я плаваю на судах, но с такой загадочной историей я столкнулся впервые; то же говорят все, кто находится сейчас на борту. Предоставляю разбираться в этом людям поумней меня».

Вот все, что мы знаем о том, откуда взялись записки Сайреса Дж. Хедли, которые мы сейчас приведем без малейших искажений.

«Кому я пишу? Смело могу сказать — всему миру, — но так как это адрес весьма неточный, то укажу определеннее: моему другу сэру Джеймсу Толботу из Оксфордского университета, хотя бы потому, что последнее мое письмо было адресовано ему, а это можно рассматривать как продолжение. Я готов к тому, что если даже шар увидит свет солнца и не будет проглочен акулой, есть лишь один шанс из тысячи, что среди бесконечных водных пространств он попадет на глаза человеку. Но все же попробовать стоит, да и Маракот тоже посылает шар, так что вполне возможно, что рассказ о наших удивительных приключениях станет известен миру. Поверят ли нам — это, я полагаю, уже другой вопрос, но когда люди увидят прозрачный шар, наполненный неведомым им газом, надеюсь, они поймут, что внутри находится нечто не совсем обыкновенное. Во всяком случае вы, Толбот, не бросите мои заметки, не прочтя их.

Если кто-нибудь захочет узнать, как все это началось и что мы собирались сделать, он сможет найти все эти сведения в письме, которое я вам писал 1 октября прошлого года, в

день нашего отплытия из Санта-Крус. Знай я наперед, что нам придется пережить, я бы прыгнул в последнюю отходящую лодку! А впрочем, наверное, даже зная, что нас ожидает, я все же принял бы предложение доктора Маракота и прошел бы через все до конца. Да, я даже уверен в этом: я все равно не отказался бы.

Итак, я начинаю рассказ с того дня, как мы отплыли из Санта-Крус. Едва мы вышли из гавани, старик Маракот преобразился. Наконец-то наступило время действовать, и вся его энергия, так долго лежавшая под спудом, вырвалась наружу. Уверяю вас, он сразу забрал всю власть на яхте, подчинив себе и заставив склониться перед своей волей все и всех. Сухой, рассеянный ворчун ученый внезапно исчез, уступив место воплощению мощной динамомшины, пышущей энергией и потрескивающей от напора громадной скрытой силы. Его глаза сверкали из-за стекол очков, как прожекторы. Он, казалось, находился сразу везде и всюду, отмечая наше направление на карте, препираясь с капитаном, командуя Биллом Сканлэном, давая мне множество разных поручений, и при этом во всех его действиях была система, все они вели к одной цели. Он неожиданно обнаружил солидные познания в электричестве и механике и большую часть времени проводил у машины, которую Сканлэн методично собирал под его непосредственным наблюдением.

— Ну, мистер Хедли, дело идет на лад, — сказал Билл на второе утро. — Пойдемте ко мне, взглянете на эту диковинную штуку. Доктор, оказывается, великолепный парень и механик первый сорт.

Ощущение у меня было не из приятных: мне казалось, что я осматриваю собственный гроб, но все же, должен признаться, выглядел он весьма впечатляюще. Стальной пол был накрепко приклепан к четырем стальным стенкам, и в каждой было по круглому окну-иллюминатору. В крыше находился небольшой входной трап, второй трап был в полу. Вся кабинка висела на тонком, но невероятно крепком стальном канате, который наворачивался на барабан и разматывался или наматывался сильным двигателем, который обычно приводил в действие глубоководные тралы «Стратфорда». Насколько я понял, канат был длиной около полумили, и конец его был закреплен на железных тумбах на палубе. Резиновые трубки для подачи воздуха были такой же длины; с ними вместе тянулся телефонный провод и изолированный кабель, по-

дающий электроэнергию от судовых динамо к нашим прожекторам; кроме них, в стальной каюте стояли на всякий случай запасные аккумуляторы.

К вечеру остановили машины. Барометр показывал низкое давление, и густые черные тучи, застилавшие горизонт, предупреждали о приближении непогоды. Вдали был виден барк под норвежским флагом, и мы рассмотрели, как он зарифлял паруса, готовясь к шторму. Но в ту минуту все было благополучно, и «Стратфорд» мягко покачивался на синих волнах океана, кое-где пенившихся белыми гребешками от пассатного ветра.

Билл Сканлэн заглянул ко мне в лабораторию в несколько более взволнованном состоянии, чем следовало при его спокойном темпераменте.

— Послушайте, мистер Хедли,— сказал он,— они спустили эту ловушку на самое дно трюма. Как по-вашему, неужто хозяин хочет в ней спускаться?

— Именно, Билл! И я с ним вместе.

— Так, так, значит, теперь двое свихнулись. Но я буду себя чувствовать последним негодяем, коли пушу вас одних.

— Да вам-то что там делать, Билл?

— Не меньше, чем вам, сэр! Да я весь пожелтею от зависти, если вы спуститесь без меня. Мерибэнкс послал меня сюда наблюдать за машиной, и если она спускается на дно моря, значит, и мое место на дне моря. Где эта стальная мышеловка, там и Билл Сканлэн, и мне совершенно безразлично, сошли все с ума или нет.

Спорить с ним было бесполезно. Итак, к нашему клубу самоубийц примкнул еще один, и мы стали ждать дальнейших распоряжений.

Вся ночь прошла в интенсивной работе, и утром мы спустились в трюм, готовые к погружению. Стальная кабинка была уже наполовину вставлена в вырез дна «Стратфорда», и мы один за другим спустились в нее через верхний трап, который закрыли за нами и закрутили наглухо, после того как капитан Хови с самой похоронной миной пожал нам руки на прощание. Потом кабинку спустили еще на несколько метров, закрыли герметическую камеру и впустили воду, чтобы испытать нашу каюту в воде. Кабинка выдержала испытание прекрасно, каждая часть оказалась точно пригнанной, и никакой течи не наблюдалось. Тогда раздвинулось днище трюма, и мы повисли в океане под самым килем корабля.

Кабинка действительно была очень удобная, и я восхищался продуманностью ее устройства. Электрическое освещение было пока выключено, субтропическое солнце, преломляясь в бутылочно-зеленой воде, бросало в иллюминаторы фантастический мягкий свет. Там и сям мелькали серебряные рыбки, как черточки на зеленом фоне. По стенам кабинки шли диваны, над ними помещался циферблат глубиномера, термометр и другие приборы. Под диванами стояли баллоны со сжатым воздухом на случай, если испортятся проводящие воздух трубки. Концы этих трубок уходили к потолку, а рядом с ними висел телефонный аппарат. Мы услышали траурный голос капитана.

— Вы определенно решили погружаться? — спросил он.

— У нас все в порядке, — нетерпеливо ответил профессор. — Опускайте медленно, и пусть кто-нибудь все время дежурит у приемника. Я буду сообщать о нашем положении. Когда мы достигнем дна, оставайтесь на месте, пока не получите распоряжений. Я не хочу давать слишком большую нагрузку канату, так что спускайте медленно, со скоростью двух-трех узлов в час. А теперь — вниз!

Последние слова он выкрикнул, как безумный. Это был величайший момент его жизни, плод взлелеянной им мечты. На одно мгновение меня пронзила мысль, что мы находимся во власти ловкого и хитрого маньяка. Билл Сканлэн, видимо, подумал то же; он посмотрел на меня с горестной усмешкой и дотронулся до своего лба. Но после этой единственной дикой вспышки Маракот тотчас же взял себя в руки. В самом деле, достаточно было взглянуть на порядок и предусмотрительность, которые проявлялись в каждой детали вокруг нас, чтобы отбросить опасения за его рассудок.

Теперь все наше внимание было поглощено удивительными новыми ощущениями.

Кабинка медленно опускалась в океанские глубины. Светло-зеленая вода превратилась в темно-оливковую. Потом цвет ее сгустился, стал удивительно синим, и этот густосиний постепенно перешел в темно-пурпурный. Мы опускались все ниже, ниже: тридцать метров, шестьдесят, девяносто... Трубки действовали превосходно. Мы дышали свободно и естественно, как на палубе. Стрелка глубиномера медленно двигалась по светящемуся циферблату. Сто двадцать, сто пятьдесят, сто восемьдесят метров...

— Как вы себя чувствуете? — прорычал тревожный голос сверху.

— Как нельзя лучше! — крикнул в ответ Маракот.

Но свет убывал. Теперь наступили тусклые, серые сумерки, которые быстро превратились в полный мрак.

— Остановитесь! — распорядился Маракот.

Мы перестали двигаться и повисли на глубине двухсот десяти метров ниже поверхности океана. Я услышал щелканье выключателя, и нас залил золотой свет, который выходил сквозь боковые иллюминаторы и посылал длинные мерцающие лучи в окружающие нас водные пустыни. Прильнув лицами к толстому стеклу, каждый у своего иллюминатора, мы увидели зрелище, не виданное еще ни одним человеком.

До сего времени глубинная жизнь океана была известна только благодаря отдельным рыбам, которые были слишком медлительны, чтобы увернуться от неуклюжего трала, или слишком глупы, чтобы не угодить в невод. Теперь же мы видели удивительный подводный мир таким, каков он есть на самом деле. Океан оказался гораздо населеннее земли. Огромные морские пространства, расстилавшиеся перед нами, не уступали Бродвею в субботу вечером, Ломбард-стрит перед праздничным днем. Мы уже прошли те верхние слои, где рыбы либо бесцветны, либо обладают настоящей морской окраской: ультрамариновой сверху и серебряной снизу. Здесь были создания всевозможной окраски и формы, все, какие только может породить море. Нежные лептоцефалии проносились сквозь тоннель света, как ленточки из серебра. Медленно изгибалась змееобразная мурена — вьюн морских глубин; черный морской еж, в котором только и есть, что колючки да рот, глупо глазел на нас. Порой подплывала каракатица и смотрела на нас человечески-зловещими глазами, мелькала какая-нибудь цистома или глаукус, оживляя всю сцену, подобно цветку. Огромная лошадиная макрель свирепо налетала на иллюминатор, пока не появилась темная тень акулы, — и макрель исчезла в ее раскрывшейся пасти.

Доктор Маракот сидел с записной книжкой на коленях, заносил в нее свои наблюдения и безостановочно бормотал.

— Что это? Что это? — слышал я. — Да, да, «химера мирабилис» Майкла Сарса. Подумать только, а вон там лепидион, но, насколько я могу судить, новый вид. Заметьте этого макруруса, мистер Хедли: его окраска отличается от тех, которые попадают на нас в сеть.

Один лишь раз он был застигнут врасплох — когда длинный овальный предмет промелькнул с большой быстротой сверху мимо его окна и оставил позади себя вибрирующий след, тянувшийся, как нитка. Признаюсь, я был озадачен не меньше доктора. Загадку разрешил Билл Сканлэн.

— Сдается мне, этот простак Джон Свинни опустил свой лот рядом с нами. Решил, видно, напомнить нам, что мы не одни.

— Верно, верно! — сказал, улыбаясь Маракот. — Новый род глубоководной фауны, мистер Хедли, — с проволочным хвостом и свинцом на носу... Но, конечно, им необходимо производить промеры, чтобы держаться над нашей подводной мелью.

— Все идет хорошо, капитан! — крикнул он. — Продолжайте спуск!

И мы опять пошли вниз. Маракот выключил электрический свет, и все снова погрузилось в полную темноту, светился лишь фосфоресцирующий циферблат глубиномера, который отмечал наше погружение. Мы чувствовали движение только по легкому покачиванию. И лишь движущаяся по циферблату стрелка с несомненностью показывала нам, в каком ужасающем, в каком непостижимом положении мы находимся. Теперь мы были на глубине трехсот метров, и воздух в кабине становился спертым. Сканлэн открыл кран вытяжной трубки, и дышать стало легче. Когда стрелка показала четыреста пятьдесят метров, мы остановились и вновь осветили океанскую глубь. Какая-то большая темная масса прошла мимо нас, но мы не могли определить, была ли это меч-рыба, или глубоководная акула, или же какое-нибудь чудовище неизвестной породы. Доктор поспешно выключил свет.

— В этом наша главная опасность! — сказал Маракот. — В глубине водятся такие существа, которым так же легко уничтожить эту бронированную комнату, как носорогу — пчелиный улей.

— Может быть, это киты? — спросил Сканлэн.

— Киты могут забираться на большую глубину, — ответил ученый. — Об одном гренландском ките известно, что он утонул около мили каната перпендикулярно вниз. Но кит уходит так глубоко, только когда он ранен или сильно напуган.

Это могла быть гигантская каракатица, они встречаются на любой глубине.

— Ну, каракатица, небось, слишком мягка. Ей нас не продолбить. Но смеяться-то будет каракатица, если она ухитрится все же сделать дыру в никелированной стали Мерибэнкса.

— Тела их, может быть, и мягки,— ответил профессор,— но клюв большой каракатицы способен продолбить насквозь железный брусок. Один удар этого клюва может просверлить иллюминаторные стекла толщиной в три сантиметра с такой легкостью, словно они сделаны из пергамента.

— Веселенькое дельце! — воскликнул Билл.

Наконец мы почувствовали, что остановились. Толчок был таким легким, что мы узнали об остановке, лишь включив свет и увидав вокруг кабинки покойно свернувшиеся кольца каната. Они представляли опасность для наших воздушных трубок, так как могли их запутать, и после приказа Маракота канат подтянули вверх. Циферблат отметил пятьсот сорок метров. Мы неподвижно лежали на вулканическом хребте на дне Атлантики.

Глава II

В то время мы, вероятно, все чувствовали одно и то же. Не хотелось ни двигаться, ни наблюдать. Нам хотелось просто спокойно посидеть и постараться осмыслить происходящее — ведь мы находились в самом центре одного из величайших океанов мира. Но скоро странные видения вокруг кабинки привлекли нас снова к иллюминаторам.

Кабинка опустилась на густые заросли водорослей («*Cutleria multifida*», — определил их Маракот), желтые плети которых покачивались вокруг нас под давлением глубоководного течения, совсем как ветви деревьев под ветром. Они были не настолько длинны, чтобы закрыть окружающий вид, но огромные листья их цвета темного золота, колыхаясь, проплывали перед иллюминаторами. Под водорослями можно было различить темную вязкую массу грунта, так густо усеянную маленькими разноцветными существами — голотуриями, осундиями, ежами и ехинодермами, как весной в Англии берега рек усеяны первоцветом и гиацинтами. Эти живые цветы морских глубин, то ярко-красные, то темно-пурпурные, то нежно-розовые, сплошь устилали угольно-черное дно. Там и сям из выступов подводных скал вырастали гигантские губки, изредка проносились рыбы, обитатели более

верхних слоев воды, мелькая, как разноцветные искры, в лучах наших прожекторов.

Как зачарованные смотрели мы на это феерическое зрелище, когда по телефону донесся встревоженный голос:

— Ну, как вы себя чувствуете на дне? Все ли благополучно? Не оставайтесь слишком долго: барометр падает, и мне это не нравится. Достаточно вам воздуха? Нужно ли вам что-нибудь?

— Все в порядке, капитан! — весело откликнулся Маракот.— Мы не задержимся. Снабжаете вы нас всем чудесно. Комфортабельно, как в каюте. Распорядитесь потихоньку двигать нас вперед.

Мы вступили в область светящихся рыб и, потушив свет, в абсолютной темноте, где даже светочувствительная пластинка могла бы висеть часами и не запечатлеть ни единого ультрафиолетового лучика, с величайшим интересом наблюдали жизнь фосфоресцирующих обитателей океана. Как будто на фоне черного бархата, медленно проплыли блестящие искорки: казалось, это идет ночью большой пассажирский пароход, выбрасывающий потоки света через иллюминаторы. У некоторых чудищ были светящиеся зубы, пылавшие в полном мраке, у других — длинные золотистые усы, у третьих язычок пламени качался над головой.

Повсюду, насколько хватал глаз, мерцали блестящие точки, и каждое животное спешило по своим делам, освещая себе путь, — ну точь-в-точь таксомоторы на Стрэнде в час театрального разъезда.

Потом мы снова зажгли свет, и доктор стал обозревать морское дно.

— Мы опустили на огромную глубину, и все же недостаточно глубоко, чтобы увидеть характерные породы низших слоев океана, — сказал он. — Но ничего не поделаешь. Может быть, в другой раз, с более длинным канатом...

— Типун вам на язык! — взвыл Билл. — Бросьте и думать об этом!

Маракот улыбнулся.

— Ну, вы скоро привыкнете к этим глубинам, Сканлэн. Ведь этот спуск не последний...

— Черт знает что! — возмущился Билл.

— Да, привыкнете, и это вам покажется не опаснее, чем спуститься в трюм «Стратфорда». Вы увидите, мистер Хедли, что дно здесь, насколько мы можем рассмотреть его сквозь

плотный слой животных и губок, состоит из пемзы и черного базальта, а это указывает на вулканическое происхождение этого хребта. Пожалуй, это вполне подтверждает мое первоначальное предположение, и мы действительно находимся над вершиной древнего вулкана, а Маракотова бездна, — он произнес эти слова с явным удовольствием, — не что иное, как его внешний склон. Мне пришло в голову — и это будет весьма любопытно — медленно двигать нашу кабинку до края бездны и посмотреть, какая там геологическая формация. Я надеюсь увидеть обрыв невероятной глубины, уходящий перпендикулярно вниз к самому дну океана.

Этот опыт казался мне опасным: кто знает, насколько крепок наш канат, выдержит ли он, если мы попадем в сильное подводное течение. Но когда дело шло о научных исследованиях, Маракот не думал об опасности. Я затаил дыхание, когда легкое содрогание стальной кабинки, раздвигавшей длинные плети колыхавшихся водорослей, показало, что канат натянут крепко и тащит нас за собой. Канат блестяще выдержал нашу тяжесть, и с постепенно возрастающей скоростью мы стали скользить по дну океана. Маракот с компасом в руке отдавал по телефону распоряжения переменить направление или подтянуть кабинку повыше, чтобы перескочить через подводные препятствия.

— Базальтовый хребет вряд ли больше двух километров в ширину, — объяснил он. — По моим соображениям, пропасть расположена западнее того места, где мы опустились. А если так, то мы очень скоро доползем до нее.

Мы беспрепятственно скользили над вулканическим плато, поросшим золотыми водорослями и сверкавшим тысячами фантастических красок.

Вдруг доктор схватил трубку телефона.

— Стоп! — закричал он. — Мы на месте!

Внезапно нам открылась чудовищная пропасть. Жуткое место, такое увидишь разве что в ночном кошмаре! Блестящие черные грани базальта круто обрывались вниз, в неизвестное. По краю пропасти росли мохнатые водоросли, как растет папоротник на краю обрыва где-нибудь на поверхности земли; за этим колышущимся, точно живым, бордюром шла гладкая блестящая стена бездны. Мы не знали, сколь широка эта пропасть, ибо даже наши сильные прожекторы не могли одолеть мрака. Мы зажгли мощный сигнальный фонарь Лу-каса и направили вниз сильный сноп параллельных лучей.

Они падали в бездну все ниже и ниже, пока не затерялись в непроглядном мраке.

— Поистине поразительно! — воскликнул Маракот, и на его худом лице появилось радостное выражение. — Нечего и думать, что такую глубину можно найти еще где-нибудь. Существует пропасть Челленджера в восемь тысяч метров у Ландронских островов, есть открытая «Планетой» пропасть в десять тысяч метров близ Филиппин и ряд других, но, по всей вероятности, Маракотова бездна совершенно исключительна по крутизне спуска и представляет тем больший интерес, что она укрылась от наблюдений всех гидрографических экспедиций — а их было немало, — составлявших карту Атлантики. Едва ли можно сомневаться, что...

Он замер на полуслове, и на лице его застыло выражение любопытства и удивления. Мы с Биллом бросились к иллюминатору и окаменели при виде поразительного зрелища.

Какое-то крупное животное поднималось к нам из глубины по световому тоннелю. Оно было еще далеко и освещено слабо, и мы едва могли различить огромное черное тело, медленными хищными движениями поднимавшееся все выше и выше. Оно загребало каким-то непонятным образом и вот уже, тускло отсвечивая, появилось у края пропасти, и теперь, при ярком свете, мы смогли его рассмотреть. Это было существо, неизвестное науке, но в нем был ряд особенностей, известных каждому из нас. Это чудовище, слишком длинное для гигантского краба и слишком короткое для гигантского рака, больше всего походило на морского рака: две огромные клешни торчали у него по бокам, а пара тяжелых громадных усов вибрировала над черными, круглыми, злыми глазами навывкате. Панцирь светло-желтого цвета имел в окружности метра три, а в длину, не считая усов, чудовище было не меньше десяти метров!..

— Поразительно! — воскликнул Маракот, лихорадочно черкая в записной книжке. — Глаза на подвижных члениках, эластичные суставы — род crustaceae, вид неизвестен. *Crustaceus Maracoti*. Почему бы и не так, а?

— Черт с ним, с его именем! Ей-ей, оно лезет прямехонько на нас! — закричал Билл. — Слушайте, док¹, а не лучше ли нам выключить свет?

— Одну минутку! Только набросаю его очертания! — воскликнул натуралист. — Да, да, теперь тушите.

Он щелкнул выключателем, и мы снова очутились в непроглядной тьме, прорезаемой фосфоресцирующими точками, пролетающими, как метеоры в безлунную ночь.

— В жизни не видал более мерзкой скотины, — проворчал Билл, вытирая пот со лба. — Чувствуешь себя, как наутро после попойки.

— Он и в самом деле страшен на вид, — заметил Маракот, — но, вероятно, еще страшнее иметь с ним дело и испытать силу его клешней. Однако в стальной кабинке мы в полной безопасности и можем наблюдать его в свое удовольствие...

Только что он произнес эти слова, как по внешней стенке кабинки точно киркой ударили. Потом царапанье, скрежет и новый удар...

— Слушайте, ему хочется к нам! — в ужасе закричал Билл. — Нет, право, надо было написать на дверях: «Вход посторонним воспрещается».

Он старался шутить, но дрожащий голос выдавал его волнение. Сознаюсь, что и у меня поджилки затряслись, когда я убедился, что чудовище ощупывает нашу кабинку, размышляя, что это за странная банка и найдется ли в ней съестное, если ее умеючи вскрыть.

— Он не может нам повредить, — сказал Маракот, но в голосе его не чувствовалось уверенности. — Пожалуй, лучше его стряхнуть.

И он крикнул в телефонную трубку капитану:

— Поднимите нас на десять-пятнадцать метров!

Через несколько минут мы поднялись над равниной из лавы и закачались в спокойной воде. Но дьявольский рак не отставал. Вскоре мы снова слышали царапанье и постукивание клешней, которыми он продолжал ощупывать кабинку. Было жутко сидеть в темноте и чувствовать смерть в двух шагах от себя. Выдержит ли стекло, если по нему

¹ Док — сокращенное «доктор».

стукнет огромная клешня? Этот безмолвный вопрос волновал каждого из нас.

Но вскоре выявилась новая страшная опасность. Постукивание перешло на крышу, и мы почувствовали легкое покачивание.

— Доктор! — крикнул я отчаянно. — Он задел за канат! Он оборвет его!

— Слушайте, док, дуем наверх! Довольно мы насмотрелись всего, Билл Скэнлэн хочет домой к маме! Позвоните мальчику, пусть поднимает лифт...

— Но мы и половины не исследовали! — закаркал Маракот. — Мы только еще начали обследовать края пропасти. Измерим хотя бы ее ширину. Когда мы доберемся до противоположного края, я согласен вернуться на поверхность.

И он крикнул в трубку:

— Все в порядке, капитан! Двигайтесь со скоростью двух узлов, пока я не скажу «стоп».

Мы медленно двинулись над краем бездны. Раз темнота не спасла нас от нападения, мы включили свет. Одно окно было совершенно закрыто брюхом чудовища. Голова и огромные клешни работали на крыше, и удары по кабинке звучали, как погребальный колокол. Чудовище обладало невероятной силой. Никогда еще смертному не приходилось быть в таком положении: километры воды внизу — и злобное чудовище сверху! Качка усилилась. И вот мы почувствовали, что чудовище дергает канат! Трубка принесла испуганный крик капитана, а Маракот вскочил, в отчаянии всплеснув руками. Даже внутри кабинки мы слышали скрежет перетираемого каната, звон и свист рвущейся проволоки — и через мгновение мы уже падали в бездонную пропасть.

У меня до сих пор в ушах звенит дикий крик Маракота.

— Канат оборван! Мы пропали! Все погибло! — вопил он. Потом, схватив телефонную трубку, отчаянно крикнул: — Прощайте, капитан, прощайте все!

Это были наши последние слова, обращенные к людям на земле.

Падение наше не было стремительным, как вы, наверное, ожидаете. Несмотря на солидный вес, пустая внутри кабина создавала некоторое неустойчивое равновесие, и мы опускались в пропасть медленно и постепенно. Я слышал протяжный скрип, когда мы выскальзывали из страшных объятий чудовища, послужившего причиной нашей гибели, и

затем, медленно вращаясь, мы стали спускаться в бездонную пропасть. Прошло, наверное, не больше пяти минут, но нам они показались часом, когда телефонный провод натянулся и лопнул с тихим стоном, как струна. В ту же минуту лопнула и проводящая воздух трубка, и сквозь отверстие стала по каплям просачиваться соленая вода. Опытные, проворные руки Билла Сканлэна мигом перетянули конец резиновой трубки узлами, и вода перестала течь; а доктор отвинтил пробку, и из баллона с легким свистом стал выходить сжатый воздух. Затем лопнул электрический провод, и мгновенно потух свет, но доктор в темноте добрался до аккумуляторов, и на потолке вспыхнули лампочки.

— Света нам хватит на неделю,— проговорил он с кривой усмешкой.— Во всяком случае, мы умрем при свете...

Потом он с досадой покачал головой, и его аскетическое лицо озарилось доброй улыбкой.

— Мне, собственно, все равно. Я старик, довольно пожил, и моя роль в мире сыграна. Единственно, о чем я сожалею,— зачем я вовлек двух молодых людей в это опасное предприятие. Я должен был рисковать один.

Я просто и горячо пожал ему руку, не в силах произнести ни слова. Билл Сканлэн тоже молчал. Мы медленно опускались, измеряя скорость падения по теням рыб, поднимавшихся вверх мимо окон. Казалось, что это рыбы поднимаются вверх, а не мы опускаемся вниз. Кабинка сохраняла равновесие, хотя мне казалось, что мы каждую минуту можем перевернуться набок или перевернуться вверх дном. К счастью, наш вес был хорошо сбалансирован, и мы шли ко дну в стоячем положении. Случайно взглянув на глубиномер, я увидел, что мы опустились уже на глубину тысячи шестисот метров.

— Видите, все выходит так, как я предсказывал,— заметил Маракот с мрачным удовлетворением.— Не мешало бы вам ознакомиться с моим докладом Океанографическому обществу о соотношении давления и глубины. Как бы мне хотелось написать хоть несколько строк туда, наверх, чтобы пристыдить Бюлова из Гессена, который осмелился мне возражать.

— Черт подери! Будь у меня такая возможность, я бы не стал тратить ее на споры с этим тупоумным ослом! — воскликнул механик.— В Филадельфии живет одна крошка, когда она узнает, что больше уже не увидит Билла Сканлэна, ее

преlestные глазки наполняются слезами. Да, что и говорить, хорошенький мы выбрали путь к нашим предкам.

— Вам не следовало опускаться с нами,— сказал я, пожав ему руку.

— Я бы счел себя последней дрянью, если бы остался наверху,— ответил он.— Нет, это моя прямая обязанность, и я рад, что исполнил ее.

Мы помолчали.

— У нас еще будет время осмотреть дно бездны,— ответил он тихо.— Воздуха в баллоне хватит больше чем на полдня. Опасность в другом — в продуктах выдыхания. Они задушат нас. Если бы мы смогли выпускать углекислоту!

— Это, по-видимому, невозможно.

— У нас есть баллон кислорода. Я захватил его на всякий случай. Вдыхая его время от времени, мы как-нибудь продержимся еще... Вгляните на глубиномер: мы опустились уже больше чем на три километра.

— Да стоит ли бороться за жизнь? Чем скорее наступит конец, тем лучше,— заметил я.

— Это верно! — подтвердил Сканлэн.— Раз, два — и не копайся!

— И отказаться от поразительного зрелища, которого еще не видел ни один человек на свете? — возразил Маракот.— Это предательство по отношению к науке! Будем до конца записывать свои наблюдения, даже если им суждено погибнуть вместе с нами. Надо довести игру до конца.

— Да вы молодчага, док! — воскликнул Сканлэн.— Вы нам сто очков вперед дадите. Ладно, будем играть до последнего грошика.

Мы терпеливо уселись втроем на диван, крепко вцепившись в его ручки; кабинка, колыхаясь и поворачиваясь, опускалась, и рыбы мелькали вверх мимо иллюминаторов...

— Уже пять километров,— заметил Маракот.— Я выпущу немного кислорода, мистер Хедли. Становится очень душно. Забавно,— сухо усмехнулся он.— Теперь-то эта бездна уж во всяком случае будет называться Бездной Маракота. Когда капитан Хови привезет эти новости, мои коллеги позаботятся, чтобы эта бездна стала не только моей могилой, но и памятником мне. Даже Бюлов из Гессена...

И он стал боромотать о каких-то своих ученых обидах.

Потом мы снова сидели в тишине и следили, как стрелка подползает к семи километрам. Один раз мы задели за что-то

тяжелое и ударились с такой силой, что чуть не перевернулись набок. Может быть, это была крупная рыба, а может, выступ скалистой стены, вдоль которой мы низвергались вниз. Прежде нам казалось, что хребет находится на страшной глубине, теперь же, когда мы смотрели на него из этой ужасной пропасти, он, на наш взгляд, был чуть ли не на поверхности океана.

Мы всеплыли, вращаясь и описывая круги, сквозь темно-зеленые водные пустыни. Циферблат глубиномера показывал семь тысяч шестьсот метров.

— Мы приближаемся к концу путешествия, — сказал Маракот. — Глубиномер Скотта в прошлом году показал восемь тысяч сто сорок пять метров в самом глубоком месте. Через несколько минут мы узнаем, что нас ждет. Может быть, кабинка разлетится от удара. Может быть...

В эту минуту мы «причалили».

Ни одна любящая мать не опускала с такой нежностью своего первенца на пуховую перинку, как мы опустились на дно Атлантического океана. Толстый эластичный слой мягкого ила, на который мы сели, сыграл роль идеального буфера и спас нас от гибели. Мы боялись шевельнуться на диване, и не напрасно, ибо кабина опустилась краем на выступ скалы, покрытый вязким, желатинистым слоем, и на нем мы покачивались, с трудом сохраняя равновесие и ежеминутно рискуя перевернуться. Но через некоторое время кабина утвердилась и застыла неподвижно.

В это мгновение доктор Маракот, пристально смотревший в окно, удивленно вскрикнул и выключил свет.

Каково же было наше удивление, когда оказалось, что и без электричества мы все видим. Тусклый рассеянный свет вливался через иллюминаторы в кабинку, как холодное сияние морозного утра. Мы поспешили к окнам и, не прибегая к свету прожекторов, могли рассмотреть окружающее метров на триста во всех направлениях. Это было непостижимо, невероятно, и, однако, спорить с очевидностью не приходилось. Дно океана было освещено!

— А почему бы и не так? — воскликнул Маракот после минутного молчания. — Разве я не предвидел этой возможности? Из чего состоит этот ил? Разве это не продукт разложения миллиардов микроскопических органических существ? И разве разложение не сопровождается фосфорическим свечением? Да где же и наблюдать такое свечение, как не здесь?

Ах, какая досада, видеть такие изумительные вещи и не иметь возможности сообщить об этом миру!

— Но позвольте,— возразил я,— мы вытаскивали по полтонны ила и никогда не замечали подобного свечения!

— Ну да, очевидно, пока ил поднимали на поверхность, он терял способность фосфоресцировать. Да и что такое полтонны в сравнении с этими безграничными равнинами ила? И смотрите, смотрите,— вдруг возбужденно закричал он,— глубоководные существа пасутся на этом органическом ковре, как земные стада на лугу!

Стая крупных черных рыб, толстых и неповоротливых, проплыла над самым дном, то и дело поклевывая что-то. Потом появилось еще какое-то красное неуклюжее существо, вроде морской коровы; оно меланхолично жевало жвачку перед моим окном. Другие такие же животные паслись тут и там; иногда они поднимали головы и посматривали на странный предмет, так неожиданно появившийся среди них.

Я не мог не восхищаться Маракотом, который в этой мрачной обстановке, когда слышалось уже дыхание смерти, повиновался зову науки и лихорадочно записывал свои наблюдения. Не так педантично и углубленно, как он, я, однако, тоже наблюдал, и эта картина навсегда запечатлелась в моей памяти. Дно океана состоит из красной глины, но здесь поверх нее лежал слой серой глубоководной слизи, образовавшей волнистую равнину. Насколько хватал глаз, равнина не была ровной, ее пересекали странные круглые холмики, вроде того, на который мы сели, светившиеся всеми цветами радуги. Между холмиками плавали крупные стаи причудливых рыб, большей частью неизвестных науке; они были окрашены во все цвета с преобладанием черного и красного. Маракот рассматривал их со сдержанным волнением и делал заметки в записной книжки.

Воздух в кабинке стал очень тяжелым, и снова мы спаслись, вдохнув кислород. Как ни странно, мы все чувствовали свирепый, прямо волчий голод и с жадностью набросились на консервированное мясо, хлеб с маслом и виски с водой, предусмотрительно захваченные Маракотом. Немного подкрепившись и освежившись, я поудобнее уселся у иллюминатора, и мне страстно захотелось в последний раз закурить, как вдруг я увидел нечто, поднявшее у меня в голове настоящий вихрь мыслей.

Я уже упомянул, что волнистая серая долина была вся испещрена маленькими холмиками. Один, более крупный, высился перед моим окном метрах в десяти. На нем был какой-то странный знак. Присмотревшись к другим холмикам, я с изумлением заметил, что знак этот опоясывает всю видимую мне часть холма. На пороге смерти не так-то легко поддаться постороннему впечатлению, но у меня замерло дыхание и сердце на миг остановилось, когда я догадался, что эти знаки не что иное, как фриз, и что фигуры эти, потерявшие от времени четкость очертаний, были когда-то несомненно, высечены рукою человека! Маракот и Сканлэн подбежали к иллюминатору и с изумлением смотрели на эти следы вездесущей деятельности человека.

— Ей-ей, это резьба! — воскликнул Сканлэн. — Верьте слову, эта площадка была когда-то крышей здания! Да и все эти холмики тоже были домами. Слушайте, хозяин, да ведь мы без пересадки приехали в настоящий город!

— Да, это древний город, — ответил Маракот. — Геологи утверждают, что некогда моря были материками, а на месте материков были моря, но я всегда отрицал теорию, что в столь недавние сравнительно времена, как четвертичный период, в Атлантике могли быть какие-нибудь серьезные катастрофы. Оказывается, рассказ Платона о египетской легенде¹ имеет под собой почву. А эти формации подтверждают теорию, что дно океана осело в результате весьма недавней вулканической деятельности.

— Эти холмики довольно правильно расположены, — заметил я. — Я начинаю думать, что это не отдельные дома, а купола и своего рода украшения крыши одного крупного здания.

— Пожалуй, вы правы, — подтвердил Сканлэн. — Вот смотрите, четыре крупных по краям и мелкие между ними, как по линейке. А интересно бы посмотреть все это сооружение! Да в него можно запихать весь завод Мерибэнкса, и еще место останется.

¹ Речь идет о рассказе греческого философа Платона об Атлантиде, континенте, занимавшем, по преданию, часть Атлантического океана. Платон записал этот рассказ со слов законодателя Солона, в свою очередь, записавшего этот рассказ со слов одного египетского жреца.

— Непрерывное осаждение морских отложений погребло его до самой кровли, — сказал Маракот. — Но, с другой стороны, здание совсем не разрушено. На большой глубине мы наблюдаем постоянную устойчивую температуру в тридцать два градуса по Фаренгейту¹, и она препятствует процессу разрушения. Даже разложение глубоководных органических осадков, которые устилают дно океана и иногда освещают его, видимо, происходит очень медленно. Но послушайте, это же вовсе не фриз, а надписи!..

Он, без сомнения, был прав. Одни и те же знаки виднелись в разных местах. Конечно же, это были буквы какого-то древнего алфавита.

— Я изучал финикийские памятники письменности, и там встречаются очень похожие начертания, — продолжал он. — Ну, друзья мои, мы с вами увидели погребенный античный город и это поразительное открытие унесем с собой в могилу. Больше уже ничего не узнать, наша книга знаний прочитана. Я согласен с вами: чем скорее наступит конец, тем лучше!..

Жить нам теперь оставалось совсем недолго. Воздух был тяжелый, спертый. Он так был пропитан углекислотой, что живительная струя сжатого кислорода с трудом выходила из баллона. Встав на диван, можно еще было глотнуть чистого воздуха, но отравленная зона поднималась все выше и выше. Доктор Маракот безнадежно сложил руки и опустил голову на грудь. Сканлэн, отравленный углекислотой, вдруг сполз на пол. У меня кружилась голова, и грудь точно налилась свинцом. Я закрыл глаза и стал терять сознание. Потом снова открыл их, чтобы в последний раз увидеть то, что покидал навсегда, и тут же с хриплым криком изумления вскочил на ноги.

К иллюминатору прильнуло лицо человека.

Может, это привиделось мне в бреду? Я вцепился в плечо Маракота и затряс его изо всех сил. Доктор очнулся, выпрямился и, широко раскрыв глаза, безмолвно впился глазами в призрак. Раз и он его увидел, значит, это не галлюцинация.

Лицо было длинное, узкое, смуглое, с острой бородкой клинышком, живые глаза быстро, пытливо осмотрели внутренность кабинки, и по выражению этих глаз я увидел, что

¹ Соответствует 0° по Цельсию.

наше положение ему понятно. Он был явно поражен. Электричество горело полным светом, и человеку снаружи наша кабинка представлялась камерой смерти, где один человек уже лежал без чувств, а двое других, с искаженными, страшными лицами умирающих, отравленных углекислотой, смотрели на него через иллюминатор. Мы оба хватались руками за горло: нам нечем было дышать. Человек снаружи махнул нам рукой и исчез.

— Он бросил нас! — воскликнул Маракот.

— Или пошел за помощью. Поднимем Скэнлэна. На полу он умрет!

Мы втащили механика на диван и уложили его голову на подушки. Лицо у него посерело, он что-то бормотал в забытьи, но пульс еще прощупывался.

— Еще есть надежда! — прохрипел я.

— Но это сумасшествие! — крикнул Маракот. — Разве человек может жить на дне океана? Как он дышит? Это массовая галлюцинация! Мой молодой друг, мы сходим с ума.

И, взглянув на унылый, пустынный, серый ландшафт за окном, я подумал, что, наверное, Маракот прав. Потом мне почудилось движение за окном. Где-то вдали появились туманные тени. Вскоре они превратились в движущиеся фигуры. По дну океана к нам спешила толпа людей.

Через минуту они собрались перед окном и, размахивая руками и жестикулируя, о чем-то оживленно спорили. Среди толпы было несколько женщин. Один из мужчин, коренастый, большоголовый, с черной бородой, видимо, был предводителем. Он зорко осмотрел нашу стальную скорлупу и благодаря наклон кабинки заметил, что в полу имеется трап. Послав куда-то одного из своих спутников, предводитель стал энергично жестикулировать, приказывая нам открыть трап изнутри.

— Почему бы и не открыть? — спросил я. — Не все ли равно, утонуть или задохнуться? У меня уже больше нет сил.

— Мы не должны утонуть, — ответил Маракот. — Вода, входящая снизу, встретит сопротивление воздуха и дальше определенной высоты не дойдет. Дайте Скэнлэну глоток коньяку. Пусть сделает последнее усилие и выпьет.

Я влил коньяк в горло механика. Он судорожно глотнул и удивленно огляделся. Мы поставили беднягу на диван и, встав по обе стороны, держали его. Он все еще не совсем пришел в себя, но я в двух словах объяснил ему положение.

— Если вода дойдет до батарей, возможно отравление хлором,— сказал Маракот.

— Надо дать кислороду вытекать свободно: чем больше будет давление, тем меньше войдет воды. Так. Теперь помогите мне поднять трап.

Мы налегли всей тяжестью и медленно отвалили круглую крышку в полу нашего прибежища, но мне казалось, мы совершаем самоубийство. Зеленоватая вода, шипя и сверкая под лучами ламп, потоками ворвалась в кабинку. Она быстро залила пол, дошла нам до колен, до груди и тут остановилась. Но давление воздуха было непереносимо. У меня кружилась голова и в ушах шумело. В такой атмосфере долго не проживешь. Только ухватившись за верхнюю сетку, мы удерживались от падения в воду.

Так, стоя, мы уже не могли смотреть в окна и не знали, какие меры подводные люди принимают для нашего освобождения. Казалось совершенно невероятным, что нам могут прийти на помощь, но у этих людей, и особенно у предводителя, был такой энергичный и обнадеживающий вид, что невольно появились надежды на спасение. Вдруг нам показалось, что он смотрит на нас через круглое отверстие внизу сквозь воду, а через мгновение он пролез через трап, поднялся на диван, встал рядом с нами — низенький, коренастый, плотный, не выше моего плеча. Его большие карие глаза осматривали нас, и в них светилось желание ободрить: казалось, он хотел сказать: «Бедняги, вы думаете, что все конечно, а я отлично знаю, как отсюда выбраться».

И только теперь я заметил одно очень странное обстоятельство. Человек этот, если только он и в самом деле принадлежал к одному с нами племени, носил прозрачный колпак, который обволакивал весь его торс и голову, оставляя свободными руки и ноги. Колпак был так удивительно прозрачен, что в воде его не было видно, но теперь на воздухе он блестел, как серебро, оставаясь в то же время идеально прозрачным. На плечах у человека были странные наплечники с отверстиями, и завязками, плотно облежавшими грудь. Наплечники имели вид маленьких продолговатых ящичков с многочисленными дырочками и напоминали эполеты.

Когда наш новый друг присоединился к нам, в отверстии в полу появился еще какой-то человек и протиснул в него нечто вроде большого стеклянного шара. За первым шаром последовал второй, третий, все они быстро поднялись вверх и

поплыли по поверхности. Затем таким же путем были переданы шесть маленьких ящичков, и прикрепленными к ним завязками наш новый знакомый привязал нам по два ящичка на плечи — получилось совсем так, как у него. Внезапно я начал понимать, что в этом не было ничего сверхъестественного, ничего противоречащего законам природы: один из ящичков был, несомненно, оригинальным источником свежего воздуха, другой — поглотителем отработанных продуктов дыхания. Потом незнакомец натянул нам на головы прозрачные колпаки, охватив нам плечи и грудь эластичными завязками, не позволявшими воде проникнуть внутрь колпака. Дышать под колпаком было совсем легко, и я с радостью увидел, что у Маракота снова бодро заблестели глаза из-под очков, а широкая улыбка Билла Скэнлэна убедила меня, что животворный кислород сделал свое дело и Билл окончательно оправился. Наш спаситель удовлетворенно оглядел нас, потом махнул рукой, приглашая следовать за ним через трап в полу на дно океана. Дюжина дружеских рук протянулась, чтобы помочь нам вылезти и направить наши первые неуверенные шаги по вязкому глубокому илу.

Даже теперь я не могу забыть этого чуда. Маракот, Скэнлэн и я, здоровые и сильные по-прежнему, стояли на дне океана, на дне подводной пропасти в восемь километров глубиной! Куда девалось ужасающее давление, смущавшее умы стольких исследователей? Оно мешало нам не больше, чем хрупким рыбам, плававшим вокруг нас. Правда, наши головы и тела были надежно защищены тонкими прозрачными шарами, упругими, но крепкими, как броневая сталь, но руки и ноги, остававшиеся свободными, чувствовали лишь плотную среду воды, которую вскоре перестаешь замечать, — и ничего больше! Как хорошо было стоять всем вместе в группе бородатых людей и смотреть на только что покинутую нами тюрьму! Мы забыли выключить аккумуляторы, и кабина наша представляла фантастическое зрелище: из круглых окон вырывались желтые снопы электрического света, и, привлеченные им, к окнам устремились стада рыб. Но вот предводитель взял Маракота за руку, и мы двинулись за ним сквозь плотную водную среду, тяжело ступая по скользкому илу.

И тут произошла странная история, удивившая наших новых друзей ничуть не меньше, чем нас. Над нашими головами появился небольшой темный предмет, он быстро спу-

скался к нам из темноты и лег на дно невдалеке от нас. Это был глубоководный лот со свинцовым грузом, спущенный со «Стратфорда» в пропасть, которая навсегда теперь будет связана с памятью о нашей экспедиции.

Мы поняли, что наверху разгадали сущность происшедшей трагедии, но никому и в голову не могло прийти, что лот опустился почти у самых наших ног. Рядом со мной тянулся вверх тонкий проволочный канатик длиной в восемь километров, соединявший меня с нашим судном. Ах, если бы можно было написать записку и привязать к канатику! Абсурдная мысль... Но почему бы не послать наверх какой-нибудь знак, который покажет капитану, что мы все еще живы?

Верхняя часть моего тела, прикрытая прозрачным колпаком, была недосыгаема, но руки оставались свободными, и в кармане брюк у меня, по счастью, оказался носовой платок. Я быстро выхватил его и привязал к лоту. В тот же миг сработал автоматический механизм, отделил свинцовый груз, и белый лоскут быстро понесся наверх, в тот мир, который я, наверное, никогда больше не увижу.

Наши новые знакомые внимательно и с большим интересом обследовали тридцатикилограммовый груз свинца, наконец подняли его и понесли с собой.

Мы прошли не более сотни метров, пробираясь среди холмиков, и остановились перед небольшой квадратной дверью с массивными колоннами по бокам и какой-то надписью на дверной перемычке. Дверь была открыта, и мы вошли в большое пустое помещение. Управляемая скрытым, четко работавшим механизмом, тяжелая каменная дверь немедленно захлопнулась.

Под своими колпаками мы, разумеется, ничего не могли слышать, но, постояв несколько минут, убедились, что пришел в действие какой-то огромный насос, потому что уровень воды вокруг нас стал быстро понижаться. Меньше чем через четверть часа мы стояли на слегка сыром полу, выложенном каменными плитами, а наши новые друзья хлопотливо освобождали нас от ненужных теперь прозрачных колпаков. И вот мы уже стоим в теплой, хорошо освещенной комнате и жадно вдыхаем совершенно чистый воздух, а смуглые обитатели бездны, улыбаясь и болтая, толпятся вокруг нас, пожимают нам руки и дружески похлопывают по плечу. Они говорили на странном языке; мы не понимали ни слова, но улыбки на лицах и ласковые взгляды были понятны даже на глу-

бине восьми километров под уровнем океана. Повесив прозрачные колпаки на многочисленные крючки по стенам комнаты, бородатые незнакомцы стали ласково подталкивать нас к внутренней двери, за которой открывался длинный покатый каменный коридор. Когда и та дверь автоматически захлопнулась за нами, ничто больше не напоминало нам о том невероятном обстоятельстве, что мы оказались невольными гостями неизвестного народа на дне Атлантического океана и навсегда оторваны от того мира, где родились и жили.

Теперь, когда страшное напряжение отпустило нас, мы вдруг почувствовали, как мы измучены. Даже Билл Скэнлэн, этот Геркулес, еле отдирает ноги от пола, а мы с Маракотом рады были, что можно повиснуть на руках проводников. И все же, несмотря на смертельную усталость, я внимательно глядел по сторонам и все замечал. Совершенно очевидно, что воздухом здание снабжала какая-то мощная машина, ибо он ритмически вырывался струями из маленьких круглых отверстий в стенах. Свет был рассеянный, флюоресцентный, того вида, который занимал умы европейских инженеров с тех пор, как научились обходиться без лампы и без нити накала. Свет исходил из длинных цилиндров прозрачного стекла, подвешенных к карнизам коридоров. Наконец мы вошли в обширную гостиную, всю устланную толстыми коврами и обставленную золочеными креслами и низкими диванчиками, при виде которых мне смутно вспомнились гробницы египетских фараонов. Провожатые наши разошлись, остался лишь глава отряда и два его помощника-спутника.

— Манд! — повторил он несколько раз, ударяя себя в грудь.

Потом стал указывать по очереди на нас и повторять наши имена: Маракот, Хедли и Скэнлэн, — пока не научился выговаривать их вполне правильно. Потом он усадил нас и сделал знак одному из помощников, который тотчас вышел и скоро вернулся в сопровождении глубокого старика с седыми кудрями и длинной бородой, с забавной конической шапкой черного бархата на голове. Я забыл сказать, что все эти люди были одеты в цветные туники, достигавшие колен, и обуты в сандалии не то из рыбьей, не то из шагреновой кожи.

Почтенный незнакомец, очевидно, был врач. Он по очереди осмотрел нас, возлагая каждому руку на голову и закрывая глаза, — так он составлял впечатление о физическом состоянии пациента. Очевидно, обследование ни в какой степе-

ни его не удовлетворило, потому что он недовольно покачал головой и сказал несколько сердитых слов Манду. Манд сейчас же снова отрядил одного из помощников, тот принес поднос с кушаньями и кувшин вина и поставил их перед нами. Мы были слишком измучены, чтобы задумываться над тем, что это за еда, но, поевши, почувствовали себя лучше. После этого нас повели в другую комнату, где были приготовлены три постели, и я немедленно свалился на первую попавшуюся. Смутно помню, что подошел Билл Сканлэн и присел на край моей постели.

— Послушайте, Хедли,— Этот глоток коньяка спас мне жизнь. Но где мы, собственно, находимся?

— Я знаю столько же, сколько вы.

— Что ж,— сказал он сонным голосом и пошел к своей постели.— Я готов отправиться на боковую. А выпивка у них ничего. Слава богу, Вольдштед¹ сюда не доберется.

Больше я не услышал ничего, ибо погрузился в такой глубокий сон, какого не припомню, кажется, за всю жизнь.

Глава III

Придя в себя, я сперва никак не мог понять, где нахожусь. События прошлого дня казались далеким кошмаром, и я никак не мог примириться с мыслью, что мне придется принимать их как факты. Я с удивлением оглядывал большую комнату без окон, стены, выкрашенные в спокойные цвета; увидел полосы мерцающего красноватого света у потолка и две другие постели,— с одной из них доносился тонкий, с присвистом храп Маракота, знакомый мне еще по «Стратфорду». Все это было слишком странно, чтобы можно было в это поверить, и, лишь потрогав одеяло, сотканное из сухих волокон неизвестного мне морского растения, я убедился, что все то невероятное, что приключилось с нами, не сон, а действительность. Я все еще никак не мог освоиться с этой мыслью, как вдруг раздался взрыв хохота, и Билл Сканлэн вскочил с постели.

— Доброе утро, Хедли! — крикнул он мне, не переставая смеяться.

¹ Вольдштед, Эндриу Джон (1860-1947) — американский конгрессмен. В 1919 году добился проведения в конгрессе закона о запрещении производства, продажи и перевозки спиртных напитков.

— Вы сегодня в хорошем настроении,— ответил я несколько раздраженно.— Не вижу особых причин для восторгов.

— Я тоже, как и вы, повесил было нос, когда проснулся,— ответил он.— Потом мне пришла забавная штука в голову, и я расхохотался.

— А что за штука? Я бы тоже не прочь посмеяться.

— Да вот, Хедли, я подумал, как чертовски забавно было бы нам всем вчера прицепиться к этому самому лоту. Ведь в этих прозрачных колпаках мы бы прелесть как дышали. Старик Хови поглядел бы — а мы все и вылезаем из воды. Он бы решил, что выудил нас, это как пить дать. Вот бы здорово получилось!

Наш дружный хохот разбудил доктора Маракота, который сел на постели с тем же выражением удивления на лице, что за минуту до того было и у меня. Я позабыл о своих заботах, слушая сперва его отрывистые восклицания, потом выражение необузданной радости при виде столь обширного поля для новых исследований, затем горькие жалобы, что он не сможет поделиться своими замечательными наблюдениями с земными коллегами. Наконец, излив свои жалобы, доктор перешел к более насущным нуждам.

— Сейчас девять часов,— сказал он, посмотрев на часы.

Мы сверили по своим часам: девять. Только вот вопрос: дня или вечера?

— Надо нам завести календарь,— предложил Маракот.— Мы совершили спуск третьего октября. Сюда мы попали к вечеру того же дня. Вопрос: сколько времени мы проспали?

— Да не меньше месяца, черт возьми! — ответил Билл Скайлэн.— Ни разу я еще не спал так крепко с тех пор, как Микки Скотт уложил меня на шестом раунде, когда мы с ним боксировали на фабрике.

Мы вымылись и оделись, ибо все, что для этого требовалось, оказалось тут же, под рукой. Но дверь была заперта, и было очевидно, что мы пленники. Несмотря на видимое отсутствие вентиляции, воздух был удивительно чист, и мы вскоре обнаружили, что он вливается в комнату через небольшие отверстия в стенах.

Отопление было, очевидно, центральное, потому что, хотя печки здесь не было, в комнате было тепло. Вдруг я заметил на стене кнопку и нажал ее. Это, как я и ожидал, был звонок, ибо дверь тотчас распахнулась и на пороге появился

маленький смуглый человечек в желтой тунике. Он вопросительно смотрел на нас темными ласковыми глазами.

— Мы голодны,— сказал Маракот.— Дайте нам, пожалуйста, поесть.

Человечек покачал головой и улыбнулся. Ясно было, что он не понимает нас.

Сканлэн попытал счастья, изъяснив ему наши желания на крепком американском жаргоне, на что слуга ответил той же любезной, но непонимающей улыбкой.

Когда же я открыл рот и выразительно пожевал палец, наш страж усиленно закивал и быстро исчез.

Через десять минут дверь снова распахнулась, и двое в желтых одеждах вкатили столик на колесах. Будь мы в Балтимор-отеле, нам бы не сервировали лучшего завтрака. Здесь были кофе, горячее молоко, булочки, какая-то восхитительная плоская рыба и мед. С полчаса мы были слишком заняты, чтобы обсуждать, что именно мы едим и откуда все это явилось. Когда все было съедено, снова вошли слуги, выкатили столик и тщательно заперли за собой дверь.

— Честное слово, я исщипал себя до синяков,— заявил Билл.— Спим мы или нет, позвольте вас спросить? Слышите, док, вы нас сюда притащили, и ваша святая обязанность — объяснить, нам, у кого мы, собственно, в гостях.

Доктор покачал головой.

— Для меня это тоже сон,— сказал он,— но какой изумительный сон! Что бы можно было рассказать миру, сумей мы передать туда наш рассказ!

— Ясно одно,— заметил я,— что в легенде об Атлантиде была правда и часть погибшего народа спаслась каким-то нам пока неизвестным образом.

— Даже если они и спаслись,— ответил Билл Сканлэн, почесывая в затылке,— то черт меня побери, коли я понимаю, как они получают свежий воздух, воду и все такое! Может быть, когда придет этот бородатый чудак, он сможет нас просветить?

— Как же он это сделает, раз у нас нет общего языка?

— Пока подведем итоги собственным наблюдениям,— предложил Маракот.— Одно для меня несомненно,— я понял это, когда ел за завтраком мед. Мед был явно синтетический, на земле мы только-только учимся делать такой. Но раз есть синтетический мед, почему бы не быть синтетическому кофе и муке? Молекулы элементов подобны кирпичам, и они по-

всюду вокруг нас. Надо только знать, как переместить или вынуть некоторые кирпичи, а иногда всего один кирпич, чтобы получить новое вещество. Сахар превращается в крахмал, а эфир — в алкоголь простой перестановкой кирпичей. От чего же зависит эта перестановка? От теплоты, от электрических влияний. Быть может, и от других причин, о которых мы не знаем. Некоторые вещества изменяются сами собой. Уран становится радием, радий превращается в свинец без всякого вмешательства с нашей стороны.

— Значит, вы полагаете, что у них очень развита химия?

— Совершенно уверен. Ведь к их услугам сколько угодно этих «кирпичей»-элементов. Кислород и водород добываются непосредственно из морской воды. Углерод и азот имеются в изобилии в составе водорослей, а кальций и фосфор — в отложениях на дне. С умом и знанием чего только не сделаешь!

Доктор еще продолжал свою лекцию по химии, когда дверь открылась и вошел Манд, дружески приветствуя нас. С ним вместе пришел старик, который осматривал нас накануне вечером. Очевидно, это был ученый, потому что он обратился к нам на разных языках по очереди, но ни одного из них мы не понимали. Тогда он пожал плечами и заговорил с Мандом, и тот дал знак двум своим слугам. Они внесли странный небольшой экран на двух подставках. Экран был похож на обыкновенный кинематографический, но покрыт каким-то составом, который блестел и переливался в лучах света. Экран приставили к одной из стен. Старик отмерил несколько шагов и провел черту на полу. Став на нее, он обернулся к Маракоту и прикоснулся ко лбу, указывая на экран.

— Спятил, — усмехнулся Билл. — Винтиков в голове не хватает.

Маракот покачал головой, показывая, что мы не понимаем, чего от нас ожидают.

На лице старика выразилось замешательство. Потом, очевидно, приняв какое-то решение, он показал рукой на себя, повернулся к экрану и, сосредоточившись, устремил на него взгляд. Через мгновение на экране появилось его изображение. Потом он указал на нас, и вскоре мы заняли на экране его место. Но это были не совсем мы! Скэнлэн имел вид опереточного китайца, Маракот похож был на труп, но, очевидно, такими мы казались старику.

— Это отражение его мыслей! — воскликнул я.

— Правильно,— подтвердил Маракот.— Это — удивительнейшее открытие, которое мы еще еле-еле нащупываем на земле.

— Вот уж никогда не думал, что увижу себя в кино, если только этот кругломордый китаец и вправду я,— сказал Сканлэн.— Сообщи мы все эти штуки редактору «Леджера», он бы нас обеспечил на всю жизнь. Да, уж мы б не остались в накладе, если б сумели передать это на землю.

— В том-то и дело,— возразил я.— Мы бы заставили весь мир разинуть рты от удивления, если бы только выбрались отсюда. Но что он там волнуется, этот старик?

— Он хочет, чтобы вы, док, проделали такую же штуку.

Маракот занял указанное ему место и, сосредоточившись, прекрасно воспроизвел картину. Мы увидели изображение Манда, потом «Стратфорда» в ту минуту, когда его покидали.

И Манд и старик-ученый радостно закивали головами при виде парохода, а Манд начал делать плавные жесты от нас к экрану.

— Просит рассказать им все! — воскликнул я.— Они хотят знать по картинкам, кто мы такие и как сюда попали.

Маракот кивнул Манду, показывая, что мы поняли, и начал было «рисовать» картинки нашего путешествия, но тут Манд прикоснулся к его руке и прервал рассказ. По его знаку слуги унесли экран, и атланты жестами пригласили нас следовать за ними.

Здание было огромное, и мы долго переходили из одного коридора в другой, пока, наконец, не пришли в большой зал с сиденьями, возвышавшимися амфитеатром, как в университетской аудитории. Сбоку стоял экран — такой же, какой мы только что видели, только побольше. Лицом к нему сидели люди; их было около тысячи человек, и при нашем входе раздался одобрителный шепот. Здесь были мужчины и женщины всех возрастов. Мужчины все бородатые, женщины постарше имели весьма почтенный вид, а девушки блистали красотой. Мы лишь мельком могли взглянуть на толпу. Нас усадили в первом ряду, а Маракота поставили на кафедру перед экраном. Потом огни угасли, и был дан сигнал к началу.

Маракот прекрасно восстанавливал в своем воображении сцены пережитого. Сперва мы увидели, как наш корабль выходит из устья Темзы, и ропот удовольствия прошел по рядам при виде настоящего современного города. Потом появилась

карта, на которой был отмечен наш путь. Затем показалась стальная кабинка, и по оживлению в зале ясно было, что ее уже видели. Кабина опускалась все глубже и глубже. И вот появился чудовищный рак, погубивший нас.

— Маракс! Маракс! — закричали зрители при появлении чудовища. Ясно, что они знали и боялись его. Но вот чудовище стало перетирать канат, и раздались крики ужаса, перешедшие в вопль, когда канат оборвался и кабина полетела в бездну. Рассказывая целый месяц, мы не объяснили бы все так подробно, как за получасовую лекцию-демонстрацию.

Когда зажегся свет, вся аудитория собралась подле нас, проявляя знаки симпатии и удовольствия, похлопывая нас по плечу, всеми силами стараясь дать нам понять, что они нам рады. Нас по очереди представили некоторым старшинам. Но они отличались от всех остальных лишь знаниями и мудростью, иных различий между ними, казалось, не было, и одеты все были примерно одинаково. У мужчин были короткие, до колен, шафрановые туники с поясами; обуты они были в высокие сандалии из упругого чешуйчатого материала, вероятно, из кожи какого-то морского животного.

Женщины живописно драпировались в розовые, синие, зеленые одежды и были украшены нитками жемчуга и мелких перламутровых раковин. Многие были так прекрасны, что на земле невозможно было бы найти им равных. Там была одна...

Но зачем вмешивать мои личные чувства в рассказ, представляющий общественный интерес? Скажу лишь, что Мона — единственная дочь Скарпы, одного из вождей народа, и что с самой первой нашей встречи я прочел в ее взоре симпатию и сердцем почувствовал, что и она поняла мое восхищение ее красотой. Пока больше ничего не буду говорить об этой прелестной девушке. Достаточно сказать, что новое, сильное чувство вошло в мою жизнь. Потом, когда я увидел, как непривычно оживленный Маракот жестикулирует перед одной приятной, любезной особой, а Сканлэн, окруженный группой смеющихся девушек, жестах выражает им свое восхищение, я понял, что и мои спутники нашли в нашем трагическом приключении приятную сторону. Если мы погибли для надводного мира, то нашли иной, где, по-видимому, жизнь обещает хоть как-то вознаградить нас за утраченное.

Позже Манд и другие наши новые друзья водили нас по различным помещениям бесконечного здания. Здание на-

столькоросло в дно океана, что проникнуть в него можно было лишь через крышу, и отсюда длинные коридоры лабиринтом спускались все ниже и ниже, пока не достигали глубины нескольких сот метров под уровнем входа.

Фундамент здания, покоившийся на первоначальном дне океана, сообщался с новыми коридорами и ходами, которые вели глубоко под землю. Нам показали аппараты, вырабатывающие воздух, и насосы, разгонявшие его по всему огромному зданию. Маракот с восхищением и уважением указал нам на маленькие реторты, где вырабатывались аргон, неон и прочие газы, роль которых для дыхания мы на земле только-только еще начинаем понимать. Чрезвычайно интересны были огромные дистилляторы для свежей воды и огромные электрические установки, но большая часть машин была так сложна, что мы не в силах были разобраться в их деталях. Могу только заявить, что видел собственными глазами и попробовал на вкус различные химические элементы в жидком и газообразном состояниях, которые вводились в аппараты и подвергались там обработке теплом, давлением и электричеством, и в результате машины производили муку, чай, кофе, вино и множество других продуктов питания.

При самом поверхностном осмотре здания, тех его частей, которые нам были открыты для осмотра, нас поразило одно обстоятельство. Нам стало совершенно очевидно, что затопление страны было предусмотрено ее обитателями задолго до катастрофы и они своевременно позаботились об организации защиты от неминуемой гибели. Совершенно понятно и в доказательствах не нуждается то обстоятельство, что подобные предосторожности не могли быть приняты после катастрофы, что все огромное здание с самого начала строилось с расчетом послужить в случае наводнения убежищем и постоянным жильем для народа. Огромные машины, вырабатывающие воздух, пищу, дистиллированную воду и другие необходимые продукты, были заблаговременно помещены в стенах здания и составляли его органическую, неотъемлемую часть. Были предусмотрены выходы с крыши, организованы мастерские, изготавливавшие прозрачные колпаки-скафандры, установлены колоссальные насосы для откачивания воды из специальных камер, сообщавшихся непосредственно с океаном. Все это было заготовлено с умом и дальновидностью удивительно культурного народа, который, как мы имели возможность убедиться, в свое время простирает свою руку к

Египту и Южной Америке и, таким образом, оставил по себе память на земле даже после того, как сама чудесная Атлантида погибла под волнами. Что же до их потомков, то они, что вполне естественно, несколько выродились и застыли на одной точке прогресса, они сохранили знания предков, но у них не хватало энергии развить их, пополнить. Они располагали огромными возможностями, но, нам казалось, им не хватает инициативы и они мало что сделали, чтобы приумножить богатейшее наследие, доставшееся им от предков. Я уверен, что, если бы их огромные знания достались Маракоту, он сотворил бы великие дела. Что касается Сканлэна с его острым, живым умом прирожденного механика, то он им все время показывал разные диковинки, так же удивлявшие их, как их изобретения удивляли нас. Садясь в стальную кабинку перед спуском, он не забыл сунуть в карман свою любимую губную гармонику, и теперь она была непрерывным источником радости для наших подводных друзей. Они садились вокруг Билла и слушали его, как мы слушаем Моцарта, а он наигрывал им то веселые, то грустные песенки своей далекой родины.

Я уже упоминал, что не все здание было нам предоставлено для осмотра, и хочу несколько подробнее рассказать об этом. В здании был один запущенный на вид коридор, по которому постоянно сновали люди, но наши проводники тщательно его избегали. Естественно, это возбудило наше любопытство, и однажды вечером мы решили на свой страх и риск заглянуть туда. Мы тихонько выбрались из нашей комнаты и направились к неизвестной части здания, где, по счастью, почти никого не встретили.

Коридор привел нас к высокой двери-арке, которая, как мне показалось, была из чистого золота. Растворив дверь, мы очутились в большом зале, образующем четырехугольник площадью не меньше ста метров. Стены были разрисованы яркими красками и украшены изображениями и статуями уродливых существ со странными головными уборами, вроде тех, что носили в старину американские индейцы. В конце большого зала возвышалась огромная сидячая фигура со скрещенными, как у Будды, ногами, но лицо ее отнюдь не выражало нерушимое спокойствие, свойственное Будде. Наоборот, это было воплощение зла, идол с открытой пастью и свирепыми красными глазами, освещенными изнутри электрическими лампочками. На коленях идола был большой чер-

ный жертвенник — очаг, в котором, подойдя поближе, мы увидели кучи пепла.

— Молох! — сказал Маракот. — Молох. или Ваал, древний бог финикийцев.

— Черт возьми! — воскликнул я, вспомнив о Каргафене. — Неужели этот культурный народ совершает человеческие жертвоприношения?

— Послушайте, Хедли! — забеспокоился Сканлэн. — Надеюсь, они будут держать эту свою дурь про себя. Нам это уж вовсе ни к чему.

— Я думаю, они уже получили хороший урок, — ответил я. — Несчастье учит милосердию.

— Правильно. — поддержал Маракот, вглядываясь в пепел. — Это старый бог их предков, но формы культа, видно, обновились. Посмотрите на этот пепел. Это остатки сожженных хлебов, злаков и тому подобного. Но, возможно, было время, когда...

Наши размышления прервал сердитый голос, и, обернувшись, мы увидели нескольких людей в желтых одеждах и высоких шапках, вероятно, жрецов храма. По выражению их лиц я увидел, что мы весьма близки к тому, чтобы стать последними жертвами Ваала: один из жрецов угрожающе вытащил из-за пояса нож. Криками и грозными жестами они грубо вытеснили нас из храма.

— Черт подери! — возмутился Билл. — Я вот сейчас двину этого типа, если он еще раз до меня дотронется!

В первое мгновение я испугался, что Билл затеет в этом святилище скандал. Но нам удалось увести разъяренного механика, и мы все вернулись к себе в комнату, однако по выражению лиц Манда и других мы поняли, что поход наш получил огласку и все нас осуждают.

Зато в другое святилище нас пускали невозбранно, и там мы случайно нашли возможность, правда, весьма несовершенную, для общения с нашими хозяевами. Это была комната в нижней части храма без всяких украшений, только в одном углу стояла пожелтевшая от времени статуя слоновой кости, изображавшая женщину с копьем в руке и с совой на плече. Комнату охранял дряхлый старик, и, несмотря на то, что он был очень стар, мы поняли, что это представитель иной, более красивой и рослой расы, чем жрецы. Мы с Маракотом смотрели на статую, стараясь припомнить, где мы видели нечто похожее, когда старик обратился к нам.

— Теа,— сказал он, указывая на статую.

— Черт возьми! — воскликнул я.— Он говорит по-гречески!

— Теа Афина! — повторил старик.

Сомнений не было. Он говорил: «Богиня Афина».

Маракот, человек удивительно универсального ума и огромных знаний, начал задавать ему вопросы на классическом греческом языке, которые старик понимал лишь отчасти и отвечал на столь архаическом диалекте, что понять его было почти невозможно. И все же Маракоту удалось кое-что узнать, он нашел посредника, через которого можно будет хоть что-то передать атлантам.

В тот же вечер Маракот говорил нам возбужденно, тоном лектора, обращающегося к большой аудитории, и, как всегда, высоким, пронзительным голосом:

— Это — поразительное доказательство достоверности легенды. Легенда основывается на фактах, даже если последующие века постоянно их искажают. Вам известно или, скорее, неизвестно («Вот это верно сказано»,— вставил Скэнлэн), что во время катастрофы, разразившейся над несчастным островом, между древними греками и атлантами происходила кровопролитная война. Эти факты описаны Солоном со слов жрецов Саис. Мы можем допустить, что в ту эпоху у атлантов были греческие пленники, что некоторые из них были отданы для службы в храмы и принесли с собой свою религию. Насколько я мог понять, старик — наследник древних греческих жрецов, и, быть может, когда мы познакомимся с ним поближе, мы узнаем что-нибудь и об этом древнем народе.

— Что ж, я на стороне греков,— заявил Билл.— В конце концов уж если хочешь вылепить себе бога, так пусть лучше это будет красивая женщина, чем красноглазое чудовище с камином на коленях.

— Хорошо, что они не могут читать ваших мыслей,— сказал я.— Иначе вам, пожалуй, не миновать бы судьбы христианских мучеников.

— Ну, на этот счет будьте покойны,— возразил Билл.— Пока я им изображаю джаз-банд на гармонике, нас не тронут. Кто же тогда их будет забавлять?

Это был веселый народ, и мы вели чудесную жизнь, но бывали и бывают времена, когда сердце стремится в родные края, когда встают в воображении квадратные башни Окс-

форда и старые вязы Гарварда. В первые дни нашей подводной жизни они мне казались такими же недостижимо далекими, как лунный ландшафт, и лишь теперь у меня появляется слабая, робкая надежда, что когда-нибудь я их все-таки увижу.

Глава IV

Через несколько дней нас, гостей, или пленников — временами мы и в самом деле не знали, кем себя считать, — взяли в экспедицию на дно океана. С нами отправились шестеро во главе с Мандом. Собрались мы все в той же входной камере, через которую проникли сюда впервые, и теперь могли более подробно осмотреть ее устройство. Это была большая квадратная комната не менее тридцати метров в длину и ширину; ее низкие стены и потолок были сплошь покрыты зеленой плесенью. По стенам комнаты виднелся длинный ряд крючков со знаками, которые, как нам объяснили, были цифрами, и на этих крючках висели прозрачные водолазные колпаки; каждый из них был снабжен парой наплечных батарей для дыхания. Пол был выстлан плитам из светлого известняка, выщербленного ногами многих поколений, и в углублениях его застаивалась вода. Комната была ярко освещена трубками, подвешенными к карнизу. Нас заключили в прозрачные колпаки и дали каждому по толстой остроконечной палке, вроде багра, из какого-то чрезвычайно легкого металла.

Потом по данному сигналу Манд велел нам ухватиться за перила, окружавшие комнату. Он сам подал нам пример, а за ним и другие атланты. Скоро выяснилась причина этой предосторожности. Как только открылась наружная дверь, воды океана ворвались в комнату с такой силой, что, не держись мы за перила, бушующий поток тотчас же свалил бы нас с ног. Вода быстро поднималась, и, когда она покрыла нас с головой, напор сразу ослабел. Манд первый двинулся к выходу, и через мгновение мы уже были на дне океана, оставив за спиной открытую дверь входной камеры.

Оглядываясь по сторонам в холодном, мерцающем свете, слабо озарявшем дно океана, мы могли свободно различать все на расстоянии полукилометра. Больше всего нас удивила яркая, светящаяся вдалеке точка, но что это было, мы пока не могли разобрать. К этой точке и направил нас наш предводитель, а мы гуськом шли за ним. Идти приходилось медленно из-за упругости водной среды, да и ноги глубоко вязли в

мягком иле, покрывавшем дно океана; но вскоре мы ясно увидели, откуда льется загадочный свет, привлечший наше внимание. Это была наша стальная кабинка — последнее воспоминание о земной жизни! Она лежала боком на одном из куполов этого огромного здания, все еще ярко освещенная изнутри. Сжатый воздух сохранил от вторжения воды ту ее часть, где были электрические установки. Странное ощущение испытывали мы, рассматривая через иллюминатор знакомую внутренность нашей стальной кабины, наполненной водой, в которой скользили, как в аквариуме, несколько крупных рыб, напоминающих миног. Один за другим мы проникли в кабину через открытый люк. Маракот хотел непременно спасти записную книжку, плававшую на поверхности воды, а мы со Сканлэном решили захватить кое-что из личного имущества. За нами влез и Манд с двумя спутниками и стал с интересом рассматривать глубиномер, термометр и другие приборы, прикрепленные к стенам. Кое-какие из них мы сняли и забрали с собой.

Ученым будет небезынтересно знать, что на самой большой глубине, куда только спускался человек, температура равна пяти градусам по Цельсию, то есть значительно выше, чем в верхних слоях океана. Объясняется это непрерывным химическим процессом разложения ила и возникающей в связи с этим теплотой.

Оказалось, что помимо легкой прогулки по дну океана, наша экспедиция имела определенную цель. Мы добывали пищу. Я видел, как наши спутники вдруг ударяли острыми баграми, всякий раз пронзая большую коричневую плоскую рыбу, несколько похожую на камбалу. Этих рыб было множество, но они так сливались окраской с илом, что заметить их мог лишь опытный глаз. Вскоре у каждого из наших спутников было уже по две-три рыбины. Немного погодя мы со Сканлэном тоже наловчились бить рыбу и поймали каждый по паре, но Маракот двигался точно во сне, весь поглощенный чудесами морского дна, и произносил длинные взволнованные речи, которые мы не могли услышать. Мы видели только, что губы его беспрерывно шевелятся. На первый взгляд дно океана показалось нам унылым и однообразным, но вскоре мы убедились, что серая равнина изборозждена бесчисленными подводными течениями, пересекающими ее, как подводные реки. Эти течения прорывают каналы в мягком иле и образуют настоящие речные ложа. Дно каналов состоит

из красной глины, которая образует фундамент всего дна океана, и сплошь устлано какими-то белыми предметами, которые я сперва принял за раковины, но при ближайшем рассмотрении они оказались костями китов, зубами акул и других морских чудовищ. Один из таких зубов, поднятый мною, имел пятнадцать дюймов длины. Какое счастье для нас, что чудовища, обладающие таким страшным оружием, живут преимущественно в верхних слоях океана! По мнению Маркота, этот зуб принадлежал гигантскому полулегендарному хищнику Орка-гладиатор. Находка лишний раз подтверждала нашумевшее в ученых кругах заявление Митчела Хиджеса о том, что у самых огромных акул, которых ему удавалось поймать, на теле имелись исполинских размеров раны, а значит, существуют еще более свирепые и сильные чудовища, чем они сами.

Одна странность особенно поражает наблюдателя дна океана. Это, как я уже упоминал, постоянный холодный свет, излучаемый огромными фосфоресцирующими массами разлагающихся органических веществ. Но выше темно, как ночью. Это создает иллюзию сумеречного зимнего дня, когда низко над землей тянутся огромные мрачные тучи. Из этой мглы медленно, но беспрестанно падает что-то легкое, белое, поблескивающее, будто хлопья снега. Это раковины морских улиток и других мелких морских животных, которые живут и умирают в восьмикилометровом слое воды, отделяющем нас от поверхности, и хотя многие во время падения растворяются и образуют известковые соли, которыми богат океан, другие, падая год за годом, образуют мягкий органический вековой слой, погребаящий великий город, в верхней части которого мы теперь живем.

Со вздохом покинув стальную кабинку — последнее звено, связывающее нас с землей, — мы вышли в сумрак подводного мира и вскоре столкнулись с еще одной особенностью жизни на дне океана. Впереди замаячило смутное движущееся пятно, оказавшееся группой людей в прозрачных колпаках; люди эти тащили своего рода широкие сани, нагруженные углем. Это была тяжелая работа, и бедняги, вцепившись в веревки рыбьей кожи, напрягали все свои силы. При каждой группе людей находился один главный, и мы с удивлением заметили, что рабочие и руководители принадлежат совершенно к разным расам. Рабочие были высокие белокурые люди с голубыми глазами и могучим телом. Руководители,

как я уже описывал, — брюнеты с примесью негритянской крови, коренастые, приземистые. В ту минуту мы не могли разрешить свои сомнения, но похоже было, что одна раса из поколения в поколение была рабами другой, и Маракот полагал, что голубоглазые — потомки греческих пленников, чью богиню мы видели в храме.

До того, как мы подошли к рудникам, нам встретилось еще несколько групп, тащивших уголь. Здесь органический слой и песчаные напластования ила были сняты целиком, и обнаружилось широкое пространство, откуда начиналась шахта, где чередовались слои угля и глины, веками наращивавшиеся на дне Атлантического океана. Тут, на разных уровнях, мы видели группы людей за работой. Они отбивали пласты, грузили пласты в корзины, поднимали их наверх. Рудник был настолько обширен, что мы не видели другого края этого огромного колодца, который пробивали в дне океана многочисленные поколения рабочих. Уголь, превращаемый в электрическую энергию, был основной движущей силой, приводившей в движение все машины Атлантиды. Кстати, любопытно отметить, что самое имя древнего города совершенно точно сохранилось легендами. Когда мы упомянули слово «Атлантида», Манд и другие наши спутники чрезвычайно удивились, что мы его знаем, а потом одобрительно закивали, показывая, что они нас поняли.

Миновав огромный колодец-шахту, или, вернее, уйдя от него вправо, мы подошли к цепи базальтовых скал с поверхностью столь же чистой и блестящей, как в день, когда земля извергала их из своих недр. Вершины скал уходили в темноту непроглядной ночи, а подошвы терялись в густой чаще водорослей, поднимавшихся на бугристых наслоениях окаменевших кораллов, строивших здесь свои колонии в отдаленнейшие доисторические времена. Некоторое время мы шли вдоль этих густых подводных зарослей, причем наши провожатые изредка ударяли по ним палками, извлекая оттуда ради нашего удовольствия удивительных рыб и ракообразных; часть их бросали, часть отбирали для своего стола. Таким образом, мы прошли около двух километров, как вдруг я увидел, что Манд внезапно остановился и стал озираться, жестами выражая удивление и тревогу. Его выразительные движения и мимика подвижного лица вполне заменяли язык, потому что атланты мгновенно уяснили себе причину его беспокойства, и

лишь тогда мы с испугом поняли, в чем дело? Доктор Маракот исчез!

Я отчетливо помню, что доктор был с нами, когда мы шли мимо угольной шахты, он дошел с нами до базальтовых утесов. Уйти вперед он, конечно же, не мог, так что оставалось искать его позади, вдоль линии подводных зарослей. Наши друзья были чрезвычайно встревожены исчезновением Маракота, а мы со Сканлэном, хорошо знакомые с эксцентричностью рассеянного ученого, были убеждены, что тревожиться тут не из-за чего и мы скоро найдем его: забыв все на свете, он, наверно, с головой ушел в изучение какой-нибудь диковинной морской зверюги. Мы повернулись и пошли обратно и, не сделав и сотни шагов, увидели Маракота.

Но он бежал, бежал со скоростью, которой я никак не ожидал от человека его возраста и привычек. И никуда не годный спортсмен побегит, если его подгоняет безудержный страх. Маракот бежал, спотыкаясь и увязая, широко раскинув руки, точно взывая о помощи. У него были все основания рваться из последних сил: три ужасных существа преследовали его по пятам. Это были тигровые крабы с чередующимися черными и желтыми полосами, каждый размером с ньюфаундленда. К счастью, они не могли быстро передвигаться по илу и как-то странно, боком, прыгали по мягкому дну океана со скоростью, немного превышающей ту, что развил испуганный беглец.

Но запаса сил у них было больше, они постепенно догоняли его, и, если бы не вмешались наши друзья, они через несколько минут схватили бы Маракота страшными клешнями. Все бросились навстречу крабам с острыми баграми наперевес, а Манд зажег мощный электрический фонарь, висевший у него на поясе, и пустил сноп света в глаза отвратительных чудовищ, которые поспешно свернули в заросли и пропали из виду. Доктор бессильно опустился на обломок кораллового рифа, и по его лицу было видно, что он совершенно измучен этим приключением. Позже он рассказывал нам, что проник в подводные джунгли, желая достать то, что показалось ему редким экземпляром глубоководной химеры¹ и угодил в гнездо свирепых тигровых крабов, которые мгновенно бросились

¹ Химера — рыба, похожая на акулу, с продолговатым телом, низко врезанным ртом, голой кожей и длинной хвостовой нитью.

за ним в погоню. Только после продолжительного отдыха он смог двинуться дальше.

Миновав базальтовые утесы, мы наконец подошли к нашей цели. На серой равнине перед нами высились раскинутые в беспорядке пригорки, высокие холмики, выступы, говорившие о том, что под нею лежит большой древний город. Он был бы совершенно и навсегда погребен под слоем ила, как Геркуланум под лавой и Помпея¹ под пеплом, если бы подводные жители не прокопали в него вход. Входом служил длинный покатый коридор, переходивший в широкую улицу, по обе стороны которой тянулись ряды строений. Стены домов, построенные не столь прочно, как Храм Безопасности, были изборозжены трещинами и частично разваливались, но внутренность домов большей частью осталась в том состоянии, в каком захватила их разразившаяся катастрофа, разве только в иных местах океанские волны похозяйничали в домах: где украсили их, а где изуродовали. Наши проводники не дали нам времени осмотреть эти первые дома и увлекли нас вперед, пока мы не добрались до здания, которое, очевидно, было большой центральной крепостью или дворцом, вокруг которого концентрическими кругами разрастался весь город.

Колонны, огромные скульптурные карнизы и фризы, площадки и лестницы этого здания превосходили все, что я когда-либо видел на земле. Больше всего здание походило на остатки храма Карнака в Луксоре в Египте, и — удивительное дело — украшения и полустертые надписи в мелочах напоминали такие же украшения и надписи великих развалин близ Нила, а колонны, увенчанные огромными капителями, в виде цветов лотоса, были точно такие же.

Как странно было идти по мозаичному мраморному полу огромных зал с большими статуями у стен и видеть крупных серебристых угрей, мелькавших над нашими головами, и стаи перепуганных рыб, без оглядки удиравших от снопа света, которым Манд освещал нам дорогу. Мы переходили из комнаты в комнату, подолгу задерживаясь в богато обставленных покоях, носивших все следы той непомерной роскоши, которая, по преданию, и навлекла на Атлантиду гнев богов.

¹ Итальянские города, погибшие при извержении Везувия в 79 году нашей эры.

Одна комната, сравнительно небольшая, была чудесно украшена перламутровой инкрустацией, которая еще до сих пор переливалась мягкими опаловыми бликами, когда луч света, играя, скользил по стенке. В углу, на возвышении, орнаментированное изысканной резьбой, стояло ложе из какого-то желтого металла, и комната эта казалась опочивальней королевы, но возле ложа теперь лежал уродливый черный моллюск, и его отвратительное тело вздымалось и опускалось в тихом пульсирующем ритме: казалось, будто в самом центре этого зловещего дворца бьется чье-то злобное сердце.

Я был рад, да и мои товарищи тоже, когда атланты вывели нас отсюда. На мгновение мы заглянули в большой разрушенный амфитеатр, дальше увидели набережную с маяком в конце и поняли, что город этот был в свое время морским портом. Скоро мы выбрались из этих мест, отмеченных недоброй печатью, и снова очутились на знакомой подводной равнине.

Наши приключения еще не кончились: произошло еще одно, встревожившее нас не меньше, чем наших друзей-атлантов. Мы направлялись обратно, когда один из атлантов вдруг с беспокойством указал на что-то наверху. Мы взглянули туда, и перед нами предстало невиданное зрелище. Из черного слоя воды прямо на нас опускалось что-то огромное, темное. Сперва нам показалось, что это бесформенная масса, но когда она спустилась пониже, мы увидели в слабом свете, что это труп огромной рыбы, он раздулся и лопнул, и за ним тянулись ее внутренности. Газы поддерживали его в верхних слоях океана, но в результате гниения, а быть может, тут постарались акулы, они покинули это мертвое тело, и оно устремилось на дно океана. Во время нашей прогулки мы наткнулись не раз на гигантские скелеты, начисто обглоданные рыбами, но это чудовище, хоть оно и было выпотрошено, еще походило на то, каким было при жизни.

Атланты вцепились в нас, намереваясь оттащить с пути падающего тела, но, увидев, что оно нас минует, успокоились. Колпаки не позволяли нам различать звуков, но при падении **этого** тяжелого тела на дно, вероятно, последовал сильный удар; слой ила взлетел кверху, как взлетает тина в пруду, если бросить в нес камень.

Это был кит метров двадцати пяти в длину, и по оживленной и радостной жестикуляции подводных людей я за-

ключил, что они сумеют найти хорошее употребление для его жира и спермацета.

Некоторое время спустя после встречи с мертвым китом, мы, все трое, к нашей радости, снова очутились перед знакомой квадратной дверью с тяжелыми колоннами по бокам, ибо порядком устали от такого непривычного для нас путешествия, и вскоре уже стояли на сыроватом полу входной камеры сухие, невредимые без прозрачных колпаков.

Через несколько дней — нам трудно определить время точно, — после того как Маракот демонстрировал атлантам на экране «кинематографа мысли» все, что с нами произошло, нас пригласили на куда более пышную, торжественную демонстрацию, где мы узнали историю этого удивительного народа.

Я не обольщаюсь, сеанс вовсе не был организован исключительно в нашу честь, скорее всего такие демонстрации нередко повторялись публично, чтобы народ не забывал о своем прошлом, и то, что нам показали, было лишь прелюдией к длинной религиозной церемонии. Но как бы там ни было, постараюсь описать то, чему мы были свидетелями.

Нас привели в тот же большой зал, где Маракот при помощи экрана рассказал о наших приключениях. Здесь уже собрались все обитатели Храма Безопасности, и нам, как и в прошлый раз, отвели почетные места перед большим блестящим экраном. Атланты запели длинную торжественную песнь, скорее всего своего рода гимн. Потом дряхлый, седой старик, летописец или историк атлантов, встреченный аплодисментами, занял кафедру и стал проецировать на экран ряд картин, изображавших возвышение и падение его народа. Если бы только мне удалось передать вам их яркость и драматизм! Я и мои товарищи совершенно потеряли представление о времени и пространстве — так мы были увлечены этими картинками. А сзади нас, потрясенные до глубины души, люди вздыхали и проливали слезы над трагедией, рисовавшей разрушение их отечества и гибель их народа.

В первой серии изображений мы увидели древний материк во всем блеске славы — каким он сохранился в памяти народа, ибо воспоминание это народ передавал из поколения в поколение. Мы видели великую страну с птичьего полета — ее огромные владения, прекрасно возделанные и орошенные беспредельные поля, где росли культурные злаки; цветущие фруктовые сады, веселые ручьи, поросшие лесом холмы, спо-

койные озера и кое-где живописные горы. Повсюду селения, фермы, прекрасные дворцы. Потом мы перенеслись в столицу страны — удивительный, великолепный город на берегу моря; в гавани стояло множество галер, пристани были завалены товарами. Город защищали крепкие стены, высокие боевые башни и глубокие рвы — все колоссальных размеров. Дома вдоль улиц тянулись на много километров, а в центре города возвышался окруженный зубчатой стеной замок, такой огромный и внушительный, точно порождение каких-то фантастических снов. Потом мы увидели лица обитателей страны того золотого века: почтенных старцев, мужественных воинов, прекрасных, достойных женщин, веселых, крепких детей — цвет человечества.

Потом замелькали картины другого рода. Мы видели войны — непрерывные войны, войны на суше и на море. Мы видели полудикие беззащитные племена, уничтожаемые огнем и мечом, их подминали под себя колесницы, топтала тяжелая конница. Мы видели сокровища, доставшиеся победителям, но чем богаче они становились, тем резче менялись лица на экране: они приобретали все более жесткие, животные черты. Из поколения в поколение все грубее становилось выражение лиц, все ниже и ниже опускалась культура. Мы наблюдали признаки сладострастия и беспутства, морального разложения; богатства росли, а духовная культура падала. Жестокие извращенные состязания, стоившие жизни их участникам и привлекавшие тысячи зрителей, заняли место мужественных спортивных игр прошлого. Простая, здоровая жизнь отошла в область преданий. Мы видели беззаботные, легкомысленные толпы, бросавшиеся от одного увлечения к другому; они гонялись лишь за порочными наслаждениями, никогда не насыщаясь ими. Вырос, с одной стороны, класс эксплуататоров, сверхбогачей, стремившихся исключительно к чувственным наслаждениям, с другой стороны, обнищавшее до последней степени население, все назначение которого состояло в том, чтобы беспрекословно исполнять желания и капризы господ, как бы жестоки и отвратительны ни были эти желания.

Потом мы опять увидели совсем другие картины. Появились реформаторы, пытавшиеся указать заблудшим другие пути, вернуть их к прежним забытым благородным целям. Мы видели, как эти печальные, исполненные серьезности люди увещевали ставших на путь порока, но, те, кого они хо-

тели спасти, высмеивали их, издевались над ними. Особенно враждебны реформаторам были жрецы Ваала, по милости которых бескорыстная религия духа выродилась во внешние ритуалы и церемонии. Но мужественные борцы не сдавались, они стремились спасти свой народ. Лица их принимали все более суровое, непреклонное выражение, словно перед их внутренним взором вставали грядущие беды. Лишь некоторые прислушивались к словам мудрецов, устроясь их пророчеств, большинство же отворачивалось со смехом и еще больше погрязало в пучине греха. И наступило время, когда реформаторы уже ничего больше не могли сделать и предоставили этот вырождающийся народ его собственной судьбе.

Потом мы увидели странную картину. Один реформатор, крепкий духом и телом, возглавил все реформистское движение. Он был богат и влиятелен и обладал поистине неистощимыми силами. Мы видели его словно в трансе, в общении с какими-то духами. Это он собрал всех величайших ученых страны, все знания — а они превосходили, затмевали все, что было известно нам сегодня, — и применил их для постройки убежища от грядущей катастрофы. Мы видели тысячи рабочих за постройкой — стены росли. А беспечные толпы смотрели, хохотали и удивлялись столь сложным и ненужным предосторожностям. Другие спорили с мудрецом и говорили, что если он чего-то боится, то не проще ли уехать в другую, более безопасную страну. А он отвечал (насколько мы могли понять), что здесь есть честные, простые люди, которых можно спасти в последнюю минуту, и для их-то спасения он и должен остаться в своем Храме Безопасности. Понемногу он собрал своих приверженцев и поселил их в Храме, потому что, хотя высшие силы предупредили его о катастрофе, он не знал точно ни дня, ни часа, когда она свершится.

Так что, когда Храм был готов и водонепроницаемые двери испытаны, он вместе со своей семьей, друзьями, приверженцами и слугами стал ждать страшного часа. И час настал. Это было ужасное зрелище даже на экране! А каким оно было на самом деле, и представить невозможно. Сперва мы увидели, как вдали из спокойной глади океана поднялась на огромную высоту страшная сверкающая гора воды. Потом она двинулась вперед, километр за километром двигалась по морю водяная стена, взметая на гребне клочья пены, стремясь вперед со все возрастающей яростью. Две щепки в потоках белоснежной пены на вершине волны оказались, когда

волна подкатилась ближе, двумя разбитыми волной крупными галерами. Потом мы видели, как гигантская волна с силой ударила о берег и понеслась на город, и дома никли перед ее напором, как спелая рожь под порывом бури. Мы видели людей на крышах домов, глядящих на приближающуюся смерть. Лица их были искажены ужасом, глаза дико блеснули, рты перекошены, они кусали руки и в неописуемом ужасе что-то кричали. Те самые люди, что насмехались над строителями Храма Безопасности, теперь зывали о пощаде, они бросались на колени и простирали руки, моля о спасении. У них не было времени добраться до убежища, построенного за городом, и тысячи беглецов бросились к центральной крепости, стоявшей на холме, и зубчатые стены ее потемнели от толпы беглецов.

И вдруг замок начал проваливаться. Все начало проваливаться. И через расселины вода хлынула в глубины земли, внутренний огонь превратил ее в пар, и произошел взрыв, разрушивший и исковеркавший предпочтенные слои древнего материка. Город погружался все глубже и глубже, и при виде этого ужасного зрелища и мы и все, кто сидел за нами, не могли удержаться от крика. Мол раскололся пополам и исчез. Гигантский маяк рухнул и исчез под волнами. Еще некоторое время виднелись крыши и купола высоких домов, точно острые скалистые рифы, но скоро и они скрылись под водой. Над поверхностью бушующего океана высилась лишь одна крепость — как чудовищной величины корабль. Потом и она стала медленно опускаться в бездну, и на вершине ее качался лес рук, простертых вверх. Страшная драма была окончена, море поглотило весь материк, без остатка, и на его поверхности не виднелось ни одного живого существа. В его бурлящих волнах то там, то тут всплывали трупы людей и животных, стулья, столы, одежда, головные уборы, тюки с товарами, и все это ныряло и носилось в пенистом водовороте. Потом воды успокоились, перед нами раскинулась необъятная водная гладь, блестящая, как ртуть, и мрачное солнце на горизонте скупое освещало могилу страны, судьба которой отныне была решена.

Рассказ был окончен. Нам не о чем было расспрашивать: догадка, логика и воображение восстановили все пробелы рассказа. Мы представили себе медленное, но неуклонное опускание Атлантиды в бездны океана среди вулканических конвульсий, воздвигнувших вокруг нее огромные подводные

горы. Мы представили себе государство атлантов, погребенное на дне океана, разрушенный город, раскинувшийся вокруг Храма Безопасности, в котором укрылась горстка потрясенных людей. Мы поняли теперь, как сумели беглецы спастись от смерти, как использовали они разнообразные достижения науки, которыми снабдил их гениальный строитель Храма Безопасности, как он обучал их всем наукам и искусствам, как кучка в пятьдесят-шестьдесят спасшихся атлантов выросла теперь в значительное общество, которое должно было вгрызаться в недра земли, чтобы расширить свою «страну». Целая справочная библиотека не смогла бы рассказать все это проще и подробнее, чем серия картин-мыслей. Такова была участь древнего государства атлантов, таковы были причины, сокрушившие его. В отдаленном будущем, когда покрывающий дно ил превратится в мел, великий город, возможно, еще раз будет вынесен новым катаклизмом на поверхность земли, и геологи будущего, роясь в каменоломнях, найдут не отпечатки растений, не раковины, а остатки погибшей цивилизации и следы катастрофы, погубившей древний мир.

Одно лишь нам все еще не было ясно: сколько прошло времени с того дня, когда произошла трагедия? Доктор Маракот прибегнул к довольно несовершенному методу для определения даты. Среди множества помещений огромного здания Храма Безопасности была большая пещера, служившая местом погребения вождей атлантов. Здесь, как в Египте, мумифицировали трупы, и в нишах, по стенам, стояли бесчисленными рядами эти мрачные реликвии прошлого. Манд гордо указал на одну свободную нишу и дал нам понять, что она изготовлена специально для него.

— Если мы обратимся к европейским правителям, — объяснил нам Маракот профессорским тоном, — то найдем, что они сменялись приблизительно по пяти человек в столетие. Этими цифрами можно воспользоваться и в данном случае. Конечно, мы не можем гарантировать абсолютной точности, но приблизительный расчет получить нетрудно. Я сосчитал — мумии — их четыреста.

— Значит, получается около восьми тысяч лет!...

— Правильно. И это в какой-то мере совпадает со сведениями Платона. Катастрофа, разумеется, произошла еще до зарождения египетской письменности, а она началась шесть-семь тысяч лет назад. Да, я думаю, мы имеем право сказать,

что видели воспроизведенную на экране трагедию, случившуюся не менее восьмидесяти веков назад. Но, разумеется, создать ту культуру, следы которой мы находим здесь, тоже можно было лишь за многие тысячелетия. Таким образом,— закончил он, и я передаю его утверждение вам,— мы расширили горизонт достоверной истории человечества до таких пределов, каких не достигал еще ни один человек с самого начала истории!

Глава V

Приблизительно через месяц после посещения погребенного города произошло нечто удивительное и неожиданное. В то время мы уже думали, что застрахованы от всяких неожиданностей и ничто больше не сможет нас удивить, но эта история превзошла все, что мы способны были вообразить.

Известие, что случилось из ряда вон выходящее, принес Скэнлэн. Надо сказать, что к тому времени мы чувствовали себя в огромном здании, почти как дома: мы прекрасно знали расположение комнат, присутствовали на концертах атлантов (их музыка очень своеобразна и сложна для нашего уха) и на театральных представлениях, где непонятные нам слова прекрасно пояснялись живыми, выразительными жестами,— короче говоря, мы стали членами их общины. Мы посещали отдельные семьи в их частных помещениях, и наша жизнь — моя, во всяком случае,— была согрета бесконечным гостеприимством этих славных людей, особенно одной милой девушки, чье имя я уже однажды упоминал. Мона, как я уже говорил, была дочерью одного из вождей, и в ее семье я нашел теплый и милый прием, который стирал все существовавшие между нами преграды. А когда дело доходит до самого нежнейшего из языков, я, право, почти не нахожу больших различий между древней Атлантидой и современной Америкой. То, что может нравиться массачусетской девушке из Броун-колледжа, я думаю, понравится и девушке, живущей под водой.

Но вернемся к той минуте, когда вернулся Скэнлэн и сообщил, что произошло что-то важное.

— Один из них,— возбужденно рассказывал Билл,— сейчас ворвался сюда — он был в океане — и до того вне себя, что забыл снять стеклянный колпак и несколько минут болтал без толку, пока не сообразил, что из-за колпака никто его не слышит. Потом что-то говорил, говорил, пока у него дыха-

ние не перехватило, и все помчались за ним в выходную комнату. Вы как хотите, а я побегу за ними, потому что там, наверно, есть что посмотреть!

Выскочив в коридор, мы увидели, что атланты бегут к выходу, оживленно жестикулируя. Мы присоединились к ним и, наскоро надвинув колпаки, помчались по дну океана вслед за взволнованным вестником. Атланты бежали так быстро, что нам нелегко было следовать за ними, но у них были электрические фонарики, и мы, отстав, все же знали, куда нам направляться. Путь шел вдоль базальтовых утесов, пока мы не достигли места, откуда начинались выступы, полуустертые от многолетнего хождения по ним. По этим уступам мы взобрались на вершину базальтовой скалы и очутились в местности, загроможденной обломками скал, сильно затруднявшими наше передвижение. Пробравшись кое-как через этот лабиринт, мы вышли на круглую равнину, залитую фосфорическим светом, и в самом ее центре лежало нечто, от чего у меня сразу занялся дух.

Наполовину зарывшись в мягкий ил, на боку лежал большой пароход. Труба его была сбита, грот-мачта тоже сломана почти у самого основания, но в остальном корабль был цел и чист и не тронут, точно только что вышел из дока. Мы поспешили обойти его вокруг и очутились перед кормой. Вы можете себе представить, с каким чувством мы прочли его название:

«СТРАТФОРД» ЛОНДОН

Наш корабль последовал за нами в Маракотову бездну! Когда первое потрясение прошло, все это не показалось нам таким уж загадочным. Мы вспомнили пасмурную погоду, зарифленные паруса выдавшего виды норвежского барка и зловещее черное облако на горизонте. Ясно, что наверху внезапно разразился чудовищной силы циклон и «Стратфорд» потонул. Было совершенно очевидно, что команда яхты погибла, потому что все шлюпки, хотя и полуразбитые, висели на таях¹. Да и какая шлюпка могла бы спастись в такой ураган?! Трагедия, несомненно, произошла через час-два после нашей катастрофы. Лот, который мы видели на дне, был, возможно, брошен за несколько минут до первого порыва цикло-

¹ Тали — механизмы для подъема вручную грузов на небольшую высоту.

на. По страшному капризу судьбы мы еще живы, а те, кто оплакивал нашу гибель, погибли.

Мы не знали, носило ли нашу яхту в верхних слоях океана или она уже довольно давно лежит здесь, где мы на нее натолкнулись. Бедный капитан Хови, вернее, то, что от него осталось, все еще стоял на своем посту на капитанском мостике, крепко вцепившись в перила окоченевшими пальцами. Только он и трое кочегаров в машинном отделении утонули вместе с яхтой. Всех их, по нашим указаниям, вынули и погребли под слоем векового ила, украсив могилы подводными цветами. Я упоминаю об этой подробности в надежде, что она несколько смягчит тяжкое горе миссис Хови. Имена кочегаров нам неизвестны.

Пока мы выполняли этот скорбный долг, по яхте сновали атланты. Они накинулись на нее, как мыши на сыр. Их любопытство и возбуждение ясно доказывали, что «Стратфорд» — первый современный корабль, может быть, первый пароход, попавший в их бездну. Позже мы узнали, что кислородные аппараты внутри колпаков позволяли атлантам находиться под водой всего несколько часов без перезарядки, и поэтому они могли передвигаться лишь по сравнительно небольшой территории. Атланты сразу же принялись за дело, стали рыться в каютах «Стратфорда», снимать с него все, что им могло пригодиться; это паломничество за оборудованием яхты происходит непрерывно и еще не совсем закончено. Мы тоже были рады случаю проникнуть в свои старые каюты и унести оттуда всю одежду и книги, хотя бы частично уцелевшие при катастрофе.

Среди имущества, снятого нами со «Стратфорда», был и корабельный журнал, который велся капитаном до самого последнего момента. И странно было читать о собственной гибели и видеть гибель того, кто о ней писал.

Вот последняя запись корабельного журнала:

«3 октября. Трое храбрых, но безумных искателей приключений, вопреки моей воле и совету, сегодня спустились в своем аппарате на дно океана и произошло несчастье, которое я предвидел. Упокой, господи, их души. Они начали спуск в одиннадцать часов утра, и я, заметив надвигающийся шквал, долго колебался, прежде чем дать свое согласие. Жалею, что не послушался своего инстинкта, но это лишь отсрочило бы трагическую развязку. Я попрощался с ними, предчувствуя, что никогда больше их не увижу. Некоторое время

все шло хорошо, и в одиннадцать сорок пять они достигли глубины пятисот сорока метров, где и обнаружили дно. Доктор Маракот давал мне по телефону ряд распоряжений, и все, казалось, шло отлично, как вдруг я услышал его взволнованный голос, и проволоочный канат сильно заколебался. Через мгновение он лопнул. По-видимому, в эту минуту они находились над глубокой расселиной; перед этим доктор приказал яхте медленно двигаться вперед. Воздушные трубки еще некоторое время продолжали разматываться и спустились, по моим расчетам, еще на километр, а потом и они оборвались. Теперь больше нет надежды услышать о судьбе доктора Маракота, мистера Хедли и мистера Скэнлэна.

Затем я должен отметить одно удивительное происшествие, значение которого я не имею времени расшифровать, так как надвигается шторм и надо торопиться с записями. Был брошен лот, который отметил глубину в семь тысяч шестьсот пятьдесят метров. Груз его, конечно, остался на дне, канатик мы вытащили, и — как это ни невероятно — над фарфоровой чашкой, берущей образцы, был привязан носовой платок мистера Хедли с его меткой. Команда поражена и никто не понимает, как это могло произойти. В следующей записи я, быть может, сумею что-нибудь сообщить на этот счет. Мы прождали несколько часов в надежде, что на поверхность что-нибудь всплывет, и вытащили остаток каната, конец которого был точно перепилен. Теперь я должен прервать запись и заняться яхтой: никогда не видел такого грозного неба, барометр быстро падает».

Так получили мы последнюю весточку от наших погибших товарищей. Очевидно, тотчас же после этой записи налетел ураган и уничтожил пароход.

Мы оставались подле корабля, пока не почувствовали, что воздух внутри колпаков стал тяжелым, грудь стало давить; мы поняли, что пора возвращаться.

На обратном пути мы столкнулись с серьезной опасностью, которая, видно, постоянно подстерегает подводный народ, и поняли, почему за такой огромный промежуток времени численность атлантов выросла так незначительно. Включая и греческих рабов, их было четыре-пять тысяч человек, не больше.

Мы спустились со ступеней и шли вдоль подводных джунглей у подножия базальтовых утесов, когда Манд взволнованно указал вверх и замахал руками одному из атлантов,

отделившемся от группы и шедшему поодаль по открытому месту. В ту же минуту атланты бросились к большим валунам, увлекая нас за собой. Только забравшись под прикрытие валунов, мы узнали причину внезапной тревоги.

На некотором расстоянии от нас сверху быстро спустилась крупная, странного вида рыба. Формой она напоминала огромный плавучий пуховый матрац, мягкую, рыхлую перину. Нижняя часть рыбы была светлая, с нее свисала длинная красная бахрома, вибрация которой давала поступательное движение всему телу. По-видимому, у рыбы не было ни глаз, ни рта, но скоро мы заметили, что она обладает чрезвычайно развитым чутьем.

Атлант, оставшийся на открытом месте, со всех ног бросился к нам, но слишком поздно! Его лицо исказилось от ужаса, когда он увидел, что смерть неминуема. Страшное существо опустилось прямо на него, обволокло его со всех сторон, прижало ко дну, жадно пульсируя, точно раздавливая его тело о кораллы. Вся трагедия развернулась в нескольких шагах от нас, однако атланты, застигнутые врасплох, растерялись и, казалось, потеряли всякую способность действовать. Тогда Сканлэн бросился вперед и, вспрыгнув на широкую спину чудовища, испещренную красными и коричневыми точками, вонзил острое металлическое копьё в его мягкое тело.

Я последовал примеру Сканлэна, и, наконец, Маракот с атлантами атаковали чудовище, которое медленно заскользило прочь, оставляя за собой клейкий маслянистый след. Наша помощь подоспела слишком поздно: тяжесть колоссальной рыбы раздавила колпак атланта, и он захлебнулся. Это был день скорби — мы отнесли тело погибшего обратно в Храм Безопасности, но и день нашего триумфа, ибо быстрая сметка и энергия возвысили нас в глазах подводных людей. О страшной рыбе Маракот сказал, что это разновидность рыбы-покрывала, хорошо известной ихтиологам, но экземпляра такой величины, какого он и вообразить не мог.

Я упоминаю об этом существе лишь потому, что оно послужило причиной трагедии, но я могу и, может быть, начну писать целую книгу о той удивительной жизни на дне океана, которой был свидетелем. В глубине океана преобладают красный и черный цвета, растительность по преимуществу бледно-оливковая, и ее плети и листья столь упруги, что наши драги чрезвычайно редко вытаскивают их; на этом основании наука пришла к убеждению, что на дне океана ничто не рас-

тет. Многие глубоководные животные необычайно красивы, другие — уродливы и страшны, как видения кошмара, и гораздо опаснее всех земных тварей.

Я видел черного ската десяти метров длиной, с ужасным когтем на хвосте, один удар которого способен уложить на месте любое живое существо. Видел похожее на лягушку создание — у него зеленые глаза навывкате, прожорливый рот и сразу за ним огромный живот. Если у вас нет с собою электрического фонаря, чтобы ослепить это животное, встреча с ним смертельна. Видел слепого красного угря, который лежит среди камней и убивает жертву, выпуская сильнейший яд. Видел опаснейшее страшилище глубин — гигантского морского скорпиона и рыба-черта, что прячется в подводных зарослях.

Однажды я удостоился чести видеть настоящего морского змея — существо, которое редко видели глаза человека, потому что оно живет на огромной глубине и на поверхности океана показывается лишь в тех случаях, когда его выталкивают из бездны какие-либо подводные конвульсии. Пара морских змеев проскользнула однажды мимо нас с Моной, укрывшихся в густых зарослях водорослей. Они были огромны, эти змеи, метров трех в ширину и около семидесяти метров в длину, черные сверху, серебристо-белые снизу, с огромными бахромчатыми плавниками на спине и крошечными, как у быка, глазками. Об этом и о многих других интересных созданиях, вы найдете подробный отчет в бумагах доктора Маракота, если когда-нибудь они до вас дойдут.

Неделя за неделей тянулась наша новая жизнь. Существование наше было вполне приятно. Мы понемногу усваивали чуждый нам язык, так что уже могли говорить со своими друзьями. В подводном городе было бесконечно много разных областей для изучения и наблюдения, и вскоре Маракот настолько постиг древнюю химию, что гордо заявил, что может теперь перевернуть вверх дном всю современную науку, если только сумеет передать свои знания наверх. Кроме всего прочего, атланты давно научились разлагать атом, и хотя освобождающаяся при этом энергия значительно меньше, чем предполагали наши ученые, все же она настолько велика, что служит им неисчерпаемым источником энергии. Их знания в области энергетики и природы эфира также много обширнее наших, и то непостижимое для нас превращение мысли в живые образы, посредством которого мы рассказали им нашу историю, а они нам свою,—

следствие открытого атлантами способа превращать колебания эфира в материальные формы.

И все же, несмотря на все их познания, им неизвестно было многое из того, что давно открыто на земле. Доказать это подводным жителям выпало на долю Сканлэна. Вот уже несколько недель, как он пребывал в состоянии загадочного волнения, его распирала какая-то тайна, и он постоянно ухмылялся собственным мыслям. За это время мы видели его лишь изредка и случайно, он был отчаянно занят, и единственным его другом и поверенным был толстый, жизнерадостный атлант по имени Бербрикс, который работал в машинном отделении Храма Безопасности. Сканлэн и Бербрикс, беседы которых велись главным образом посредством жестикуляции и частых дружеских шлепков по спине, скоро стали закадычными друзьями и подолгу занимались чем-то наедине друг с другом. Однажды вечером Сканлэн пришел, весь сияя.

— Послушайте, доктор, — сказал он Маракоту. — Я обмозговал тут одну штуковину и хочу показать ее почтеннейшей публике. Они показали нам пару пустяков, и я полагаю, что пора утереть им нос. Давайте пригласим их завтра вечером на представление.

— Джаз или чарльстон? — спросил я.

— Какой там чарльстон! Погодите — увидите! Это замечательная штука, но больше я ни слова не скажу. Вот какое дело, Хедли. Мы ведь тоже всякое можем. Я тут кое-что придумал и хочу поделиться этим со всеми.

На следующий вечер все подводные жители собрались в музыкальном зале. На эстраде, сияя от гордости, стояли Сканлэн и Бербрикс. Один из них тронул кнопку, и тут, выражаясь языком Сканлэна, нас здорово ошарашило.

— Алло, алло, говорит Лондон! — раздался вдруг звонкий голос. — Внимание, внимание. Слушайте метсорологический бюллетень.

Последовали стереотипные фразы о давлении и антициклоне.

— Новости дня. Сегодня состоялось открытие нового корпуса детской больницы в Хаммерсмите...

И так далее и так далее... Знакомые слова! Впервые за все это время мысленно мы перенеслись в Англию, которая мужественно трудилась изо дня в день, согнув свою крепкую спину под тяжестью военных долгов. Потом мы услышали иностранные новости, потом спортивные.

Надземный мир жил по-прежнему. Наши друзья-атланты с любопытством слушали, но ничего не понимали. Но, когда в перерыве гвардейский оркестр грянул марш из «Лоэнгрина», с трибун раздались крики восторга, и было забавно видеть, как слушатели ринулись к эстраде, заглядывали за экран, приподнимали занавес, ища чудесный источник музыки. Да, и мы приложили руки к чудесам подводной цивилизации!

— Нет, сэр, — говорил потом Скэнлэн. — Передающую станцию я смастерить не сумел. У них нет подходящего материала, а у меня не хватает мозгов. Но дома, там наверху, я сам состряпал двухламповый приемник и натянул антенну на крыше между веревками для просушки белья, научился им управлять и мог поймать любую станцию Штатов. Стыдно было бы, имея под рукой все их электрические штуки и стеклодувные мастерские, далеко опередившие наши, не смозговать машинку, улавливающую эфирные волны, а ведь волны проходят по воде не хуже, чем по воздуху. Старина Бербрикс чуть не спятил, когда мы в первый раз зацепили волну, но теперь по привычке, и, я думаю, радио тут станет привычным, обиходным делом.

Среди открытий химиков Атлантиды имеется газ в девять раз легче водорода, которому Маракот дал название «левиген». Его опыты с этим газом навели нас на мысль послать на поверхность океана шары из эластичного стекла атлантов с сообщением о нашей судьбе.

— Я разъяснил Манду, в чем дело, — сказал Маракот. — Он отдал распоряжение в стеклодувную мастерскую, и через день-два шары будут готовы.

— Но как мы положим внутрь записки? — спросил я.

— В шаре обычно оставляют небольшое отверстие для наполнения газом. В него можно просунуть свернутый в трубочку листочек бумаги. Потом эти искусные стеклодувы запаяют шар. Я уверен, что когда мы выпустим шары, они стрелой помчатся кверху.

— И будут годами блуждать, никем не замеченные.

— Возможно. Но шары будут отражать лучи солнца. А это рано или поздно привлечет внимание. Мы находимся под оживленным морским путем из Европы в Южную Америку. И я не вижу причин, почему бы хоть одному из шаров не дойти по назначению.

Вот таким образом, мой дорогой Толбот или вы, кто читает эти строки, дошел до вас мой рассказ. Но этим дело не кончилось. За этой мыслью появилась другая, еще более смелая. Ее родил изобретательный мозг механика-американца.

— Послушайте, друзья, — сказал он, когда мы сидели одни в своей комнате. — Здесь очень славно: и выпивка недурна, и закуска как быть должно, и бабенку я тут встретил такую, что в Филадельфии ей никто и в подметки не годится, — все же иной раз дозарезу хочется увидеть родную землю.

— Мы все об этом мечтаем, — возразил я, — но я положительно, не вижу, как можно осуществить нашу мечту.

— А ну, погодите! Коли эти шары с газом могут унести от нас восточку, может они и нас самих смогут утащить наверх. Да вы не думайте, что я дурака валяю. Я все это прикинул и высчитал. Взять да связать три-четыре шара вместе и устроить этакий лифт на одну персону. Понимаете? Потом мы надеваем наши колпаки и привязываемся к шарам. Третий звонок, занавес поднимается — мы улетаем. Что нас может задержать между дном и поверхностью?

— Акула, например...

— Подумаешь! Плевать я хотел на вашу акулу! Да мы так проскочим мимо всякой акулы, что она и не расчухает, в чем дело. Мы так разгонимся, что выскочим метров на двадцать над поверхностью. Верьте слову, если какой-нибудь дурень увидит, как мы выскочим из воды, он со страху сразу примется молитвы читать.

— Ну, предположим, достигли мы поверхности, а что будет потом?

— Да бросьте вы к черту ваше «потом». Надо попытать счастья или засесть здесь навеки. Я, во всяком случае, полечу.

— Я тоже очень хочу вернуться на землю, хотя бы для того, чтобы представить результаты своих наблюдений научным обществам, — отозвался Маракот. — Только мое влияние и личное присутствие дадут нам возможность уяснить себе огромное богатство и значение моих наблюдений. Я готов принять участие в вашей попытке, Сканлэн.

Я меньше других стремился наверх, у меня были на это свои причины, о которых вы узнаете позже.

— Это безумие! — сказал я. — Если наверху нас никто не будет ждать, мы будем носиться по волнам и погибнем от голода и жажды.

— Ерунда, как это мы можем устроить, чтобы нас кто-нибудь ждал?

— Пожалуй, и с этим удастся справиться,— вмешался Маракот.— Мы можем сообщить довольно точно нашу широту и долготу...

— И там бросят лестницу? — не без иронии перебил я.

— Какая там еще лестница? Хозяин прав. Слушайте, мистер Хедли, вы напишите в своих бумажках, которые посылаете наверх, где мы находимся. Черт возьми! Да я прямо вижу сенсационные заголовки в газетах! Напишите, что мы находимся под двадцать седьмым градусом северной широты и двадцать восьмым градусом четырнадцатой минутой западной долготы или как там еще — ну, словом, поставьте нужные цифры. Поняли? Потом еще напишите, что три самые знаменитые в истории персоны: великий деятель науки Маракот, восходящая звезда по части собирания жуков Хедли и Билл Сканлэн, механик первый сорт, гордость заводов Мерибэнкса — вызывают о помощи со дна океана. Поняли?

— А что дальше?

— Ну, а тогда уже дело за ними. На такой призыв они уж не смогут не отозваться. Все равно, как я читал насчет Стенли, который спасал Ливингстона¹. Уж это их забота — вытащить нас отсюда или поджидать нас на поверхности, если мы ухитримся выпрыгнуть сами.

— Мы можем сами кое-что им предложить,— сказал Маракот.— Пусть спустят сюда глубоководный лот, а мы будем его поджидать. Когда же мы его увидим, мы привяжем к нему письмо и напишем, чтобы они были готовы нас встретить.

— Вот это здорово! — воскликнул Билл Сканлэн.— Лучше не придумаешь!

— А если некая леди пожелает разделить нашу участь, то четверо так же легко поднимутся, как и трое,— произнес Маракот, ехидно посмотрев на меня.

— И пятеро так же легко, как четверо,— прибавил Сканлэн.— Ну, как, вы теперь уразумели, мистер Хедли? Напишите все это, и через полгода мы снова будем гулять по набережной Темзы.

Сейчас мы выпустим два шара в воду, которая для нас все равно, что для вас воздух. Шары помчатся вверх. Пропадут ли

¹ Стенли и Ливингстон — известные путешественники по Африке.

оба в пути? Все может быть! Или можно надеяться, что хоть один пробьется на поверхность? Поручаем их судьбу счастливому случаю. Если для нашего спасения ничего нельзя предпринять, то хотя бы дайте знать тем, кто нас оплакивает, что мы живы и счастливы. Если же представится случай прийти нам на помощь и для этого найдутся энергия и средства, мы дали вам достаточные указания, чтобы нас можно было спасти.

— А пока прощайте, или, может быть... до свидания?!»

На этом окончились записки, вынутые из стеклянного шара.

Предыдущая часть повествования излагает факты, известные ко дню сдачи рукописи в набор. Когда книга уже находилась в печати, подоспел совершенно неожиданный сенсационный эпилог. Я имею в виду спасение Маракота и его группы паровой яхтой «Марион», снаряженной для этого мистером Фавержером, и отчет, переданный с яхты по радио и услышанный радиостанцией на островах Кап-де-Верде, которая немедленно передала его дальше — в Европу и Америку. Отчет этот был составлен мистером Кей Осборном, известным сотрудником агентства Ассошиэйтед Пресс.

Оказалось, что немедленно, после того как в Европе стало известно о несчастье с экспедицией доктора Маракота, началась энергичная организация спасательной экспедиции. Мистер Фавержер великодушно предоставил для нужд экспедиции прекрасную паровую яхту и решил отправиться на ней сам. «Марион» отплыла из Шербурга в июне, захватила в Саутгемптоне мистера Кей Осборна и кинооператора и немедленно направилась к пункту, точно указанному в письме. На место она прибыла 1 июля.

Был спущен глубоководный лот на крепком проволочном канатике, и его медленно повели по дну океана. На конце лота, кроме свинцового груза, была привешена бутылка с письмом внутри. В этом сообщении говорилось:

«Ваш отчет стал известен миру, и мы прибыли спасти вас. Это же сообщение мы посылаем вам и по радио в надежде, что оно тоже дойдет до вас. Мы будем медленно двигаться над вашей пропастью. Вынув это письмо из бутылки, положите на его место ваши инструкции. Мы их выполним в точности».

Два дня медленно и безрезультатно крейсировала «Марион». На третий день спасательную экспедицию ожидал большой сюрприз. В нескольких метрах от корабля из воды выскочил не-большой блестящий шар. Это был стеклянный почтальон, опи-санный в документе Хедли. Когда шар не без труда был вскрыт, в нем оказалось письмо следующего содержания:

«Благодарим вас, дорогие друзья! Мы очень тронуты ва-шей добротой и энергией. Мы легко уловили ваши радиопри-звывы и имеем возможность отвечать вам с помощью шаров. Мы попытались поймать ваш лот, но течение относит его вы-соко наверх, и он скользит так быстро, а сопротивление среды так велико, что самый проворный из нас не может за ним уг-наться. Мы предполагаем назначить свое отплытие отсюда на шесть часов завтра, в среду 5 июля, если не ошиблись в вы-числениях. Мы отправимся поодиночке, так что замечания и указания, которые возникнут после появления первого из нас, можно сообщить по радио тем, кто отправится позже. Еще раз сердечно благодарим вас.

Маракот, Хедли, Сканлэн».

Дальше рассказывает мистер Кей Осборн:

«Было прекрасное утро. Темно-сапфировое море было спокойно, как озеро, и небосвод не омрачался ни единой тучей. Еще до восхода солнца вся команда «Марион» была на ногах и с живейшим интересом ожидала событий. Когда вре-мя стало приближаться к шести часам, общее волнение до-стигло предела. На сигнальной мачте был помещен особый дозорный, и без пяти шесть мы услышали его крик и увидели, что он указывает на что-то справа от корабля. Мы все столпи-лись у правого борта, и мне удалось забраться на шлюпку, с которой все было прекрасно видно. Сквозь слой прозрачной воды я увидел нечто вроде серебристого пузыря, с большой скоростью поднимавшегося из глубины океана. Он вырвался на поверхность метрах в ста от яхты — красивый, блестящий шар около метра в диаметре, — высоко взлетел на воздух и поплыл по ветру, покачиваясь, как детский воздушный ша-рик. Это было волшебное зрелище, но оно заронило тревогу в наши сердца: под шаром болтался обрывок веревки, а значит, его груз остался где-то в глубинах океана.

Тотчас же была послана следующая радиограмма:

«Ваш шар вынырнул рядом с судном. Ни в нем, ни под ним ничего не было найдено. Тем не менее мы спускаем лодку, чтобы быть готовыми ко всему».

Вскоре после шести часов раздался новый сигнал дозорного, и через мгновение я снова увидел отливающий серебряным блеском шар, поднимавшийся из глубины, но гораздо медленнее, чем первый. Достигнув поверхности, он слегка поднялся в воздух и приподнял над водой привязанный к нему груз. То была большая пачка книг, бумаг и разнообразных мелких предметов, обернутых в непромокаемую рыбью кожу. Он был доставлен на борт, о его прибытии отправлена радиограмма, а мы с нетерпением стали ожидать следующего посланца.

Ждать пришлось недолго. Опять показался серебристый пузырь. Опять он всколыхнул и прорвал гладь океана, но на этот раз поднялся в воздух очень высоко, увлекая за собой, к нашему удивлению, тонкую женскую фигуру. Она медленно опустилась на воду, а через мгновение уже была на борту яхты. Вокруг стеклянного шара, выше его экватора, было прикреплено кожаное кольцо, от которого свисали длинные ремни, привязанные к широкому кожаному поясу, охватывающему тонкую талию женщины. Выше пояса голова и плечи ее были заключены в оригинальный грушевидный стеклянный колпак, — я называю его стеклянным, но он был из того же легкого упругого материала, похожего на стекло, что и шары. Колпак был совершенно прозрачный, с легкими серебристыми прожилками.

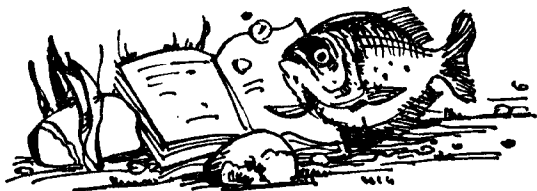
Этот стеклянный колпак с помощью эластичных приспособлений так плотно прилегал к талии и плечам, что вода не могла в него проникнуть, и внутри находились неизвестные нам легкие аппараты, восстанавливавшие запас кислорода, которые уже были описаны мистером Хедли. С некоторым усилием мы сняли колпак и уложили атлантку на палубу. Девушка лежала с глубоким обмороке, но равномерное дыхание внушало надежду, что скоро она оправится от последствий стремительного полета и перемены давления, которая была не так велика благодаря тому, что плотность воздуха внутри колпака была несколько выше, чем в атмосфере, так что можно сказать, что она была примерно такой, как в пунктах, где имеют обыкновение делать передышку ныряльщики. По всей видимости, эта была та женщина из Атлантиды, которую Хедли в первом письме называл Моной, и, если судить по ней, атланты

действительно прекрасная раса, достойная снова появиться на земле. Она смугла, у нее прекрасные правильные черты лица, длинные черные волосы и великолепные глаза лани, которые теперь с очаровательным любопытством глядят по сторонам. Морские ракушки и перламутр украшают ее кремовую тунику и блестят в темных волосах. Нельзя представить себе более прекрасной наяды из пучины океана — это само воплощение таинственного очарования моря. Мы видели, как в ее глазах постепенно появлялось сознательное выражение, потом она вскочила на ноги с грацией лани и побежала к борту яхты.

— Сайрес! Сайрес! — кричала она.

Мы уже по радио успокоили тех внизу. И теперь они быстро, один за другим, поднялись из глубины, подпрыгнув на десять-пятнадцать метров в воздух и снова спустившись на воду, откуда их тотчас извлекли. Все трое были без сознания, а у Сканлэна текла кровь из ушей и из носа, но уже через час все они были в силах подняться на ноги. Мне кажется, что первые движения каждого из них были удивительно характерны. Хохо-чущая группа увлекла Сканлэна в буфет, откуда и сейчас доносятся веселые возгласы, которые отнюдь не помогают сей радиопередаче. Доктор Маракот схватил пачку бумаг, вытащил тетрадь, исписанную, насколько я могу судить, алгебраическими формулами, и молча пошел в каюту. А Сайрес Хедли бросился к странной девушке и, по последним данным, имеет твердое намерение никогда от нее не отходить.

Таково положение дел, и мы надеемся, что наш радиопередатчик доставит этот отчет станции Кап-де-Верде. Подробности этого удивительного приключения будут сообщены дополнительно теми, кто вырвался из подводной Атлантиды...»

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР. <i>Перевод Н.Волжиной</i>	5
ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯС. <i>Перевод Н.Вольпин</i>	199
КОГДА ЗЕМЛЯ ВСКРИКНУЛА. <i>Перевод Е.Толкачева</i>	279
МАРАКОТОВА БЕЗДНА. <i>Перевод Е.Толкачева</i>	311

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Артур Конан Дойль

МАРАКОТОВА БЕЗДНА

Переиздание

Редактор А.У.Китайник

Художественный редактор В.Н.Савин

Технический редактор А.Н.Тобух

Подписано к печати с готовых диапозитивов

25.01.93. Формат 84х108/32. Гарнитура «Таймс».

Печать высокая. Усл.печ.л. 20,16. Уч.-изд.л. 22,76.

Тираж 100000 экз. Заказ № 1382.

Сибирское отделение издательства «Детская литература».

630132, Новосибирск, Красноярская, 112

Полиграфическое предприятие «Современник»

445043, Тольятти, Южное шоссе, 30.